

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Уральское отделение Вольного экономического общества
Ташкентский государственный экономический университет
Рудненский индустриальный институт
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Уральский государственный экономический университет

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

М а т е р и а л ы
III Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 19 марта 2020 г.)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Уральское отделение Вольного экономического общества
Ташкентский государственный экономический университет
Рудненский индустриальный институт
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Уральский государственный экономический университет

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Материалы
III Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 19 марта 2020 г.)

Екатеринбург
Издательство Уральского государственного
экономического университета
2020

Ответственные за выпуск:

доктор экономических наук, профессор, проректор по науке,
профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления
Уральского государственного экономического университета
Е. Б. Дворядкина

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права
Уральского государственного экономического университета
Г. З. Мансуров

Редакционная коллегия:

доктор экономических наук, профессор *Е. Б. Дворядкина* (председатель);
доктор юридических наук, доцент *Г. З. Мансуров*;
доктор экономических наук, доцент *Н. В. Новикова*;
доктор экономических наук, профессор *Н. Ю. Власова*

340 **Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности** : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 19 марта 2020 г.) / отв. за вып. Е. Б. Дворядкина, Г. З. Мансуров ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Уральское отделение Вольного экон. о-ва России, Ташкентский гос. экон. ун-т, Рудненский индустриальный ин-т, Гродненский гос. ун-т имени Янки Купалы, Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. — 300 с.

Сборник научных статей подготовлен по материалам выступлений участников III Международной научно-практической конференции. Часть 1 включает работы ведущих экономистов по актуальным проблемам укрепления экономической безопасности в условиях разворачивания четвертой промышленной революции. В части 2 рассмотрены правовые проблемы обеспечения экономической безопасности в условиях цифровизации, в сферах обращения виртуальных валют, регулирования трудовых отношений и др. Часть 3 посвящена проблемам и перспективам обеспечения экономической безопасности регионов и муниципалитетов.

Для профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и бакалавров, а также практических работников.

УДК 338.23(075.8)
ББК 65.2/4-98я73

© Авторы, указанные в содержании, 2020
© Уральский государственный
экономический университет, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

19 марта 2020 г. в Уральском государственном экономическом университете состоялась III Международная научно-практическая конференция «Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности», организованная кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления, кафедрой гражданского права и кафедрой государственного и муниципального управления.

Доклады и, соответственно, статьи разграничиваются на юридический и экономический блоки. Хотя в прошлом году было принято решение проводить мероприятие совместно, в этом году по объективным причинам пришлось ограничиться дистанционным обсуждением подготовленных докладов.

Экономическая секция представлена работами практически по всем актуальным проблемам данного раздела экономической науки. Так, Е. Б. Дворядкина, Н. В. Новикова, И. А. Антипин, О. Г. Поздеева, И. И. Рахмеева, О. Ю. Иванова, О. М. Рой, Н. В. Сбродова, А. В. Курдюмов, М. А. Комбаров, А. И. Леонтьев, Е. А. Шишкина, А. В. Дзюба, А. Н. Пестряков, Р. Т. Латыпов, А. В. Ручкин и Н. А. Юрченко поделились своими идеями по проблемам обеспечения экономической безопасности регионов и муниципальных образований. А. Л. Анисимовым совместно с представительницей Лондонского университета Е. С. Поляковой подготовлена статья на английском языке, посвященная влиянию глобальных корпораций на экономическую безопасность реального сектора экономики региона.

Главный научный сотрудник Института экономики Уральского отделения РАН А. А. Куклин изложил методологические аспекты темы конференции в статье «Экономические парадоксы и совершенствование методологии и методического инструментария диагностики экономической безопасности».

Актуальные проблемы экономической безопасности как экономико-правовой категории рассмотрел профессор Института экономики Российской академии наук Е. М. Бухвальд в своей работе «Институциональные и правовые аспекты реализации политики экономической безопасности Российской Федерации».

Такие авторы, как Н. В. Кривенко, Д. С. Епанешникова, И. В. Охрименко, обратили внимание на внешнеэкономические аспекты обеспечения экономической безопасности и практику иностранных государств.

Д. А. Шелестова и Е. А. Чайникова рассмотрели государственно-частное партнерство как эффективный инструмент укрепления экономической безопасности страны.

Ряд работ посвящен актуальным проблемам цифровизации: «Экономическая безопасность в условиях цифровой трансформации экономики промышленных регионов» (О. А. Романова, А. О. Пономарева), «Цифровые решения минимизации киберугроз кредитных организаций» (М. Н. Федотов,

Г. В. Федотова), «Риски и угрозы экономической безопасности страны в условиях формирования цифровизации» (Е. В. Строгонова, В. А. Здорнов).

Должное внимание уделено проблемам экономической безопасности организаций, предприятий и учреждений: «Рискоустойчивость как критерий экономической безопасности предприятия» (Т. С. Орлова, А. А. Тимошин); «Экономическая безопасность хозяйствующих субъектов локального потребительского рынка в условиях цифровизации» (Л. С. Дианова); «Экономическая безопасность организации и ее финансовая составляющая» (Е. С. Грищенко, Е. Н. Димитриева); «Финансовые инвестиции в человеческий капитал в условиях совершенствования экономической безопасности организаций системы здравоохранения» (Н. С. Кудрявцев, Е. Г. Шеина); «Инструменты анализа и обеспечения экономической безопасности предприятий топливно-энергетического комплекса северного ресурсодобывающего региона в аспекте сетевого взаимодействия» (А. Н. Устюжанцева).

Социальные аспекты обеспечения экономической безопасности также были предметом внимания участников конференции: «Уровень жизни населения как фактор экономической безопасности России» (В. В. Ильяшенко); «Бедность как фактор экономической безопасности» (С. В. Глоба, И. И. Рахимов, Ш. Р. Шаймарданов).

Правовая часть традиционно представлена как работами доктринального характера, так и сугубо прикладными статьями.

Доктринальный анализ проблем применения Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. содержится в работах «Организационные проблемы реализации стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» (А. Л. Анисимов); «Противодействие незаконному использованию товарного знака в рамках Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» (Е. О. Бондарь, М. Н. Бобылев).

Большой блок представлен работами прикладного характера по обширному кругу проблем права экономической безопасности: «Проблемы квалификации предпринимательской деятельности в контексте экономической безопасности» (А. В. Головизнин); «Способы минимизации экономических угроз прав работников» (Л. И. Миннегалиева); «Проблемы применения полиграфа для обеспечения экономической безопасности организации» (В. Б. Малкерров); «Гарантии экономической безопасности в механизме правового регулирования прослеживаемости товаров» (Н. Ю. Чельшева); «Антиконкурентные согласованные действия как разновидность монополистической деятельности: юридическая сущность и особенности доказывания» (В. Г. Истомина).

Из иностранных участников конференции свою работу к публикации представил доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы И. Э. Мартыненко. В своей статье «Противодействие контрабанде культурных ценностей как мера обеспечения экономической безопасности: опыт государств – членов ЕАЭС» он изложил важнейшие проблемы право-

творчества в данной сфере общественных отношений и свое видение перспектив взаимодействия членов евразийской организации государств.

Также в сборнике содержится совместная российско-казахстанская публикация доктора юридических наук, профессора кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета И. Ю. Остаповича и кандидата юридических наук, главного научного сотрудника отдела конституционного, административного законодательства и государственного управления Института законодательства Республики Казахстан А. А. Караева «Конституционная безопасность как условие обеспечения и защиты экономических интересов: на примере России и Казахстана».

Н. А. Свалова обратила внимание на особенности применения классических цивилистических инструментов в условиях новой экономической реальности («Гражданско-правовой институт действий в чужом интересе без поручения как правовое средство обеспечения экономической безопасности»).

Принципиальной новизной тематических направлений было включение темы цифровой экономики и правовых проблем обеспечения безопасности, что обусловлено тотальной цифровизацией общественных отношений. Свое видение правовых перспектив цифровизации общественных отношений представили О. Г. Бельдина («Механизм блокчейн-регистрации: новый сценарий безопасного хранения прав»), Е. В. Елфимова («Некоторые вопросы цифровизации трудового права в современный период», М. В. Чудиновских («Механизмы противодействия уклонению от уплаты налогов в условиях цифровой экономики: мифы и реальность») и Ю. Н. Мальгинова («Российское правосудие в условиях формирования национальной цифровой экономики»). Уголовно-правовые аспекты некоторых вышеуказанных проблем рассмотрены Е. И. Бахтеевой и Н. А. Жилиевой в статье «Уголовно-правовая защита персональных данных»).

В сборнике также содержится анализ некоторых международно-правовых аспектов темы конференции (Г. З. Мансуров, «Международные договоры в системе регуляторов обеспечения экономической безопасности»).

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА

Уважаемые участники!

Мы с вами живем в уникальное время, поскольку являемся свидетелями формирования нового этапа мирового экономического развития, в котором на первое место выходят новые глобальные вызовы и угрозы. Проблемы обеспечения национальной, экономической, информационной безопасности выходят на первое место в научных дискуссиях. Каким будет наш мир после выхода из пандемии, каким будет его экономическое и цифровое пространство — эти вопросы волнуют ведущих отечественных и зарубежных ученых.

Считаем, что направления дискуссии, поднятые на международной конференции «Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности», являются актуальными и злободневными. Участники конференции планируют обсудить огромный пласт научных и практических проблем, среди которых направления укрепления экономической безопасности в условиях развертывания четвертой промышленной революции; проблемы и перспективы укрепления экономической безопасности регионов и муниципальных образований; правовые проблемы обеспечения экономической безопасности разных территориальных масштабов и разных хозяйствующих субъектов.

Желаю участникам III Международной научно-практической конференции «Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности» плодотворных научных дискуссий, новых научных достижений, практических разработок.

Ректор Уральского государственного
экономического университета,
доктор экономических наук, профессор
Яков Петрович Силин

Уважаемые участники!

В условиях кризисной мировой экономической ситуации, при общем росте ценности природного капитала на первый план выходит необходимость макрорегионального сотрудничества в вопросах безопасности и устойчивого развития.

Время требует проявлять адаптивность в условиях перемен, осваивать новые горизонты, реагировать на мировые тренды. Особую ценность представляет достижение такого уровня средств производства, при котором процесс устойчивого развития экономики и социально-экономическая стабильность общества обеспечиваются практически независимо от наличия и действия внешних факторов.

В этой связи ключевое значение приобретает решение проблем обеспечения экономической безопасности регионов, возрастает роль права в минимизации экономических угроз.

Нельзя не отметить работу по данному направлению, начатую нашими вузами в рамках Университетской лиги ОДКБ.

Сотрудничество, постоянное взаимодействие — это наше богатство и наш ответ на вызовы современности.

Работая в тандеме с представителями академической среды других стран, научное сообщество может получить тот задел, который будет необходимым толчком для генерации инновационных идей в области обеспечения экономической безопасности и устойчивого развития. Ведь во все времена залогом успешного развития являлись открытость и гибкость мышления, готовность к интеллектуальным рискам и реальному осмыслению проблем.

Необходимо постоянно учиться, чтобы все время создавать и преобразовывать окружающую действительность, используя существующие возможности и открывая новые!

Желаю участникам III Международной научно-практической конференции «Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности» плодотворной работы, бурных дискуссий, амбициозных открытий и новых свершений!

Ректор Рудненского индустриального института
(Республика Казахстан),
академик, доктор технических наук, профессор
Абдрахман Батырбекович Найзабеков

СЕКЦИЯ 1

НАПРАВЛЕНИЯ УКРЕПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Е. М. Бухвальд

Институт экономики Российской академии наук, г. Москва

Институциональные и правовые аспекты реализации политики экономической безопасности Российской Федерации

Аннотация. Актуальность проведенного исследования обусловлена тем, что современный этап осуществления политики по обеспечению экономической безопасности страны характеризуется необходимостью встраивания предпринимаемых в этом направлении мер в единый процесс стратегического планирования. При этом возникает необходимость усилить целеуказующую роль Стратегий национальной и экономической безопасности для всех иных документов стратегического планирования, а также существенно обновить правовую базу по вопросам национальной безопасности. Цель проведенного автором исследования — систематизировать институциональные и правовые аспекты реализации политики экономической безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: экономическая безопасность; стратегическое планирование; правовое регулирование; пороговые значения.

Несмотря на наличие уже двух действующих стратегий по национальной и экономической безопасности, а также общего законодательства по основам стратегического планирования в Российской Федерации, в настоящее время нет оснований говорить о целостной интеграции проблематики безопасности в русло стратегирования социально-экономического развития страны. Для решения этой задачи еще предстоит значительная работа, ключевыми моментами которой являются обновление Стратегии национальной безопасности Российской Федерации; решение вопроса о целесообразности сохранения особой Стратегии экономической безопасности или сведении двух стратегий в единый документ; более четкое позиционирование требований безопасности в системе документов стратегического планирования, а также достижение определенности относительно подготовки документов по безопасности на уровне макрорегионов, субъектов Федерации и экономически наиболее значимых муниципальных образований. Для правового обеспечения этих актуальных продвижений необходимы законодательные инициативы по целому ряду направлений, включая значительное обновление Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [3].

В настоящее время практическая значимость стратегий национальной и экономической безопасности для всей системы государственного и муниципального управления в полной мере зависит от того, насколько основные требования этих стратегий интегрируются в единую систему мер по регулированию экономических, социальных и иных процессов, соответственно, на федеральном, региональном и местном уровне. Наиболее важным при этом становится то, насколько эта интеграция осуществляется в рамках перехода к стратегическим началам государственного и муниципального управления [4].

Формально, никаких препятствий к этому нет. Так, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» буквально «пестрит» отсылками к требованиям национальной безопасности. Такие отсылки есть и в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. [6]. Однако на деле интегрированность проблематики безопасности в социально-экономическое стратегирование определяется не церемониальными констатациями, а тем, насколько полно и конкретно документы по безопасности выполняют целеуказующую роль для всего процесса стратегического планирования. А вот с этим дела обстоят явно неудовлетворительно. В какой последовательности можно и нужно решать возникшие в связи с этим задачи?

Прежде всего, наиболее значимым дополнением в Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» следует считать внесение в него положений, четко определяющих систему документов в области безопасности Российской Федерации. Сейчас закон оперирует лишь таким документом, как Стратегия национальной безопасности. Поскольку Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» по стратегическому планированию также оперирует лишь этим документом, получается, что Стратегия экономической безопасности и ее место в системе стратегического планирования в целом не отрегулированы ни одним законодательным актом. Эту странную ситуацию важно так или иначе исправить.

Кроме того, как мы полагаем, Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» должен закрепить систему «базовых» федеральных стратегий (стратегии национальной и экономической безопасности), а также аналитических «субстратегий», в частности, стратегий экологической, продовольственной, информационной и иной безопасности для Российской Федерации. Законодательно должен быть закреплен принцип постоянного согласования этих стратегий с государственными программами и иными мерами, осуществляемыми в рамках соответствующих направлений социально-экономической политики.

Далее, необходимо четко закрепить в законодательстве директивный характер стратегических документов по национальной безопасности. Действующий Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (п. 3 ст. 4) указывает, что государственная политика в области обеспечения безопасности реализуется федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Федерации, органами местного самоуправления на основе стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документов. В соответствии с данным законом (п. 2 ст. 10), Правительство РФ формирует федеральные целевые программы в области обеспечения безопасности и обеспечивает их реализацию.

Формально, с точки зрения «буквы закона» все выглядит как слаженная система закрепления требований национальной безопасности и их реализации в практике государственного управления. Однако на деле это впечатление не столь достоверно. Прежде всего, надо обратить внимание на то, что Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» не оперирует понятием «экономической безопасности» и соответствующим документом, адресованным для реализации этих аспектов безопасности в практике государственного и муниципального управления. Нет четкого разграничения понятий «безопасность государства» и «безопасности личности» [9]. Целый ряд вопросов возникает и в связи с тезисом о формировании государственных программ в области обеспечения национальной безопасности. Закон не уточняет того, идет ли в данном случае речь о специальных государственных программах или о ре-

лизации требований безопасности через механизмы традиционного программно-целевого управления. По политическим, в частности, военно-политическим составляющим национальной безопасности, программный механизм реализации требований безопасности очевиден. Так, в настоящее время в системе государственных программ указан программный блок «Обеспечение национальной безопасности», в рамках которой действуют две государственные программы: «Обеспечение обороноспособности страны» и «Обеспечение государственной безопасности». Иных государственных программ, реализующих требования национальной безопасности, в том числе по ее экономическим составляющим нет.

Все остальные действующие государственные программы (общим числом около 40) сведены еще в четыре блока, а именно: «Новое качество жизни», «Инновационное развитие и модернизация экономики», «Сбалансированное региональное развитие» и «Эффективное государство». Целевых указаний на обязательное соответствие их содержания и заключенных в них целевых установок требованиям экономической безопасности в этих программных документах не имеется. Да едва ли это было бы возможно вообще, учитывая, что подобные требования в Стратегии представлены в самом общем виде, в виде самых различных рисков и угроз, а если они и сведены к тем или иным показателям, то без конкретных цифровых («пороговых») значений [7].

В этой связи правоприменительная практика в отношении стратегий национальной и особенности экономической безопасности сталкивается с проблемой недостаточной конкретности требований, заложенных в этих документах. Формально, для документов по безопасности предполагается логически последовательная цепочка: вызовы — угрозы — риски — ущерб. Однако в Стратегии экономической безопасности подобная логическая последовательность и конкретность в полной мере не обеспечиваются, что затрудняет практическую имплементацию требований безопасности в документы стратегического планирования [8].

Например, раздел II этого документа трактует о вызовах и угрозах экономической безопасности страны, где приводится большой перечень различных экономических, социальных и иных «трендов» и «феноменов» (25 позиций). Однако остается неясным, что из наличествующего в этом списке может быть отнесено к «вызовам» или к «угрозам», при каких обстоятельствах вызовы перерастают в угрозы и какие именно риски при этом продуцируются.

Например, к вызовам и угрозам экономической безопасности Стратегия относит такую позицию, как «усиление дифференциации населения по уровню доходов». Оставим в стороне то, что дифференциации населения по уровню доходов не свойственно постоянное «усиление»; здесь явно прослеживаются более сложные закономерности [5]. Главное другое: названное усиление дифференциации — это вызов или угроза? Ответим сразу — ни то, ни другое. Это только социально-экономический тренд, который потенциально может вызвать риски для экономической и социально-политической стабильности в стране, но условия возникновения этих рисков, их характер еще предстоит определить.

Стратегия безопасности должна, во-первых, четко разграничить вызовы и угрозы, определить количественные и (или) качественные признаки перерастания вызовов в реальные угрозы для общества и государства. Во-вторых, важно обозначить риски, соответствующие тем или иным угрозам экономической безопасности. В-третьих, надо определиться с тем, является ли так называемое «управление рисками» исчерпывающим пониманием всех управленческих действий по обеспечению экономической безопасности страны или последнее включает в себя и некие иные слагаемые.

Что касается институционально-инструментального аппарата управления рисками, связанными с конкретными вызовами и угрозами, то основная нагрузка здесь, безусловно, ложится на систему государственных программ. По сути, возможны два пути решения данной проблемы [2].

Первый путь — разработка системы особых государственных программ, нацеленных именно на выполнение требований экономической безопасности страны. Однако такой вариант решения проблемы крайне маловероятен: содержание Стратегии экономической безопасности настолько широко, что пришлось бы в данных программах, по сути, продублировать всю систему уже действующих программных документов государственного управления.

Второй путь, осуществление которого представляется реальным, состоит в уточнении требований к действующим государственным программам, в части обязательного включения в них раздела «Реализация требований национальной (экономической) безопасности Российской Федерации» в круг основных задач и ожидаемых результатов выполнения данных программ и, соответственно, в методологию оценки степени их практической реализации. Если тому или иному требованию (условию) национальной и экономической безопасности какая-либо государственная программа или составляющая часть (целевая программа) не корреспондирует, то разработка такого программного документа должна быть обязательной: иначе требования безопасности просто «провисают в воздухе». Поскольку ранее действовавший Федеральный закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» в настоящее время утратил силу, указанные выше дополнения могут быть внесены в Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Кроме того, целеустанавливающее воздействие стратегий по национальной безопасности на всю систему документов стратегического планирования, включая и государственные программы, осуществимо только в том случае, если эти требования представлены в указанных стратегиях как конкретные измеримые величины. Чаще всего эти величины именуется «пороговыми значениями». Эти значения выступают главным связующим звеном между требованиями национальной, в том числе экономической безопасности и целевыми показателями государственных программ и иных документов стратегического планирования.

По существу, именно эти «пороговые значения» и обозначают тот рубеж, при котором различные по своей природе «вызовы», а также те или иные негативные тренды в экономической, социальной, экологической и иной сферах приобретают значение реальной угрозы для безопасности страны, для ее экономической и социально-политической устойчивости. Российскими экспертами проведена большая работа по обоснованию таких пороговых значений — как на федеральном, так и на региональном уровне, однако практическая значимость подобного рода разработок остается невысокой. Между тем, конкретно выраженные пороговые значения — это та база, без которой невозможна постоянная и эффективная деятельность по обеспечению экономической безопасности.

Сказанное касается не только государственных программ, но и социально-экономических и бюджетных прогнозов, обоснований к проектам федерального бюджета и пр. В Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» необходимо законодательно закрепить положение о том, что в каждом документе стратегического планирования (стратегиях социально-экономического развития страны и регионов, в отраслевых стратегиях, в государственных программах, во всех видах прогнозов) необходимо в специальных разделах показывать, как планируемое или

прогнозируемое развитие будет воздействовать на уровень экономической безопасности. Соответственно, в Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в ст. 28 «Государственные программы Российской Федерации» необходимо закрепить положение об обязательном включении в программы раздела о том воздействии, которое каждая из программ и ее отдельных подпрограмм окажет на состояние экономической безопасности страны.

Закон должен адекватно отразить специфику политики национального безопасности в России как государстве федеративного типа, сообразно которому система публичного управления построена на разграничении полномочий и предметов ведения между всеми органами государственной власти и местного самоуправления. Разумеется, это положение охватывает и сферу полномочий по вопросам обеспечения национальной безопасности [1]. К сожалению, действующая версия Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» не дает четкой картины «федерализации» политики в области национальной безопасности, включая и ее экономические компоненты. Формально закон (ч. 3 ст. 4) указывает на то, что государственная политика в области обеспечения безопасности реализуется федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления на основе стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Однако принципы, формы и институциональные основы такого взаимодействия законом не раскрываются. Примерно на таком же уровне находится и рассмотрение данного вопроса в Стратегии национальной безопасности. Закон и сама Стратегия безопасности должны четко зафиксировать обязательность или опциональность стратегий безопасности для субъектов Федерации, а также принципы и механизмы их взаимодействия с федеральными документами стратегического планирования.

Библиографический список

1. Бухвальд Е. М. Федерализм как основа национальной безопасности для России // Вестник Института экономики РАН. — 2018. — № 1. — С. 87–102.
2. Бухвальд Е. М. Институциональные и правовые предпосылки стратегирования политики экономической безопасности Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. — 2018. — № 3. — С. 20–26.
3. Бухвальд Е. М. Совершенствование нормативно-правовой базы обеспечения экономической безопасности в Российской Федерации // Экономическое возрождение России. — 2018. — № 3(57). — С. 32–45.
4. Городецкий А. Е. Экономическая безопасность России: новая стратегия в новых реалиях // Проблемы теории и практики управления. — 2018. — № 1. — С. 8–23.
5. Зеляк Е. Ф., Кашенкова О. В., Шайдорова И. И. Исследование динамики дифференциации доходов населения // Управление экономическими системами. — 2018. — № 3(109). — URL: <http://uecs.ru/uecs-109-1092018/item/4816-2018-03-08-17-30-22>.
6. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Экономическая безопасность России и стратегия ее пространственного развития // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. — 2017. — № 3. — С. 7–22.
7. Ступина Т. А., Седых Ю. А. Экономическая безопасность России // Инновационное развитие. — 2017. — № 10(15). — С. 32–33.
8. Трошин Д. В. Подход к типологии и классификации угроз и рисков экономической безопасности Российской Федерации // Безопасность бизнеса. — 2018. — № 1. — С. 18–24.
9. Холчева И. А., Кисова А. Е. Основные подходы к исследованию понятий «экономическая безопасность» и «экономическая безопасность государства» // Дневник науки. — 2019. — № 5(29). — С. 96.

А. А. Куклин

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Экономические парадоксы и совершенствование методологии и методического инструментария диагностики экономической безопасности¹

Аннотация. Анализируется современное социально-экономическое состояние регионов Российской Федерации, выделяются определяющие тренды развития экономики. Обращается внимание на экономические парадоксы и «ловушки». Рассматривается трансформация методологии и методического инструментария диагностики экономической безопасности (на примере субъектов РФ). Оцениваются отдельные модули. Предлагаются новые подходы к диагностике.

Ключевые слова: экономическая безопасность; современное состояние регионов; парадоксы и «ловушки» в развитии; экономический кризис; экономическая томография.

Последние годы характеризуются неустойчивым развитием субъектов Российской Федерации. Это вызвано как проявлением современных экономических реалий в развитии (угрозы, кризисы, усиление рисков), так и очевидными ошибками в управлении. Пережили мировой финансово-экономический кризис (2008–2009 гг.) и усиление дисбалансов в мировой экономике, сейчас сталкиваемся с дискриминационными мерами по отношению к ключевым отраслям. Постоянно говорим об отставании от передовых стран в инновационном развитии.

Можно привести конкретные примеры: прирост ВВП составляет немногим более 1,5 % к 2013 г., падение доходов населения от 7 % до 12 %; износ основных фондов — около 50 %, половина населения — бедные с доходами менее 15 тыс. р./мес. [9]. В то же время по количеству миллиардеров РФ находится на 1-м месте в мире.

Убыль населения составила в 2019 г. 0,3 млн чел., при этом миграция дает только 0,2 млн чел. прироста. Смертность в РФ — 12,4 чел. на 1 000 чел. населения, потери после 2000 г. составили 9 млн чел. [9].

Финансирование образования, культуры, науки и здоровья составляет в совокупности около 10 % от ВВП, для сравнения в Европе — более 20–25 % ВВП.

В РФ экономическая политика строилась на постулатах институциональной теории вашингтонского консенсуса, где упор делается на макроэкономической стабилизации и поддержании финансовой стабильности. Отсутствует единство разработки методологии стратегического планирования по всей цепочке: прогноз — стратегическое целеполагание — стратегическая программа — план — программно-целевые мероприятия.

Ощущаем на себе три глобальных вызова: гуманитарно-технологическая революция, трансформация среды обитания человека; переход на парадигму социально-экономического развития «экономика для человека».

Переход к четвертой индустриальной революции и, как следствие, к цифровой экономике коснулся всех сфер жизнедеятельности. В калейдоскопе прошли и проходят расцвет и кризис неоклассики, марксизм и неомарксизм, этапы трансформации институциональной теории. Сейчас все больше стремимся к методологическому плюрализму и в сочетании с необходимостью учета в экономической науке ценностного подхода [12]. Больше уделяется внимания проблемам духовности, доверия и ответственности [3; 14].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00100 «Гармонизация триады „население — власть — бизнес“ как основа поступательного социально-экономического развития регионов России».

Определились тенденции к регионализации. Обострение экономических и финансовых кризисов, появление системных угроз, формирование транснациональных структур, усиление неравенства между регионами и странами потребовали по-новому взглянуть на состояние национальной и региональной безопасности.

К экономическим парадоксам и ловушкам относим.

1. Обилие указов, поручений, стратегий, концепций, которые не позволяют выработать наиболее перспективный, более эффективный/менее затратный, ощущаемый в перспективе тренд развития регионов и страны в целом. Примером служит выполнение поручений Правительству РФ, содержащихся в указах Президента от 7 мая 2012 г. № 596-606. Анализ исполнения национальных стратегических проектов цикла 2018–2024 гг. показал, что более трети данных поручений не выполнены, так как Российская Федерация не вышла на планируемые и безопасные значения экономического роста. Это касалось производительности труда, заработной платы бюджетников, академических и вузовских работников, медицинского персонала и т. п. Стагнационная модель развития экономики страны ставит под сомнение достижение принятых показателей, тем более принцип догоняющей модернизации в течение уже 30 лет себя не оправдал. Мы имеем дело с экономическими войнами с присущим вытеснением с международных рынков товаров, ресурсов и капиталов.

2. Вся деятельность сведена к разработке имитационных моделей, что, зачастую только имитируется, остается неконкретным и не всегда проработанным. Примером служит пенсионная реформа, по крайней мере, население не убедили, а только напукали.

3. Стратегический каркас (государственные стратегии социально-экономического развития, национальной и экономической безопасности, пространственная стратегия и др.) неоднозначно воспринят научным и экспертным сообществом.

4. Сложилась картина низкого благосостояния уровня жизни, занятости и личной безопасности.

5. Констатируем высокий уровень социально значимых заболеваний. Уровень латентности не падает, что говорит о невысокой диагностике. Примером служат наркомания, ВИЧ-инфекция, СПИД, а также алкоголизм. Имеет место повышение социального стресса.

6. Не расширяется ареал обитания среднего класса — основы стабильности и благополучия нации.

7. К сожалению, приходится говорить о снижении доверия в рамках триады «население — власть — бизнес».

8. Сейчас правильней говорить о национальном и экономическом развитии, как с позиций экономической безопасности, так и псевдобезопасности, иными словами:

— соответствует ли экономический рост государства и регионов во взаимосвязи с экономической безопасностью со сравнительными характеристиками передовых стран и территорий;

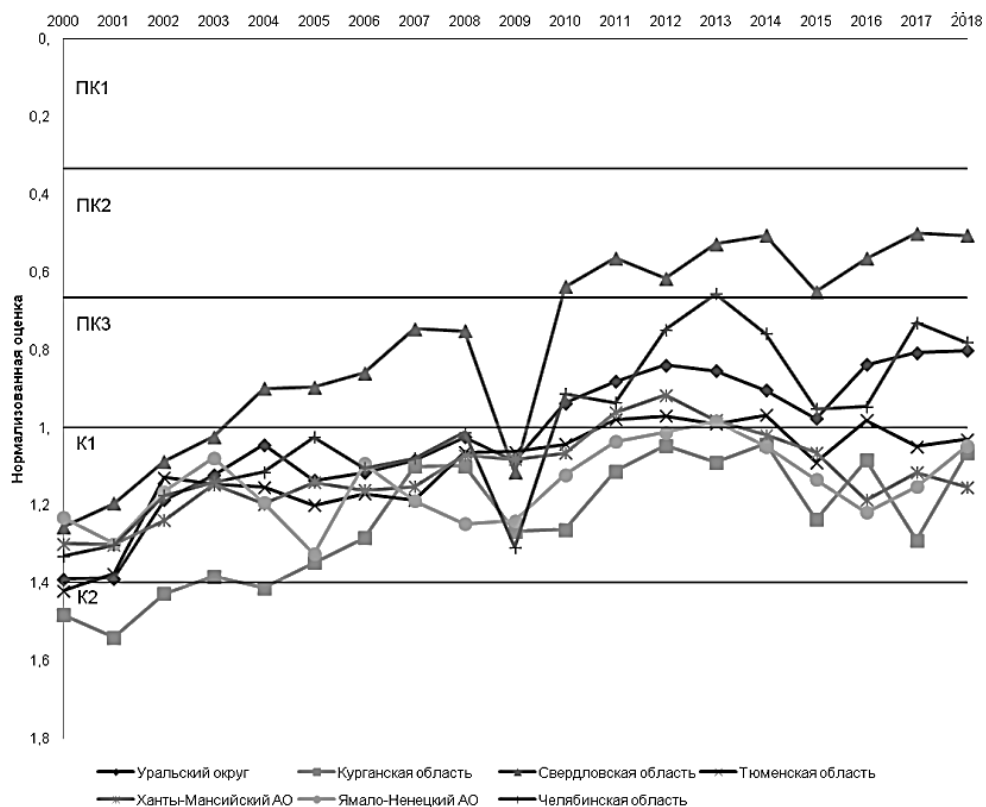
— может ли рост отчетного вала выпуска специалистов с высшим образованием считаться продуктивным, если в выпуске значительный процент неперспективных профессий и многие выпускники уезжают работать в другие страны или работают не по специальностям.

Краткий экскурс в периодизацию и изменение методологических и методических подходов современной диагностики социально-экономической безопасности следующий. Отправной точкой современных исследований в России послужила статья Л. Абалкина «Экономическая безопасность России: угрозы и отражение», опубликованная в журнале «Вопросы экономики» [2]. Впервые выделены элементы (способ-

ность экономики к саморазвитию, независимость и устойчивость) в рамках сложной внутренней системы экономической безопасности. Эти концептуальные подходы стали основой исследований в Российской Федерации [1; 2].

С. Глазьев разработал индикативную систему, состоящую из 22 модулей [4; 5], что позволило провести сравнение экономической безопасности России со странами мира. В. Сенчаговым введены показатели, характеризующие потенциал системы, а также ее текущее и прогнозное [10; 11; 15]. Учеными уральской научной школы создана программно-техническая система, обеспечивающая диагностику региональной экономической безопасности [7; 8; 13]. Среди зарубежных исследователей следовало бы выделить К. Болеа [16], В. Кейбла [17], Дж. Киршнера [18], М. Поирсона [19].

Нами, представителями Уральской научной школы, проведена оценка состояния экономической безопасности регионов Уральского федерального округа. Расчеты проведены по авторскому методическому инструментарию, охватывающему 12 сфер жизнедеятельности [6]. Экономическая безопасность регионов Уральского федерального округа представлена на рисунке.

Экономическая безопасность субъектов Уральского федерального округа за 2000–2018 гг.:
 ПК₁ — предкризис 1; ПК₂ — предкризис 2; ПК₃ — предкризис 3; К₁ — кризис 1, К₂ — кризис 2

Продемонстрируем только сферы жизнедеятельности в разрезе территорий Уральского федерального округа, по которым имеются хронические отставания [6].

Инвестиционная безопасность. Основной показатель «Отношение объема инвестиций в основной капитал к валовому региональному продукту» в целом по УрФО достаточно устойчив (за последние 10 лет находился в диапазоне 27–29 %). Но в Курганской области стабильно низок (12–15 %) (ПК₃ → К₁), непозволительно снизился в Свердловской и Челябинской областях (15–20 %). Относительное высокое значение в ЯНАО (45–50 %).

Показатель прироста инвестиций в основной капитал по сравнению с предыдущим периодом имел падение в условиях финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг.: до К₃ в Свердловской области, до К₂ — в Ямало-Ненецком автономном округе. В настоящее время наблюдаем некое «плато» или же небольшой рост в 2018 г.

Производственная безопасность. В 2009 г. в целом по УрФО было падение производственной безопасности до К₁, также как в 2014–2018 гг. В Свердловской, Челябинской и Курганской областях в условиях финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. падение было глубже (до К₃).

Причины: темпов прироста объемов производства по сравнению с предыдущим периодом не было; износ основных фондов (на конец года) — более 50–60 % в Курганской и Свердловской областях, Ямало-Ненецком автономном округе и Ханты-Мансийском автономном округе — Югра — до 70 %. В настоящее время уровень производственной безопасности растет незначительно.

Научно-техническая безопасность. Уровень научно-технической безопасности не претерпевает серьезных изменений: в целом по Уральскому федеральному округу (за 2014–2018 гг.) составляет К₃, по Курганской области — К₂, по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу, Ямало-Ненецкому автономному округу — К₃. Лучше в Свердловской области — ПК₂ → ПК₃.

Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП по Уральскому федеральному округу составляет меньше 1 %, только в Свердловской области — более 1,5 %. Недопустимо также низкое отношение среднемесячной зарплаты в отрасли «Наука и научное обслуживание» к среднемесячной номинальной начисленной зарплате на территории (практически все субъекты УрФО в К₁–К₂).

В кризисной зоне (К₂–К₃) находится большинство субъектов УрФО по показателю «Доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции», в относительно лучшем положении только Свердловская область (К₁).

Нами предложен метод экономической томографии, который позволяет оценивать как текущее состояние объекта исследования, так и проводить прогноз.

Экономическая томография — это получение информации о распределении влияния интересующих факторов на разных уровнях структуры социально-экономического состояния, что позволяет выбрать и оценить предпочтения при различных вариантах его развития, а также смоделировать экстремальные изменения отдельных модулей и системы в целом.

Метод включает выявление основных и второстепенных показателей на основе матрицы коэффициентов взаимовлияния. С помощью функции тройной корреляции и скорости ее изменения отобраны основные показатели. Показатели первичного влияния на основные показатели (А), показатели вторичного влияния на основные показатели (Б), показатели совместного влияния (А) и (Б) на основные показатели (В) и показатели совместного влияния остальных показателей на основные показатели (С).

Иными словами, судить по одному показателю (тем более такому влияющему как темп прироста ВРП для субъекта РФ) неосмотрительно.

1. Например, для Свердловской области стали судить о кризисе К₁ уже в 2014–2015 гг. с переходом к К₂ в 2016 г., а в дальнейшем — «плато» и выход из кризиса ПК₃ (табл. 1).

Таблица 1

Темп прироста ВРП (на примере Свердловской области)

Показатель первичного влияния	Показатель	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Основной показатель	Темп прироста ВРП	0,0	0,833	5,533	0,0	0,0	0,0	1,0	1,4	1,8	2,22	2,62	1,658	1,31
— показатель первичного влияния на основной показатель	Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения	0,54	0,55	0,56	0,5	0,55	0,35	0,32	0,33	0,332	0,382	0,402	0,456	0,51
— показатель вторичного влияния на основной показатель	Инвестиции в основной капитал на душу населения	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,002	0,002	0,016	0,03
— показатель совместного влияния А и Б на основной показатель		0,127	0,407	1,976	0,118	0,130	0,082	0,409	0,544	0,678	0,83	0,969	0,997	1,002
— показатель совместного влияния остальных показателей на основной показатель		0,409	0,511	0,819	0,407	0,346	0,303	0,43	0,515	0,55	0,596	0,622	0,643	0,656
Суммарное влияние		0,268	0,459	1,398	0,262	0,238	0,193	0,67	0,91	1,21	1,41	1,421	1,32	0,894

Примечание. □ Н — нормаль; □ ПК₁ — предкризис 1; □ ПК₂ — предкризис 2; □ ПК₃ — предкризис 3; ■ К₁ — кризис 1; ■ К₂ — кризис 2; ■ К₃ — кризис 3.

Таблица 2

Обобщение по всем показателям Свердловской области

Показатель	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Свердловская область	0,68	0,66	0,86	1,26	0,69	0,58	0,49	0,59	0,62	0,87	1,14	1,2	0,85	0,65

Примечание. □ Н — нормаль; □ ПК₁ — предкризис 1; □ ПК₂ — предкризис 2; □ ПК₃ — предкризис 3; ■ К₁ — кризис 1; ■ К₂ — кризис 2; ■ К₃ — кризис 3.

2. Но наиболее влияющие на ВРП показатели «инвестиции в основной капитал на душу населения» и «доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения» не позволили ему по влиянию на кризис опуститься ниже отметки K_1 .

Свердловская область (обобщение по всем показателям влияния) сравнительно легко перенесла 5-летний кризис 2016–2020 гг. (2017 г. — «плато», 2018 г. — ПК₃, 2019 г. — ПК₂, 2020 г. — ПК₁) (табл. 2). Абсолютно убеждены, что главным направлением экономического прорыва Российской Федерации и обеспечения ее достойного места в современном мире является развитие человеческого потенциала и ускорение научно-технического прогресса на основе цифровизации внешней и внутренней диффузии факторов производства, появления новых отраслей, рынков, технологий и продуктов.

Библиографический список

1. *Абалкин Л.* Бегство капитала: природа, формы, методы борьбы // Вопросы экономики. — 1998. — № 7. — С. 33–41.
2. *Абалкин Л.* Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. — 1994. — № 12. — С. 4–16.
3. *Афонцев С.* От исследований к рекомендациям: политико-экономический алгоритм // Журнал новой экономической ассоциации. — 2017. — № 3. — С. 192–197.
4. *Глазьев С.* Геноцид. Россия и новый мировой порядок. Стратегия экономического роста на пороге XXI века. — М.: Астра семь, 1997. — 188 с.
5. *Глазьев С.* За критической чертой. О концепции макроэкономической политики в свете обеспечения экономической безопасности страны. — М.: Российский экономический журнал, 1996. — 77 с.
6. *Диагностика и реагирование на угрозы социально-экономическому развитию регионов* / под науч. ред. В. А. Черешнева, А. А. Куклина. — Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2019. — 383 с.
7. *Качество жизни и экономическая безопасность России* / под ред. В. А. Черешнева, А. И. Татаркина. — Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2009. — 1184 с.
8. *Комплексная методика диагностики экономической безопасности территориальных образований РФ. Ч. 1, 2: Методические положения диагностики экономической безопасности территорий регионального уровня* / А. И. Татаркин, А. А. Куклин, А. Л. Мызин и др. — Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2001. — Ч. 1. — 71 с; Ч. 2. — 205 с.
9. *Нигматулин Р.* О проекте рекомендаций РАН для инициирования экономического роста в РФ / Семинар по проблемам прогнозирования и стратегического планирования РФ от 18 декабря 2019 г. — URL: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=b6676c18-33a0-42fb-a82e-c0678375a2da>.
10. *Сенчагов В.* О сущности и основах стратегии экономической безопасности России // Вопросы экономики. — 1995. — № 1. — С. 97–106.
11. *Сенчагов В.* Экономическая безопасность как основа обеспечения национальной безопасности России // Вопросы экономики. — 2001. — № 8. — С. 64–79.
12. *Сидорович А.* Новая экономика и политическая экономика // Общество и экономика. — 2018. — № 9. — С. 5–20.
13. *Социально-демографическая безопасность России.* — Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2009. — 864 с.
14. *Шевцов Ю.* Современная экономическая теория и нравственность // Общество и экономика. — 2014. — № 10. — С. 133–150.
15. *Экономическая безопасность России. Общий курс: учебник* / под ред. В. К. Сенчагова. — М.: Дело, 2005. — 896 с.

16. *Bolea C. G.* The relation between the foreign direct investments and the economic security in Latin America // *Revista relaciones internacionales, estrategia y seguridad*. — 2015. — Vol. 10, no. 2. — P. 111–129.

17. *Cable V.* What is international economic security? // *International affairs*. — 1995. — Vol. 71, no. 2. — P. 305–324.

18. *Kirshner J.* Political economy in security studies after the cold war // *Review of international political economy*. — 1998. — Vol. 5, no. 1. — P. 64–91.

19. *Poirson M. H.* Economic security, private investment, and growth in developing countries. — Washington, DC: International Monetary Fund, 1998. — 31 p.

Н. В. Кривенко, Д. С. Епанешникова

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Импортозамещение как одно из направлений укрепления экономической безопасности региона

Аннотация. Проанализировано состояние технологического базиса промышленного производства, инноватики страны в рамках реализации политики импортозамещения; выявлено отставание, высокая доля импортной составляющей. Обоснована необходимость повышения инновационного уровня для обеспечения процессов импортозамещения, внедрения многоуровневой системы их мониторинга, инвестиционной поддержки региона со стороны государства.

Ключевые слова: санкции; импортозамещение; инновации; экономическая безопасность.

В современных условиях, в связи с появлением новых глобальных инструментов манипулирования состоянием мировых сырьевых рынков (международные экономические и политические санкции, провокации, вплоть до военных действий, ценовые сговоры оппозиции и т. п.), риски экономики, ориентированной преимущественно на экспорт ресурсов, многократно возрастают, что мы и наблюдаем на примере резко обострившихся взаимоотношений между Россией, США и странами Евросоюза за последние годы [8].

Если рассматривать государство как социально-экономическую систему, то ее приспособляемость к изменениям внешней среды связана с эффективностью обратной связи в этой системе [3].

В этой связи адекватной реакцией страны на неблагоприятные внешние воздействия, в том числе введение экономических санкций, является выбор курса социально-экономического развития, направленный на максимально эффективное использование внутренних ресурсов для повышения ее конкурентоспособности и укрепления экономической безопасности.

На сегодняшний день необходимо за основу экономической политики государства взять концепцию национальной экономики. Россия, являющаяся великой державой и по размерам, и по потенциалу, и по влиянию в мире, не может развиваться, не признавая фундаментального значения концепции самодостаточной национальной экономики как базы для конструирования собственной политики. Это не означает призыва к изолированности экономики России, однако ориентирует ее на самообеспеченность и самодостаточность с точки зрения внутренних факторов и источников развития при наличии доступа к технологическим и другим ресурсам в мире [7].

Развитие науки и образования способствуют экономическому росту только вместе с эффективно реализуемой внешней политикой, поскольку инвестиции в науку

и образование в стране с большой долей импортных комплектующих в производимой продукции (до 70–80 %) спонсируют промышленность других стран [2].

За период с 1995 по 2018 г. в целом по экономике России динамика рентабельности характеризуется снижением в 2018 г. в 2,5 раза по сравнению с 1995 г., в том числе в 2,8 раза по производству машин и оборудования. В то же время рентабельность добычи топливно-энергетических ископаемых за этот период выросла в 2,6 раза, что свидетельствует об ориентации экономики на экспорт ресурсов и деградации материальной базы для практического освоения нарабатываемого научно-технического задела, что не позволяет перейти к инновационной модели экономического роста [5].

Уровень инновационности — понятие не абсолютное, как физическая величина, а относительное, сравнительное с другими субъектами или объектами страны и мира. Потеря конкурентных инновационных свойств предприятием, регионом, страной — это достаточно убедительный признак недостаточности и неустойчивости инновационного развития [1].

В 2014 г. в связи со сложной геополитической ситуацией на федеральном уровне приоритетным объявлен курс на импортозамещение при экспортно-индустриальном пути развития, что полностью соответствует задачам новой индустриализации [6].

Реализация выбранной Россией политики импортозамещения является возможностью сконцентрировать усилия по развитию и внедрению инновационных технологий, модернизации промышленности. Целесообразно оценить происходящие процессы импортозамещения на макро- и мезоуровнях, выявить проблемы и препятствия на этом пути.

Проведенные исследования в области инноватики свидетельствуют об отсутствии системных положительных изменений [9]. Данные Росстата иллюстрируют стагнирующее состояние инновационных процессов в стране: удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, снизился с 9,1 % в 2012 г. до 7,5 % в 2017 г.; удельный вес инновационных товаров (работ, услуг) в общем объеме отгруженных товаров (выполненных работ, услуг) за 2013–2017 гг. сократился с 9,2 до 7,2 %, при этом удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме этих товаров снизился за этот период с 2,9 до 2,4 %¹.

Анализ состояния технологического базиса промышленного производства в рамках реализации политики импортозамещения в России [9]:

- 50 % промышленности используют технологии IV технологического уклада;
- 4 % промышленности используют технологии V технологического уклада;
- 1 % промышленности используют технологии VI технологического уклада;
- в 2018 г. большинство промышленных предприятий (47 %) продолжали вводить реконструированные и модернизированные основные средства (доля компаний по добывающим производствам к 2018 г. увеличилась до 67 %, по группе обрабатывающих производств — до 54 %);
- рост приобретения импортного оборудования в 2018 г. и одновременно снижение доли предприятий, вводящих в действие отечественные машины и оборудование.

На региональном уровне процессы импортозамещения непосредственно влияют на состояние экономической безопасности, в том числе на ее составляющие: инвестиционную, производственную, научно-техническую, внешнеэкономическую, энергетическую, продовольственную безопасность. В то же время существует обратная связь: например, от уровня научно-технической безопасности зависит успешность внедрения современной отечественной продукции взамен импортной.

¹ *Российский статистический ежегодник. 2018. — М.: Росстат, 2018. — 694 с.*

Таким образом, уровень экономической безопасности регионов во многом зависит от инвестиционной активности, заинтересованности в инновациях, цифровых технологиях.

Важнейшей отраслью промышленности Уральского федерального округа (УрФО) является машиностроение. В УрФО производится практически 10 % всей машиностроительной продукции страны. Среди ведущих предприятий: «Тюменские моторостроители», «Тюменский судостроительный завод», «Уралмашзавод», научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод», «Уралхиммаш», «Уралэлектротяжмаш», «Уральский завод гражданской авиации», «Пневмостроймашина», «Автомобильный завод „Урал“», «Челябинский кузнечно-прессовый завод», «ЧТЗ-Уралтрак», «Курганмашзавод», «Шадринский автоагрегатный завод», «Курганстальмост», «Курганхиммаш» и др.

По результатам оценки стратегической устойчивости предприятий крупного, среднего, малого бизнеса в регионах России Свердловская область вошла в кластер регионов с очень высокой устойчивостью предприятий наряду с Москвой и Республикой Татарстан. Выявлена достаточно сильная зависимость ВРП на одного жителя регионов России от значения индекса стратегической устойчивости предприятий крупного, среднего, малого бизнеса [4].

Благодаря реализации программы импортозамещения в Свердловской области в течение двух лет освоено продукции на сумму более 250 млрд р. — это реальные цифры, которые позволили сэкономить валютную выручку предприятий, и направить дополнительные средства на техническое перевооружение, а также дополнительно организовать рабочие места¹.

Сравнение статистических показателей Уральского федерального округа, Свердловской области и Российской Федерации (данные за 2017 г.)

Показатель	РФ	УрФО	Свердловская область
Индексы производства по виду экономической деятельности «обрабатывающие производства»	102,5	102	101,8
Агрегированный индекс производства	102,1	101,9	101,4
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические, маркетинговые и организационные инновации, в общем числе обследованных организаций	8,5	8,2	9,6
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций	7,5	7,3	8,5
Объем инновационных товаров, работ, услуг от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	7,2	5,2	10,3
Соотношение экспорта к импорту (со странами дальнего зарубежья)	1,5	2,3	2,1
Соотношение экспорта к импорту (со странами СНГ)	1,9	2,0	1,3
Поступление налогов и сборов в Федеральный бюджет, %		38	
Место УрФО по России		1	
Задолженность по налогам и сборам, %		6,8	
Место УрФО по России		8	
Степень износа ОФ на конец 2017 г., %	50,9	61,7	
Место УрФО по России		1	
Распределение инвестиций федерального бюджета по округам 2017 г., %		3,7	
Место УрФО по России		8	

Примечание. По данным справочников Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2018 г.

¹ Программа импортозамещения вносит существенный вклад в развитие промышленности Свердловской области. — URL: <http://midural.ru/news/style/page58/document96727>.

В таблице представлено сравнение статистических показателей УрФО, Свердловской области и РФ по индексам производства, внедрению инноваций, импортозамещению.

Как следует из таблицы, статистические показатели УрФО, Свердловской области находятся на уровне российских, а ряд из них выше, в том числе характеризующие процессы импортозамещения.

В то же время, занимая первое место по поступлению налогов и сборов в Федеральный бюджет, УрФО имеет самую высокую степень износа основных фондов в стране и недостаточный уровень инвестиций.

Прирост инвестиций в основной капитал в ценах 2006 г. составил в 2017–2018 гг. по сравнению с 2006 г.¹:

— по УрФО: в 2017 г. по сравнению с 2006 г. — 1,66; в 2018 г. по сравнению с 2006 г. — 1,73;

— по Свердловской области: в 2017 г. по сравнению с 2006 г. — 1,08; в 2018 г. по сравнению с 2006 г. — 1,07.

Проведенный анализ еще раз подтвердил высокий потенциал УрФО, как развитого индустриального региона, занимающего лидирующие позиции по внедрению инноваций и импортозамещения, что требует увеличения государственной поддержки по привлечению инвестиций для активизации данных процессов.

Целесообразно создание в стране системы оценки и мониторинга инновационности отечественных технологий, процессов модернизации, импортозамещения на общероссийском, региональном, муниципальном уровнях.

Авторский подход заключается в рассмотрении импортозамещения не только как экономической стратегии, направленной на защиту внутреннего рынка и отечественного производителя, но и с учетом инновационной составляющей как нового импульса для развития экономики, преодоления ее сырьевой ориентации, проведения технологической модернизации, что будет способствовать ускоренному росту высокотехнологического сектора в целях повышения стабильности, безопасности и конкурентоспособности российской экономики.

Применительно к региональному уровню данные процессы оказывают определяющее воздействие на показатели, отражающие ситуацию с экономической безопасностью территории (федеральный округ, субъект РФ, муниципальное образование). В условиях, с одной стороны — внешних геополитических угроз и санкционного давления; с другой стороны — социально-экономических кризисов, целесообразно проведение политики импортозамещения как со стороны государства, так и со стороны бизнеса.

На региональном уровне это будет способствовать:

— обеспечению необходимыми ресурсами не только на краткосрочную, но и на долгосрочную перспективу;

— повышению благосостояния населения территории;

— укреплению экономической безопасности территории.

¹ *Инвестиции в основной капитал* (в фактически действовавших ценах; миллионов рублей) / Росстат. 2006–2018. — URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/IssWWW.exe/Stg/d02/11-01.doc; *Инвестиции в основной капитал* (в фактически действовавших ценах; млн р.; 1990, 1995 гг. — млрд р.). — URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_14p/IssWWW.exe/Stg/d03/24-01.htm.

Библиографический список

1. *Гринчель Б. М., Назарова Е. А.* Разработка путей повышения устойчивости, инновационности и конкурентоспособности экономики регионов // *Инновации.* — 2019. — № 9. — С. 58–66.
2. *Гурова Т., Ивантер А., Скоробогатый П., Ульянов Н.* Реиндустриализация как новый консенсус // *Эксперт.* — 2019. — № 43. — URL: https://expert.ru/expert/2019/43/reindustrializatsiya-kak-novyyj-konsensus/media/more_galleries.
3. *Козлов В.* Представление о революции и эволюции в переустройстве модели государства // *Инвестиции в России.* — 2020. — № 1. — С. 15–19.
4. *Кузнецов Ю. В., Анохина Е. М., Мелякова Е. В.* Подходы к оценке стратегической устойчивости предприятий крупного, среднего, малого бизнеса в депрессивных регионах России // *Экономика и управление.* — 2019. — № 10(168). — С. 25–38.
5. *Ленчук Е. Б.* Формирование инновационной модели развития в России: работа над ошибками // *Вестник Института экономики Российской академии наук.* — 2018. — № 1. — С. 27–39.
6. *Новикова Н. В.* Новая индустриализация: региональная парадигма. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. — 261 с.
7. *Сидорович А. В.* Закономерности современной российской экономики и переход к новому этапу развития // *Экономические стратегии.* — 2019. — № 7. — С. 36–45.
8. *Суховой А. Ф., Голова И. М.* Инновационная составляющая социально-экономического развития региона. — Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2019. — 214 с.
9. *Чичканов В. П., Кривенко Н. В., Епанешникова Д. С.* Импортзамещение как ответ на внешние угрозы экономической безопасности региона // *Диагностика и реагирование на угрозы социально-экономическому развитию регионов / под науч. ред. В. А. Черешнева, В. П. Чичканова, А. А. Куклина.* — Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2019. — 383 с.

О. М. Рой

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск

Государственный патернализм как фактор региональных диспропорций

Аннотация. Рассматривается влияние патернализма на региональное развитие. Выявляются функции патернализма, характеризуется их проявление в государственной политике. На примерах рассмотрения директивной функции патернализма определяются характерные для современной России признаки региональных диспропорций.

Ключевые слова: патернализм; региональные диспропорции; социальное государство; местное сообщество.

Диспропорции регионального развития являются серьезным признаком экономической уязвимости региона. Вследствие неравномерного развития территорий различных уровней, пространственной рассредоточенности рабочей силы или производственных мощностей, сбоев в работе воспроизводственных механизмов, нарастают кризисные тенденции, снижается устойчивость региона к воздействию негативных факторов. В научной литературе выделяется два основных вида диспропорций — межрегиональные и внутрирегиональные, причем первым посвящена наибольшая доля научных трудов, поскольку признаки диспропорциональности достаточно хорошо прослеживаются в формате регионов, будучи подтвержденными массивами региональной статистики [3; 6]. Что касается внутрирегиональных диспропорций, то их идентификация не всегда является очевидной, поскольку натывается на существенные ограничения муниципальной статистики. Тем не менее, актуальность внутрирегиональных

диспропорций оказывает не меньшее влияние на качество производственного и инфраструктурного потенциала страны, а также степень ее экономической безопасности.

Основными проявлениями экономических диспропорций на региональном уровне можно назвать:

- разрыв между реальными потребностями общества и направлениями государственного стимулирования;
- миграционный отток, особенно среди молодежи;
- дефицит рабочей силы на действующих предприятиях;
- значительные различия в уровне социально-экономического развития между поселениями региона;
- усиливающаяся дифференциация в уровне доходов граждан;
- снижение уровня бюджетной обеспеченности в доходах муниципальных образований региона;
- неспособность объектов социальной инфраструктуры обеспечивать потребности населения и др.

Диспропорции негативно влияют на качество жизни населения локальных территорий, вызывая сбои в механизмах обеспечения воспроизводственных циклов развития национальной экономики [5].

Причиной как межрегиональных, так и внутрирегиональных диспропорций являются так наз. «провалы рынков», актуализирующие отставание регионов и поселений от своих соседей, а также различия в доступе территориальных образований к различным видам ресурсов и инфраструктуре. С целью нейтрализации этих «провалов» государство берет на себя право содействовать регионам в преодолении этих диспропорций посредством перераспределительного механизма и форм регулирующего воздействия. Такое право государства по отношению к включенным в ее состав регионам можно назвать *государственным патернализмом* [9].

Патернализмом можно назвать иерархическую систему отношений руководителя с подчиненным, связанную с опекой, покровительством и контролем вышестоящих (старших) за нижестоящими (младшими). Известный венгерский экономист Я. Корнай определяет патернализм следующим образом: «Центральное руководство берет на себя ответственность за экономическое положение и одновременно претендует на использование любого инструмента из арсенала административных средств, который представляется ему наиболее целесообразным» [1, с. 586]. По мнению, Я. Корнай, патернализм является одним из проявлений экономики дефицита, будучи призванным регулярно обеспечивать сглаживание присущих такому обществу диспропорций.

Переход к рыночной экономике не блокирует патерналистских тенденций. В период преодоления кризисных тенденций, государство берет на себя право административно влиять на динамику развития общественного и корпоративного сектора. Такая политика государства находит поддержку у населения, особенно в странах, где долгое время безраздельно господствовала административно-хозяйственная система. К примеру, в России, по данным «Левада-центра», свыше 70 % россиян видят во власти не столько партнера, которому переданы какие-то полномочия на основе заключенного договора, сколько сильного, единоличного начальника, берущего на себя право определять пути своего развития¹.

Наделенное патерналистскими полномочиями государство по-разному реализует свое право. Существует по меньшей мере три функции государственного патернализма: содействующая, корректирующая и директивная.

¹ *Россияне о сильном лидере и единовластии.* — URL: <https://www.levada.ru/2014/04/08/rossiyane-ossilnom-lidere-i-edinovlastii>.

Содействующая функция обеспечивает реализацию социальных гарантий государства, способствуя повышению защищенности гражданина и увеличению минимальных стандартов его обеспечения. Кроме того, в рамках своей ориентации государство оказывает содействие развитию бизнеса, вкладывая в него значительные средства и снижая налоговую нагрузку. К примеру, в Южной Корее с 2000 г. в стране была принята десятилетняя программа по развитию малого и среднего бизнеса, благодаря которой доля этого сектора в экспорте промышленной продукции возросла с 37 % до 50 %, а занятость населения достигла почти 80 %. Малому и среднему бизнесу Кореи был предоставлен режим наибольшего финансового благоприятствования, что выразилось в низких процентных ставках по банковским кредитам¹.

Переход к корректирующей функции государства связан с трансформацией государства от социального к сервисно-ориентированному типу. Подобная трансформация была вызвана господством идеологии нового государственного менеджмента и увеличением доли бизнес-технологий в структуре полномочий публичных органов власти. Корректирующая функция патернализма направлена на формирование партнерских отношений государства, бизнеса и власти, с выделением специальных технологий повышения эффективности такого взаимодействия. К примеру, в Великобритании с конца 1990-х годов концепция сервисного государства стала замещаться концепцией «citizen-centred governance» или «networked governance», ориентированной на равноправное партнерство и сотрудничество между государством, бизнесом и гражданским обществом [4, с. 12]. В России модель сервисного государства совпала с формированием новой концепции государственных расходов — от затратного принципа к управлению по результатам, в то время как результативность не была обеспечена строгими государственными гарантиями. Одним из проявлений корректирующей функции патернализма можно назвать популярные в настоящее время его формы, как либертарианский и мериторный патернализм [2; 10]. Эти формы патернализма обозначают ненавязчивое и предсказуемое влияние государственных структур на выбор людей и организаций, подталкивание (nudge) с учетом интересов последних. Такое влияние не вносит существенные изменения в привычки людей и установки организаций, не ограничивает их в выборе [8].

К сожалению, в России наибольшим влиянием пользуется наиболее крайняя и малоэффективная форма патернализма, которую можно обозначить, как директивную. Директивная функция патернализма направлена на централизацию административных функций государства, передачу большинства публично-административных функций на государственные институты, обусловленность действий муниципальных органов власти решениями государственных органов. К наиболее характерным ее проявлениям сегодня следует отнести такие признаки, как: встраивание системы местного самоуправления в государственную вертикаль; «регулятивная гильотина»; избыточный административный контроль и пр. Влияние директивной формы патернализма на региональные диспропорции осуществляется достаточно выпукло и наглядно, выражаясь в неспособности большинства местных сообществ самостоятельно решать стоящие перед ними проблемы, высокой зависимости местных бюджетов от межбюджетных трансфертов.

Можно привести три характерных для современной ситуации кейсов, иллюстрирующих качество последствий, вызванных влиянием директивного патернализма.

1. В Омской области уже несколько лет не меняется структура распределения КЦП на бюджетные места, исходящая из ошибочной установки об избыточности спе-

¹ Гладких Н., Вайнер В., Большакова Д. Опыт поддержки и развития социального предпринимательства в республике Корея. — URL: <http://media.rsp.ru/document/1/f/3/f3ec4871ec6a01defec3483dd76fd416.pdf>.

циалистов социально-экономической группы специальностей. Так, в 2019 г. 59 % бюджетных мест было выделено на группу «Инженерное дело», тогда как на всю укрупненную группу специальностей (УГС) 38 «Экономика и управление» только 6 %. И это, несмотря на показатели региональной статистики о том, что не менее половины занятых приходится на сферу услуг, а сектор предпринимательства в регионе, нуждающийся в первую очередь в экономической подготовке, составляет не менее 25 % от числа занятых. Ограниченность в получении доступного экономического образования является одной из причин, сдерживающих развитие малого бизнеса в регионе, где работает в настоящее время 12,5 % от общего числа занятых, и это 54-е место среди регионов страны. Такая позиция федеральных структур способствовала резкому росту выезда выпускников омских школ за пределы региона, ведь потенциальными абитуриентами на специальности 38 УГС, по результатам выбора профильной дисциплины ЕГЭ — обществознания, было не менее 50 % от общего числа выпускников (подробнее см.: [7]).

2. Централизация ресурсов на благоустройство в федеральных национальных проектах, несмотря на несомненный положительный эффект, приводит к серьезным диспропорциям в уровне социального благополучия между районами города, что вызывает серьезные проблемы в воспроизводственных механизмах развития такого города. Местные сообщества испытывают разную степень готовности встраиваться в такие проекты, не имея возможности решать более актуальные для себя проблемы. Органы местного самоуправления фактически лишаются возможности самостоятельно формировать модель своего благоустройства, кроме как путем встраивания в тренд федерального проекта.

В августе 2017 г. Министерство труда и социального развития РФ утвердило программу по строительству, реконструкции и ремонту психоневрологических интернатов (ПНИ) стоимостью 43,6 млрд р., которая предусматривала строительство 100 интернатов более чем на 17 тыс. мест. Однако расходы государства на строительство новых ПНИ оказались гораздо выше, чем возможные расходы на альтернативное сопровождаемое проживание. Так, строительство обычного ПНИ на 128 мест обходится бюджету в 400 млн р. — более 3 млн р. на одно место. При этом новые интернаты строятся без учета современных тенденций в социальном обслуживании и требований международных организаций — в них нет мест уединения, нет личного пространства, ведь спальни рассчитаны в среднем на четыре человека. В то время, как, к примеру, в центре города Владимира можно купить квартиру на шесть жильцов общей площадью 180 м² примерно за 7,2 млн р. Следовательно, на одного человека с инвалидностью будет потрачено всего 1,2 млн р., а жить он будет в отдельной комнате. Поэтому возведение в обычном жилом фонде квартир, обеспечивающих человеческое существование инвалидам, обойдется в два-три раза дешевле, чем планируемое Минтрудом строительство ПНИ-общежитий. Следует отметить, что у многих инвалидов имеется своя жилплощадь, откуда их изымают в переполненные ПНИ, вместо того чтобы наладить их сопровождаемое проживание по месту жительства¹.

Перечисленные выше кейсы, взятые из разных отраслей общественного сектора экономики, свидетельствуют о чрезвычайной ущербности государственного патернализма в его директивной функции. Отсутствие налаженной обратной связи с гражданскими сообществами, регионами и муниципалитетами способствует перерасходу бюджетных ресурсов, крайне неэффективным способам распределения государственной поддержки, возникновению нерегулируемых коррупционных рисков. Неумение

¹ Алленова О. Люди, власть и ПНИ. Почему нет реформы психоневрологических интернатов. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4180226>.

государства использовать свои возможности для инициирования самоорганизационных механизмов на уровне социальных сообществ, неготовность оценивать и измерять реальные потребности граждан в общественных благах, а также пренебрежение косвенными методами административного влияния на социально-экономические процессы выступают угрозой существованию государства, симптомом утраты им устойчивости к разного рода рискам и, в конечном счете, потерей управляемости.

Библиографический список

1. Корнаи Я. Дефицит: пер. венг. — М.: Наука, 1990. — 607 с.
2. Масгрейв Р. А., Масгрейв П. Б. Государственные финансы: теория и практика. — М.: Бизнес-Атлас, 2009. — 708 с.
3. Миронова М. Н., Холина В. Н. Диспропорции регионального развития России: динамика в постсоветский период // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Экономика. — 2011. — № 4. — С. 23–34.
4. Музычук В. И. Обратная сторона патернализма в сфере культуры: провалы сервисного государства // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2018. — № 2. — С. 9–28.
5. Павлов К. В. Управление экономикой с учетом оценки воспроизводственных диспропорций // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2007. — № 6. — С. 29–40.
6. Панкевич Н. В. Диспропорции регионального развития РФ: проблема без решения? // Политическая наука. — 2009. — № 2. — С. 35–50.
7. Рой О. М. Влияние государственной образовательной политики на развитие предпринимательства или нужны ли Омской области экономисты? // Национальные приоритеты России. — 2018. — № 3(30). — С. 52–59.
8. Рубинштейн А. Я. Почему одни теории не получают признания, а другие имеют успех: «Мериторный патернализм» Р. Масгрейва и «Либертарианский патернализм» Р. Талера // Экономический журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 3. — С. 345–362.
9. Рубинштейн А. Я., Городецкий А. Е. Государственный патернализм и патерналистский провал в теории // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). — 2018. — Т. 10, № 4. — С. 38–57.
10. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / пер. с англ. Е. Петровой. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. — 240 с.

О. А. Романова, А. О. Пономарева

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Экономическая безопасность в условиях цифровой трансформации экономики промышленных регионов¹

Аннотация. Подчеркнута важность цифровой трансформации экономики как одного из важнейших направлений повышения экономической безопасности. Проанализированы динамика и темпы расходов на информационно-коммуникационные технологии по России в целом и по регионам Уральского федерального округа за период с 2013 по 2019 г. Предложены направления совершенствования методологического подхода к оценке эффективности этих расходов. Отмечена важность своевременного нормативно-правового обеспечения правовых режимов в сфере цифровых инноваций.

Ключевые слова: экономическая безопасность; регион; затраты на ИКТ; цифровая трансформация; методология оценки; цифровые инновации; правовое обеспечение.

Обязательным условием достижения стабильного, устойчивого развития любого государства является обеспечение его экономической безопасности. Среди ряда направлений повышения экономической безопасности в современных условиях одним из важнейших становится цифровая трансформация экономики. Этот процесс характеризуется проникновением цифровых технологий во все сектора экономики, следствием чего является появление новых форм бизнеса, принципиальное изменение отношений между производителями товаров и услуг, поставщиками, потребителями и т. д.

В то же время само понятие цифровой трансформации до настоящего времени не имеет однозначной трактовки. Например, в Японии цифровая трансформация предполагает качественные изменения во всех сферах экономической, социальной, общественной жизни государства, что должно явиться основой формирования принципиально нового общества, так называемого «общества пять». Это название символизирует последовательный переход общества от первобытнообщинного состояния («общества один») до общества, основой развития которого является цифровая трансформация. Именно эта трансформация приводит к созданию «общества пять». В Германии цифровая трансформация понимается несколько иначе. Прежде всего, здесь речь идет о цифровизации реального сектора экономики в соответствии с идеологией Индустрии 4.0. В России важный этап цифровой трансформации связан с принятием Программы «Цифровая экономика РФ»². Развитие процессов информатизации, в основе которых лежит искусственный интеллект, актуализирует процессы цифровой трансформации всех сфер отечественной экономики и государственного управления. Принятие Национальной стратегии развития искусственного интеллекта³ явилось своеобразным ответом на возрастающие риски экономической безопасности России.

Мировой опыт свидетельствует, что традиционные отрасли промышленности с наименьшей интенсивностью используют цифровые технологии. Особенностью российской экономики также является относительно низкий уровень цифровизации базовых отраслей. В то же время прогнозные оценки экспертов Всемирного экономи-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-010-00719 «Моделирование процессов кросс-индустриальной сетизации в промышленном комплексе на основе гибридных технологий».

² Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

³ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утв. указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490.

ческого форума показывают, что традиционные отрасли экономики, особенно если они являются достаточно развитыми, могут получить в результате повышения уровня цифровизации серьезные позитивные изменения и большие экономические выгоды.

Хотя по цифровизации базовые отрасли находятся ниже требуемого уровня, известно, что на начальном этапе их преобразований не только происходит процесс «созидательного разрушения» созданного производственного базиса, но происходит одновременно с помощью цифровых технологий успешная модернизация существующей производственной индустрии. Это является одним из факторов, способствующих становлению индустриально развитых регионов России драйверами цифровой трансформации региональной экономики. Урал является типичным индустриальным регионом, использование научно-технического, производственного, технологического и кадрового потенциала которого в определенной мере обеспечивает экономическую безопасность страны. Проблема цифровизации экономики находится на Урале в центре внимания региональных властей. Но естественно, что для реализации приоритетных задач цифровой трансформации очень важна поддержка государства.

Известно, что спецификой бизнеса российских ИТ-компаний является то, что около 80 % заказчиков на ИТ-рынке являются государственными структурами или компаниями с государственным участием. Но региональные власти активизируют свою деятельность в области цифровизации экономики, выделяя на это значительные бюджетные средства. Особенностью 2019 г. явился суммарный рост затрат на ИКТ российских регионов. Они составили 161,4 млрд р., что более чем на треть превышает аналогичную величину 2018 г. Уровень региональных бюджетных расходов на ИКТ значительно различается. Если ИКТ-бюджет г. Москвы в 2019 г. составил 74 млрд р., то бюджет Костромской области, расположенной на 85-м месте, 79,2 млн р. Эта величина в девятьсот с лишним раз меньше аналогичного показателя г. Москвы. На долю пяти субъектов РФ, занявших первые места в рейтинге по размеру ИКТ-бюджетов, приходится 104,9 млрд р., или 64,97 % всех расходов регионов на ИКТ. Но формирование топ-10 регионов по уровню ИКТ-расходов на душу населения выявляет других лидеров (см. таблицу). Возглавляет рейтинг Ненецкий автономный округ, где суммарные расходы на душу населения составили в 2019 г. 14,360 тыс. р., что почти на 54 % больше, чем было в 2018 г. Лидер Топ-10 регионов по размеру ИКТ-бюджетов — Москва, в рейтинге ИКТ-расходов на душу населения, занимает лишь 3-е место с показателем — 5,992 тыс. р.

Топ-10 субъектов РФ по величине расходов на ИКТ

Место		Субъект РФ	Расходы региона на ИКТ, млн р.		Прирост 2019 к 2018, %
2019	2018		2019	2018	
1	1	Москва*	74 300,60	57 900,00	28,30
2	2	Санкт-Петербург	14 877,20	13 526,40	10,00
3	3	Московская область	9 096,10	5 712,10	59,20
4	10	Пермский край	3 620,90	1 519,50	138,30
5	6	Самарская область	3 310,90	2 775,40	19,30
6	7	Новосибирская область	2 740,30	2 130,80	28,60
7	18	Свердловская область	2 738,70	977,4	180,20
8	13	Тюменская область	2 475,80	1 346,10	83,90
9	5	Республика Саха (Якутия)	2 359,90	2 545,20	-7,30
10	20	Ямало-Ненецкий автономный округ	2 306,40	924,4	149,50

Примечание. Составлено по: CNews: Рейтинг ИКТ-затрат регионов 2019. — URL: https://www.cnews.ru/reviews/ikt_v_gossektore_2019/review_table/c99d29f1dd75918cbd1626d516558da453fa61e8.

* Данные за 2018 г. скорректированы.

Уральский федеральный округ не является лидером в России по величине расходов на ИКТ. В 2013 г. они составляли 4,94 млрд р. или 7,1 % от аналогичных расходов по РФ в целом. В 2019 г. расходы на ИКТ по УрФО возросли с 4,94 млрд р. до 10,84 млрд р., но их доля в общероссийских расходах снизилась в 2019 г. до 6,7 %.

Анализ изменения расходов на ИКТ субъектов РФ, входящих в состав УрФО, позволяет выявить различную динамику этих расходов и смену лидирующих регионов. В 2015 г. лидировали Тюменская область и ХМАО-Югра, но в 2018 г. в числе лидеров осталась только ХМАО-Югра, а Тюменская область переместилась на второе место. Обращает на себя внимание высокий темп роста расходов на ИКТ Свердловской области — 180,2 % в 2019 г. по отношению к 2018 г. (рис. 1). Это позволило переместиться Свердловской области с 18-го места в 2018 г. на 7-е место в 2019 г.

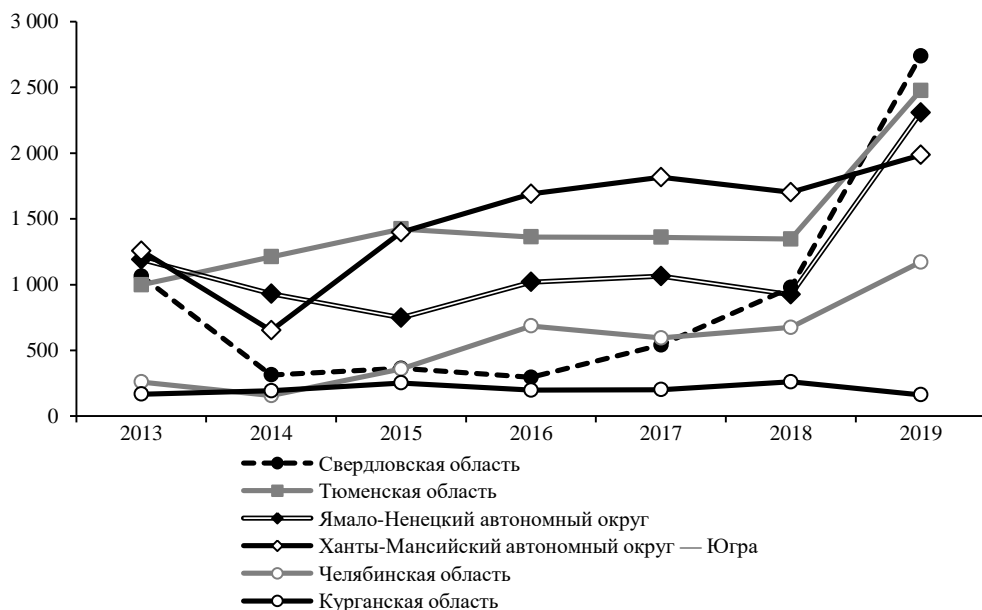

Рис. 1. Динамика расходов на ИКТ регионов Уральского федерального округа, млн р.¹

Все субъекты УрФО, кроме Курганской области, улучшили свои позиции по данному показателю в период с 2013 по 2019 г. В Курганской области произошло снижение вышеотмеченных расходов с 166,6 до 162,5 млн р., при уменьшении ее доли в общей величине затрат по УрФО с 3,4 % в 2013 г. до 1,5 % в 2019 г.

Анализ темпов роста расходов на ИКТ субъектов УрФО за период с 2016 по 2019 г. позволяет отметить, что в 2019 г. в сравнении с предыдущим годом Уральский федеральный округ значительно улучшил свои показатели (рис. 2).

Темп роста здесь составил 184,2 % при аналогичном показателе по РФ 135,3 %. Наиболее высокие темпы характерны для Свердловской области — 280,2 %, а наименьшие — 62,2 % — для Курганской области. В тоже время Курганская область в период с 2018 по 2017 г. отличалась высокими темпами роста расходов на ИКТ (129,5 %), уступая только Свердловской области (180,6 %). Но темпы роста расходов на ИКТ

¹ Составлено по: *CNews: Рейтинг ИКТ-затрат регионов 2019.* — URL: https://www.cnews.ru/reviews/ikt_v_gossekstore_2019/review_table/c99d29f1dd75918cbd1626d516558da453fa61e8.

Курганской области превосходили в тот период темпы роста по этому показателю УрФО (105,5 %) и РФ (117,8 %).

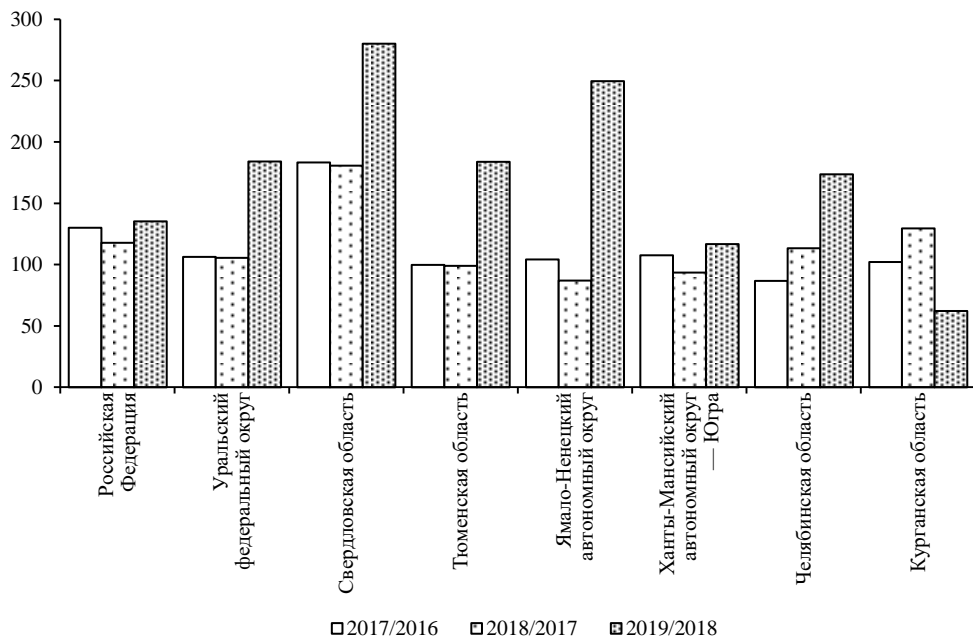

Рис. 2. Темпы роста расходов на ИКТ, %

Выявленная тенденция роста расходов на ИКТ, подтверждающая значимость цифровой трансформации экономики регионов, актуализирует проблему определения влияния информационных технологий на рост производительности труда и на повышение эффективности производства. Выявленный еще в 1980-е годы парадокс Солоу, где констатировалось длительное отставание темпов роста производительности труда от темпов увеличения инвестиций в компьютеризацию производства, остается не менее актуальным в настоящее время. Данный парадокс активизировал развитие методологии оценки эффективности внедрения новых технологий. Сегодня становится очевидным, что оценка влияния информационных технологий лишь на основе финансовых показателей не продуктивна. Такие показатели не позволяют учитывать результаты, которые выражаются в возрастании нематериальных активов, в качественном улучшении удовлетворения требований потребителей, в росте разнообразия выпускаемой продукции и т. д. При бесспорной значимости применения цифровых технологий как фактора повышения экономической безопасности, нельзя не учитывать, что инвестиции в ИКТ могут не давать ожидаемой отдачи при отсутствии соответствующего организационного обновления производства, ибо комплементарность технологических и организационных нововведений является в настоящее время очевидной [1]. Кроме того, отсутствие в краткосрочном периоде положительного эффекта от инвестиций в ИКТ может быть связано с необходимостью создания соответствующей инфраструктуры, смежных производств, с подготовкой и переподготовкой кадров и т. д.

Среди положительных эффектов внедрения информационных технологий можно отметить снижение издержек контроля, что приводит к укрупнению предприятий,

к централизации управления бизнесом. Если на первом этапе внедрения информационных технологий это является наиболее важным фактором, то в дальнейшем повышается значимость снижения транзакционных издержек в формирующихся новых цепочках создания стоимости [4]. Выстраивание таких цепочек приводит к повышению роли сетевых структур, эффективное развитие которых во многом зависит от качества инфраструктуры [3]. Ее создание и развитие является предметом деятельности не только региональных, но и федеральных органов власти.

Важность корректной оценки ожидаемой эффективности внедрения информационных технологий предопределяет необходимость совершенствования методологического подхода к проведению такой оценки. Доходный, затратный и сравнительный традиционные подходы, связанные с оценкой эффективности на базе только стоимостных показателей, не могут продуктивно использоваться при оценке эффективности новых форм бизнеса, основанных на цифровых решениях. Предпочтительным в этих условиях, по нашему мнению, может оказаться функциональный подход к оценке проектов цифровизации производства, когда главным в оценке становятся функциональные возможности объекта оценки в конкретных условиях. Проведение такой оценки учитывает, что в дальнейшем процесс внедрения проектов цифровизации остается управляемым. Становится возможным принятие новых решений на базе учета новой информации, меняющейся ситуации, что обеспечивает оптимальность принимаемых решений в изменившихся условиях. При таком подходе предпочтительными для оценки цифровых технологий будут такие инструменты как реальные опционы [5]. Повышается актуальность использования методов оптимального управления и линейного программирования [2].

Для успешной цифровой трансформации как важнейшего направления повышения экономической безопасности важно своевременное внедрение цифровых инноваций. Однако их разработка в значительной мере тормозится отсутствием правовых режимов, позволяющих проводить определенные эксперименты в данной области. Для возможности более активного применения цифровых инноваций в России Минэкономразвития предлагает устанавливать временные правовые режимы. Этим министерством разработан Проект Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹. В проекте данного Закона цифровая инновация понимается как новое средство, которое поддерживает использование цифровых процессов, сервисов и ресурсов. Кроме того, цифровая инновация может быть создана на основе технологий, перечень которых утверждается Правительством РФ.

Особые правовые режимы позволяют снизить правовую неопределенность и юридические риски для участников рынка, ибо действующее законодательство не в полной мере учитывает особенности новых решений. Формирование правил для цифровых технологий позволит ускорить вывод на рынок новых решений и не допустить на него нерабочие бизнес-модели. Содержащиеся в проекте данного закона гарантии прав и законных интересов субъектов экспериментальных правовых режимов могут явиться значимым фактором активизации разработки новых решений в области цифровой трансформации отечественной экономики. Таким образом, рост бюджетов ИКТ-расходов, подкрепленный современной оценкой их эффективности, совершенствование нормативно-правовой базы в области цифровых инноваций являются необходи-

¹ Проект Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (15 января 2019 г. 12:00). — URL: <http://www.doclist.ru/news/politics/2258036.html>.

мыми условиями обеспечения цифровой трансформации экономики, а значит и повышения экономической безопасности страны в целом и ее индустриальных регионов.

Библиографический список

1. Дементьев В. А. Парадоксы развития технологий широкого применения // Системное моделирование социально-экономических процессов: труды 40-й Юбилейной международной школы-семинара (Воронеж, 1–7 октября 2017 г.). — Воронеж: Истоки, 2017. — С. 186–189.
2. Козырев А. Н. Цифровая трансформация экономики // Системное моделирование социально-экономических процессов: труды 40-й Юбилейной международной школы-семинара (Воронеж, 1–7 октября 2017 г.). — Воронеж: Истоки, 2017. — С. 27–34.
3. Панченко В. Е., Киселев С. С. Инновационная среда как основа развития сетевых структур // Фундаментальные исследования. — 2019. — № 7. — С. 96–100.
4. Попов Е. В., Семячков К. А. Проблемы экономической безопасности цифрового общества в условиях глобализации // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, вып. 4. — С. 1088–1101.
5. Smith G., Amoroso A. Using real options to value losses from cyber-attacks // Journal of digital asset management. — 2006. — Vol. 2, iss. 3–4. — P. 150–162.

Е. Б. Дворядкина, Э. В. Джалилов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Экономическая безопасность традиционно-промышленного региона

Аннотация. Рассмотрены основные аспекты экономической безопасности традиционно-промышленного региона. Анализируются угрозы, индикаторы, особенности традиционно-промышленного региона.

Ключевые слова: экономическая безопасность; традиционно-промышленный регион; производственная инерционность; моногород.

Последние годы все чаще поднимаются вопросы о необходимости «экономического скачка» или «прорыва», который позволил бы российской экономике выбиться из кабалы нестабильности на стабильный путь развития. Большинство крупных российских исследователей сходятся во мнении, что таким решением может стать «новая индустриализация».

«Сегодняшняя проблема России, как и многих развивающихся стран, заключается не в построении постиндустриальной экономики, а в неизбежной ее новой индустриализации, предполагающей обновление технологического базиса экономики и изменение способов управления народным хозяйством» [8].

Драйвером экономического развития сегодня считаются промышленные регионы России. Обеспечение экономической безопасности регионов, где промышленность лежит в основе формирования данных регионов сегодня набирает приоритетное значение.

В отечественной экономической науке проводятся исследования по проблемам экономической безопасности. Изучением данной области занимаются такие исследователи, как Л. И. Абалкин, Н. Ю. Власова, С. Ю. Глазьев, Е. Б. Дворядкина, А. А. Куллин, Н. В. Новикова, В. К. Сенчагов, Я. П. Силин, А. И. Татаркин и др.

Каждый регион имеет свои особенности, которые определяют его место в региональной типологии. Традиционно-промышленный регион также имеет ряд своих особенностей, одним из которых исследователи выделяют производственную инерцию. «Производственная инерция — фактор, действие которого обусловлено закрепленностью на месте таких элементов производительных сил, как здания и сооруже-

ния, а также, хотя и в меньшей степени, машины и оборудование. При анализе территориальной структуры ряда наиболее фондоемких отраслей промышленности, учет фактора инерции производства имеет едва ли не решающее значение» [7, с. 106].

В традиционно-промышленном регионе экономические процессы протекают с определенными особенностями. Данные особенности проявляются в экономическом поведении населения, а также во многих других областях социально-экономического пространства региона.

«Традиционно-промышленный регион развивается инерционно, эта инерционность является отличительной особенностью их развития, именно наличие инерционности в том числе позволяет определить регион как традиционно-промышленный» [2].

Региональная экономическая безопасность является составной частью экономической безопасности государства. Развивающиеся страны вынуждены быть максимально открытыми для успешного развития, как в экономической сфере, так и в остальных сферах деятельности общества. Страны привлекают иностранные инвестиции, компании заключают разного рода соглашения с целью развития своих стран и делового климата. Все это ставит под угрозу безопасность любой из сфер деятельности государства. В последние годы проявления внешнеэкономических угроз участилось и требует от власти анализа и оперативного реагирования. Одним из ощутимых таких проявлений являются экономические санкции, которые, безусловно, имеют свои цели и источники.

В сложившейся экономической обстановке все большую значимость приобретают регионы. Ведется большое количество дискуссий по поводу особого фокуса на регионах. Экономическая безопасность региона понятие системное и образуется в совокупности экономической безопасности всех ее территориальных элементов, важнейшим из которых являются муниципальные образования.

Вопросам экономической безопасности последнее время уделяется немало внимания. Однако данная область еще не достаточно изучена. С переходом страны к рыночной экономике во всех сферах жизни российского общества произошли огромные изменения. Переход на новый политический строй, появление частной собственности и рыночных отношений в экономике стали основой появления большого количества общественных отношений, с которыми до этого общество не сталкивалось, можно сказать все началось с чистого листа.

На сегодняшний день нет общепризнанного понятия экономической безопасности. Наиболее подходящей трактовкой в рамках данного исследования будет следующее: «Экономическая безопасность региона — это совокупность условий и факторов, характеризующих текущее состояние экономики, стабильность, устойчивость и поступательность ее развития. Одновременно это степень, с одной стороны, интеграции региональной экономики с экономикой Федерации, а с другой — региональной независимости» [3].

К основным факторам, влияющим на уровень экономической безопасности традиционно-промышленного региона, относятся:

- моногорода;
- изношенность основных промышленных фондов;
- экология;
- низкий уровень диверсификации экономики.

Моногорода также называют монофункциональными городами. «Наибольшее число жителей монофункциональных населенных пунктов сосредоточено в Уральском экономическом районе» [4]. Как правило, население таких городов с профессиональной точки зрения однородно и в основном имеет техническую квалификацию, что

усугубляет ситуацию в случае попадания человека под сокращение, так как проработав долгое время на предприятии ему потом проблематично найти себя в другой нише. «В Свердловской области насчитывается более 30 моногородов с населением примерно 1,2 млн чел., или почти 30 % общего числа жителей города» [1].

Также огромной проблемой может стать закрытие предприятия, так как обычно в моногородах около 81 % населения [6], а иногда и больше, занято на таких предприятиях. Соответственно население может остаться без работы, что может так же привести к социальной напряженности, повышению уровня преступности, оттока молодежи в более благополучные города и «вымиранию» города. Стоит сказать и о том, что моногорода могут использоваться как рычаг влияния на государственную власть, так как вводя санкции против компаний, являющихся градообразующими, власти зарубежных государств понимают, что тем самым они ограничивают спрос на продукцию этой компании тем самым падает производственная загруженность, предприятие несет убытки, задерживается заработная плата работникам и последствия могут быть весьма отрицательными. Такими действия фактически ведутся манипуляции государством в своих интересах, т. е. подрывается его суверенитет.

Изношенность основных промышленных фондов. При сильном износе предприятие несет больше издержек, соответственно происходит удорожание продукции, при том, что качество продукции расти не будет, а в большинстве случаев и вовсе будет падать. Таким образом, конкурентоспособность будет низкой. Степень износа основных фондов Свердловской области (по коммерческим организациям) на конец года в 2018 г. составил 59,7 %, что является достаточно большим¹. На сегодняшний день нет формально установленных пороговых значений или как их еще называют «индикаторов» экономической безопасности региона, однако данный показатель максимально приближен к пороговому значению, предложенный С. Ю. Глазьевым 60 % [5].

Экологическая ситуация промышленных центров всегда вызывает особую озабоченность, так как напрямую влияет на жизнедеятельность населения, а также часто становится «яблоком раздора» и социального недовольства населения. Важность экологической безопасности трудно переоценить. Экологический аспект отдельно выделяется в указе Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и затрагивается в Указе Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.».

Низкий уровень диверсификации экономики региона. В структуре валового регионального продукта Свердловской области в 2017 г. обрабатывающие производства занимают 31 % и являются преобладающим видом экономической деятельности². В случае с низкой диверсификацией регион несет больше рисков, в отличии от диверсифицированной экономикой, которая более эффективна и устойчива, а оказывает меньшее загрязняющее влияние на экологию.

Таким образом, значимость экономической безопасности носит особую актуальность в случае с традиционно-промышленным регионом, так как регион такого типа является фундаментом экономического развития и требует комплексного подхода при анализе, учитывая его особенности.

¹ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2019: стат. сб. — М., 2019. — С. 531.

² Там же. — С. 527.

Библиографический список

1. Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Проблемы и перспективы развития моногородов России // Управленец. — 2009. — № 1–2. — С. 46–53.
2. Дворядкина Е. Б., Голошейкин Е. В. Традиционно-промышленный регион в территориальной структуре национальной экономики. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2012. — 170 с.
3. Дворядкина Е. Б., Силин Я. П., Новикова Н. В. Экономическая безопасность: учеб. пособие. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. — 194 с.
4. Карпов Е. В. Концепция стратегического плана социально-экономического развития крупного промышленного моногорода (на примере Магнитогорска) // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. — 2007. — № 1. — С. 63–66.
5. Новикова И. В., Красников Н. И. Индикаторы экономической безопасности региона // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 330. — С. 132–138.
6. Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России / под ред. Г. Ю. Кузнецова, В. Я. Любовного. — М.: Московский общественный научный фонд, 2004. — 217 с.
7. Региональные исследования за рубежом / отв. ред. Ю. М. Павлов, Э. Б. Алаев. — М.: Наука, 1973. — 301 с.
8. Татаркин А. И., Романова О. А., Бухвалов Н. Ю. Новая индустриализация экономики России // Вестник Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сер.: Экономика и управление. — 2014. — № 3. — С. 13–21.

И. В. Охрименко

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Противодействие социальным рискам национальной экономической безопасности в Турции

Аннотация. В статье рассматривается проблематика управления рисками в области национальной экономической безопасности. Основное внимание уделено рискам, появление которых связано с государственной социальной политикой. Автором выявлены социальные риски, характерные для современной Турции, установлена природа их возникновения, а также высказана гипотеза о необходимости предупреждения появления социальных рисков при формировании и проведении государственной социально-экономической политики. В заключение приводится описание основных факторов и результатов государственной политики Турции в области здравоохранения, образования и социальной защиты населения.

Ключевые слова: Турция; национальная экономическая безопасность; социальная политика; риски.

Обеспечение национальной экономической безопасности представляет собой важнейшую часть государственной системы мер по обеспечению собственной безопасности [5, с. 49–50] и подразумевает необходимость защиты государственной экономики от воздействия факторов, способных негативно влиять на ее эффективное функционирование и развитие.

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208, приведены определение понятия «риск в области экономической безопасности» — это возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере в связи с реализацией угрозы экономической безопасности.

Таким образом, указанные ранее факторы целесообразно отнести к категории рисков национальной экономической безопасности, несущих возможные негативные последствия для национальной экономики. Предупреждение и нейтрализация таких факторов относится к управлению рисками национальной экономической безопасности. Важнейшей задачей государства можно назвать деятельность, состоящую в развязывании возникающих противоречий, включающую, в том числе готовность к предупреждению и нейтрализации факторов, направленных в ущерб национальным интересам. Возможным последствием реализации рисков национальной экономической безопасности является ущерб, влекущий за собой экономические потери национального хозяйства, которые могут быть выражены в целом ряде экономических показателей.

Деятельность правящей в Турции с 2002 г. Партии справедливости и развития во главе с действующим президентом страны Р. Т. Эрдоганом основывается, как представляется, на принципах превалирования мер по предупреждению рисков национальной экономической безопасности. Основным документом, регламентирующим указанную деятельность, является Концепция национальной безопасности, принятая в 2005 г. В данном концептуальном документе вопрос обеспечения национальной экономической безопасности впервые был определен в качестве одной из важнейших направлений государственной политики. Кроме того, в концепции была отмечена важная роль укрепления внутренней стабильности, подразумевающая предупреждение неравномерности распределения доходов, роста преступности и безработицы¹.

Среди угроз национальной экономической безопасности, обозначенных в концепции, превалируют внутренние, причем многие из них связаны с теневой экономикой (наркотрафик, незаконная миграция, деятельность и финансирование террористических организаций и т. д.) [1]. На протяжении 14 лет содержание действующей в настоящее время Концепции национальной безопасности Турции претерпело ряд актуализированных дополнений. Ряд из них был связан с корректировкой или введением тех или иных актуальных направлений деятельности (уточнение перечня и возможных источников внешних (в том числе экономических) угроз, уменьшение роли военной составляющей в концепции, а также новейшие направления деятельности — такие, как противодействие киберугрозе, религиозному радикализму и т. п.).

Целесообразно отметить важнейшую деталь: полный текст Концепции национальной безопасности является «закрытым» официальным документом, имеющим гриф ограниченного пользования. Он не публиковался в официальной газете правительства страны «Resmî gazete», представляющей все государственные нормативные акты перед их вступлением в силу. Положения концепции содержались в отдельных публикациях средств массовой информации, выступлениях представителей власти, ссылках, содержащихся в нормативных документах и т. д. Указанное условие явилось причиной отсутствия возможности проведения детального анализа содержания концепции, включая, например, оценку соотношения в ней внутренних и внешних угроз национальной экономической безопасности, их полного перечня и т. д. Однако сводный массив имеющихся в открытом доступе сведений о положениях концепции вкупе с оценкой деятельности правительства Турции по основным вопросам обеспечения эффективного функционирования национальной экономики позволяют получить общее представление о системе противодействия рискам национальной экономической безопасности.

Важную роль в их числе играют риски национальной экономической безопасности, вызванные государственной социальной политикой — социальные риски нацио-

¹ Новая Концепция национальной безопасности Турции // Официальный сайт Института Ближнего Востока. — URL: <http://www.iimes.ru/?p=3905>.

нальной экономической безопасности. Ситуационный анализ, проведенный коллективом ведущих специалистов в сфере изучения современной Турции на базе Института мировой экономики и международных отношений РАН им. Е. М. Примакова [2, с. 12], выявил следующие социальные риски:

— раскол турецкого общества, вызванный рядом факторов политического, экономического и социального характера, в связи с чем имеется риск роста напряженности и гражданского противостояния;

— усиление межэтнической и межнациональной напряженности, что создает риск возникновения внутренних конфликтов на национальной почве. Так, все более значимую роль начинает играть арабский фактор — к двум миллионам арабов, исконно живущих в Турции, добавились три с половиной миллиона сирийских беженцев, как минимум полмиллиона иракских, а также значительное количество беженцев со всего арабского мира;

— ограничение свободы массовой информации, создающий риск внутринациональной напряженности. Так, к настоящему времени крупнейшие СМИ (телеканалы CNN Türk, Kanal D, газета Hürriyet, информагентство Doğan Haber Ajansı и др.) стали частью 95 % контролируемых окружением президента медиаресурсов;

— формирующийся правовой нигилизм на фоне стремительных изменений в правовой системе Турции (упразднение поста премьер-министра страны, реструктуризация судебной власти, кардинальная «чистка» сотрудников госаппарата и вооруженных сил, устранение оппозиции и пр.), создающий, например, риск роста преступности, включая налоговые и иных финансовые нарушения.

Однако, на фоне существования указанных социальных рисков, очевидны также три нижеприведенных факта.

Во-первых, существование вышеуказанных рисков турецкое правительство вполне осознает и старается им противодействовать путем предупреждения их развития или нейтрализации их действия.

Во-вторых, природа возникновения вышеуказанных рисков находится несколько в иной, чем «традиционные», области социальной политики государства (сферы здравоохранения, образования, экологии).

В-третьих, противодействие вышеуказанным рискам находится, очевидно, также в сфере государственной социальной политики, направленной на удовлетворение потребностей граждан, создание благоприятной атмосферы в обществе, а также на предупреждение социальных срывов, которые могут сказаться на национальной экономической безопасности.

Анализ экспертных оценок и данных Турецкого статистического института позволяет оценить крупномасштабные усилия турецкого правительства на традиционных направлениях социальной политики — в сферах образования, здравоохранения, социальной защиты.

Как отмечает Н. Ю. Ульченко, «...во втором десятилетии XXI века властям удалось прийти к бюджету, который — с точки зрения структуры расходов — является социальным» [3, с. 24].

Доля статьи расходной части государственного бюджета «здравоохранение, пенсионное обеспечение и социальная помощь» на протяжении лет составляет 17–18 %, оставаясь одной из основных. Реформа в этой сфере заключается в том числе в итоговом формировании системы медицинского страхования, охватывающей всех граждан базовыми медицинскими услугами, вне зависимости от их занятости и имеющих отчислений.

В сфере образования схожая ситуация, которую на фоне прошлых периодов можно охарактеризовать словом «прорыв». Турецкое правительство осуществило переход к системе всеобщего обязательного двенадцатилетнего образования (ранее продолжительность обязательного обучения составляла 8 лет). Бюджет Министерства образования составляет значительную сумму и постоянно растет — например, за неполных 13 лет он увеличился в восемь раз: с 7,4 млрд тур. лир в 2002 г. (приход к власти правящей Партии справедливости и развития) до 62 млрд тур. лир в 2015 г. (в текущих ценах). Данное условие в частности позволило увеличить численность студентов университетов с 1,2 млн чел. в 2002/2003 учебном году до 2,6 млн чел. в 2013/2014 учебном году. Количество университетов выросло с 76 до 176 ед., т. е. в настоящее время в каждом из 81 административных округов (илей) Турции есть как минимум одно высшее учебное заведение [4, с. 54–57].

В сфере социальной защиты населения важнейшим направлением является созданный правительством Фонд социальной поддержки и солидарности, оказывающий разностороннюю помощь всем категориям населения в жилищной, образовательной, предпринимательской, строительной и иных сферах. Кроме того, сама правящая Партия справедливости и развития оказывает социальную поддержку населения собственными силами. Так, турецкие исследователи Г. Бақырезер и Ю. Демирель отмечают: «Практически во всех муниципалитетах ПСР (т. е. Партии справедливости и развития) существуют отделы по работе с нуждающимися, куда можно обратиться за помощью в получении продовольствия, топлива, одежды, места в приюте» [6, с. 175].

Как представляется, именно в беспрецедентных до настоящего времени усилиях по обеспечению удовлетворенности граждан государственными системами здравоохранения, образования и социальной защиты турецкое правительство видит основной инструмент обеспечения спокойствия в обществе, отсутствия социальных рисков, способных негативно влиять на национальную экономическую безопасность.

Библиографический список

1. *Охрименко И. В.* Турция: обеспечение национальной экономической безопасности путем противодействия теневой экономике // Управление риском. — 2017. — № 4. — С. 94–98.
2. *Современная Турция: тренды развития и значение для России* / под ред. Л. С. Вартазаровой, И. Я. Кобринской, С. В. Уткина. — М.: ИМЭМО РАН, 2019. — 54 с.
3. *Ульченко Н. Ю.* Турция на пути к инклюзивному развитию (К вопросу об эффективности социальной политики Партии справедливости и развития) // Труды Института востоковедения РАН. — 2019. — № 26. — С. 18–41.
4. *Ульченко Н. Ю.* Формирование закономерностей экономического развития Турции: институциональные аспекты: монография. — М.: ИВ РАН, 2018. — 447 с.
5. *Экономическая безопасность России: методология, стратегическое управление, системотехника: монография* / под науч. ред. С. Н. Сильвестрова. — М.: РУСАЙНС, 2018. — 350 с.
6. *Bakirezer G., Demirel Y.* Ak partinin sosyal siyaseti // AKP Kitabı. Bir Donusumun Bilançosu / der.: İ. Uzel, B. Duru. — Ankara: Phoenix Yayınevi, 2009. — S. 153–178.

Уровень жизни населения как фактор экономической безопасности России

Аннотация. Рассматриваются проблемы уровня жизни населения России как одного из важных факторов обеспечения экономической безопасности страны. Анализируются показатели, характеризующие данный процесс. Предлагаются меры по совершенствованию экономической политики государства, направленные на развитие национальной экономики и повышение на этой основе уровня жизни.

Ключевые слова: экономическая безопасность; уровень жизни; реальные доходы; продовольственная безопасность; демографическая ситуация; денежно-кредитная политика.

Основной целью экономической безопасности страны является обеспечение ее национальных интересов. Поэтому достижение экономической безопасности — это многогранная проблема, предполагающая решение следующих основных задач: обеспечение экономического роста в стране; повышение экономической самостоятельности страны; увеличение уровня жизни населения; повышение роли государства в международных экономических и политических отношениях; укрепление обороноспособности страны и др. [7; 9; 10]. В свою очередь решение этих взаимосвязанных задач означает принятие соответствующих мер денежно-кредитной, финансовой, социальной, внешнеэкономической политики.

Одним из важных факторов экономической безопасности является повышение уровня жизни населения.

Как известно, в широком смысле уровень жизни представляет собой совокупность условий жизни, достигнутых при современном состоянии экономики, а в узком смысле — уровень доходов населения и связанная с ним степень удовлетворения потребностей.

Одним из важных показателей уровня жизни, от динамики которого зависят потенциальные возможности удовлетворения потребностей, является валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения. По данным Всемирного банка, Россия в 2013 г. занимала 56-е место в мире по данному показателю, рассчитанному по паритету покупательной способности валют, (16 007 долл. США). В 2018 г. она опустилась на 62-е место — 11 289 долл. США. В значительной степени это было связано с тем, что реальный ВВП в Российской Федерации либо сокращался, либо увеличивался темпами более низкими, чем среднемировые показатели. Темп роста реального ВВП составлял в 2013 г. 101,3 %, в 2014 г. — 100,7 %, в 2015 г. — 96,3 %, в 2016 г. — 99,8 %, в 2017 — 101,5 %, в 2018 г. — 102,3 %, в 2019 — 101,4 %. Причины низких темпов экономического развития в последние годы связаны как с недостаточно эффективной денежно-кредитной и финансовой политикой, которая не стимулирует процесс новой индустриализации (высокими процентными ставками по кредитам, значительно превышающими уровень инфляции; снижением доли средств из бюджета, направляемых на финансирование науки; низкой инвестиционной и инновационной активностью в связи с отсутствием налоговых льгот и т. д.), так и с проблемами, вызванными санкциями западных стран.

Уровень жизни в значительной степени характеризует показатель реальных доходов населения страны. С позиции экономической безопасности их увеличение означает создание условий для экономического роста, усиления социальной защищенности населения, сокращения теневой экономики и коррупции. В Российской Федерации после значительного снижения реальных располагаемых доходов населения в 1990-е го-

ды их существенный рост наблюдался в 2000–2007 гг., когда их ежегодные темпы прироста превышали 10,0 %. Заметим, что именно в этот период были наиболее значительные темпы роста физического объема ВВП в постсоветский период, в частности, в 2000 г. — 110,0 %, в 2007 г. — 108,5. Однако в последующий период темпы прироста реальных доходов населения стали уменьшаться, а в 2014–2018 гг. они ежегодно сокращались. По данным Росстата, они снизились по сравнению с предшествующим годом в 2014 г. на 0,7 %, в 2015 г. — на 3,2 %, в 2016 г. — на 6,0 %, в 2017 г. — на 1,1 %, в 2018 г. — на 0,1 %, т. е. в целом на 10,3 % в течение данного периода. Удельный вес населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, хотя и сократился в 2016–2018 гг. по сравнению с 2015 г. (с 13,4 % в 2015 г. до 12,6 % в 2018 г.), но превышает уровень 2012–2013 гг. (10,7 % и 10,8 % соответственно). Следует также отметить значительное неравенство в распределении доходов населения России. В 2018 г. коэффициент дифференциации доходов, по данным Росстата составил 15,6; коэффициент Джини — 0,413, что превышает аналогичные показатели развитых европейских государств. Так, коэффициент дифференциации доходов во многих странах не превышает 10 раз (Финляндия — 5,6; Норвегия — 6,1; Швеция — 6,2; Германия — 6,9; Франция — 9,1). Существенное неравенство в распределении доходов создает чувство материальной и моральной неудовлетворенности жизненными условиями у значительной части населения страны, что в определенной степени влияет и на снижение экономической безопасности страны.

Снижение реальных доходов населения в значительной степени было обусловлено проведением рестриктивной денежно-кредитной политикой Банка России, направленной на снижение темпов инфляции, и финансовой политики Правительства РФ. Высокий уровень ключевой ставки процента, которая до июня 2019 г. составляла 7,75 %, в последующий период последовательно снижалась Центральным банком РФ и была установлена на уровне 6,0 % с 10 февраля 2020 г., что следует оценить положительно. Однако ключевая ставка процента по-прежнему значительно превышает процентные ставки центральных банков развитых стран, несмотря на приближение уровня инфляции в Российской Федерации к ее темпам в этих государствах. В 2017 г. уровень инфляции снизился до минимального уровня в постсоветской России — 2,5 %, в 2018 г. составил 4,3 %, в 2019 г. — 3,0 %.

Меры денежно-кредитной и финансовой политики обычно приводят к противоречивым изменениям в экономике. И важно своевременно определить их преимущественное влияние на позитивные или негативные изменения в экономической системе. В этом отношении преодоление инфляционных процессов монетаристскими методами, которые, как правило, используются в России для борьбы с инфляцией (за исключением периода начала 2000-х годов, которые характеризовались наиболее высокими темпами роста ВВП, реальных доходов населения и инвестиций в основной капитал), направленными на сокращение совокупного спроса на основе соответствующих сдерживающих мер денежно-кредитной, финансовой и социальной политики, не может не привести к снижению темпов инфляции, что и произошло в российской экономике в последние годы. Однако с позиции экономической безопасности страны борьба с инфляцией подобными методами не может быть самоцелью, так как отрицательные последствия снижения темпов развития экономики, непосредственно связанные с мерами по сокращению совокупного спроса, значительно превысили эффект уменьшения уровня инфляции. Имеется в виду снижение реальных доходов населения, сокращение или низкие темпы прироста инвестиций в основной капитал в отраслях, определяющих развитие новой индустриализации в стране, снижение инновационной активности организаций, уменьшение или низкие темпы роста ВВП и т. д. [6]. Необходи-

димось увеличения внутреннего спроса в стране, в частности, потребления домашних хозяйств, для повышения темпов экономического развития отмечают и другие авторы [4, с. 24–25].

В связи с этим экономическая политика нового Правительства РФ должна быть направлена, напротив, на стимулирование совокупного спроса, в том числе, через увеличение денежных доходов населения России, так как она позволит повысить степень использования производственных мощностей и обеспечить развитие экономики, увеличить совокупное предложение, снизить средние издержки производства единицы продукции и темпы развития инфляции издержек, которая в России преобладает [1; 3; 5; 6]. Очевидно, что в этих условиях усилится влияние факторов инфляции спроса, и возможно незначительное повышение уровня инфляции в стране. Однако эффект развития национального производства, повышения уровня жизни с большой долей вероятности, как показывает опыт развития других стран и Российской Федерации в начале XXI века, позволит существенно повысить экономическую безопасность страны, что имеет определяющее значение в современных условиях политической и экономической нестабильности в мире.

Уровень жизни влияет на демографическую ситуацию в стране и непосредственно связан с ней. Численность населения России за период с 1 января 1992 г. по 1 января 2019 г., по данным Росстата, сократилась со 148 514 до 146 781 тыс. чел., т. е. на 1,2 %. При этом незначительное сокращение численности связано в основном с миграционным приростом населения, так как естественный прирост в Российской Федерации почти все годы был отрицательным. Наиболее значительный отрицательный естественный прирост населения наблюдался в 1990-е годы, когда происходил спад национального производства и существенно снизился уровень жизни населения (в частности, в 1998 г. он составил — 918,8 тыс. чел, в 1999 г. — 949,1 тыс. чел.). Обращает на себя внимание тот факт, что в 2000-е годы за период с 1 января 2002 г. по 1 января 2019 сократилась численность населения почти во всех пятилетних возрастных группах от 15 до 54 лет, кроме 30–34 и 35–39 лет, т. е. тех, кто родился в последние годы существования СССР. В целом население в этом наиболее трудоспособном возрасте уменьшилось с 89 155 тыс. чел. с 1 января 2002 г. до 78 025 тыс. чел. в начале 2019 г., или на 12,5 %. На протяжении постсоветского периода длительное время наблюдался отрицательный естественный прирост населения. В 2012–2015 гг. возникла противоположная ситуация, однако в последние годы естественный прирост населения вновь стал отрицательным. Более того, в 2017 г. он был наиболее значительным после 2010 г. (–224,6 и –129 тыс. чел. соответственно). Приведенные демографические данные свидетельствуют о дополнительных проблемах как для развития национального производства, так и для экономической безопасности страны. Для улучшения демографической ситуации в стране Президент РФ В. В. Путин предложил в своем послании 15 января 2020 г. предоставить право на материнский капитал при рождении первого ребенка, что в перспективе может изменить ситуацию.

Экономическая безопасность страны связана с продовольственной безопасностью. Введенные против России санкции и связанная с ними политика импортозамещения позволила повысить темпы развития агропромышленного комплекса страны в последние годы, что расширило возможности потребления населением продуктов питания. Увеличился удельный вес экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в общем экспорте Российской Федерации с 1,8 % в 2006 г. до 5,8 % в 2017 г. Однако около одной трети стоимости экспорта продовольствия составляет зерно. При этом если в 2008 г. экспорт зерна составлял 12,6 %, то в 2017 г. — 31,6 % от валового сбора. Данная тенденция означает усиление сырьевой направлен-

ности экспорта России в сочетании со значительной долей минеральных продуктов в экспорте, которая в 2017 г. составила 60,4 %. Некоторые экономисты отрицательно характеризуют тенденцию увеличения экспорта зерна [2; 8]. Мы разделяем эту позицию, так как рост экспорта зерна не способствует укреплению экономической безопасности страны.

Характеризуя влияние уровня жизни на экономическую безопасность следует также отметить, что относительно низкий уровень жизни населения в стране по сравнению с другими более развитыми странами, неизбежно означает перемещение самых квалифицированных кадров из данной страны в другие государства, которые могут обеспечить значительно более благоприятные жизненные условия, что часто происходит в России в отношении наиболее перспективных молодых работников. В результате снижаются возможности развития национальной экономики и укрепления экономической безопасности страны.

Библиографический список

1. Балацкий Е. В., Екимова Н. А., Юревич М. А. Немонетарные факторы в трансмиссионном механизме денежно-кредитной политики: пересмотр стратегии регулирования инфляции // Управленец. — 2018. — Т. 9, № 5. — С. 26–39.
2. Гумеров Р. Р. Российский зерновой экспорт. Не повторять ошибок прошлого // ЭКО. — 2017. — № 1. — С. 5–19.
3. Дмитриева О., Ушаков Д. Инфляция спроса и инфляция издержек: причины формирования и формы распространения // Вопросы экономики. — 2011. — № 3. — С. 40–52.
4. Ершов М. В., Танасова А. С., Соколова Е. Ю. О некоторых подходах государственного управления для стимулирования экономического роста // Управленец. — 2019. — Т. 10, № 5. — С. 20–32.
5. Ильяшенко В. В. Макроэкономические и микроэкономические аспекты инфляции в трансформируемой экономике России. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2006. — 207 с.
6. Ильяшенко В. В., Куклина Л. Н. Взаимосвязь доходов и инфляции с совокупным спросом в российской экономике // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, вып. 4. — С. 1477–1787.
7. Кротов М. И., Мунтиян В. И. Экономическая безопасность России: Системный подход. — СПб.: НПК «РОСТ», 2016. — 336 с.
8. Крылатых Э. Н., Белова Т. Н. Экспорт российского зерна в контексте формирования региональной экономической политики // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, вып. 3. — С. 778–790.
9. Экономическая безопасность: учеб. пособие. / под ред. В. А. Богомолова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ, 2016. — 295 с.
10. Экономическая безопасность России: методология, стратегическое управление, системотехника / под науч. ред. С. Н. Сильвестрова. — М.: РУСАЙНС, 2018. — 350 с.

Н. В. Новикова, А. И. Леонтьев

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Обеспечение экономической безопасности региона посредством экономического роста

Аннотация. Предлагается рассмотреть экономический рост как один из критериев экономической безопасности, в том числе в теоретическом и практическом плане. Целью исследования является обоснование необходимости достижения экономического роста для обеспечения высокого уровня экономической безопасности региона. Статья будет интересна сотрудникам, работающим в сфере экономической безопасности, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, студентам и преподавателям высших учебных заведений.

Ключевые слова: полюс роста; центр роста; экономический рост; регион; экономическая безопасность региона.

Защищенность стратегических ценностей и социально-экономическое развитие страны являются одними из главных целей, которые решаются главами различных государств в целях обеспечения экономической безопасности страны.

Особый интерес вызывает региональный аспект экономической безопасности. Ведь обеспечение экономической безопасности региона является одним из главных приоритетов по повышению конкурентоспособности экономики региона, в том числе для целей стабильного экономического развития и ее защищенности от внутренних и внешних угроз.

В Стратегии экономической безопасности до 2030 г. под экономической безопасностью понимается состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

Ввиду рассмотрения экономической безопасности на региональном уровне авторы предлагают рассмотреть содержательный аспект понятия «регион».

В соответствии с указом Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 регионом является часть территории Российской Федерации в границах территории субъекта Российской Федерации.

Французский экономист Жак Рауль Будвиль определял понятие «регион» как конкретный экономический район, формирующийся на основе географического пространства (почва, климат, ландшафт), математического пространства (абстрактное пространство, выражающее отношения между независимыми переменными без учета географического положения) и экономического пространства (объединение математического пространства с географическим) [8].

Один из ведущих ученых по проблемам региональной экономики, основоположник и руководитель уральской научной школы, доктор географических наук, профессор Е. Г. Анимидца рассматривает понятие «регион» как «относительно целостное пространственное (территориальное) образование, зачастую значительное по размерам, но необязательно являющееся таксономической единицей административно-территориального деления, внутри которого взаимодействуют природно-географические, экономические, социальные, этнодемографические, технологические, информационные и иные процессы, способствующие формированию однородной (целостной) по избранному ряду критериев-определителей территории и дающие импульс для ее саморазвития» [4, с. 24].

На основе изложенного, авторы определяют понятие «регион» как относительно целостную пространственную территорию, сформированную в границах субъекта Российской Федерации и наделенную особыми характеристиками (почва, климат, ландшафт и т. д.).

В данном исследовании авторы предлагают под экономической безопасностью региона понимать следующее понятие, предложенное докторами экономических наук Е. Б. Дворяждиной и Н. В. Новиковой: «...совокупность текущего состояния, условий и факторов, характеризующих стабильность, устойчивость и поступательность развития экономики региона, органически интегрированной в экономику страны в целом как относительно самостоятельная структура» [7, с. 77].

Кроме того, различными учеными в области экономики определяется по-разному содержательная часть термина «экономический рост» (см. таблицу).

Характеристика понятий «экономический рост»

Автор (авторы)	Содержание
П. Ромер	Экономическая модель с такими включенными параметрами как капитал, труд, человеческий капитал и индекс уровня технологий, которая при большем уровне запаса человеческого капитала обеспечивает рост экономики быстрее
Е. Д. Домар, Р. Харрод	Ежегодное увеличение инвестиций (государственных и частных) при постоянстве уровня совокупных спроса и предложения в долгосрочном периоде
Р. Солоу	Синергетические факторы (научно-технический прогресс, капитал и трудовые ресурсы), которые увеличивают реальный объем валового внутреннего продукта в долговременном периоде
Г. А. Фельдман	Эффективное использование инвестиций (капитал), которые в краткосрочном периоде необходимы в создании потенциала совокупности средств и предметов труда, и в долгосрочном периоде увеличивают объемы производства товаров народного потребления, влияющим на прирост национального дохода страны
Б. Бема, Л. Пунцо	Внедрение инноваций (технологий) в отраслевую структуру экономики, за счет которых в длительной перспективе обеспечивается рост внутреннего валового продукта страны
А. И. Анчишкин	Увеличение производственных ресурсов, расширение масштабов производства, рост выпуска продукции и ее потоков, идущих как на текущее непроизводственное потребление, так и на пополнение производственных и непроизводственных ресурсов
П. Кругман, М. Фьюджита	Взаимодействие центробежных и центростремительных сил в экономическом пространстве, в котором происходит увеличение величины объема выпуска за счет возрастающей отдачи от масштаба

Примечание. Составлено по: [1; 5; 6; 9; 10; 11; 12; 13; 14].

На основе изложенного, авторы определяют понятие «экономический рост» как взаимодействие центробежных и центростремительных сил в экономическом пространстве (регион), в котором под воздействием различных факторов и условий, в том числе внедрения инноваций (технологий) в отрасли экономики, происходит увеличение внутреннего регионального продукта.

Анализируя действующую экономическую политику Российской Федерации, можно предположить, что правительство Российской Федерации активно применяет основные положения теории кумулятивного роста в целях пространственного, технологического развития и экономического роста страны.

Стоит выделить, что яркими представителями теории кумулятивного являются следующие исследователи [3]: Г. Мюрдаль (концепция взаимной и кумулятивной обусловленности), А. Хиршман (теория «прямой и обратной связи»), Ф. Перру (теория полюсов роста), Т. Хегерstrand (теория «диффузии нововведений»), Ж-Р. Будвиль (теория «полюсов роста»), П. Потье (теория об осях развития), Х. Р. Ласуэн (теория

«полюсов роста»), Дж. Фридман (теория «центр-периферия»), Х. Гирш (модель «вулкана»), Д. Дарвент (теория «полосов роста»), К. В. Павлов (теория «экономического ядра»), Х. Ричардсон (теория городской агломерации).

Кроме того, в рамках настоящей статьи авторы будут руководствоваться содержанием следующих понятий [2]:

— «полюс роста» — это комплекс предприятий, оказывающих сильное воздействие на количественное и качественное улучшение региона, выражаемое в эффективности функционирования региона (научно-технологическом прогрессе) и приросте внутреннего регионального дохода;

— «центр роста» — это административный, финансовый или иной объект (город или муниципальное образование), который выполняет особую роль в региональном экономическом пространстве.

При рассмотрении указанных выше теорий ученых, отмечается, что развитие региональных территорий в концепции «полюсов роста» в современной России является одним из важных аспектов по достижению экономического роста для обеспечения высокого уровня экономической безопасности страны. С учетом принятия Стратегии пространственного развития до 2025 г. правительство Российской Федерации всерьез озабочено развитием не только полюсов роста (регионов) в составе макрорегионов, но и центров роста (административных центров и пр.).

Для целей пространственного развития и повышения экономической безопасности регионов выделяются огромные денежные средства для реализации региональных составляющих национальных проектов в рамках указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. Данный указ направлен на развитие человеческого капитала, стимулирования предпринимательской деятельности, в том числе инновационной, технологическую трансформацию регионального и муниципального управления по принципу «одного окна», формирование комфортной городской среды, повышения уровня качества жизни и защищенности граждан от различного рода рисков и угроз.

По мнению авторов, с учетом действующих внутренних и внешних риск-событий достижение экономического роста является важным критерием для поддержания экономической защищенности страны, в том числе регионов Российской Федерации.

В связи с этим, органы государственной власти заинтересованы в нахождении новых «полюсов роста» и «центров роста» для целей пространственного развития. Поэтому выполнение целей и задач указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 являются необходимостью для целей не только достижения экономического роста, но и обеспечения экономической безопасности регионов, в том числе страны в целом.

Таким образом, конечной целью национальных проектов является экономический рост, который является настоящим вызовом для трансформации действующих региональных экономических систем в системе обеспечения экономической безопасности региона. По мнению авторов, экономическая безопасность региона будет обеспечиваться достижением целевых значений показателей региональной составляющей национальных проектов, за счет которых будет происходить увеличение внутреннего регионального продукта.

Библиографический список

1. Анчишкин А. И. Прогнозирование роста социалистической экономики. — М.: Экономика, 1973. — 294 с.
2. Новикова Н. В., Леонтьев А. И. «Полюс роста» и «центр роста»: сущностно-содержательные характеристики // *Фундаментальная и прикладная наука: новые вызовы и прорывы*:

сб. ст. Междунар. науч.-практ. конференции (Петрозаводск, 26 января 2020 г.). — Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2020. — С. 13–16.

3. *Господарик Ю. П., Пашковская М. В.* Мировая экономика: учебник. — 5-е изд., стер. М.: Ун-т «Синергия», 2018. — 766 с.

4. *Анимациа Е. Г.* Региональное управление: курс лекций. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2010. — 340 с.

5. *Фельдман Г. А.* К теории темпов народного дохода (часть I) // Плановое хозяйство. — 1928. — № 11. — С. 146–170.

6. *Фельдман Г. А.* К теории темпов народного дохода (часть II) // Плановое хозяйство. — 1928. — № 12. — С. 151–178.

7. *Дворяжкина Е. Б., Новикова Н. В.* Экономическая безопасность: учеб. пособие. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2010. — 177 с.

8. *Boudeville J. R.* L'espace et les poles de croissance. — Paris: Presses universitaires de France, 1968. — 126 p.

9. *Buht B., Punzo L. F.* Productivity-investment fluctuations and structural change // Cycles, growth and structural change // by ed. L. F. Punzo. — London ; N. Y.: Routledge, 2001. — P. 47–92.

10. *Domar E. D.* Essays in the theory of economic growth. — N. Y.: Oxford University Press, 1957. — 272 p.

11. *Fujita M., Krugman P.* The new economic geography: Past, present and the future // Papers in regional science. — 2004. — Vol. 83. — P. 139–164.

12. *Harrod R.* Economic dynamics. — London: Macmillan, 1973. — 195 p.

13. *Romer P.* Endogenous technological change // Journal of political economy. — 1990. — Vol. 98. — P. 71–102.

14. *Solow R.* Contribution to the theory of economic growth // Quarterly journal of economics. — 1956. — Vol. 70. — P. 65–94.

С. Б. Глоба

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск;

И. И. Рахимов

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург;

Ш. Р. Шаймарданов

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Бедность как фактор экономической безопасности

Аннотация. Рассмотрены основные подходы к трактовке понятия «бедность», дано авторское его определение, изложены основные факторы бедности. Обозначены угрозы экономической безопасности РФ. Выявлена взаимосвязь личности и государства при обеспечении национальной безопасности. Рассмотрено отрицательное влияние фактора бедности на экономику государства. Сделан вывод о необходимости разработки социально-экономического курса страны в целях преодоления бедности и обеспечения устойчивости государственной экономической системы.

Ключевые слова: бедность; экономическая безопасность; фактор бедности; риски; угрозы; развитие экономики; уровень социально-экономического неравенства.

В настоящее время в Узбекистане во всех сферах жизнедеятельности человека и общества наблюдается появление новых рисков и угроз, которые необходимо учитывать и принимать во внимание при разработке программ развития и последующем их осуществлении. Задачи обеспечения экономической безопасности являются очень актуальными и требуют дальнейшего исследования как в теоретическом, так и практическом аспектах. Общее экономическое состояние страны в целом зависит от эко-

номической возможности каждого отдельного потребителя. В связи с этим, необходимо уделять особое внимание такой проблеме как бедность.

В последние годы, учитывая большие экономические реформы, проводящиеся в Узбекистане, угроза, создаваемая бедностью, является одной из ключевых для общества и государства, которая разрушает и дестабилизирует национальную экономику изнутри, что в свою очередь ведет к уменьшению важнейшей экономической составляющей — потребительского спроса.

Целью работы является изучение основных показателей бедности, влияющих на экономическую безопасность государства.

Как показывает проведенный анализ, в научной литературе можно встретить разнообразные трактовки понятия «бедность». Наиболее распространен социально-экономический подход. В нем понимается, что у человека или семьи ресурсы и экономическое состояние в целом меньше, чем необходимо для нормальной жизнедеятельности.

Основываясь на докладах Всемирного Банка «Бедность и процветание», которые публикуются каждые два года начиная с 1990 г. (последний был опубликован в октябре 2018 г.), отмечается, что «...к бедным относятся лица, семьи, группы лиц, ресурсы которых являются столь ограниченными, что не позволяют вести минимально приемлемый образ жизни в государствах, в которых они живут».

В то же время в категории бедности включают не только экономический компонент. Имеется и социальная составляющая.

В некоторых условиях и обстоятельствах, человек не в состоянии улучшить свое социальное положение. У него нет возможности полностью пользоваться всеми благами культуры и науки.

По мнению авторов, бедность характеризуется таким состоянием человека, в котором он не может полностью и в равной мере со всеми использовать материальные и духовные блага общества в силу ограниченности своих материальных возможностей как по объективным (к примеру, неразумное распределение средств в области социальной политики), так и по субъективным (например, нежелание достигать чего-либо большего, получать образование либо новые навыки) причинам.

Можно заключить, что бедность — это социальное явление, характеризующееся экономическими, политическими и личностными причинами.

Говоря о бедности, стоит отметить, что в ее рамках присуще выделить понятие «черта бедности» — уровень располагаемого дохода или потребления, ниже которого человек считается бедным. В Узбекистане черта бедности фиксируется величиной минимальной заработной платы (679 330 сум — 71,5 долл. США). Согласно данным, представленным Президентом Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиевым, на 2020 г. количество бедных в Республике Узбекистан составляет 4–5 млн чел. (примерно 15 % от общей численности населения).

Среди факторов, провоцирующих появление бедности, можно выделить:

- 1) экономические (низкая заработная плата, безработица);
- 2) социально-медицинские (связанные с системой здравоохранения);
- 3) демографические (неполные и многодетные семьи);
- 4) социальные (низкий уровень социальных гарантий);
- 5) квалификационные (недостаточный уровень образования, профессиональной подготовки).

Необходимо отметить, что решающее влияние на уровень бедности оказывают экономические факторы, в частности, низкая заработная плата, которая в свою очередь неблагоприятно отражается на покупательской способности человека, очень не-

обходимой для развивающейся экономики государства. В совокупности, все вышеуказанные факторы вызывают социальную напряженность и препятствуют эффективному развитию личности, общества и государства в целом.

Бедность является деструктивным фактором, тормозящим экономический рост. В связи со снижением доходов населения происходит уменьшение спроса на производимую продукцию. Закономерно, что на фоне этого понижаются объемы и масштабы производства, экономика страны отстает от своих реальных возможностей. Именно таким образом бедность формирует угрозы экономической безопасности государства.

Государство, в котором высока доля бедного населения, является экономически не стабильным, а значит небезопасным. Неплатежеспособные граждане не мотивированы в повышении труда, и уходят в теневой сектор экономики, не платят налоги и обязательные платежи, результатом чего является отсутствие пользы этих граждан в национальной экономике. Кроме того, бедное население является бременем не только для государства, но и для всех активных участников экономики, к тому же требует социальной поддержки (по данным на конец 2019 г., пособие по безработице получают около 60 тыс. жителей страны). При наличии дешевой рабочей силы предприятия, как правило, не заинтересованы в совершенствовании производства, внедрении новой техники, инвестиции в возобновляемые источники энергии.

Таким образом, увеличение числа бедных, усиление социальной и экономической дифференциации выступают главными угрозами национальной экономической безопасности. Такие данные, по мнению автора должны стать сигналом для лиц, ответственных за принятие решений, к принятию оперативных мер, противодействующих усилению неравенства доходов в стране. В современном Узбекистане задача уменьшения доли населения за чертой бедности весьма актуальна и является одной из основных, поставленных президентом Республики Ш. М. Мирзиевым перед правительством на 2020 г. Он поручил властям в установленный срок снизить уровень бедности. Борьба с бедностью должна составлять важнейшую часть социально-экономической политики государства. Решение данной проблемы должно осуществляться не повышением минимальной заработной платы или пособий по безработице. Прежде всего необходимо обучать население остро необходимым профессиям (104 тыс. в строительной сфере; 71 тыс. в коммунальной; 68 тыс. в сфере оказания услуг; 46 тыс. легкой промышленности) (по данным МинТруда РУз отчет 2020 г.), повышать финансовую грамотность и т. д.

По мнению автора, в целях обеспечения высокого уровня экономической безопасности государства, необходимо:

- разработать методологию и критерии оценки бедности;
- принять комплексные меры по формированию у населения современных и необходимых для экономики навыков и умений;
- создать благоприятные условия для ведения бизнеса среди молодежи и женщин, в том числе в виде предоставления льготных кредитов, налоговых и прочих льгот;
- осуществить создание механизмов для широкого доступа субъектов предпринимательства к финансовым ресурсам, в том числе услугам по микрофинансированию, а также государственным закупкам;
- разработать и внедрить на республиканском уровне программы по развитию всех видов сельскохозяйственных культур, с учетом территориальных факторов, с привлечением незанятого населения.

Д. А. Шелестова, Е. А. Чайникова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Укрепление экономической безопасности России на основе развития государственно-частного партнерства

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам укрепления экономической безопасности России на основе государственно-частного партнерства. Авторами сделан вывод, что государственно-частное партнерство является одним из эффективных инструментов привлечения инвестиций и стимулирования инфраструктурного развития страны. В силу этого обоснована важность развития государственной поддержки перспективных направлений государственно-частного партнерства, позволяющей активизировать усилия государства и частного бизнеса в создании общественно значимых инфраструктурных объектов.

Ключевые слова: экономическая безопасность; государственно-частное партнерство; перспективы; развитие.

Объективная необходимость в строительстве новых инвестиционных объектов, реконструкции и модернизации существующих объектов требует значительного объема финансирования. Решение этих достаточно сложных задач только за счет средств бюджета или средств частного инвестора в ряде случаев невозможно. Поэтому возникает потребность в поиске иных способов разрешения сложившейся ситуации. Одним из таких способов выступает государственно-частное партнерство (ГЧП). Так, при отсутствии достаточных бюджетных средств для реализации проекта на основе государственного контракта публичная сторона получает в нужные сроки частные инвестиции, которые в дальнейшем в той или иной мере рефинансирует [1]. Более того, наблюдается тенденция усиления внимания государства и частного бизнеса к формированию и реализации данного механизма сотрудничества в таких сферах, как транспорт, электроэнергетика, образование, здравоохранение и др. [2]. В тех зарубежных странах, которые характеризуются высокими уровнями средней продолжительности жизни, гарантированностью высокого уровня социальной защиты, высоким качеством медицинского обслуживания и образования, ГЧП, как правило, используется в отраслях здравоохранения и образования. А в развивающихся зарубежных странах и странах с переходной экономикой наиболее приоритетным направлением привлечения инвестиционных ресурсов с помощью ГЧП является транспортная инфраструктура. В отношении России отметим, что согласно данным Центра развития ГЧП за 2016–2017 гг. по количеству проектов и объему инвестиций в рамках ГЧП лидирующие позиции занимает жилищно-коммунальная сфера.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что государственно-частное партнерство является одним из инструментов привлечения инвестиций и стимулирования инфраструктурного развития России, содействующим укреплению экономической безопасности страны. Кроме того, общий экономический эффект для государства выражается в экономии средств бюджетов при использовании ГЧП.

Проекты, реализуемые в форме ГЧП, отличаются друг от друга [3]. Среди них могут быть как привлекательные проекты, высококонкурентные и самокупаемые, так и проекты фактического кредитования публичного образования в рассрочку за счет частных средств. При этом выгоды публичной стороны не означают, что частный партнер — донор проекта. Цель частной стороны — получение прибыли. Участие в проектах ГЧП на начальных этапах требует вложений, но обеспечивает возврат инвестиций и получение прибыли. Гарантией окупаемости может выступать как сама экономика проекта, так и государственные гарантии или государственное финанси-

вание, а также различные компенсационные механизмы. Кроме того, наличие государственных или муниципальных гарантий, возможность залога прав по соглашению, как правило, открывает частному инвестору доступ к более дешевому банковскому финансированию. В то же время социально значимые проекты в сфере дошкольного и школьного образования, социального обслуживания, культуры довольно часто сталкиваются с проблемой окупаемости: их экономическая составляющая обычно не обеспечивает доходности частного инвестора. В таких случаях используются различные механизмы, усиливающие публичное финансовое участие:

- плата за доступность или минимальный гарантированный доход;
- компенсация при наступлении особых обстоятельств;
- привлечение арендаторов, операторов;
- средства перераспределения рисков.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о наличии ряда перспективных направлений развития ГЧП, в частности:

- 1) развитие инфраструктурного планирования;
- 2) создание специализированных национальных финансовых институтов, осуществляющих поддержку инфраструктурных инвестиций;
- 3) расширение практики применения платы за доступность как механизма ввоза частных инвестиций;
- 4) развитие инфраструктурного экспорта;
- 5) цифровизация сферы ГЧП. В частности, речь идет о создании, функционировании и развитии единой информационной системы, аналога «цифрового клона» реальной инфраструктуры — модели виртуальных сетей инфраструктуры по всей стране.

Переход к цифровой экономике возложил на ГЧП решение новых задач в области развития интеллектуальной, научно-технической и внедренческой деятельности. Следует констатировать, что создание инноваций в развитых зарубежных странах реализуется на основе ГЧП. К примеру, в зарубежных странах одним из ключевых векторов развития цифровой экономики, является создание и разработка робототехники и искусственного интеллекта, которое активно протекает именно на базе ГЧП. В Европейском союзе, в частности, перспективные исследования в сфере робототехники получили достаточное финансирование в рамках инновационной программы Horizon 2020 на базе проектов ГЧП — примерно 190 млн евро. В контексте еще одной европейской программы развития робототехники SPARC государства Европейский союз вкладывает 700 млн евро, а частный сектор инвестирует 2,1 млрд евро¹ в создание промышленной робототехники. Разработка другого прорывного вектора цифровой индустрии — суперкомпьютеров в странах Европейского союза также реализуется на базе ГЧП.

Государство вынуждено прибегать к помощи со стороны хозяйствующих субъектов, обеспечивающих развитие инновационной деятельности. К примеру, в Концепции формирования Государственной комплексной программы развития машиностроения отмечается, что развитие одного из его инновационных направлений — роботостроения — возможно на началах ГЧП. Вместе с тем, программа «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривает развитие ГЧП в области внедрения цифровых технологий.

В настоящее время в рейтинге стран мира по уровню экономических и инновационных результатов использования цифровых технологий наша страна занимает 38-е место, значительно отставая от мировых стран-лидеров, таких как Финляндия,

¹ Европа вкладывает деньги в робототехнику. — URL: <http://www.robogeek.ru/analitika/evropavkladyvaet-dengi-v-robototekniku>.

Швейцария, Швеция и др. По мнению экспертов, такое значительное отставание характеризуется недоработками нормативной базы для цифровой экономики и наличием некомфортных условий для бизнеса и инноваций.

Анализируя действующее российское законодательство о ГЧП в сфере создания результатов интеллектуальной деятельности, можно выделить некоторые недостатки.

Так, во-первых, возникает вопрос о том, что разрешено создавать лишь объекты информационных технологий, а не результаты интеллектуальной или инновационной деятельности в целом, что ограничивает возможность осуществления ГЧП в сфере инновационной деятельности. При этом заметим, что в рамках Федеральной программы «Цифровая экономика» предлагается развивать ряд «сквозных цифровых технологий». Кроме того, в программе отмечается, что по мере появления и развития новых технологий указанный перечень может быть изменен. В связи с этим встает вопрос о том, допустимо ли отнесение к объектам информационных технологий целого ряда сквозных цифровых технологий: новых производственных технологий, компонентов робототехники, и, как следствие, возможность создания указанных технологий в рамках ГЧП. Более того, особый интерес для государства сейчас вызывают и коммуникационные (телекоммуникационные) технологии, которые отличаются от информационных технологий, хотя часто упоминаются вместе. Поэтому целесообразно в Закон о ГЧП внести изменения, указав, что в рамках ГЧП могут создаваться, в том числе и результаты интеллектуальной и инновационной деятельности. Такого рода изменения в наибольшей мере послужили бы эффективному развитию инновационной деятельности и цифровой экономики для совместного финансирования в рамках ГЧП.

Во-вторых, Закон о ГЧП предьявляет исключительное право к частному партнеру в случае, если соглашение о ГЧП заключается в интересах создания объекта информационных технологий. При этом в рамках того соглашения частный партнер не может быть иностранным юридическим лицом. Данное ограничение представляется не вполне оправданным. Так, на первый взгляд, установление такого ограничения очевидно в части обеспечения информационной безопасности России. С другой стороны, наша страна заинтересована в усилении притока инвестиций в экономику, что может быть реализовано посредством привлечения частных иностранных инвестиций.

Перечисленные недостатки обусловили необходимость поиска новых форм ГЧП, в пределах которых реализовывались результаты интеллектуальной и инновационной деятельности. Представляется, что соглашение об осуществлении технико-внедренческой деятельности в особых экономических зонах Российской Федерации является наиболее подходящей формой ГЧП в инновационной сфере. Такие соглашения заключаются в границах особых экономических зон технико-внедренческого и промышленно-производственного типов между резидентами (индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом, за исключением унитарных предприятий) и государством (в лице Минэкономразвития РФ и управляющей компании).

Подводя итог вышесказанному, отметим, что институт государственно-частного партнерства в России на современном этапе находится в процессе адаптации к трансформирующимся экономическим отношениям. Несмотря на имеющиеся на сегодняшний день достижения в применении ГЧП, существует ряд правовых, организационных, производственных и финансовых барьеров, сдерживающих его дальнейшее развитие. И в целях дальнейшего совершенствования данного института для укрепления экономической безопасности страны требуется устранение выше выявленных недостатков и оказание государственной поддержки перспективных направлений развития. Необходимо применение комплексного подхода к управлению рисками разработ-

ки и реализации проектов ГЧП. В частности, речь идет о постоянной актуализации планов инфраструктурного развития; установлении долгосрочных параметров регулирования ГЧП и обеспечении их открытости и прозрачности; повышении знаний, умений и навыков у сотрудников соответствующих госструктур, участвующих в реализации ГЧП; обеспечении контроля на всех этапах реализации ГЧП-проекта; обмене опытом реализации проектов ГЧП с другими регионами. В отношении вызовов в развитии ГЧП отметим, что многие из них связаны с развитием инфраструктурного планирования, созданием специализированных региональных финансовых институтов, осуществляющих поддержку проектов ГЧП, цифровизацией ГЧП.

Библиографический список

1. Беденко Н. Н. Исследование уровня развития государственно-частного партнерства в России // Управленческие науки в современном мире. — 2016. — № 1. — С. 415–419.
2. Дегтярева Т. Д. Государственно-частное партнерство: оценка и практика реализации на региональном уровне // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2016. — № 8. — С. 26–29.
3. Куклева Н. Ю. ГЧП как «точка роста» взаимодействия государства и бизнеса в новых отраслях VI технологического уклада // Экономические стратегии. — 2018. — № 5. — С. 138–147.

И. Р. Бадькова

Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Казань

Социальное предпринимательство как составной элемент системы экономической безопасности современной России

Аннотация. Целью проведенного исследования выступает концептуальный анализ понятия социального предпринимательства, определение текущего положения и перспектив развития социального бизнеса в России в качестве элемента обеспечения экономической безопасности страны.

Ключевые слова: социальное предпринимательство; социальный бизнес; социально ориентированные некоммерческие организации.

Последние десятилетия ознаменованы повышенным вниманием со стороны общества к социальной ответственности экономических субъектов в первую очередь в силу того, что социально ответственное поведение является важным условием обеспечения устойчивого развития общества и достижения экономической безопасности. Можно выделить три основных проявления подобного поведения со стороны экономических субъектов: корпоративная социальная ответственность, социально ответственное инвестирование и социальное предпринимательство (социальный бизнес). В рамках данного исследования будет рассмотрено последнее из перечисленных направлений — социальный бизнес.

В первую очередь следует определить, в чем состоят отличия корпоративной социальной ответственности и социального предпринимательства. Первый из перечисленных элементов социально ответственного поведения представляет собой соблюдение определенных этических, экологических, социальных и управленческих критериев при ведении любого рода бизнеса. Социальное же предпринимательство направлено на решение важных социальных проблем.

Кроме того, следует акцентировать основное различие между социальным бизнесом и благотворительностью. Оно состоит в сохранении основной цели любого бизнеса — достижении прибыльности.

Итак, социальный бизнес — это вид деятельности, направленный на решение важных социальных проблем с целью достижения прибыли. Принято выделять следующие важные свойства социального предпринимательства: инновационный характер, финансовую устойчивость, масштабируемость¹.

Исторически социальное предпринимательство осуществлялось преимущественно в третьем секторе, т. е. в некоммерческих организациях: кооперативах, ассоциациях, обществах взаимопомощи и фондах [4]. В условиях рыночной модели США это было обусловлено недостаточностью или в отсутствие финансирования подобных предприятий со стороны государства, что неизбежно приводило компании к необходимости достижения самокупаемости для обеспечения устойчивого развития.

Опыт Европы в данном вопросе несколько отличается от североамериканского. Здесь приоритетной целью предприятий такого рода выступало уменьшение безработицы. С государством же отношения строились на контрактной основе на конкурентных условиях.

Различия в развитии социального предпринимательства в США и Европе лежат не только в плоскости практической реализации, но и в научной трактовке этого явления. В США в академической среде понятие социального бизнеса включает в себя достаточно широкий перечень организаций, таких как [2]:

— некоммерческие предприятия, которые осуществляют коммерческую деятельность с целью обеспечения финансирования социальных проектов;

— коммерческие предприятия, в дополнении к основному виду деятельности занимающиеся социальными проектами. Соответственно, благотворительная деятельность и корпоративная социальная ответственность, с точки зрения американских ученых, также относится к данной категории.

Тем не менее, следует заметить, что на практике в вопросе восприятия социального бизнеса американцы больше приближены к традиционному пониманию, и, как правило, относят к данному понятию только получающие прибыль некоммерческие организации.

Европейская же научная модель в вопросе определения социального предпринимательства представлена двумя направлениями:

— согласно первой модели, к социальному бизнесу относят и коммерческие, и некоммерческие предприятия, при условии, что они целенаправленно положительно влияют на общество [1]. Сюда, так же, как и в американской теории, относятся корпоративная социальная ответственность и благотворительная деятельность;

— вторая модель интерпретации социального предпринимательства включает только некоммерческий социальный бизнес [3].

Следует заметить, что в развитых странах социальное предпринимательство является важной частью экономики, которая, в том числе, является частью обеспечения экономической безопасности государств.

В России же социальный бизнес как особый пласт предпринимательства только начинает свое развитие. Конечно, следует заметить, что определенные зачатки социального предпринимательства наблюдались еще в конце XIX века. К примеру, отец Иоанн Кронштадтский основал Дом трудолюбия.

¹ *Российский союз промышленников и предпринимателей*: офиц. сайт. — URL: <http://rspp.ru/simplepage/525>.

**Условия, выполнение одного или нескольких из которых необходимо субъектам МСП,
осуществляющим деятельность в сфере социального предпринимательства, для получения государственной поддержки**

<p>1. Обеспечение занятости категорий граждан (см. ниже) (не менее 50% от общей численности сотрудников, с удельным весом заработной платы не менее 25 % в общем ФОТ)</p>	<p>2. Обеспечение реализации производимых гражданами из категорий граждан (см. ниже) товаров (работ, услуг)</p>	<p>3. Осуществление деятельности по производству товаров (работ, услуг), предназначенных для категорий граждан (см. ниже), в целях создания для них определенных условий</p>	<p>4. Осуществление деятельности, направленной на достижение общественно полезных целей и способствующей решению социальных проблем общества</p>
<p>(доля доходов от осуществления такой деятельности не менее 50 %, доля чистой прибыли не менее 50 % от общих значений предприятий)</p>			
Категории граждан	Направления деятельности:		
для п. 1, 2, 3	для п. 3		для п. 4
<p>а) инвалиды и лица с ограниченными возможностями здоровья; б) одинокие и (или) многодетные родители, воспитывающие несовершеннолетних детей, в том числе детей-инвалидов; в) пенсионеры и граждане предпенсионного возраста (в течение пяти лет до наступления возраста, дающего право на страховую пенсию по старости, в том числе назначаемую досрочно); г) выпускники детских домов в возрасте до двадцати трех лет; д) лица, освобожденные из мест лишения свободы и имеющие неснятую или непогашенную судимость; е) беженцы и вынужденные переселенцы; ж) малоимущие граждане; з) лица без определенного места жительства и занятий и т. д.</p>	<p>а) деятельность по оказанию социально-бытовых услуг; б) деятельность по оказанию социально-медицинских услуг; в) деятельность по оказанию социально-психологических услуг; г) деятельность по оказанию социально-педагогических услуг; д) деятельность по оказанию социально-трудовых услуг; е) деятельность по оказанию услуг, предусматривающих повышение коммуникативного потенциала, реабилитацию и социальную адаптацию, услуг по социальному сопровождению; ж) производство и (или) реализация медицинской техники, протезно-ортопедических изделий, программного обеспечения, а также технических средств, которые могут быть использованы исключительно для профилактики инвалидности или реабилитации (абилитации) инвалидов; з) деятельность по организации отдыха и оздоровления инвалидов и пенсионеров; и) деятельность по оказанию услуг в сфере дополнительного образования; к) деятельность по созданию условий для беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной, инженерной, транспортной инфраструктур и пользования средствами транспорта, связи и информации</p>		<p>а) деятельность по оказанию психолого-педагогических и иных услуг, направленных на укрепление семьи, обеспечение семейного воспитания детей и поддержку материнства и детства; б) деятельность по организации отдыха и оздоровления детей; в) деятельность по оказанию услуг в сфере дошкольного образования и общего образования, дополнительного образования детей; г) деятельность по оказанию психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи обучающимся, испытывающим трудности в освоении основных общеобразовательных программ, развитии и социальной адаптации; д) деятельность по обучению работников и добровольцев (волонтеров) социально ориентированных некоммерческих организаций; е) культурно-просветительская деятельность; ж) деятельность по оказанию услуг, направленных на развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защиту самобытности, культуры, языков и традиций народов Российской Федерации; з) выпуск периодических печатных изданий и книжной продукции, связанной с образованием, наукой и культурой</p>

Примечание. Составлено по: *О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации*: федер. закон от 24 июня 2007 г. № 209-ФЗ (с изм. от 26 июля 2019 г.).

Основной целью данного предприятия являлось оказание поддержки малоимущим в вопросе трудоустройства¹. Однако в современном понимании социальный бизнес в России находится лишь на этапе зарождения. В частности, с точки зрения нормативного регулирования, социальное предпринимательство впервые нашло законодательное определение лишь с принятием Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие». Согласно данному документу, социальное предпринимательство — деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства, отвечающая условиям (см. таблицу).

Оказание поддержки социальному предпринимательству будет осуществляться за счет регионального и местного бюджетов. В документе также перечислены виды поддержки, к основным из которых можно отнести обеспечение наличия инфраструктуры поддержки социальных предприятий; оказания финансовой, имущественной, информационной, консультационной и методической поддержки социальным предприятиям; содействие в развитии межрегионального сотрудничества, поиске деловых партнеров; организацию профессионального обучения, профессионального образования, дополнительного профессионального образования и содействие в прохождении независимой оценки квалификации работников социальных предприятий в соответствии с законодательством Российской Федерации и т. д.

На практике в России социальное предпринимательство преимущественно представлено социально ориентированными некоммерческими организациями. В 2018 г. их количество составило 140,2 тыс. предприятий (в 2012 г. 44 тыс., в 2017 г. 142,6), средняя численность работников 588,6 тыс. чел. (в 2012 г. — 455 тыс., в 2017 г. 630 тыс. чел.)². Несмотря на то, что в 2018 г. наблюдался спад в сравнении с предшествующим годом, в целом с 2012 г. показатели значительно возросли, что является показателем общего развития социального предпринимательства.

Безусловно, благотворительные и государственные организации также участвуют в реализации социально-направленной политики, однако важной особенностью социального бизнеса является заинтересованность предпринимателя в достижении экономической эффективности подобных проектов. Государство также остается в выигрыше при развитии социального предпринимательства, так как при корректной организации деятельности подобных организаций достигается оптимизация деятельности государства по решению социальных проблем. Принятие на законодательном уровне определения социального предпринимательства является важным шагом для развития данного направления деятельности. С учетом всех преимуществ социального бизнеса, представляется, что оно сыграет важную роль в обеспечении устойчивого развития экономики и общества и внесет свой вклад в обеспечение экономической безопасности страны.

Библиографический список

1. Grenier P. Reclaiming enterprise for the social good: The political climate for social entrepreneurship in UK // The 32nd Annual ARNOVA Conference. — Denver: Association for Research on Nonprofit Organizations and Voluntary Action, 2003. — P. 12–20.

¹ Социальное предпринимательство: все только начинается. — URL: <http://businessofrussia.com/май/item/222-socialnoe-predprinimatelstvo.html>.

² Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. — URL: <http://www.gks.ru>.

2. Kerlin J. Social enterprise in the US and Europe: understanding and learning from the differences // *Voluntas*. — 2006. — Vol. 17, no. 3. — P. 247–263.

3. Nyssens M. Social enterprise in Europe // *Social Enterprise: a global perspective* / ed. by J. Kerlin. — Lebanon, USA: University Press of New England, 2005. — P. 12–34.

4. *The third sector in Europe* / ed. by A. Evers, J.-L. Laville. — Cheltenham: Edward Elgar, 2004. — 179 p.

А. П. Дзюба

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск

Снижение затрат на закупку электроэнергии как фактор укрепления экономической безопасности промышленности Дальневосточного макрорегиона

Аннотация. Статья посвящена исследованию направлений снижения затрат промышленных предприятий Дальневосточного макрорегиона на закупку электрической энергии и их влияния на экономическую безопасность регионов. Автором исследованы особенности региональных энергосистем Дальнего Востока, отличающихся от других энергосистем ЕЭС России. Проводится расчет потенциала снижения затрат промышленных предприятий от закупок электроэнергии на оптовом рынке.

Ключевые слова: промышленность; Дальний Восток; электроэнергетика; энергетические затраты; структура энергопотребления; повышение энергоэффективности; экономическая безопасность.

Одним из приоритетных направлений развития долгосрочных национальных интересов экономики России является развитие территорий дальневосточного макрорегиона. Дальневосточный макрорегион представляет собой самую восточную часть территории России и состоит из девяти субъектов Федерации. Дальний Восток имеет значительные запасы сырьевых ресурсов. В макрорегионе добывается 98 % российских алмазов, 80 % олова, 90 % борного сырья, 50 % золота, 40 % рыбы и морепродуктов. Здесь находится около 1/3 всех угольных, лесных и гидротехнических ресурсов страны. Значительная материально-сырьевая база и близость с передовыми экономиками азиатского региона формирует для Дальневосточного макрорегиона значительный инвестиционный потенциал, который, в настоящий момент является недооцененным [2]. Макрорегион занимает 36 % территории России, при этом на Дальнем востоке проживает около 4,38 % населения страны или 6,26 млн чел. Несмотря на значительный экономический потенциал, объем валового регионального продукта макрорегиона составляет всего 5,46 % от общего ВРП страны [8].

В период последнего десятилетия на федеральном и региональных уровнях происходит активное внедрение новых механизмов экономической политики направленных на развитие дальневосточного макрорегиона [9]. Для реализации проектов поддержки развития инвестиционного климата на Дальнем Востоке была разработана и запущена Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и байкальского региона». Создан механизм Территорий опережающего социально-экономического развития (ТОЭСР), запущен проект Свободного порта Владивосток. Реализуются отдельные инвестиционные проекты, направленные на эффективное развитие макрорегиона, которые получают инфраструктурную и налоговую поддержку со стороны государства. Новые механизмы позволили привлечь более 2,3 трлн р. инвестиций, подавляющее большинство из которых являются частными. Указанный

объем инвестиций формирует 611 новых инвестиционных проектов, позволяющих в период до 2025 г. создать в макрорегионе более 100 тыс. новых рабочих мест [6].

Одним из значимых факторов для привлечения промышленных инвестиций в макрорегион является составляющая стоимости энергетических ресурсов. Стоимость энергоресурсов определяет себестоимость продукции будущего инвестиционного проекта, и будут сопровождать проект на протяжении всего периода его жизненного цикла. Особенности климатогеографического положения Дальнего востока, выраженные в низких температурах в осенне-зимний период, увеличивает удельные показатели энергозатрат, следовательно, и важность фактора стоимости энергоресурсов. Для территории Дальневосточного макрорегиона задача снижения затрат на отпуск энергоресурсов имеет стратегическую значимость, прежде всего влияющая на экономическую безопасность развития территории [1].

Основным и универсальным энергетическим ресурсом, традиционно потребляемым промышленностью является электрическая энергия. Особенностью дальневосточного региона России является отсутствие централизованной газификации, что существенно ограничивает альтернативу выбора способа энергоснабжения со стороны потребителей также в пользу электроэнергии, что увеличивает влияние стоимости электрической энергии на экономическую безопасность территорий [7].

Энергосистема Дальневосточного макрорегиона имеет ряд особенностей, отличающих от других объединенных энергосистем, входящих в ЕЭС России.

1. Территориально-техническая особенность. Энергосистема Дальнего Востока состоит из двух составляющих — объединенной и изолированной части. Объединенная энергосистема Дальнего Востока (ОЭС Востока) расположена на территории четырех субъектов: Амурской области, Приморского и Хабаровского края, Еврейской автономной области, а также южной части республики Саха (Якутия). Энергосистемы остальных субъектов работают изолированно [4].

2. Энергорыночная особенность. С 2005 г. в России начал функционировать оптовый рынок электроэнергии. При этом территории входящие в ОЭС Востока определены к перечню неценовых зон оптового рынка. Территории, не входящие в перечень неценовых зон, определены в качестве территорий, технологически не связанных с ЕЭС.

Структурная особенность. Структурная особенность выражается как в структуре генерирующих мощностей, обеспечивающих макрорегион, так и в структуре потребителей электроэнергии, выраженной в низкой доле электропотребления промышленным сектором в общей структуре энергобаланса (рис. 1). Структура электропотребления в рамках регионов влияет на величину перекрестного субсидирования и, следовательно, на величину конечных тарифов [3].

В декабре 2016 г. были внесены изменения в Федеральный закон «Об электроэнергетике» устанавливает особенности функционирования субъектов розничных рынков электрической энергии (мощности) на территориях Дальневосточного федерального округа. Указанные изменения определяют механизм регулирования конечных цен на электрическую энергию потребителей дальневосточного макрорегиона посредством применения надбавок к ценам на мощность производителей функционирующих на территориях ценовых зон оптового рынка. Распоряжением Правительства РФ был установлен базовый уровень цен на электрическую энергию для субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ, который на 2017 г. составлял 4 р. за кВт·ч. Утвержден размер средств учитываемых при определении надбавки к цене на мощность и перераспределяемую в Чукотский автономный округ, Магаданскую область, Камчатский край, Республику Саха (Якутия) и Сахалинскую область.

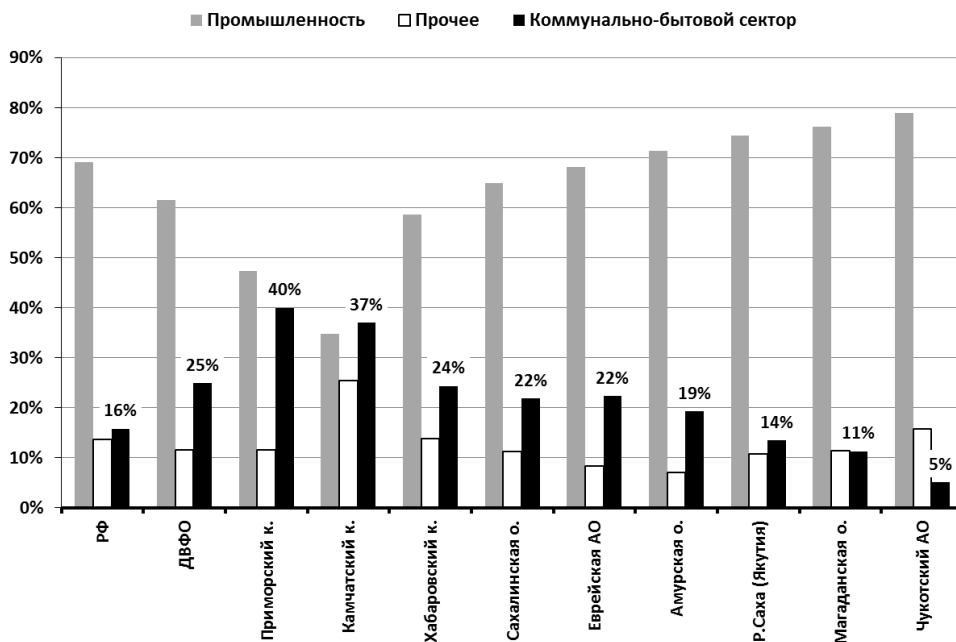

Рис. 1. Структура электропотребления в регионах Дальневосточного федерального округа в 2018 г.

Несмотря на организационные мероприятия, направленные на снижение тарифов на электроэнергию на территории Дальневосточного макрорегиона, потенциал снижения стоимости электроэнергии не является исчерпывающим.

Действующие механизмы функционирования оптового рынка электроэнергии России предусматривают возможность выхода промышленных предприятий расположенных на территории Дальневосточного федерального округа на оптовый рынок электроэнергии [5]. Возможность выхода на оптовый рынок электроэнергии возможна для потребителей электроэнергии расположенных на территории ОЭС Востока — Амурской области, Приморского и Хабаровского края, Еврейской автономной области, а также южной части республики Саха (Якутия). С 1 июля 2016 г. условия ценообразования на поставку электроэнергии с оптового рынка претерпели изменения в части приближения условий к ценовым зонам оптового рынка электроэнергии России.

Потенциал снижения стоимости закупаемой электроэнергии определяется размером сбытовой надбавки начисляемой региональным гарантирующим поставщиком за поставляемую электроэнергию в адрес обслуживаемых потребителей. При выходе потребителя на оптовый рынок, закупка электроэнергии производится напрямую у производителей электроэнергии, следовательно, затраты на оплату сбытовой надбавки гарантирующего поставщика исключаются.

Величина сбытовых надбавок утверждается региональными органами исполнительной власти в области регулирования тарифов для каждого субъекта Российской Федерации, и дифференцируется для различных групп потребителей. На рис. 2 представлены величины сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков для субъектов федерации входящих в территорию ОЭС Востока действующие с 1 января 2020 г.

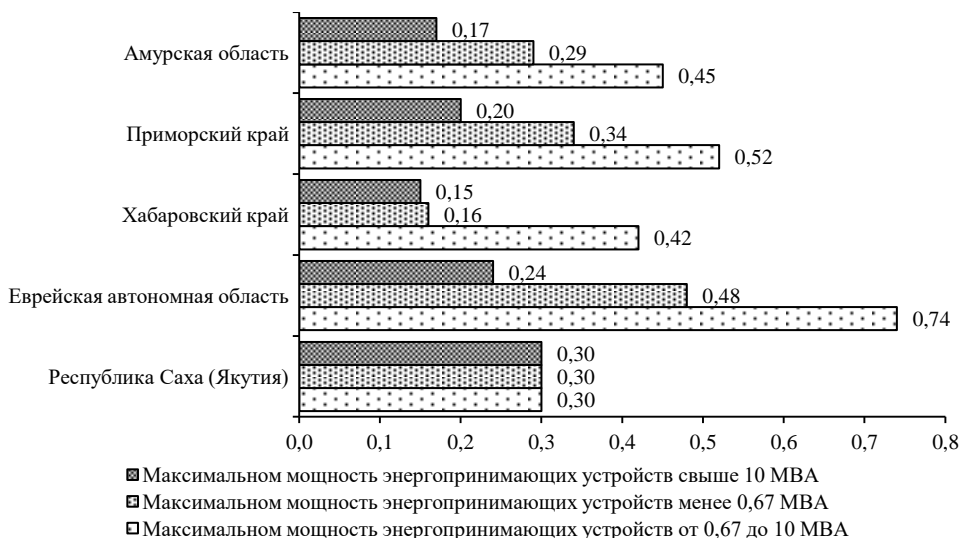

Рис. 2. Сбытовые надбавки гарантирующих поставщиков, действующих на территории ОЭС Востока на период первого полугодия 2020 г. (р./кВт·ч без НДС)

На основании сбытовых надбавок, действующих на территории каждого субъекта Федерации, был рассчитан показатель годового экономического потенциала для типового потребителя электроэнергии с ежемесячным объемом электропотребления 1 млн кВт·ч (см. таблицу).

Экономический потенциал снижения затрат на закупку электроэнергии в различных субъектах Федерации ОЭС Востока для промышленных потребителей при выходе на оптовый рынок, р. в год с НДС

Субъект РФ	Максимальная мощность энергопринимающих устройств потребителей электроэнергии, МВА		
	свыше 10	от 0,67 до 10	менее 0,67
Амурская область	2 448 000	4 176 000	6 480 000
Приморский край	2 880 000	4 896 000	7 488 000
Хабаровский край	2 160 000	2 304 000	6 048 000
Еврейская автономная область	3 456 000	6 912 000	10 656 000
Республика Саха (Якутия)	4 320 000	4 320 000	4 320 000

Как видно из таблицы, показатель годового экономического потенциала для потребителей с ежемесячным объемом потребления 1 млн кВтч составляет порядка нескольких миллионов рублей. При изменении объема потребления электроэнергии, величина экономического потенциала изменяется пропорционально.

Поставка электроэнергии с оптового рынка для крупных потребителей электроэнергии возможна при соответствии требованиям присоединенной мощности, величина которой не должна быть менее 750 кВА, а также наличии автоматизированной информационно-измерительной системы коммерческого учета электроэнергии (АИИС КУЭ) соответствующей техническим требованиям оптового рынка электроэнергии. АИИС КУЭ должна соответствовать параметрам защищенности и функциональной

полноты, и аттестованной оператором коммерческой инфраструктуры оптового рынка электроэнергетики. Стоимость создания АИИС КУЭ соответствующей техническим требованиям оптового рынка — несколько миллионов рублей. Срок аттестации и ввода в эксплуатацию — от 7 мес. до 1 года.

Потребитель электроэнергии может осуществлять закупку электроэнергии на оптовом рынке в двух вариантах:

- 1) получить статус субъекта оптового рынка и самостоятельно участвовать в ежедневных бизнес-процессах по закупкам электроэнергии в рамках оптового рынка;
- 2) обратиться к энергосбытовой организации имеющую статус субъекта оптового рынка и осуществляющую закупку электроэнергии для иных потребителей.

Для реализации первого варианта потребителю электроэнергии необходимо получить статус субъекта НП «Совет рынка», обеспечить наличие штата квалифицированного персонала, а также быть готовым принимать на себя все рыночные риски.

Поэтому наиболее выгодным является второй вариант, так как специализированные энергосбытовые организации имеют статус субъектов оптового рынка и готовый штат квалифицированного персонала. Обслуживание закупок электроэнергии для дополнительного предприятия не приведет к необходимости значительного увеличения штата сотрудников. Поэтому стоимость сбытовых надбавок энергосбытовых организаций в несколько раз ниже сбытовых надбавок региональных гарантирующих поставщиков. Также, сотрудничество со специализированными энергосбытовыми организациями позволит потребителям снизить экономические, технологические и рыночные риски сопровождающие процессы закупок электроэнергии на оптовом рынке.

Библиографический список

1. *Адушев М. Н.* Влияние создания территорий опережающего развития на социально-экономическую ситуацию на Дальнем Востоке России // *Фундаментальные исследования.* — 2018. — № 7. — С. 44–50.
2. *Бляхер Л. Е., Обирин А. И.* Дальний Восток: инструкция по использованию, или зачем России дальний восток // *Регионалистика.* — 2019. — № 3. — С. 13–30.
3. *Дзюба А. П., Соловьева И. А.* Управление спросом на электроэнергию как элемент повышения энергетической эффективности территорий дальневосточного макрорегиона // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Сер.: Экономические науки.* — 2018. — Т. 11, № 6. — С. 110–126.
4. *Кравченко П. А.* Теплоэнергетика для Дальнего Востока // *Региональная энергетика и энергосбережение.* — 2017. — № 3. — С. 72–73.
5. *Найден С. Н., Демина О. В.* Платежеспособный спрос на рынках электрической и тепловой энергии Дальнего Востока // *Регионалистика.* — 2019. — № 6. — С. 64–76.
6. *Сиденко А. Д.* Анализ инновационно-экономического развития Дальнего Востока и перспективы его развития // *Финансовая экономика.* — 2019. — № 10. — С. 505–507.
7. *Слепцов А. А.* Энергетика Дальнего Востока // *Экономика и предпринимательство.* — 2018. — № 10. — С. 441–446.
8. *Ткачева Г. А.* Территориальное перемещение населения в 1920–1950 гг. // *Миграции населения Азиатской России: конец XIX — начало XXI века.* — Новосибирск: Параллель, 2011. — С. 106–143.
9. *Гуманов Е. С., Равнянский А. К., Антонова А. И.* Проблемы интеграции Дальнего Востока России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона // *Дискуссия.* — 2016. — № 2. — С. 61–70.

Ю. В. Шеваль

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва

Консолидация электросетевого комплекса как механизм обеспечения экономической безопасности государства

Аннотация. Электросетевой комплекс является базовой инфраструктурной отраслью, обеспечивающей значительный вклад в устойчивое экономическое развитие России. В статье дана оценка консолидации территориальных электрических сетей как механизма, повышающего надежность и качество работы энергосистемы в целом, способствующего оптимизации финансовой нагрузки на экономику.

Ключевые слова: энергетическая безопасность; электросетевая организация; территориальная сетевая организация; консолидация.

Структура электросетевого комплекса. Электросетевой комплекс России, под которым понимается вся совокупность объектов электросетевого хозяйства, используемых для предоставления услуг по передаче электрической энергии, является основой функционирования всей электроэнергетической отрасли страны [4]. Развитие электросетевого комплекса обеспечивает экономический рост и повышение устойчивости экономики страны в целом, что отвечает целям государственной политики, обозначенным в «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденной указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 [1].

Совокупность объектов электросетевого хозяйства Российской Федерации по функциональному признаку делится на единую национальную (общероссийскую) электрическую сеть (ЕНЭС), обеспечивающую единство функционирования и энергетическую безопасность страны в целом, и территориальные распределительные сети, обеспечивающие энергетическую безопасность и экономическое развитие на региональном и муниципальном уровнях. В зависимости от функционального назначения объектов электросетевого хозяйства, с помощью которых происходит оказание услуг по передаче электрической энергии, электросетевые организации делятся на:

- организацию по управлению ЕНЭС;
- территориальные сетевые организации (ТСО).

В рамках данной статьи рассматриваются вопросы консолидации объектов территориальной распределительной инфраструктуры.

Предпосылки консолидации электросетевого комплекса

Понятие ТСО, данное в Федеральном законе от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», значительно эволюционировало с 2003 г., что было обусловлено тенденциями, сложившимися на рынке электросетевых услуг.

Первоначально под ТСО понималась «коммерческая организация, оказывающая услуги по передаче электрической энергии с использованием объектов электросетевого хозяйства, не относящихся к единой национальной (общероссийской) электрической сети»¹.

Данное определение ТСО давало возможность практически любой организации, владеющей на законном основании объектами территориальной распределительной сети, получить статус ТСО. Усилило данную тенденцию введение с 2008 г. «котлового» принципа формирования тарифов на услуги по передаче электрической энергии, когда включение необходимой валовой выручки любой ТСО и распределение этих за-

¹ Об электроэнергетике: федер. закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ.

трат на потребителей всего региона дало толчок массовому образованию новых ТСО. Как результат — на рынке электросетевых услуг появились:

1) ТСО, сформированные на базе электросетевых хозяйств крупных промышленных потребителей, что позволяло распределить издержки на эксплуатацию данных объектов электросетевого хозяйства на всех потребителей региона;

2) ТСО, владеющие на праве собственности или ином законном основании объектами территориальной электросетевой инфраструктуры, но не имеющие для их эксплуатации квалифицированного персонала.

В этот период сформировались следующие негативные тенденции в отрасли, связанные с увеличением количества ТСО:

- снижение надежности и качества работы отрасли;
- трудности в проведении согласованной и унифицированной технической политики в отрасли;
- увеличение финансовой нагрузки на потребителей в связи с неэффективностью затрат мелких ТСО, что обусловлено наличием эффекта масштаба в естественно-монопольной отрасли.

Для поддержания технологического единства, повышения надежности, управляемости и безопасности работы электросетевого комплекса, Указом Президента РФ от 22 ноября 2012 г. № 1567 были приняты решения, которые до настоящего момента определяют вектор развития электросетевого комплекса Российской Федерации. В том числе дано поручение разработать и утвердить стратегию развития электросетевого комплекса РФ, предусматривающую в качестве одной из целевых задач поэтапную консолидацию ТСО в рамках государственного холдинга ПАО «Россети» [3].

Основные этапы и механизмы консолидации электросетевого комплекса. «Стратегия развития электросетевого комплекса РФ», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 3 апреля 2013 г. № 511-р, предусматривает два этапа проведения консолидации. Первый этап (2014–2017 гг.) — консолидация за счет введения нормативных обязательных требований к ТСО. Второй этап (2017–2030 гг.) предполагает консолидацию под воздействием экономических факторов. При этом к 2030 г. общее количество ТСО должно сократиться с порядка 3000 до 800.

Фактически первый этап консолидации предусматривал установление формальных признаков (критериев), по которым организация, владеющая объектами электросетевой инфраструктуры, может быть отнесена к ТСО, и, следовательно, оказывать услуги по передаче электрической энергии.

Для реализации первого этапа консолидации был внесен ряд изменений в нормативные правовые акты, регулирующие основы взаимоотношений в электроэнергетической отрасли, в том числе:

1. Постановлением Правительства РФ от 7 марта 2014 г. № 179 «Основы ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» (утв. постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2011 г. № 1178) (Основы ценообразования) были дополнены критериями отнесения ТСО к сетевым организациям, обслуживающим преимущественно одного потребителя (или моносетевым организациям). Данные критерии дважды уточнялись и в настоящий момент моносетевой считается организация, соответствующая одному из следующих критериев:

- доля суммарной максимальной мощности энергопринимающих устройств монопотребителя, технологически присоединенных к сетям моносетевой организации составляет 80 % и более суммарной максимальной мощности всех энергопринимающих устройств и объектов электросетевого хозяйства, технологически присоединенных к сетям данной ТСО;

— суммарный объем электроэнергии, переданной из сетей данной ТСО монопотребителю (без учета перетока иным потребителям) составляет 80 % и более суммарного объема электрической энергии, переданного ТСО.

Расходы моносетевой организации учитываются при расчете котловых тарифов на услуги по передаче в объеме, не связанном с обслуживанием монопотребителя.

2. Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 466-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об особенностях функционирования электроэнергетики в переходный период и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „Об электроэнергетике“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» внесены изменения в закон «Об электроэнергетике». Данные изменения коснулись, в том числе, понятия ТСО. Теперь, ТСО — это «коммерческая организация, которая оказывает услуги по передаче электрической энергии с использованием объектов электросетевого хозяйства, не относящихся к единой национальной (общероссийской) электрической сети, а в случаях, установленных настоящим Федеральным законом, — с использованием объектов электросетевого хозяйства или части указанных объектов, входящих в единую национальную (общероссийскую) электрическую сеть, и которая соответствует утвержденным Правительством РФ критериям отнесения владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям»¹.

Критерии отнесения владельцев объектов электросетевого хозяйства к ТСО были утверждены постановлением Правительства РФ от 28 февраля 2015 г. № 184 «Об отнесении владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям» («критерии отнесения к ТСО»). Если организация не соответствует одному или нескольким критериям, то она не может получить статус ТСО, а в случае, если она на момент принятия критериев обладала таким статусом — лишается его. Установленные критерии условно можно разделить на три типа (см. таблицу):

— критерии, касающиеся характеристик электросетевых объектов, используемых для осуществления деятельности по передаче электрической энергии;

— критерий, учитывающий уровень надежности и качества оказания услуг по передаче электрической энергии;

— формальные требования к территориальной сетевой организации.

3. Постановлениями Правительства РФ от 30 сентября 2016 г. № 989 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам функционирования территориальных сетевых организаций» и от 17 октября 2016 г. № 1056 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам отнесения владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям» существенно ужесточены критерии ТСО.

Итоги первого этапа консолидации электросетевого комплекса. Анализ показал, что 2014 г. стал пиковым по количеству ТСО (см. рисунок). Введение понятия и критериев «моносетевой» организации привело к сокращению количества ТСО по итогам установления тарифов на 2015 г. на 5,2 %.

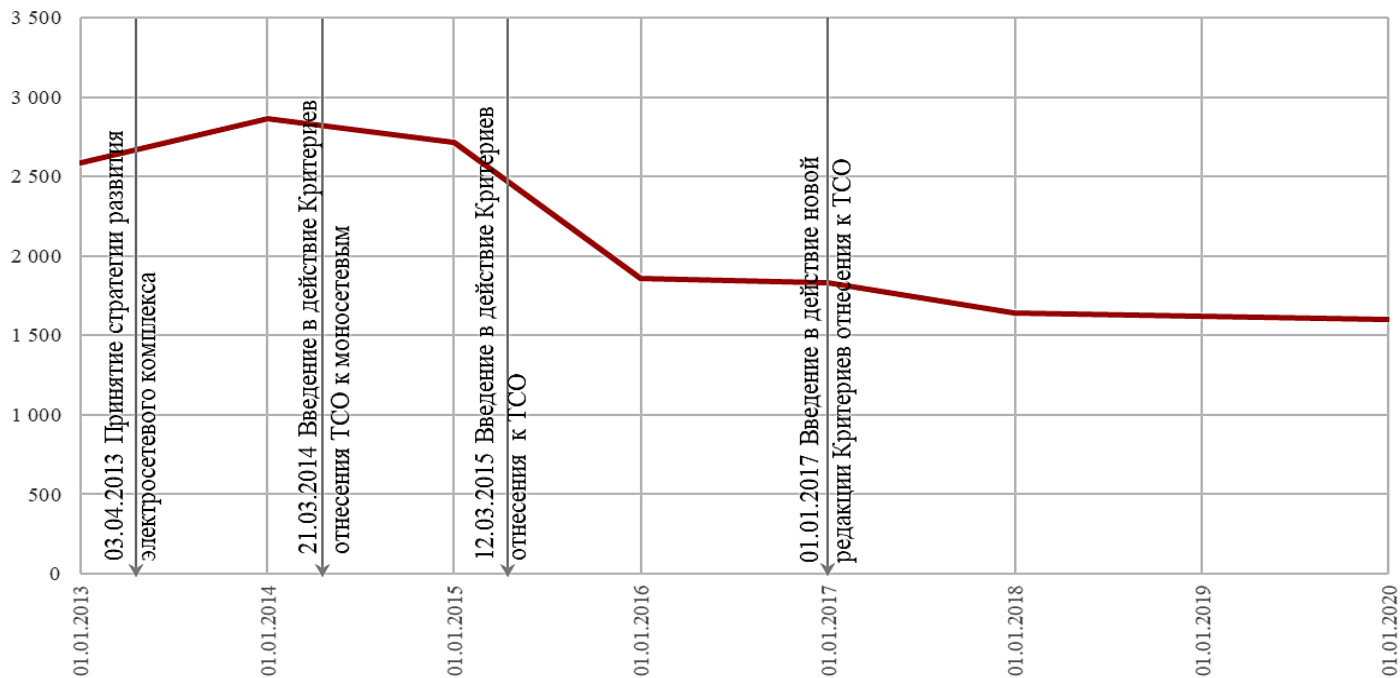
Наиболее значимое сокращение количества ТСО — на 31,5 % — произошло в течение 2015 г. в результате разработки и введения критериев отнесения к ТСО. Дальнейшее уточнение и ужесточение критериев привело с 2017 г. к незначительному сокращению ТСО с 1 января 2017 г. — на 1,6 %.

¹ Об электроэнергетике: федер. закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ.

Критерии ТСО

Тип критерия	Редакция	
	от 28 февраля 2015 г.	от 1 января 2017 г.
1 Критерии, учитывающие характеристики электросетевых объектов		
1.1. Срок владения объектами электросетевой инфраструктуры	На срок не менее очередного расчетного периода регулирования (не менее 1 года)	На срок не менее долгосрочного периода регулирования
1.2. Место расположения объектов электросетевой инфраструктуры	Административные границы субъекта РФ, на территории которого осуществляется деятельность организации по передаче электрической энергии	Административные границы субъекта РФ, на территории которого осуществляется деятельность организации по передаче электрической энергии
1.3. Количественные характеристики	Суммарная установленная мощность силовых трансформаторов, которые непосредственно используются для осуществления регулируемой деятельности - не менее 10 МВА	Суммарная номинальная мощность силовых трансформаторов, которые непосредственно используются для осуществления регулируемой деятельности — не менее 10 МВА
	Линии электропередачи, используемые для осуществления регулируемой деятельности, должны быть одновременно двух и более уровней напряжения из следующих — высокое, среднее первое, среднее второе, низкое	Линии электропередачи, используемые для осуществления регулируемой деятельности, непосредственно соединенными с трансформаторными и иными подстанциями, сумма протяженностей которых по трассе составляет не менее 15 км, должны быть одновременно двух и более уровней напряжения
1.4. Наличие объектов генерации	—	Отсутствие во владении и/или пользовании электросетевых объектов, принадлежащих лицу, владеющему объектом генерации электрической энергии, с помощью которого осуществляется производство электрической энергии
2. Критерий, учитывающий уровень надежности и качества оказания услуг по передаче электрической энергии	Отсутствуют за три предшествующих периода регулирования три факта применения понижающих коэффициентов, позволяющих обеспечить соответствие уровня тарифов уровню надежности и качества услуг, или корректировок цен в случае представления недостоверных отчетных данных, используемых при оценке фактических значений показателей надежности и качества, а также их непредставления	
3. Формальные требования к территориальной сетевой организации	Наличие выделенного абонентского номера	
	Наличие информационного сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»	

Количество ТСО

Влияние консолидации на количество ТСО в Российской Федерации за 2013–2020 гг., шт.

Предположительно, введение в действие новой редакции критериев ТСО с 1 января 2017 г. в ряде субъектов РФ могло иметь отсроченное действие, как например, в Калининградской области, где при установлении тарифов на услуги по передаче на 2017 г. критерии ТСО учитывались в редакции, действующей на момент принятия тарифных решений, т. е. без учета изменений. В результате при установлении тарифов на 2018 г. количество ТСО сократилось еще на 10,5 %.

В целом сокращение количества ТСО по итогам установления тарифов на 2020 г. по сравнению с 2014 г. составило более 44 %. Общее количество ТСО в 2020 г. составило около 1 600 шт.

К положительным результатам первого этапа консолидации можно отнести сокращение мелких неквалифицированных участников рынка электросетевых услуг. Кроме того, из «котлового» тарифа на услуги по передаче частично исключены затраты «моносетевых» организаций, а также затраты на содержание электрических сетей, принадлежащих объектам по производству электрической энергии (мощности).

Однако сокращение количества ТСО было достигнуто не за счет собственно консолидации электросетевых активов, т. е. укрупнения или объединения ТСО, а за счет лишения статуса ТСО мелких компаний, эксплуатирующих небольшие электросетевые комплексы. По сути, часть электросетевого комплекса РФ, фактически участвующая в процессе передачи электрической энергии конечным потребителям, была исключена из процесса тарифообразования. При этом в соответствии с Правилами недискриминационного доступа, владельцы объектов электросетевого хозяйства, через которые опосредованно присоединены потребители к сетям ТСО, не вправе препятствовать перетоку электроэнергии такому потребителю и не вправе требовать за это оплату. Иных требований, связанных с надежностью и качеством электроснабжения на таких владельцев электросетевых объектов, не возлагается и возложено быть не может, так как компенсация затрат, связанной с содержанием этих объектов и компенсацией потерь электрической энергии в своих сетях, они не получают [2].

Частично вопрос компенсации потерь решен с 1 января 2020 г. в отношении перетока электрической энергии потребителям, у которых опосредованное присоединение к сетям действующей ТСО возникло как следствие технологического присоединения к сетям сетевой организации, которая впоследствии была лишена статуса ТСО.

Для решения основной задачи консолидации электросетевых активов, связанной с поддержанием технологического единства инфраструктуры, повышением надежности и качества электроснабжения необходимо разработать правовой механизм, позволяющий стимулировать процесс передачи электрических сетей владельцев, не обладающих статусом ТСО, но посредством которых опосредовано присоединены к сетям ТСО потребители, под контроль квалифицированных ТСО.

Библиографический список

1. *Брянцев Д. В., Карягина В. С., Никифорова М. В.* Анализ энергетической безопасности и ее влияние на экономическую безопасность Российской Федерации // Национальная безопасность и стратегическое планирование. — 2019. — № 3(27). — С. 56–60.
2. *Сvirков С. А.* Передача электрической энергии через опосредованное присоединение // Хозяйство и право. — 2008. — № 1. — С. 87–96.
3. *Суюнчев М., Репетюк С., Файн Б., Темная О., Мозговая О., Агафонов Д.* Межрегиональная дифференциация тарифов на электрическую энергию в Российской Федерации // Экономическая политика. — 2014. — № 1. — С. 90–104.
4. *Юнусов Л. А., Файн Б. И.* Актуальные задачи тарифной политики в распределительном электросетевом комплексе // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2017. — Т. 204. — С. 462–477.

A. L. Anisimov

Ural State University of Economics, Ekaterinburg;

E. S. Polyakova

City University London, UK

Influence of global corporations on the economic security of the region's real economy

Abstract. The article reveals the concept and essence of global corporations, presents the main directions of their economic activity. Both positive and negative aspects of the influence of global corporations on the regional economy are identified and analyzed.

Keywords: global corporations; markets; factors; development; influence; economy.

A global company is generally referred to as a multinational corporation (MNC). An MNC is a company that operates in two or more countries, leveraging the global environment to approach varying markets in attaining revenue generation¹. All these international operations occur because as a result of the strategic potential resulting from technological developments, which in turn make new markets more convenient and profitable in terms of finding sources of production and ensuring growth². Moreover, «international operations are therefore a direct result of either achieving higher levels of revenue or a lower cost structure within the operations or value-chain»³. During various actions, MNCs in most cases have the effect of scale due to mass production in foreign markets with significant cheap costs or various economies of scale due to horizontal expansion into new geographical markets⁴. These factors have a positive effect if they pass successfully. Factors have a positive effect on the income statement (for example, such as an increase in revenue, etc.), but most often they have an initial risk in the development of these new opportunities⁵. In influencing global corporations on the economy as a whole, they have both disadvantages and advantages⁶.

One of the positive side of global corporations is the creation of new jobs in this way reducing unemployment in the country⁷. Global corporations often invest in different countries and regions, because of this corporations make employment opportunities for people⁸. Moreover, with the opening by global companies of various branches in different countries, new jobs appear that are a good opportunity for local people to get a new job, especially from developing countries⁹. All this is due to the fact that there is an increase in income and expenses in the host economy, thus stimulating growth. In addition, global corporations provide new technology and equipment, so many workers also have different benefits from acquiring new technologies, because new equipment is imported into the host country¹⁰. Locating companies in different countries is not free, so global companies have to pay tax

¹ *The Global Corporation*. — URL: <https://courses.lumenlearning.com/boundless-management/chapter/the-global-corporation>.

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Shoo D. Economic Effects of Multinational Corporations*. — URL: <https://bizfluent.com/info-8444236-economic-effects-multinational-corporations.html>.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.*

⁹ *19 Advantages and Disadvantages of Multinational Corporations*. — URL: <https://futureofworking.com/7-advantages-and-disadvantages-of-multinational-corporations>.

¹⁰ *Shoo D. Economic Effects of Multinational Corporations*. — URL: <https://bizfluent.com/info-8444236-economic-effects-multinational-corporations.html>.

to countries for locating their branches in their territories¹. So, most countries have an advantage in the form of profit for permission on their territory of location of global companies². Countries most often try to reduce export and import taxes for investors in order to attract global corporations and increase international trade. Therefore, taxes are considered an important part of other countries' profits³. Moreover, there is a so-called free trade zone system, which means that various goods can be manufactured as well as exported without any participation or interference from local customs authorities⁴. The advantage is that global corporations often try to invent different methods to preserve the environment⁵. Using the development of new technologies and the invention of environmentally friendly methods using modern energy sources⁶. The advantage is that global corporations often try to invent different methods to preserve the environment⁷. Benefit in using the development of new technologies as well as the invention of environmentally friendly methods using modern energy sources⁸. All this means the discovery of new methods and products on the world market that will help other companies to reduce environmental damage⁹.

Global companies have a certain influence on the progress in various industries. They invest in developments that in the future bring new discoveries and benefits to the community¹⁰. Moreover, one of the benefits of global corporations is that global corporations can send modern technologies to poorer countries by helping these countries grow, but on the other hand global corporations can offer low-cost products to more developed countries¹¹. This all action helps to improve standard of living in the countries¹².

Multinational corporations have a huge influence on culture and ethnic and social accessories¹³. Due to the fact, that global corporations are developing and opening their branches in different countries, they serve as an important cultural linkage rule and a variety of products¹⁴. As a result, helping people make the right choices, share different cultures, strengthen relations between countries and have a positive impact on politics and the general well-being of people and also set an example for other global corporations¹⁵.

Global corporations have a negative impact on social and cultural aspects¹⁶. With the increase in the number of transnational corporations, the so-called homogenization begins due to the fact that many parts of the world become similar to each other, all of these changes entail that most countries become equal, losing their individuality and culture¹⁷.

¹ Shoo D. Economic Effects of Multinational Corporations. — URL: <https://bizfluent.com/info-8444236-economic-effects-multinational-corporations.html>.

² *Ibid.*

³ *Advantages and disadvantages of MNCs.* — URL: <http://www.greenworldinvestor.com/2013/01/02/advantages-and-disadvantages-of-mncs>.

⁴ *Impact of Multinational Corporations on Developing Countries.* — URL: <https://www.ukessays.com/essays/economics/impact-of-multinational-companies-in-developing-countries-essay.php>.

⁵ *Ibid.*

⁶ *The Environmental Impacts On Multination Corporations Business Essay.* — URL: <https://www.ukessays.com/essays/business/the-environmental-impacts-on-multination-corporations-business-essay.php>.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.*

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *11 Multinational Corporations Pros and Cons.* — URL: <https://vittana.org/11-multinational-corporations-pros-and-cons>.

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.*

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ Shoo D. Economic Effects of Multinational Corporations. — URL: <https://bizfluent.com/info-8444236-economic-effects-multinational-corporations.html>.

¹⁷ *Ibid.*

All of this is the reason for the increase in the number of parts of the world that look almost exactly the same as other parts¹. This all happens because such a process happens as standardization of the retail world. They remove various small local enterprises that are still preserved and carry cultural values². For example, as restaurants with local national cuisine or local shops with the production of local folk goods³. One of the famous examples of this process is the streets of London and Tokyo, which, with the intervention of global corporations, began to look very similar to the streets in Orlando and Chicago⁴. Another disadvantage of global corporations is their negative effect on another social aspect, such as labour exploitation⁵. Global corporations have the right and the ability to choose any country that suits them, so often the choice falls on developing countries with weak laws and a low standard of living⁶. Most often when global corporations choose such countries in which people are willing to work under any conditions because their main goal is salary⁷. Global corporations in such as those who are starting to establish their working conditions and the level of wages, while violating and exploiting the labour force of local residents, which is the cause of the negative effect on the standard of living of people⁸.

Another important aspect on which global corporations have a negative effect is the economy⁹. Since global companies have no definite connection to only one country, transnational corporations may not have certain notions of loyalty to a particular country compared to another country, and all these actions entail economic instability and uncertainty as for the whole society as a whole and for local workers¹⁰. Global corporations have the opportunity that allows them if they find a good country especially for them where they can produce their goods with a lower price, then global corporations have no more reasons like as their profit and desire to continue their business in this country¹¹. Moving from one country to another its production there by these actions can cause serious consequences such as financial destruction in the economy¹². Multinational corporations have a negative impact on small corporation's due to this negative impact on the economy¹³. Global corporations have the opportunity to offer new variations for different markets, but global corporations do it all at the expense of small corporations with experience and already involved in these areas¹⁴. Sometimes the ability to set lower prices is expensive. It also has an impact on well-known brands when «retail pricing efforts can destroy the entire supply chain»¹⁵. Except for the creation of new jobs, global corporations can also work in the opposite direction, having a negative impact on the fact that global corporations are beginning to deprive people of work and causing unemployment¹⁶. Such a situation can occur when, for exam-

¹ Shoo D. Economic Effects of Multinational Corporations. — URL: <https://bizfluent.com/info-8444236-economic-effects-multinational-corporations.html>.

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.*

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.*

¹³ 17 Main Pros and Cons of Multinational Corporations. — URL: <https://greengarageblog.org/17-main-pros-and-cons-of-multinational-corporations>.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ Shoo D. Economic Effects of Multinational Corporations. — URL: <https://bizfluent.com/info-8444236-economic-effects-multinational-corporations.html>.

ple, a Japanese company transfers a large part of its production to Singapore or Hong Kong after all this, a huge number of people will lose their jobs¹. In addition, there is no guarantee that the company will pay damages. All this leads to the fact that skilled workers will look for work in their particular field that may take a long time and cause new unemployment². Many global corporations can have control on local government in various aspects, such as politics and economics³. In other words, global corporations are trying to exert influence by interfering in the policies of the state of both their own and others. This kind of control of global corporations can bring problems at the expense of the nation's interests⁴. This is especially happened when global corporations from developed countries try to intervene and change the policies of developing countries. Global corporations have bribed other leaders of various countries for their economic advantage⁵. Global corporations sometimes create artificial demand that has no reason and is not explained by global corporations and interferes with the economy. World corporations do this with the use of advertising or various other methods of promotion as a result of which there is a negative impact on the economic system⁶. Global companies often play important and significant roles in the global economic market⁷. Global corporations have significant financial strength, which makes them serious competitors of other companies, so global corporations allow themselves to use various aggressive marketing methods for promotion and better sales⁸. Such corporations rarely care about other less powerful competitors, so they use all means to remove other corporations from the market. In all these ways, global corporations seek absolute monopoly⁹. Global companies may cause foreign currency leaks. This happens when various currency exchanges go abroad¹⁰. In developing countries, resources are limited so any activity of global corporations is a problem for these countries. World corporations have commissions because of overpriced fees paid to them by local subsidiaries. In conclusion, all of these actions result in the end foreign currency withdrawal¹¹. Most global corporations have only one goal, which is to work only in their own interests. Global corporations are doing everything to achieve only their goals and benefits, so they often do not pay attention to negative consequences¹². World corporations have an interest only in profit and in marketing, therefore these corporations work only for the sake of their interests and without helping the economic development of other countries¹³. However, the main disadvantage of global corporations is environmental pollution. Environmental pollution is the most problematic and significant disadvantage of global corporations¹⁴. The level of environmental pollution increases significantly every day. This was particularly caused by the increase in the number of global corporations and the progress in the scientific and technological revo-

¹ Shoo D. Economic Effects of Multinational Corporations. — URL: <https://bizfluent.com/info-8444236-economic-effects-multinational-corporations.html>.

² *Ibid.*

³ *Disadvantages of Multinational Company.* — URL: <https://www.indiastudychannel.com/resources/125328-Disadvantages-Multinational-Company.aspx>.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.*

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.*

¹³ *Ibid.*

¹⁴ Shoo D. Economic Effects of Multinational Corporations. — URL: <https://bizfluent.com/info-8444236-economic-effects-multinational-corporations.html>.

lution, which also affect the growth in the number and size of corporations¹. It is especially felt by representatives of cities in which global corporations operate. Besides, one of the distinct advantages that global corporations typically possess is the ability to produce products with a method that works as the least expensive than any other company in the world². Since global corporations rarely have any special education in the state of the environment and besides their desire and purpose to do work without spending any large sums of money and also to do work in time and efficiently³. As a result of all this the work of global corporations is beginning to have a negative impact on the environment and go into separation with the norms of environmental protection⁴. Providing tremendous economic importance to countries in which global corporations open their businesses, global corporations often have influence and power when they set their environmental standards, which mainly have a goal only to increase profits⁵. Corporations have the greatest influence on countries with an unstable or low economic situation, which is why such countries tend to lean more and choose easier ways that would bring more profits to the country and not follow environmental regulation⁶. Doing everything for profit, global corporations most often use non-renewable resources that are particularly threatening to the environment⁷. Corporations also typically abuse the environment and are not careful in using their resources⁸. In addition, they leave behind them various environmental disturbances, and also dump waste and use natural resources until they are exhausted⁹. To draw the conclusion, one can say that when considering the majority of the possible advantages and disadvantages of multinational corporations, we can roughly understand and imagine how the global system works, in other words, what power and strength a small number of companies can have over the world as a whole¹⁰. Therefore, global corporations contribute to the emergence of various new markets as well as all kinds of industries, technologies, job creation, community development, business models, and etc.¹¹ In addition, many of them also collaborate to assist in innovative market approaches and also try to participate and support public-private partnerships to help solve global problems that are most often within the competence of the state¹². For example, in such problems as reducing poverty, economic sustainability, environmental protection, humanitarian aid and various social sectors, etc.¹³ However, on the other hand, global corporations often face some high expectations from the public and condemnation that they believe that global corporations have not only a positive impact on the world as a whole, but also have a significant negative impact in these areas¹⁴. With the proper use of such a powerful power of global corporations, for example, observing all moral and ethical

¹ Shoo D. Economic Effects of Multinational Corporations. — URL: <https://bizfluent.com/info-8444236-economic-effects-multinational-corporations.html>.

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.*

⁷ 17 Main Pros and Cons of Multinational Corporations. — URL: <https://greengarageblog.org/17-main-pros-and-cons-of-multinational-corporations>.

⁸ *Ibid.*

⁹ *Ibid.*

¹⁰ 7 global corporations, global impact. — URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/200702_07impact.pdf.

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.*

¹³ *Ibid.*

¹⁴ 7 global corporations, global impact. — URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/200702_07impact.pdf.

standards, then as a result of this power, world society can get and achieve some benefit useful to the society and the world economy as a whole¹. Although, if such a powerful power of global corporations is directed and used for negative purposes, such as pursuing only material and personal goals, then a negative effect on society and the economy will be produced and a negative damage from their activities². In other words, global corporations play a very important and significant role in the global economy, rendering both a positive effect and sometimes a negative effect on various areas and spheres as social and economic areas³.

Thus, global corporations have both a positive and negative impact on the region's economic security. Positive effects are, for example, economies of scale due to mass production in foreign markets with significant cheap costs or various economies of scale due to horizontal expansion into new geographical markets; the invention of environmentally friendly methods using modern energy sources; global corporations investing in the host country, all these actions affect the direct flow of capital to the host country. On the other hand, global corporations have a negative impact, for example, on social and cultural aspects; they remove various small local enterprises that are still preserved and carry cultural values.

Т. А. Ставрова

Управление Федерального казначейства по Свердловской области, г. Екатеринбург

Развитие и роль аналитической деятельности органов Федерального казначейства, направленной на внешнюю среду

Аннотация. Статья посвящена вопросам реализации органами Федерального казначейства аналитических полномочий по оценке деятельности органов исполнительной власти (местного самоуправления), осуществляющих государственный (муниципальный) финансовый контроль; деятельности главных администраторов бюджетных средств, осуществляющих внутренний финансовый аудит, в контексте обеспечения надлежащего характера и эффективности данной деятельности в рамках закрепленных полномочий. Рассмотрены цели и задачи органов Федерального казначейства по проведению соответствующих аналитических мероприятий; проанализированы изменения в нормативной правовой базе, регулирующие вопросы осуществления данной аналитической деятельности; приведены отдельные показатели деятельности по направлению на примере УФК по Свердловской области.

Ключевые слова: органы Федерального казначейства; органы исполнительной власти (местного самоуправления); государственный (муниципальный) финансовый контроль; внутренний финансовый аудит; аналитические мероприятия; управление рисками.

В целях управления финансовыми потоками в бюджетной системе РФ, на разных ее уровнях предусмотрены и реализуются ряд контрольных (аудиторских) полномочий, закрепленных за соответствующими субъектами национальной экономики. Безусловно важная роль в обеспечении контроля (аудита) отводится государственным органам исполнительной власти (местного самоуправления) в рамках ведомственного контроля, а также органам Федерального казначейства, проводящим, не

¹ 17 Main Pros and Cons of Multinational Corporations. — URL: <https://greengarageblog.org/17-main-pros-and-cons-of-multinational-corporations>.

² *Ibid.*

³ 7 global corporations, global impact. — URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/200702_07impact.pdf.

только контрольные, но и аналитические мероприятия, направленные на оценку деятельности рассматриваемых субъектов экономики.

В качестве аналитических мероприятий, проводимых территориальными органами Федерального казначейства (ТОФК), в настоящей статье рассматриваются:

— анализ исполнения бюджетных полномочий органов государственного (муниципального) финансового контроля, являющихся органами (должностными лицами) исполнительной власти субъектов РФ (местных администраций) (органы контроля);

— анализ осуществления главными администраторами бюджетных средств внутреннего финансового аудита (ГАБС).

Рассматриваемые полномочия были переданы Федеральному казначейству в 2016 г. (в связи с упразднением Федеральной службы финансово-бюджетного надзора) и реализуются во исполнение требований ст. 157 Бюджетного кодекса РФ (БК РФ). Указом Президента РФ от 2 февраля 2016 г. № 41 «О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере» Федеральному казначейству было поручено обеспечить непрерывность исполнения принимаемых функций, в том числе, функции по осуществлению анализа исполнения бюджетных полномочий органов контроля.

При этом, исходя из ч. 3 ст. 157 БК РФ, полномочия по анализу исполнения бюджетных полномочий органов контроля изначально (с момента передачи) являются полномочиями Федерального казначейства и ТОФК.

Полномочия по анализу осуществления ГАБС внутреннего финансового аудита с момента их передачи до внесения изменений в БК РФ Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 199-ФЗ являлись полномочиями Федерального казначейства, а также органов государственного (муниципального) финансового контроля, являющимися органами (должностными лицами) исполнительной власти субъектов РФ (местных администраций). С момента внесения соответствующих изменений, исходя из ч. 4 ст. 157 БК РФ, данные полномочия реализуются исключительно Федеральным казначейством и ТОФК.

Коротко об аналитической деятельности ТОФК по анализу исполнения бюджетных полномочий органов контроля. В целях регламентации реализации функции по анализу исполнения бюджетных полномочий органов контроля приказом Федерального казначейства от 3 июля 2017 г. № 17н был утвержден Порядок, устанавливающий требования к проведению соответствующих аналитических мероприятий (Порядок)¹.

Согласно Порядку задачами аналитических мероприятий являются: оценка исполнения бюджетных полномочий органов контроля; формирование заключений об исполнении бюджетных полномочий органов контроля, а также предложений о совершенствовании методического обеспечения деятельности органов контроля по осуществлению внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля.

С 2016 г. органами Федерального казначейства велась активная работа по разработке соответствующей правоприменительной практики. Рассмотрим некоторые характерные моменты, свойственные временным этапам осуществления функции по анализу исполнения бюджетных полномочий органов контроля, в том числе, на примере результатов деятельности УФК по Свердловской области (Управление).

¹ Об утверждении Порядка проведения анализа исполнения бюджетных полномочий органов государственного (муниципального) финансового контроля, являющихся органами (должностными лицами) исполнительной власти субъектов Российской Федерации (местных администраций): приказ Казначейства России от 3 июля 2017 г. № 17н.

На этапе планирования аналитической деятельности на очередной 2017 г. Управлением были выявлены случаи отсутствия в ряде муниципальных образований области органов контроля.

При этом, в соответствии с ч. 1 ст. 17.1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», органы местного самоуправления организуют и осуществляют муниципальный контроль за соблюдением требований, установленных муниципальными правовыми актами, принятыми по вопросам местного значения, а в случаях, если соответствующие виды контроля отнесены федеральными законами к полномочиям органов местного самоуправления, также муниципальный контроль за соблюдением требований, установленных федеральными законами, законами субъектов РФ. Государственный (муниципальный) финансовый контроль осуществляется в соответствии с гл. 26 БК РФ.

Согласно Докладу о результатах проведения анализа исполнения бюджетных полномочий органами государственного (муниципального) финансового контроля, являющимися органами (должностными лицами) исполнительной власти субъектов РФ (местных администраций), за 2018 г., подготовленному Федеральным казначейством, результаты мониторинга органов контроля, проведенного органами Федерального казначейства в 2018 г. показали, что соответствующие органы созданы во всех субъектах РФ¹.

В целях принятия мер по устранению пробелов в исполнении законодательства информация о соответствующих фактах была направлена Управлением в органы прокуратуры, при этом проводилась разъяснительная работа с администрациями муниципальных образований. По итогам сбора информации о наличии органов контроля в границах подконтрольной территории, при подготовке к планированию аналитической деятельности на 2018 г., 2019 г., 2020 г. органы контроля были созданы во всех муниципальных образованиях Свердловской области.

При этом мониторинг, проведенный органами Федерального казначейства, вскрыл и причины, повлекшие за собой отсутствие органов контроля в ряде муниципальных образований. К основным из них можно отнести недостаточность необходимых для осуществления контроля финансовых и кадровых ресурсов [1].

В числе основных выявленных при проведении аналитических мероприятий проблем можно также назвать отсутствие единого подхода к осуществлению государственного (муниципального) финансового контроля.

Информация о выявленной проблематике была направлена Федеральным казначейством в Министерство финансов РФ.

В итоге, проведение Федеральным казначейством мониторинга органов контроля и аналитических мероприятий, за период с 2016 г., в значительной степени способствовало процессу организации исполнения бюджетных полномочий по внутреннему муниципальному финансовому контролю посредством создания в муниципальных образованиях органов контроля, либо передачи указанных полномочий на уровень муниципальных районов.

Кроме того, на уровне муниципальных образований активизировался процесс подготовки необходимых организационно-распорядительных документов. Соответственно, можно сделать вывод о положительной тенденции в части организации внутреннего муниципального финансового контроля в РФ.

¹ Федеральное казначейство. — URL: <https://roskazna.ru/kontrol/analiz-ispolneniya-byudzhetykh-polnomochiy>.

Аналитические мероприятия, проведенные Федеральным казначейством, обнаружили ряд недостатков и проблем в организации деятельности органов контроля. В частности, то, что исполнение полномочий по внутреннему государственному и муниципальному финансовому контролю не в полной мере соответствует бюджетному законодательству РФ. Органы контроля допускали нарушения на всех этапах осуществления своей деятельности [2].

За трехлетний период органами Федерального казначейства, в том числе, Управлением, были выявлены следующие основные блоки недостатков в организации деятельности органов контроля: недостатки в актах, регламентирующих деятельность органов контроля; недостатки в части планирования контрольных мероприятий; недостатки в части осуществления процедур контрольных мероприятий; недостатки в части осуществления процедур реализации результатов контрольных мероприятий; недостатки в части исполнения полномочий по проведению анализа осуществления ГАБС внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита.

В целях принятия мер по устранению выявленных недостатков, а также необходимых управленческих решений органам контроля органами Федерального казначейства предусмотрено направлений Заключений по результатам аналитических мероприятий. С установленной периодичностью ТОФК, предоставляется в Федеральное казначейство отчетность о результатах аналитических мероприятий.

К примеру, Управлением также реализуется практика направления по итогам года главам администрации муниципальных образований информационных писем, содержащие обзор выявленных недостатков

По итогам 2018 г. за ряд предыдущих лет аналитическими мероприятиями Управления была охвачена деятельность 100 % органов контроля Свердловской области. С 2019 г. начался «второй» цикл аналитических мероприятий в отношении соответствующих органов контроля, который позволит сделать выводы о мерах, принятых по результатам ранее проведенных мероприятий, а как следствие и о действенности полномочий, реализуемых органами Федерального казначейства в целях совершенствования деятельности органов контроля.

Следует отметить, что практика выявляет и обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования нормативной правовой базы и подходов к реализации полномочий по рассматриваемой аналитической деятельности органов Федерального казначейства, как на этапе планирования, так и до завершающего этапа реализации результатов мероприятия. Соответствующие предложения ежегодно направляются ТОФК в Федеральное казначейство для подготовки и представления в Министерство финансов РФ предложений по совершенствованию методического обеспечения деятельности органов контроля.

В частности, учитывая продолжительность этапа подготовки/актуализации Перечня органов государственного (муниципального) финансового контроля (направление запросов и получение ответов на них), в целях обеспечения возможности оперативного получения официальной информации от органов, осуществляющих государственный (муниципальный) финансовый контроль, при организации проведения аналитических мероприятий, представляется целесообразным обеспечение Министерством финансов РФ наличия, ведения и актуализации (с группировкой в разрезе субъектов РФ) на официальном сайте раздела, содержащего Перечень органов государственного (муниципального) финансового контроля с последующим закреплением вида соответствующего источника получения информации в нормативном правовом акте, регулирующем вопросы осуществления соответствующей аналитической деятельности.

Коротко об аналитической деятельности ТОФК по анализу осуществления ГАБС внутреннего финансового аудита. Вступление в силу норм БК РФ, наделяющих ТОФК полномочиями по осуществлению данной аналитической деятельности, обусловило необходимость дальнейшего нормативного регулирования деятельности по направлению.

В целях методического обеспечения соответствующих аналитических мероприятий приказом Министерства финансов РФ от 27 декабря 2019 г. № 1657 была утверждена Методика проведения анализа осуществления главными администраторами бюджетных средств внутреннего финансового аудита (далее — Методика)¹.

Согласно Методике:

— под главными администраторами бюджетных средств понимаются главные распорядители бюджетных средств, главные администраторы доходов бюджета, главные администраторы источников финансирования дефицита бюджета;

— задачами аналитических мероприятий являются: выявление лучших практик организации и осуществления внутреннего финансового аудита; выявление типовых недостатков и (или) нарушений при организации и осуществлении внутреннего финансового аудита, в том числе их причин и условий; анализ результатов проведения главными администраторами бюджетных средств внутреннего финансового аудита, в том числе изучение заключений и годовой отчетности о результатах деятельности субъектов внутреннего финансового аудита; оценка состояния внутреннего финансового аудита, осуществляемого главными администраторами бюджетных средств; представление в Министерство финансов РФ информации и документов, необходимых для совершенствования нормативного и методического обеспечения осуществления внутреннего финансового аудита.

Проведение данных аналитических мероприятий является этапным и включает в себя: мониторинг и анкетирование ГАБС; планирование и проведение аналитических мероприятий; составление и представление информации по результатам аналитических мероприятий.

В соответствии со сроками, установленными Методикой 15 марта 2020 г. завершается первый этап анкетирования ГАБС, сбора, обобщения и направления в Министерство финансов РФ информации о результатах анкетирования, предусматривающей наличие основных выводов об организации и осуществлении внутреннего финансового аудита ГАБС.

Далее предстоит процесс планирования аналитических мероприятий, последующая их реализация и наработка правоприменительной практики.

На сегодняшний день изменения, внесенные в БК РФ в части осуществления внутреннего финансового аудита ГАБС, а также в части рассматриваемых аналитических мероприятий органами Федерального казначейства, конечно же, обуславливают наличие ряда вопросов практической реализации соответствующих требований, что в первую очередь объясняется необходимостью актуализации подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих соответствующие вопросы.

В целом рассмотренные аналитические мероприятия призваны способствовать совершенствованию организации и осуществлению деятельности органов контроля, ГАБС, направленной на выявление, идентификацию рисков и управление ими при исполнении бюджетов соответствующих уровней бюджетной системы Российской Федерации.

¹ Об утверждении Методики проведения анализа осуществления главными администраторами бюджетных средств внутреннего финансового аудита: приказ Минфина России от 27 декабря 2019 г. № 1657н.

Эффективность расходования бюджетных средств бюджетной системы Российской Федерации всегда является одной из приоритетных задач государства. Любая область деятельности в национальной экономике (здравоохранение, культура, образование, государственное управление, экономика, социальная сфера, оборонный комплекс и т. д.), которой характерно проведение операций с бюджетными средствами, является потенциально рискованной. В этой связи следует подчеркнуть значимость контрольных (аудиторских) мероприятий, проводимых органами контроля, ГАБС.

При этом результаты аналитических мероприятий, проводимых органами Федерального казначейства, могут рассматриваться в качестве дополнительного информационного ресурса, позволяющего осуществлять координацию процессов управления рисками в деятельности субъектов экономики, охватываемой государственным (муниципальным) финансовым контролем и внутренним финансовым аудитом.

Библиографический список

1. *Арцыбашева Л. О.* Анализ исполнения бюджетных полномочий: опыт УФК по Оренбургской области // Финконтроль. — 2018. — № 2. — С. 10–13.

2. *Исаев Э. А.* Организация государственного (муниципального) контроля в регионах: проблемы и пути решения // Бюджет. — 2018. — № 6. — С. 34–36.

Р. Т. Латыпов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург;

А. В. Ручкин

Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург;

Н. А. Юрченко

Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург

Молодежная политика как элемент экономической безопасности Свердловской области

Аннотация. Рассматриваются вопросы реализации государственной молодежной политики в Свердловской области, включая ее демографическую составляющую. На основании проведенного анализа определена основная проблема — сокращение численности молодежи в большинстве муниципальных образований, основной причиной чего является ухудшение социально-экономической обстановки.

Ключевые слова: молодежь; молодежная политика; органы власти; муниципальное образование; демографическая ситуация; структура населения; социально-возрастные группы молодежи.

В последние годы руководство Российской Федерации понимает важность молодежной политики, актуализирует внимание к проблемам молодого поколения, организует различные мероприятия, направленные на оказание помощи молодежи в процессах ее социализации и пытается создать эффективную систему управления в данной сфере общественных отношений. Постепенно удастся институализировать молодежь в системе представительной и исполнительной власти, происходит процесс становления системы органов власти по делам молодежи [3]. Однако следует признать, что социально-экономическое положение большей части молодежи вызывает вполне обоснованную тревогу, как у представителей органов власти, так и у широких слоев российской общественности.

За последние годы в Российской Федерации произошел процесс институализации государственной молодежной политики на федеральном и региональном уровнях управления. В муниципальных образованиях в лице уполномоченных органов в сфере организации работы с молодежью местных администраций практически реализуется государственная молодежная политика с учетом местных особенностей и исторических традиций.

Развитие положительных тенденций в молодежной среде и рациональное использование активности молодежи в интересах общества и государства могут быть устойчивыми лишь при условии формирования адекватной государственно-общественной системы ее социализации, способной донести до различных социально-возрастных групп молодежи общие принципы и методы государственной молодежной политики. А органы власти соответственно должны обеспечить реализацию этих принципов и методов, учитывая местную специфику, т. е. возможности конкретного территориального образования [1, с. 23].

Рассматривая вопросы социального развития территории, согласимся с мнением Ю. В. Евдокимовой о том, что «социальное развитие региона — совокупность эволюционных процессов использования регионального потенциала (эндогенного и экзогенного относительно региона) с целью воспроизводства и совершенствования человеческого капитала, а также создания для населения региона возможности в настоящем и будущем удовлетворять весь комплекс своих физиологических и социальных потребностей объективного и субъективного характера» [2, с. 30]. Поэтому рассматриваем социальное развитие региона как комплексную систему реализации государственных и муниципальных управленческих полномочий, включая молодежную политику как составную часть социальной политики.

Актуальность проблем в сфере молодежной политики также обусловлена сложной демографической ситуацией в Российской Федерации. По данным Росстата, численность населения страны в среднем и старшем возрасте в два раза больше, чем численность населения находящегося в молодом возрасте. Современная молодежь в скором будущем станет основным трудовым ресурсом страны, а их трудовая деятельность источником обеспечения детей, инвалидов и старшего поколения.

По данным Федеральной службы государственной статистики население Российской Федерации составляет 146 781 млн чел. Население от 14 до 30 лет составляет 24 283 млн чел., или 16,5% населения страны. На 1 января 2019 г. численность постоянного населения Свердловской области составляла 4315,7 тыс. чел., в том числе городского — 3666,03 тыс. чел., сельского — 649,67 тыс. чел.

По данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области на 1 января 2019 г. в субъекте Российской Федерации проживает 727 955 молодых граждан в возрасте от 14 до 30 лет, что составляет 16,8 % населения (см. таблицу).

По данным, представленным в таблице, видно, что за 2014–2018 гг. население Свердловской области сократилось на 11 773 чел., или на 0,3 %. За этот же период лиц в возрасте от 14 до 30 лет сократилось на 133 352 чел., или на 15,5 %, и составило на 1 января 2019 г. 16,8 % от численности населения региона. Однако на основании представленных статистических данных процент населения Свердловской области в возрасте от 14 до 30 лет выше общероссийского.

Численность городского населения за 2014–2018 гг. увеличилась на 16 874 чел., или на 0,5 %. Однако в структуре городского населения значительно сократилось население в возрасте от 14 до 30 лет: с 20,2 % на 1 января 2015 г. до 16,9 % на 1 января 2019 г.

Численность населения Свердловской области от 14 до 30 лет на 1 января 2015–2019 гг.

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
Все население	4 327 472	4 330 006	4 329 341	4 325 256	4 315 699
— население в возрасте от 14 до 30 лет	861 307 (19,9 %)	825 620 (19,06 %)	789 769 (18,2 %)	756 020 (17,5 %)	727 955 (16,8 %)
— городское население	3 649 151	3 658 043	3 663 934	3 666 856	3 666 025
— городское население в возрасте от 14 до 30 лет	739 021 (20,2 %)	708 348 (19,3 %)	676 630 (18,4 %)	648 847 (17,6 %)	622 394 (16,9 %)
— сельское население	678 321	671 963	665 407	658 400	649 674
— сельское население в возрасте от 14 до 30 лет	122 286 (18 %)	117 272 (17,4 %)	113 139 (17 %)	109 173 (16,6 %)	105 561 (16,2 %)

Примечание. Составлено по: Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. — URL: <https://www.gks.ru>.

Численность сельского населения за 2014–2018 гг. сократилась на 28 647 чел., или на 4,3 %. В структуре сельского населения количество молодежи сократилось с 18 % до 16,2 %. Следовательно, сельское население в силу устоявшихся патриархальных традиций оказалось более устойчивой общностью по сохранению молодого населения в своей структуре.

В настоящее время доля молодежи в структуре населения Свердловской области постоянно сокращается, и проблема «старения» населения в регионе продолжает объективно актуализироваться. За последние годы в большинстве муниципальных образований Свердловской области наблюдаем убыль возрастной группы населения от 14 до 30 лет.

Самая высокая концентрация молодежи в муниципальном образовании «город Екатеринбург», население которого стабильно растет: с 1 308 400 в 2006 г. до 1 483 119 в 2019 г. В городе проживает более 380 тыс. чел., или 25,6 % населения мегаполиса в возрасте от 14 до 30 лет. Это естественный процесс, так как для молодежи в крупнейшем городе созданы достаточно комфортные условия для получения образования, карьерного роста, хорошего заработка, наличие альтернативы в работе, развитой инфраструктуры досуга и развлечений.

Однако на территории области есть населенные пункты, где фактически отсутствует молодежь и там давно уже не отмечают День молодежи. Так, например, есть два поселка с одним названием «Молодежный», один расположен на территории Березовского городского округа, инфраструктура, которого представлена котельной и магазином, и другой поселок на территории Горноуральского городского округа, где есть ферма и пилорама, но нет даже магазина.

Основной причиной убыли численности молодежи в муниципальных образованиях, расположенных на территории Свердловской области, остается общее ухудшение социально-экономической обстановки в большинстве муниципалитетов. К этому добавим дотационность большинства местных бюджетов и невозможность привлекать дополнительные финансовые средства на полноценную и всестороннюю работу с молодежью с целью создания комфортных условий для проживания. Эти и другие обстоятельства привели к массовому оттоку молодежи в мегаполисы из сельской местности и малых городов в поисках лучшей жизни. В случае не принятия мер в ближайшем будущем, может наступить «точка не возврата», а именно — потеря потенциала муниципальных образований, спад промышленного производства из-за дефицита квалифицированных рабочих кадров и нежелания молодежи связывать свои планы с дальнейшим проживанием в депрессивном, дотационном муниципальном образовании [4].

В 2011 г. для определения эффективности реализации Концепции государственной молодежной политики Свердловской области на период до 2020 г. в муниципальных образованиях, расположенных на ее территории, в разделе 8 введены показатели эффективности реализации концепции. Среди «Показателей демографического состояния молодежи» под № 1 определен «Естественный прирост», где в процентном соотношении следует отразить прирост или убыль возрастной группы населения с 14 до 30 лет за 2010, 2015 и 2020 гг.

В настоящее время на территории Свердловской области расположены 47 городов, 27 поселков городского типа, 1 795 сельских населенных пунктов. Местное самоуправление осуществляется на территории 94 муниципальных образований, из них: 68 городских округов, 5 муниципальных районов, 16 сельских поселений, 5 городских поселений.

В соответствии с федеральным законом о местном самоуправлении среди вопросов местного значения «организация и осуществление мероприятий по работе с детьми и молодежью» определены для муниципальных и городских округов, а также муниципальных районов (мероприятия межпоселенческого характера). Следовательно, в Свердловской области организация работы с молодежью возложена на городские округа и муниципальные районы, так как другие виды муниципальных образований на территории субъекта Федерации отсутствуют. Так как после 2020 г. в Свердловской области будет реализовываться следующая концепция государственной молодежной политики, предлагаем в части определения эффективности ее реализации в муниципальных образованиях ввести среди «Показателей демографического состояния молодежи» под № 1 следующее: «Процентное соотношение лиц от 14 до 30 лет в общей структуре населения муниципального образования».

Если процент численности молодежи, проживающей в каком либо муниципальном образовании, ниже обще областного показателя, то это может напрямую или косвенно свидетельствовать о том, что для молодежи не созданы соответствующие условия для проживания на данной территории.

Под № 2 предлагаем сформулировать следующие показатели демографического состояния молодежи в муниципальном образовании:

- положительный естественный прирост молодежи;
- отрицательный естественный прирост молодежи.

Предложенная конкретизация формулировок, позволит более детально отразить прирост или убыль возрастной группы населения с 14 до 30 лет на территории муниципального образования и, следовательно, оценить в той или иной степени деятельность органов местного самоуправления в сфере организации работы с молодежью.

Следует обратить внимание одну из тенденций, которая достаточно показательна на примере Свердловской области. Для данного региона характерна достаточно высокая миграционная активность. При этом центрами притяжения мигрантов являются г. Екатеринбург и его города спутники, несколько реже — г. Нижний Тагил. Статистически миграционные потоки несколько снижают дефицит трудовых ресурсов, но не решают проблему комплексной обеспеченности региона трудовыми ресурсами. Так как основными источниками притока молодежи выступают мигранты из Средней Азии и Закавказья, то полноценного замещения трудовых ресурсов не происходит, поскольку основные рабочие места в Свердловской области существуют в промышленном секторе, а мигранты не в полной мере ориентированы на заполнение вакансий рабочих мест в промышленности. Частично данная ситуация решается продлением пенсионного возраста, в силу чего произойдет некоторое удержание трудоспособного населения старшего возраста на рабочих местах. Однако указанная мера имеет вре-

менный характер и не в состоянии системно решить проблему. Таким образом, есть все основания прогнозировать потенциальное возникновение критического дефицита трудовых ресурсов при открытии рабочих вакансий в обозримом будущем.

Рассматривая современную молодежь как источник трудовых ресурсов необходимо также сделать несколько уточнений. В современной российской системе ценностей существует несколько системных противоречий, оказывающих принципиальное влияние на процесс формирования трудовых ресурсов. Во-первых, в литературе много рассуждений о «поколении X» и их возможному вкладу в современную экономику. Однако подобные размышления мало коррелируют с общей тенденцией развития современной экономики России, в которой по-прежнему преобладает тяжелая промышленность и топливно-энергетический комплекс. Следовательно, потенциал «поколения X», существующий в информационной сфере, не соответствует потенциалу развития отечественной экономики, что не может не нести в себе негативных последствий для дальнейшего развития трудовых ресурсов российского общества. Во-вторых, сложившаяся в последнее время, система оплаты труда рабочих, позволяющая в молодом возрасте выйти на определенную «планку» дохода, оказывает негативное влияние на профессиональное развитие, стимулируя преимущественно ориентацию на карьерный рост, как основной источник благосостояния. Говоря о недостатках, необходимо отметить, что отдельно взятый субъект хозяйствования, даже обладающий высоким экономическим потенциалом, не в состоянии преодолеть указанную тенденцию. Соответственно существует потребность в корректировке государственной (информационной, образовательной, кадровой, трудовой) политики в направлении разрешения указанных противоречий.

Современное сокращение численности молодежи, вследствие демографических процессов, затрагивает почти субъекты Российской Федерации, за исключением некоторых республик Северного Кавказа. Демографический прогноз свидетельствует о том, что сокращение численности молодежи в стране продлится вплоть до 2025 г., однако оно будет неравномерным. Такая ситуация означает, что стареет не только Россия в целом, но и каждый ее регион, хотя и разными темпами.

Следовательно, в регионах, где будет расти удельный вес пенсионеров и, соответственно, нарастать демографическая нагрузка на молодежь и людей среднего возраста, основной акцент молодежной политики должен быть сделан на анализе возможностей молодежной миграции в конкретный регион (образовательная, трудовая) при целевом привлечении молодежи из других регионов в дополнительное профессиональное образование. Однако здесь возможен вариант, когда программы дополнительного профессионального образования по профессиям (специальностям) необходимым для регионов-реципиентов будут развертываться в регионах-донорах молодежи.

Библиографический список

1. *Государственная молодежная политика. Региональный опыт реализации* — М.: Социум, 2009. — 234 с.
2. *Евдокимова Ю. В.* Совершенствование государственных программ субъектов РФ // Экономика и менеджмент инновационных технологий. — 2016. — № 10. — С. 27–32.
3. *Латыпов Р. Т., Мельникова Е. А., Резниченко Д. В.* Основные направления реализации молодежной политики в Свердловской области // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. (Липецк, 17–18 ноября 2017 г.). — Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. — С. 44–48.
4. *Матвеева Е. В.* Проблемы дотационности муниципальных образований Свердловской области // Муниципальная экономика и управление. — 2013. — № 4. — С. 94–99.

А. Н. Пестряков, Л. В. Тележук

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Оценка экономической безопасности региона в разрезе таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности

Аннотация. Осуществлена оценка экономической безопасности региона в контексте таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности на основе индикативного анализа. Авторами определен ряд индикаторов внешнеторговой деятельности, а также предложены их пороговые значения, позволяющие выявить угрозы экономической безопасности региона.

Ключевые слова: внешнеторговая деятельность; Уральский федеральный округ; оценка экономической безопасности; индикативный анализ.

При диагностике экономической безопасности выявляются основные угрозы безопасности, производится оценка характера и степени их действия на территории, что позволяет в конечном счете сформировать перечень основных программно-целевых мероприятий по нейтрализации этих угроз и определить направления перспективного развития экономики страны и ее регионов. Как показали многочисленные исследования, наиболее приемлемым подходом для проведения диагностики безопасности является индикативный анализ¹.

В соответствии с данным подходом, диагностика экономической безопасности производится на основе совокупности индикаторов экономической безопасности, которые позволяют сигнализировать о грозящей опасности, количественно оценить уровень угроз безопасности и сформировать комплекс программно-целевых мероприятий по стабилизации обстановки. Уровень проявления угроз экономической безопасности определяется при сравнении текущих (фактических) значений индикативных показателей (индикаторов) с их пороговыми (критическими) значениями. Поэтому можно сказать, что при реализации процедур индикативного анализа принципиально важным является знание пороговых уровней индикативных показателей².

Для проведения оценки экономической безопасности региона в контексте таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности необходимо определить индикативные показатели, относящиеся к данной сфере экономики, и их пороговые значения.

Вопросы оценки экономической безопасности в России рассматриваются не только в научных трудах, но и в официальных документах. Основным из них является указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 20 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.». В данном документе выделены сорок показателей, при помощи которых можно оценить состояние экономической безопасности. Экономическая безопасность государства складывается из экономической безопасности регионов, а экономическая безопасность каждого региона зависит от экономической безопасности государства в целом. Основываясь на этом утверждении, применим метод аналогии и используем показатели, перечисленные в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., для оценки экономической безопасности региона.

¹ Татаркин А. И., Куклин А. А. Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона // Экономика региона. — 2012. — № 2. — С. 25–39.

² Там же.

Из сорока показателей, перечисленных в стратегии, для оценки экономической безопасности в контексте таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности можно использовать следующие:

- индекс физического объема экспорта;
- индекс физического объема импорта;
- сальдо торгового баланса;
- доля машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме сырьевого экспорта;
- доля машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме импорта;
- доля импорта в объеме товарных ресурсов продовольственных товаров.

Кроме перечисленных выше показателей, для оценки экономической безопасности России и ее регионов в разрезе таможенно-тарифного регулирования авторы предлагают использовать отсутствующий в стратегии экономической безопасности показатель доли сырьевого экспорта в общем объеме экспорта.

Возьмем в качестве исследуемого региона Уральский федеральный округ. Он является достаточно крупным территориальным образованием, что позволяет использовать при его изучении показатели, применяемые для страны в целом; также он является регионом, экономическая безопасность которого важна для обеспечения экономической безопасности всего государства.

Из-за отсутствия соответствующих статистических данных, для рассматриваемого Уральского федерального округа, индексы физического объема экспорта и импорта будет целесообразно заменить показателями изменения объемов экспорта и импорта по сравнению с прошлым годом в текущих ценах. В рамках оценки экономической безопасности для показателей импорта и экспорта будут рассматриваться два состояния: рост (положительное влияние на экономическую безопасность) и снижение (отрицательное влияние на экономическую безопасность).

Положительное значение сальдо торгового баланса оценивается как благоприятный фактор в рамках оценки экономической безопасности и, соответственно, отрицательное значение – как неблагоприятный.

Индикаторы, представляющие собой долю от экспорта или импорта, при оценке экономической безопасности рассматриваются следующим образом: показатели исследуемого региона сравниваются со средними показателями по странам «большой семерки».

Показатели индикатора доля машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме сырьевого экспорта оцениваются как положительные в случае, если они не ниже средних значений по странам «большой семерки» на 2 п. п.

Показатели индикаторов доля машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме импорта и доля импорта в объеме товарных ресурсов продовольственных товаров оцениваются как положительные в случае, если они не выше средних значений по странам «большой семерки» на 2 п. п.

Учитывая особенности структуры экономики России в целом и Уральского федерального округа в частности, необходимо добавить такой показатель, как доля сырьевого экспорта в общем объеме экспорта. Показатели данного индикатора оцениваются как положительные в случае, если они не выше средних значений по странам «большой семерки» на 2 п. п.

На основе перечисленных выше семи индикаторов оценивается экономическая безопасность региона в контексте таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности.

Для оценки экономической безопасности территории за каждый индикатор, значения которого были оценены как положительные, в общую оценку прибавляется один балл. Таким образом, максимально возможная оценка — семь баллов. В случае, если общая оценка составляет более пяти баллов, ситуацию с экономической безопасностью в области таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности можно охарактеризовать как удовлетворительную. В случае, если общая оценка составляет пять и меньше баллов — как неудовлетворительную.

В рамках данного метода для определения пороговых значений показатели УФО будут сравниваться с показателями стран, входящих в «большую семерку», т. е. с показателями Канады, Франции, Германии, Италии, Японии, США и Великобритании. Также для каждого показателя приведены данные по России в целом. Для того, чтобы сравнения были наиболее корректны, все статистические данные для стран «большой семерки» будут взяты из одного источника — сборников Росстата, а именно: «Россия и страны мира» за 2018 г. и «Регионы России» за 2018 г.¹

Анализируя данные из этих источников, первым показателем, по которому оценивается уровень экономической безопасности региона в области таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности, является изменение объема экспорта в текущих ценах исследуемого года по сравнению с базовым годом. На основании имеющихся статистических данных, можно взять 2017 г. в качестве исследуемого и 2016 г. в качестве базового.

В 2017 г. объем экспорта в Уральском федеральном округе вырос по сравнению с 2016 г., что в рамках оценки экономической безопасности в разрезе таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности является положительным фактором. Аналогичная ситуация наблюдается и в целом по России, и во всех странах «большой семерки». То же можно сказать и об импорте: в 2017 г. его объем в Уральском федеральном округе вырос по сравнению с 2016 г. Аналогичная ситуация наблюдается в России в целом и во всех странах «большой семерки».

В 2017 г. сальдо торгового баланса было положительным, что является положительным фактором в рамках проводимой оценки. Аналогичная ситуация наблюдается и в Российской Федерации в целом. Из стран «большой семерки» сальдо торгового баланса в 2017 г. было положительным в Германии, Италии, Японии и, соответственно, отрицательным в Канаде, Франции, США и Великобритании.

В рамках исследования экономической безопасности региона в контексте таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности, одним из важнейших параметров выступает структура экспорта и импорта. Наиболее важными показателями являются доля машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме несырьевого экспорта и импорта, доля импорта в объеме товарных ресурсов продовольственных товаров, доля сырьевого экспорта в общем объеме экспорта. Для сравнения перечисленных выше показателей были взяты данные за 2017 г. для Уральского федерального округа и данные за 2016 г. для стран, с которыми сравнивается регион.

Доля машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме несырьевого экспорта Уральского федерального округа составила 5 %. Для региона этот показатель соответствует общероссийскому уровню (в среднем по России — 5,1 %). В то же время он значительно ниже среднего уровня по странам «большой семерки» — 41,2 %.

¹ Регионы России. 2018: крат. стат. сб. / Росстат. — М., 2018. — 522 с.; Россия и страны мира. 2018: стат. сб. / Росстат. — М., 2018. — 375 с.

**Сводная таблица показателей оценки экономической безопасности
в разрезе таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности**

Регион	Изменение объема экспорта в текущих ценах исследуемого года по сравнению с базовым годом	Изменение объема импорт в текущих ценах исследуемого года по сравнению с базовым годом	Сальдо торгового баланса	Доля машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме несырьевого экспорта	Доля машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме несырьевого импорта	Доля импорта в объеме продовольственных товаров	Доля сырьевого экспорта в общем объеме экспорта
Уральский федеральный округ	Рост	Рост	Положительное	5	65,9	2	59,8
Россия	Рост	Рост	Положительное	5,1	41,2	11,7	47,2
Канада	Рост	Рост	Отрицательное	30,2	44,1	8,1	16,0
Франция	Рост	Рост	Отрицательное	40,7	38,2	9,2	2,3
Германия	Рост	Рост	Положительное	48,4	36,4	7,1	1,6
Италия	Рост	Рост	Положительное	36,6	29,2	9,6	2,6
Япония	Рост	Рост	Положительное	58,7	28,2	9,2	1,8
США	Рост	Рост	Отрицательное	34,8	43,1	5,8	6,5
Великобритания	Рост	Рост	Отрицательное	39,2	35,9	8,9	6,2
<i>Среднее значение</i>	—	—	—	41,2	36,4	8,3	5,3

Примечание. Составлено авторами по: *Регионы России*. 2018: крат. стат. сб. / Росстат. — М., 2018. — 522 с.; *Россия и страны мира*. 2018: стат. сб. / Росстат. — М., 2018. — 375 с.

Доля машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме несырьевого импорта Уральского федерального округа составила 65 %, что выше среднего по России уровня (41,2 %) и почти в два раза превосходит средний уровень по странам «большой семерки» — 36,4 %.

Статистика по доле машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме несырьевого экспорта и импорта Уральского федерального округа свидетельствует о серьезной зависимости региона от поставок машин и оборудования из-за рубежа, что является серьезной угрозой для промышленно развитого региона с высокой долей добывающих производств.

Доля импорта в объеме товарных ресурсов продовольственных товаров Уральского федерального округа составила 2 %, что значительно ниже среднего по России уровня (11,7 %) и среднего уровня по странам «большой семерки» — 8,3 %.

Доля сырьевого экспорта в общем объеме экспорта для Уральского федерального округа составляет 59,8 %, что выше среднего по России уровня (47,2 %). Среднее значение по странам «большой семерки» значительно ниже — 5,3 %. Из них наибольшее значение данного показателя наблюдается у Канады — 16 %.

Сводные данные по всем показателям оценки экономической безопасности в области таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности приведены в таблице.

На основе представленных данных по семи показателям экономической безопасности в контексте таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности можно сделать, что Уральский федеральный округ соответствует необходимым критериям только по четырем пунктам. Исследуемый регион не удовлетворяет требованиям в доле машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме несырьевого экспорта и импорта и в доле сырьевого экспорта в общем объеме экспорта.

Высокая доля сырьевых ресурсов в общем объеме экспорта связана с наличием в Уральском федеральном округе субъектов Федерации, обладающих значительными запасами углеводородов и специализирующихся на их добыче и экспорте. Большой объем ввозимых машин и оборудования связан с продолжавшейся в исследуемый год модернизацией Магнитогорского металлургического комбината, реализацией проектов «Ямал СПГ» и «Запсибнефтехим».

Проанализировав статистические данные по приведенным выше показателям Уральского федерального округа и сравнив их с аналогичными данными по странам «большой семерки», можно сделать вывод, что наибольшая угроза для экономической безопасности региона скрыта в структуре его экспорта и импорта. В частности, это касается зависимости региона от импорта машин и оборудования и ориентированности федерального округа на добычу полезных ископаемых и их экспорт. Стратегической задачей таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности должно стать обеспечение движения экономики региона в направлении изменения структуры экспорта в части снижения доли сырья и увеличения доли готовых изделий.

Е. Г. Ефимова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Развитие системы профессионального образования в сфере укрепления экономической безопасности страны и региона

Аннотация. Выделены важные факторы развития системы профессионального образования, влияющие на развитие экономики страны и состояние ее экономической безопасности в условиях глобализации. Накопленный человеческий капитал, социализация экономических отношений в перспективе выступают основой развития страны и регионов, формируют конкурентные преимущества. Условием социализации общества и развития человеческого капитала является модернизация системы профессионального образования и эффективная государственная политика.

Ключевые слова: экономическая безопасность; фактор безопасности; система профессионального образования; государственная политика.

В условиях стремительного развития научно-технического прогресса, техники и технологий актуальной является задача укрепления экономической безопасности страны в целом и ее регионов, где направления ее укрепления и снижение потенциальных угроз лежат в сфере государственного интереса. В свое время развитие техники и технологических возможностей наиболее развитых стран Европы, Америки и Юго-Восточной Азии привело к глобализации экономики. Многие развитые страны демонстрируют экономический рост, измеряемый в темпах увеличения валового национального и внутреннего продуктов, национального дохода (на душу населения и в целом), который стал индикатором производства, потребления и в последние десятилетия раскрывает «социальную направленность хозяйственного развития» [10, с. 257].

Чисто экономические теории оказались несостоятельными для решения важных социальных вопросов, о чем говорят исследования М. А. Шабановой, А. Этциони, В. Г. Задорожного и др. Им на смену им пришли синтезирующие теории как, например, гуманистическая с теорией человеческого капитала, социэкономии. Основная цель данной статьи — выделить значение социальной направленности экономического развития России для достижения и укрепления ее экономической безопасности в современных условиях.

В уровне развития российской экономики и стран-лидеров наблюдается определенный разрыв, что представляет некоторую угрозу ее экономической безопасности. Тем не менее, ученые, анализируя процесс развития российской экономики, весьма оптимистичны в отношении возможностей нашей страны: «...то обстоятельство, что, начав современный экономический рост на два поколения позже ведущих стран Западной Европы, Россия почти за 150-летний период сумела сохранить статус-кво по отношению к странам-лидерам» [10, с. 266]. С этим положением можно согласиться: в России имеются условия для повышения эффективности экономики, поскольку она имеет самодостаточный накопленный человеческий капитал, следовательно, она обладает потенциалом для экономического роста и социально-экономического развития.

Еще одной важной проблемой социально-экономического развития России является сохраняющаяся дифференциация между ее регионами [2; 3; 11]. «Оптимистичность догоняющего варианта развития России во многом будет зависеть от динамики роста в регионах. Несмотря на то, что московский регион аккумулировал 90 % всех финансовых потоков — 90 % ВВП создается в остальных субъектах Федерации» [10, с. 267]. Сохраняющийся разрыв по мнению ученых в ближайшее время

преодолеть невозможно, к тому же, согласно теории Г. Мюрдаля, эффект «обратной волны» увеличивает его. Воздействовать на эту ситуацию способна результативная государственная политика.

Ведущим фактором развития общества признан человеческий капитал, а техника и технологии уже не являются такими серьезными конкурентными преимуществами в сравнении с ним. Его рассматривают в качестве мощного и перспективного ресурса, способного к саморазвитию, накоплению (одними из первых теорию человеческого капитала как основное условие экономического роста обосновали Г. Беккер и Т. Шульц), а инвестиции в него позволяют в будущем получить более высокий доход. Таким образом, человеческий капитал, неотделимый от человека (личности), определяет успех в конкуренции формирует гуманистическую направленность экономики, или так называемую новую парадигму — «человеческое развитие».

Важным показателем благополучия государства является достижение устойчивости социально-экономических отношений, определяемое как возможность противостоять неблагоприятным внешним и внутренним воздействиям [15]. Автор разделяет позицию Е. В. Бельчук и Е. А. Самохиной в том, что «предпосылкой стабильного экономического развития страны и ее отдельных регионов является наличие современного и мощного потенциала образования, принимающего непосредственное участие в создании и воспроизводстве человеческого капитала» [1, с. 45].

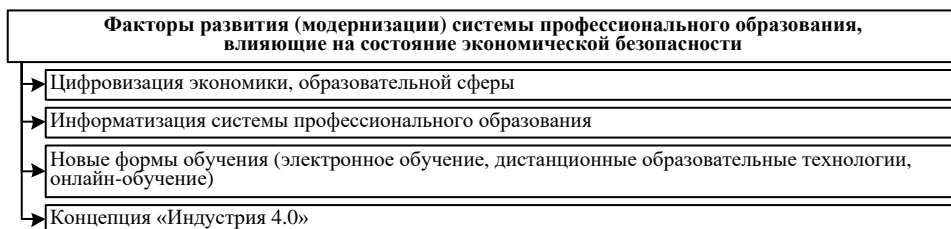
Система образования страны является важнейшим государственным интересом, рассматривается в качестве основы «динамичного экономического роста и социального развития общества, фактором благополучия граждан и безопасности страны» [6, с. 5]. В моделях экономического роста важное место занимает образование как факторная переменная. Выводы исследователей доказывают, что сфера образования является основным мощным фундаментом для формирования и накопления профессиональных и личностных компетенций человека, повышает его будущие заработки. Повышение квалификации, уровня образования имеет опосредованное влияние на капитал здоровья и социальное благополучие человека. Результаты исследований выявляют, что доля влияния образовательной составляющей в человеческом капитале, доходит до 80 %; обнаружена очень тесная корреляция между уровнем образования и здоровьем человека. Так, по шкале М. Гроссмана образование повышает эффективность сохранения здоровья на 2,4 %, а каждый дополнительный год обучения снижает вероятность смерти на 0,4 % [8, с. 147].

В условиях глобализации система профессионального образования страны (и региона) выступает фундаментом для подготовки востребованных экономикой кадров, формирования трудового потенциала, влияет на социально-экономическое развитие и формирование экономики знаний [11]. Вопросы развития системы профобразования включены в стратегии перспективного социально-экономического развития России, закреплены в законодательных и нормативных документах федеральной и региональной политики.

В сфере системы профессионального образования можно выделить общие и частные факторы, влияющие на состояние экономической безопасности страны, укрепляющие ее. Частные факторы формируются в соответствии с условиями и возможностями регионов: природные ресурсы, социальный потенциал, история формирования и развития территории, ее особенности, культурные традиции и прочее. Общие факторы представлены на рисунке.

Качество образования остается одной из жизненных ценностей общества, условием достижения устойчивости экономического развития, накопления человеческого капитала, с ним тесно связан процесс цифровизации экономики. Цифровая среда форми-

рует равный для всех доступ к образованию, возможность выстраивания индивидуальной траектории его получения. Возможности цифровой образовательной среды выделены в государственных программах в качестве перспективного развития системы профессионального образования страны и регионов, где цифровизация необходима для «создания плодотворной образовательной и научно-исследовательской среды...» [11, с. 22].

Факторы развития системы профессионального образования для достижения экономической безопасности страны

Для цифровизации образовательного процесса необходима, прежде всего, информатизация системы образования, которая на сегодняшний день не достигает 100 %. Недостаточная степень компьютеризации, информатизации образовательной среды в сельской местности, особенно территориально удаленной от центров экономического роста (городов). Здесь сохраняются проблемы с выделением линий связи, скоростным интернетом, недостатком финансирования материально-технической базы образовательных организаций и т. п., что сдерживает процесс цифровизации образовательной среды, и тем самым взятый Правительством России курс на цифровизацию экономики не может быть реализован без приоритетного развития системы образования, «соответствующей интересам постиндустриального общества» [1, с. 54].

Важным показателем развития системы образования является применение новых технологий: дистанционные образовательные технологии, электронное обучение, онлайн-образование, E-learning и др. Применение новых форм обучения закреплено законодательно. Например, в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 3 августа 2018 г.) получение профессионального образования выступает требованием к уровню знаний, умений и навыков (компетенции, квалификация) в процессе выполнения человеком его трудовой функции. Очевидно, что процесс модернизации системы профессионального образования должен следовать изменяющимся требованиям в сфере подготовки квалифицированных кадров для повышения эффективности труда, социализации личности, развитию инноваций и т. п. Кроме подготовки требуемых экономикой региона инновационных кадров, важной целью ее функционирования является непрерывное формирование трудового потенциала, что создает основу устойчивости экономической системы и безопасности.

Инновации невозможны без развития образования и науки, поэтому их развитие является приоритетным стратегическим вопросом в современной государственной политике в сфере подготовки кадров, социально-экономического развития общества, состояния экономической безопасности. По мнению экспертов, решение кадровых проблем в субъектах РФ должно быть целенаправленным [7], без чего реализация стратегических направлений по формированию устойчивости экономики не представляется возможной.

Использование новых форм обучения характеризует процесс цифровизации образовательного пространства. В таблице представлена динамика применения дистанционных образовательных технологий.

**Использование дистанционных образовательных технологий
для реализации программ высшего и среднего профессионального образования
субъектов Уральского региона**

Субъект	2013	2014	2015	2016	2017*
Республика Башкортостан	78	72	79	102	112
Удмуртская Республика	40	36	44	45	55
Пермский край	49	57	32	63	64
Оренбургская область	33	29	40	69	72
Курганская область	26	19	11	16	12
Свердловская область	118	119	126	109	124
Челябинская область	83	85	72	51	50

Примечание. * Данные по СПО были спрогнозированы методом наименьших квадратов.

Составлено автором по данным: *Статистическая информация* в сфере научных исследований и разработок и в сфере высшего образования / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: офиц. сайт. — URL: <https://minobnauki.gov.ru/ru/activity/stat/highed/index.php>.

В упомянутом выше Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» в ст. 16 об электронном обучении сказано следующее «...организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников». Применение данной формы обучения расширяет возможности предоставления образовательных услуг, снимая ограничения во времени и пространстве (выбор удобного времени для изучения дисциплин образовательной программы без присутствия в учебной аудитории), но требует 100 % информатизации системы образования.

Таким образом, распространение новых форм обучения, с одной стороны, способствует модернизации системы профессионального образования, ее цифровизации, с другой стороны, остаются проблемы (компьютеризация, информатизация), требующие незамедлительного решения.

Интерес к вопросам индустриализации и промышленных революций в России наблюдается с начала XXI века. Теоретические основы индустриализации экономики заложили зарубежные ученые, где одними из первых являются Дж. Гэлбрейт («индустриалистическая» ветвь институционализма) [5], А. Тоффлер («супериндустриальное» общество и «супериндустриальные» революции) [14], А. Дж. Тойнби («четвертый скачок» научно-технического прогресса общества) [13], Дж. Рифкин («третья промышленная революция») [9]. Академик С. Ю. Глазьев выделяет и описывает технологические уклады, сменяющие друг друга в ходе индустриальных революций в стране [4]. Исследования показывают, что в России «цели новой индустриализации ... находятся в русле общемировых тенденций, а логика ее проведения оказывается верной и для отдельных регионов» [12, с. 15].

Человеческий капитал имеет определяющее значение для концепции «Индустрия 4.0». Под новой индустриализацией исследователи понимают «совокупность долговременных технических и технологических процессов, позволяющих количественно и качественно обновлять промышленную сферу, включая материально-техни-

ческую базу, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), управление, подготовку кадров» [12, с. 15]. Соответственно, сфера профессионального образования (страны, региона) должна не только следовать требованиям экономики, но и опережать ее, взаимодействовать с предприятиями и хозяйствующими субъектами по подготовке необходимых ей квалифицированных кадров, внедрению инноваций.

В заключение следует сказать, что одним из значимых направлений укрепления экономической безопасности России и ее регионов, экономического роста и общественного прогресса в условиях глобализации является развитие системы профессионального образования и науки как основы формирования и развития важного ресурса — человеческого капитала.

Библиографический список

1. Бельчук Е. В., Самохина Е. А. Развитие системы образования в постсоветской России как ключевой элемент экономики знаний // Вопросы регулирования экономики. — 2011. — Т. 2, № 2. — С. 45–55.
2. Буторина О. В. Процессы территориальной интеграции регионов Урала: проблемы и перспективы развития // Современные технологии управления. — 2013. — № 1(25). — URL: <https://sovman.ru/article/2502>.
3. Виолин С. И. Типологизация регионов как основа для проведения дифференцированной государственной региональной политики // Региональная экономика и управление. — 2018. — № 2(54). — URL: <https://eee-region.ru/article/5406>.
4. Глазьев С. Ю. Какая модернизация нужна России? // Экономист. — 2010. — № 8. — С. 3–18.
5. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество: пер. с англ. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. — 602 с.
6. Дворецкий С. И., Муратова Е. И., Федоров И. В. Инновационно-ориентированная подготовка инженерных, научных и научно-педагогических кадров. — Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2009. — 308 с.
7. Коковихин А. Ю. Государственные программы как инструмент управления человеческими ресурсами на уровне субъектов российской Федерации // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2017. — № 3(71). — С. 91–103.
8. Майбуров И. А. Парадигма согласованного развития высшей школы и промышленности в регионах. — Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2003. — 516 с.
9. Рифкин Дж. Третья промышленная революция: как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом: пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2014. — 410 с.
10. Северное регионоведение в современной регионологии: монография / Ю. Ф. Лукин, А. А. Дрегалю, Н. П. Залывский и др.; отв. ред. Ю. Ф. Лукин. — Архангельск: Высшая школа делового администрирования ИУШПК ПГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. — 449 с.
11. Силин Я. П., Анимица Е. Г. Контуры формирования цифровой экономики в России // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2018. — Т. 19, № 3. — С. 18–25.
12. Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Перед вызовами третьей волны индустриализации: страна, регион // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2016. — № 3(65). — С. 14–25.
13. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: сб. / пер. с англ. И. Е. Киселевой, М. Ф. Носовой. — М.: Прогресс-культура; СПб.: Ювента, 1995. — 477 с.
14. Тоффлер А. Футуришок: пер. с англ. — СПб.: Лань, 1997. — 461 с.
15. Шовгенов Т. М. Основные аспекты устойчивости региональных социально-экономических систем // Региональная экономика и управление. — 2007. — № 3(11). — URL: <https://eee-region.ru/article/1107>.

Н. В. Сбродова, М. Д. Албычева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Организационно-правовые несовершенства регулирования машиностроительной деятельности в контексте обеспечения экономической безопасности региона

Аннотация. Экономическая безопасность традиционно-промышленного региона, которым является Свердловская область, в значительной степени зависит от динамики развития машиностроения. Для обеспечения прогрессивного развития машиностроительной деятельности необходимо наличие не только материальных и финансовых ресурсов, но и соответствующего организационно-правового обеспечения. Несовершенства регулирования могут создавать заметные препятствия для укрепления экономической безопасности региона.

Ключевые слова: экономическая безопасность; регион; машиностроительная деятельность; Свердловская область.

В настоящее время как Российская Федерация, так и все ее субъекты находятся в завершающей стадии адаптации к переломным моментам экономической истории 2014 г. Нашей стране были объявлены экономические санкции, в число которых входят санкции, ограничивающие поставки многих типов современного оборудования для различных отраслей производств. Широкий спектр комплектующих материалов для оборудования и оснащения современных машиностроительных предприятий оказался под запретом для ввоза в РФ, западные банки также ограничили кредитование ряда ведущих российских предприятий.

Все вышеперечисленные обстоятельства оказывают сильное негативное влияние на экономическую безопасность регионов РФ, снижая ее уровень и замедляя развитие в целом.

Проведя исследование организационно-правового регулирования машиностроительной деятельности в контексте обеспечения экономической безопасности региона, авторы выделили ряд несовершенств (см. рисунок).

Несовершенства организационно-правового регулирования машиностроительной деятельности в контексте обеспечения экономической безопасности региона

Первым и основным несовершенством, которое выделили авторы, является отсутствие единой терминологии. В настоящее время в нормативно-правовых актах Российской Федерации и ее субъектов нет четко закрепленного понятия «экономическая безопасность машиностроительной деятельности».

В связи с тем, что Свердловская область — традиционно-промышленный регион, в структуре которого машиностроение занимает значительное положение (в настоящее время на территории Свердловской области действуют более ста машинострои-

тельных предприятий, которые имеют весомую долю в обеспечении экономической безопасности региона), авторами было принято решение сформулировать определение термина «экономическая безопасность машиностроительной деятельности», основываясь на трех определениях термина «экономическая безопасность» (табл. 1) и трех определениях термина «Машиностроительная деятельность» (табл. 2).

Т а б л и ц а 1

Определения термина «экономическая безопасность»

Источник	Определение
Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.»	Состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации
С. Ю. Глазьев [2, с. 5]	Состояние экономики и производительных сил общества с точки зрения возможностей самостоятельного обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны, поддержания необходимого уровня национальной безопасности государства, а также должного уровня конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобальной конкуренции
Л. И. Абалкин [1]	Состояние экономической системы, которое позволяет ей развиваться динамично, эффективно и решать социальные задачи, и при котором государство имеет возможность выравнивать и проводить в жизнь независимую экономическую политику

Т а б л и ц а 2

Определения термина «машиностроительная деятельность»

Источник	Определение
С. И. Ожегов [4, с. 678]	Промышленность, занятая производством машин, оборудования и продукции оборонного значения
М. Г. Миронов, С. В. Загородников [3, с. 223]	Базовая отрасль экономики, определяющая развитие таких комплексов как, топливно-энергетический, транспортный, строительный, химический и нефтехимический и ряд других
П. В. Савченко [5]	вид деятельности, который объединяет отрасли обрабатывающей промышленности: производство оборудования и промышленных машин, электротехническую и электронную промышленность, транспортное машиностроение

Так, учитывая все общие черты определений, можно сформировать следующие единое определение:

Экономическая безопасность машиностроительной деятельности — это состояние базового вида экономической деятельности, объединяющего в себе несколько видов обрабатывающей промышленности и таких комплексов как топливно-энергетический, транспортный, строительный, химический и нефтехимический и др., которое позволяет ему развиваться динамично, находиться в состоянии защищенности от внешних и внутренних угроз, поддерживать уровень национальной безопасности государства, а также поддерживать необходимый уровень конкурентоспособности в условиях глобальной конкуренции.

Введение данного определения, в первую очередь, даст четкое понимание того, что из себя представляет экономическая безопасность машиностроительной деятель-

ности; во-вторых, мы сможем понимать, по каким показателям можно определить уровень безопасности машиностроительной деятельности в регионе и в стране; в-третьих, данное определение поможет в определении уровня влияния машиностроительной деятельности на безопасность региона, а также страны в целом.

Вторым несовершенством организационно-правового регулирования машиностроительной деятельности в контексте обеспечения экономической безопасности региона является низкий уровень контроля за соблюдением обязательств по государственным программам.

В настоящее время основными формами отчетности по государственным программам являются сводные годовые отчеты о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ, которые содержат:

а) сведения об основных результатах реализации государственных программ за отчетный период;

б) сведения о степени соответствия установленных и достигнутых целевых индикаторов и показателей государственных программ за отчетный год;

в) сведения о выполнении расходных обязательств РФ, связанных с реализацией государственных программ и др.

При составлении отчетов пристальное внимание уделяется соблюдению формы и наличию теоретической составляющей, зачастую они никак не подкреплены практическими доказательствами достижения результатов. Наоборот, ни в одном документе нет упоминания о том, что при недостижении целевых показателей и индикаторов, что является следствием нецелесообразного и неэффективного распоряжения государственными денежными средствами/ресурсами, будет возникать личностная ответственность.

По мнению авторов, в Российской Федерации и в субъектах Федерации необходимо усовершенствовать систему контроля за соблюдением тех или иных обязательств по различным государственным программам развития путем введения именно личной ответственности, а также распределения ответственности между органами власти и предприятиями, получившими поддержку государства.

Данная мера необходима для стимулирования предприятий к выполнению обязательств по госпрограммам, так как, достаточно часто, поставленные цели и задачи не достигаются, хотя все полученные по программе средства использованы, а ответственные лица не несут никакого наказания.

Вследствие этого авторы подчеркивают важность проверок, определяющих целевое или нецелевое использование средств, а также их возврат в случае нецелевого использования согласно Бюджетному кодексу РФ, ст. 306.4 «Нецелевое использование бюджетных средств».

Третьим организационно-правовым несовершенством является отсутствие стратегии экономической безопасности Свердловской области.

В настоящее время на территории Свердловской области органами государственной власти не сформирована стратегия экономической безопасности региона. Более того, отсутствует даже концепция. По мнению авторов, данное упущение в нормативно-правовой структуре региона просто недопустимо, в связи с тем, что данный документ в полной мере мог отразить слабые места экономики региона, снижающие уровень экономической безопасности как субъекта, так, впоследствии, и страны. Точное определение слабых экономических мест региона, подрывающих как саму экономику, так и экономическую безопасность, позволит обозначить спектры развития, посредством которых регион сможет усовершенствовать как свою экономику, так и экономическую безопасность.

Последним, но не менее значимым, несовершенством нормативно-правового регулирования является несоответствие политики органов государственной власти, проводимой в сфере машиностроительной деятельности, мировым тенденциям.

Современная государственная промышленная политика ориентирована на системное решение проблем, препятствующих переходу производств на инновационный путь развития, реализацию государственной поддержки на основе проектных принципов.

Если судить по мероприятиям, проводимым органами государственной власти Свердловской области в сфере поддержки машиностроения, то они в большей степени не соответствуют мировым тенденциям. В основной массе мероприятия направлены на поддержку и частичную модернизацию уже существующих производств, хотя в настоящее время мировые тенденции говорят о необходимости создания кардинально новой продукции — инновационной, следовательно, в регионе необходимо не только поддерживать уже имеющиеся производства и технологии, но и создавать новые. Без данных действий уровень развития машиностроения будет падать, конкурентоспособность — снижаться и, как следствие, уровень экономической безопасности окажется под угрозой.

Подводя итоги, можно сказать, что в Свердловской области присутствуют несовершенства, связанные с организационно-правовым регулированием машиностроительной деятельности, что создает заметные препятствия для укрепления экономической безопасности региона.

Библиографический список

1. *Абалкин Л. И.* Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. — 1994. — № 12. — С. 4–16.
2. *Глазьев С. Ю.* Основы обеспечения экономической безопасности страны — альтернативный реформационный курс // Российский экономический журнал. — 1997. — № 1. — С. 3–19.
3. *Миронов М. Г., Загородников С. В.* Экономика отрасли (машиностроение). — М.: ИНФРА-М, 2012. — 318 с.
4. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. — М.: Мир и образование, 2016. — 1375 с.
5. *Национальная экономика: учебник / под. ред. П. В. Савченко.* — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2016. — 839 с.

А. В. Курдюмов, М. А. Комбаров

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Выравнивание пространственного развития Российской Федерации как один из инструментов укрепления ее экономической безопасности

Аннотация. Статья посвящена изучению дифференциации социально-экономического развития регионов России, которая в настоящее время является фактором, создающим прямую угрозу ее экономической безопасности. Установлены причины возникновения данной проблемы, представлены наиболее и наименее развитые субъекты, а также предложены меры, направленные на обеспечение регионального равенства.

Ключевые слова: Россия; субъект; социально-экономическое положение; рейтинг; угроза; бюджет.

Экономические угрозы или угрозы экономической безопасности в наиболее общем виде представляют собой совокупность условий и факторов, создающих прямую либо косвенную возможность нанесения ущерба состоянию экономической сферы государства. В России насчитывается 25 таких угроз, указанных в специальной доктрине — Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. (Стратегии), и одной из них является неравномерность пространственного развития страны, которая заключается в высокой дифференциации административно-территориальных образований по уровню и темпам социально-экономического развития.

Рассматриваемая проблема находится во внимании отечественных и зарубежных исследователей. Так, А. С. Белькина утверждает, что в ее корне лежат географические особенности нашей страны — она является самой большой в мире по занимаемой площади и включает в себя 85 субъектов, существенно различающихся по климату, наличию природных ресурсов и многим другим параметрам [1, с. 247]. Конкретное положение дел описывают в своем докладе «На пути к новому общественному договору» аналитики из Всемирного банка, М. Буссоло, М. Э. Давалос, В. Пераджине и Р. Сундарам. Они отмечают, что Россия по размерам регионального неравенства опережает Китай, Индию и Бразилию. По их словам, уровень жизни в Сахалинской области почти соответствует показателю Сингапура, в то время как в Республике Ингушетия — показателю Гондураса [7, р. 76]. Эксперты Рейтингового агентства «РИА Рейтинг» ежегодно, начиная с 2011 г., рассчитывают рейтинг социально-экономического положения субъектов страны для определения позиций, занимаемых каждым регионом на ее экономической карте. Строится этот рейтинг на основе объективных показателей официальной статистики, которые доступны широкому кругу заинтересованных пользователей. Их насчитывается около двадцати, и все они разделены на следующие группы:

— показатели масштаба экономики (объем производства товаров и услуг, млрд р.; объем доходов консолидированного бюджета, млрд р.; число занятых в экономике, тыс. чел.; оборот розничной торговли, млрд р.);

— показатели эффективности экономики (объем производства товаров и услуг на одного жителя, тыс. руб.; инвестиции в основной капитал на одного жителя, тыс. р.; доля прибыльных предприятий, %; отношение задолженности по налогам к объему поступивших налогов и сборов в бюджетную систему РФ);

— показатели бюджетной сферы (доходы консолидированного бюджета на одного жителя, тыс. р.; доля налоговых и неналоговых доходов в суммарном объеме доходов консолидированного бюджета, %; отношение государственного долга к налого-

вым и неналоговым доходам консолидированного бюджета, %; отношение налоговых и неналоговых доходов к расходам консолидированного бюджета, %);

— показатели социальной сферы (отношение денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, раз; уровень безработицы, %; ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет; уровень младенческой смертности, ‰; уровень бедности, %; смертность населения трудоспособного возраста, ‰).

По каждому из этих показателей всем субъектам РФ присваивается балл, значение которого лежит в диапазоне от 1 (регион с наихудшим показателем), до 100 (регион с наилучшим показателем). Поскольку количество субъектов в нашей стране менее 100, то при определении балла какого-либо конкретного региона по какому-либо определенному показателю учитывается также степень отставания от региона с наилучшим значением данного параметра. После этого определяется среднее арифметическое баллов для каждой группы показателей, а итоговое значение рейтинга рассчитывается как среднее геометрическое четырех полученных чисел. В табл. 1 приведены результаты его расчета за 2018 г., а также некоторые другие показатели, являющиеся его элементами.

Таблица 1

Социально-экономическое положение субъектов РФ в 2018 г.

Субъект РФ	Рейтинг социально-экономического положения	Доля прибыльных предприятий, %	Уровень безработицы, %	Уровень бедности, %
г. Москва	88,049	75,7	1,2	7,2
г. Санкт-Петербург	86,141	80,6	1,5	7,2
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	78,398	73,8	2,5	10,7
Московская область	75,922	75,7	2,7	7,7
Республика Татарстан	75,069	76,9	3,3	7,2
Ямало-Ненецкий автономный округ	69,388	69,1	2,1	6,2
Свердловская область	67,910	73,1	4,8	9,7
Тюменская область	64,934	71,3	4,5	14,7
Краснодарский край	64,066	74,3	5,2	10,9
Ленинградская область	63,472	74,0	4,1	9,4
Республика Башкортостан	62,695	76,8	4,9	12,1
Самарская область	61,083	74,7	3,7	13,1
Ростовская область	59,238	75,3	5,1	13,4
Нижегородская область	58,715	76,2	4,2	9,5
Новосибирская область	49,591	72,2	6,7	16,0
Омская область	45,157	76,2	6,8	13,6
Саратовская область	44,794	73,5	5,0	16,1
Астраханская область	36,866	55,2	7,5	15,9
Чеченская Республика	26,013	81,3	13,7	20,5
Республика Марий Эл	25,662	64,4	5,0	21,5
Магаданская область	24,760	76,9	5,1	11,3
Камчатский край	24,413	73,6	4,9	16,5
Курганская область	23,948	69,0	8,0	19,4
Кабардино-Балкарская Республика	18,877	59,8	10,5	24,2
Республика Северная Осетия — Алания	18,663	55,3	10,5	14,2
Республика Калмыкия	18,162	72,1	9,7	24,2
Карачаево-Черкесская Республика	17,005	77,1	12,1	24,5
Чукотский автономный округ	15,307	52,8	3,1	9,5
Республика Ингушетия	14,505	63,9	26,6	31,9

Субъект РФ	Рейтинг социально-экономического положения	Доля прибыльных предприятий, %	Уровень безработицы, %	Уровень бедности, %
Республика Алтай	13,814	74,6	11,2	24,2
Еврейская автономная область	12,593	41,2	7,0	24,6
Республика Тыва	10,210	62,5	14,8	40,1

Примечание. Составлено авторами по: *Рейтинг* социально-экономического положения регионов — итоги 2018 г. — URL: <https://riarating.ru/regions/20190604/630126151.html>.

Из табл. 1 видно, что в 2018 г. высокое значение рейтинга (выше 60) получили 12 субъектов РФ. Количество регионов, социально-экономическое положение которых было оценено как низкое, т. е. рейтинг оказался ниже 25, также равно 12. Остальные административно-территориальные образования заслужили средний балл, находящийся в интервале от 25 до 60. Из них:

— значение рейтинга от 25 до 30 получили 12 субъектов (Костромская область, Республика Бурятия, Ивановская область, Севастополь, Орловская область, Псковская область, Республика Хакасия и др.);

— от 30 до 40 — 20 субъектов (Республика Мордовия, Смоленская область, Республика Дагестан, Чувашская Республика, Амурская область, Пензенская область, Брянская область, Ульяновская область, Томская область, Рязанская область, Хабаровский край, Мурманская область и др.);

— от 40 до 50 — 19 субъектов (Владимирская область, Республика Коми, Республика Крым, Удмуртская Республика, Ярославская область, Республика Саха (Якутия), Калининградская область, Ставропольский край, Калужская область, Волгоградская область и др.);

— от 50 до 60 — 10 субъектов (Липецкая область, Воронежская область, Кемеровская область, Сахалинская область, Красноярский край, Белгородская область, Пермский край, Челябинская область и др.).

Регионы с наилучшим социально-экономическим положением являются так называемыми «локомотивами» российской экономики, поскольку в них производится около 50 % ВВП страны и именно отсюда исходит основной экспортный поток. Обусловлено это тем, что на территории данных субъектов сосредоточено большинство крупнейших отечественных компаний [4, с. 4]. Кроме того, каждый из рассматриваемых регионов обладает какими-либо индивидуальными преимуществами. Например, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра представляет собой ключевой центр добычи и переработки нефти и газа; Краснодарский край, являясь сельскохозяйственным лидером России, обеспечивает всю страну продовольствием [2, с. 43]; Москва служит центром притяжения студентов, которые после окончания учебы в самых престижных отечественных вузах, расположенных здесь, не желают возвращаться на родину и т. д.

Каждый из отсталых регионов имеет какую-либо проблему, которая препятствует его развитию. Так, несовершенство рынка труда характерно для Республики Тывы, где отмечается колоссальный уровень бедности, Ингушетии, являющейся лидером по масштабам безработицы, а также для Карачаево-Черкесской Республики. Проблема бедности работающего населения стоит ребром в Еврейской автономной области. Здесь при относительно невысоком проценте незанятых размер ежемесячных доходов четверти граждан ниже величины прожиточного минимума. Связано это с тем, что

многие предприятия данного региона (58,8 % от общего их количества) не являются прибыльными, а следовательно, не могут обеспечить своих сотрудников достойной заработной платой. Особого внимания заслуживает Чукотский автономный округ, где показатели бедности и безработицы ниже, чем в некоторых высокоразвитых субъектах. Приговор данному региону выносят самые худшие в нашей стране параметры социальной сферы, такие, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении (63,6 года), уровень младенческой смертности (11,1 ‰) и уровень смертности лиц трудоспособного возраста (9,1 ‰). Это говорит о ненадлежащем качестве медицины и об изъятиях в области здравоохранения.

Следует отметить тот факт, что в 2017 г. дюжину лидеров и дюжину аутсайдеров социально-экономического положения составляли, за редким исключением, эти же административно-территориальные образования, однако рейтинг каждого из них был несколько ниже. В 2018 г. он увеличился, при этом «локомотивы» отечественной экономики продемонстрировали более существенные темпы улучшения своего социально-экономического положения чем отстающие регионы. Так, рейтинг Ханте-Мансийского автономного округа — Югра возрос на 6,114 пункта, Тюменской области — на 6,098 пункта, Ямало-Ненецкий автономный округ — на 5,537 пункта, в то время как любой из аутсайдеров не смог увеличить данный показатель даже на 2 пункта.

Это является своеобразным подтверждением слов директора компании Credit Suisse, Тиджана Тиамы, о том, что рост богатства супербогачей всегда быстрее роста богатства представителей других классов [3, с. 39], и доказательством подп. 24 п. 12 Стратегии, где сказано о растущей дифференциации регионов страны по уровню и темпам социально-экономического развития.

О негативном характере описанного явления утверждали еще мыслители Древней Греции. Так, по мнению Платона, чрезмерное богатство и крайняя бедность порождают большое зло, а согласно словам Плутарха «неравенство между богатыми и бедными — это старейший и наиболее пагубный недуг всех республик». С данными изречениями согласны и современные экономисты. Один из них, Д. И. Усманов, полагает, что неравномерность пространственного развития России служит причиной всех «болезней» ее экономической системы и ежегодно приводит к потерям, достигающим 3 % от ВВП [5, с. 17; 6, с. 477]. Поэтому в настоящее время существует острая необходимость принятия мер, направленных на устранение данной проблемы. Одной из таких мер может стать ежегодная передача лидирующими субъектами сумм своих бюджетных профицитов, образовавшихся в прошедшем финансовом году, отстающим территориям на безвозвратной и безвозмездной основе сверх установленных межбюджетных трансфертов. Так, по итогам 2018 г. суммарный объем профицита региональных бюджетов «локомотивов» отечественной экономики составил 267,58 млрд р., а бюджетов их Территориальный фонд обязательного медицинского страхования — 1,89 млрд р. Годом ранее аналогичные показатели оказались равны 63,42 млрд и 0,49 млрд р. соответственно. Это означает, что в 2018 г. региональный бюджет каждого из двенадцати наименее развитых субъектов мог бы дополнительно получить 5,28 млрд р., бюджет Территориального фонда обязательного медицинского страхования — 0,04 млрд р., а в 2019 г. — 22,3 млрд и 0,16 млрд р. соответственно.

Данные средства всегда будут иметь целевой характер, связанный с социально-экономическим развитием того или иного региона, т. е. выделяться для строительства на его территории различных предприятий, заводов, научных центров, больниц, поликлиник и т. д. Следовательно, удовлетворение ими каких-либо других потребностей, например, приобретение должностными лицами автомобилей, квартир, загородных домов, путевок за границу и т. п. будет противоправным и наказуемым деянием. По-

этому для того, чтобы эффект от предложенной выше меры оказался максимальным, необходимо внести некоторые поправки в действующее законодательство в части ответственности за нецелевое использование бюджетных средств (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Потенциально возможные наказания за нецелевое использование бюджетных средств

Статья	Действующая санкция	Будущая санкция
15.14 КоАП РФ (должностные лица)	Штраф от 20 тыс. до 50 тыс. р.	Штраф от 50 тыс. до 100 тыс. р.
	Дисквалификация на срок от 1 до 3 лет	Дисквалификация на срок от 2 до 3 лет
285.1 и 285.2 УК РФ (ч. 1)	Штраф от 100 тыс. до 300 тыс. р.	Штраф от 500 тыс. до 700 тыс. р.
	Принудительные работы или лишение свободы на срок до 2 лет	Принудительные работы или лишение свободы на срок от 1 до 3 лет
285.1 и 285.2 УК РФ (ч. 2)	Штраф от 200 тыс. до 500 тыс. р.	Штраф от 700 тыс. до 1 млн р.
	Принудительные работы или лишение свободы на срок до 5 лет	Принудительные работы или лишение свободы на срок от 3 до 5 лет
285.1 и 285.2 УК РФ (примечание)	Крупным размером считается сумма бюджетных средств, превышающая 1,5 млн р.; особо крупным — 7,5 млн р.	Крупным размером считается сумма бюджетных средств, превышающая 1 млн р.; особо крупным — 5 млн р.

В заключение следует отметить, что усиление наказаний за нецелевое использование бюджетных средств поможет, вероятно, нивелировать еще одну угрозу экономической безопасности России — недостаточно эффективное государственное управление (подп. 17 п. 12 Стратегии), поскольку одной из составляющих этой угрозы служит снижение эффективности деятельности некоторых органов бюджетного контроля по борьбе с данным деянием. Так, по итогам 2018 г. общий объем бюджетных средств, использованных не по своему назначению, выявленный Счетной палатой Свердловской области, составил 35,37 млн р. против 9,94 млн р. годом ранее и 1,1 млн р. по итогам 2016 г. У Контрольно-счетной палаты Челябинской области такие показатели оказались равны 49,84 млн; 27,02 млн и 10,75 млн р. соответственно; у Контрольно-счетной палаты Забайкальского края — 42,38; 11,64 и 0,05 соответственно; у Счетной палаты Тульской области — 5,0; 2,51 и 1,9 соответственно, и т. д.

Библиографический список

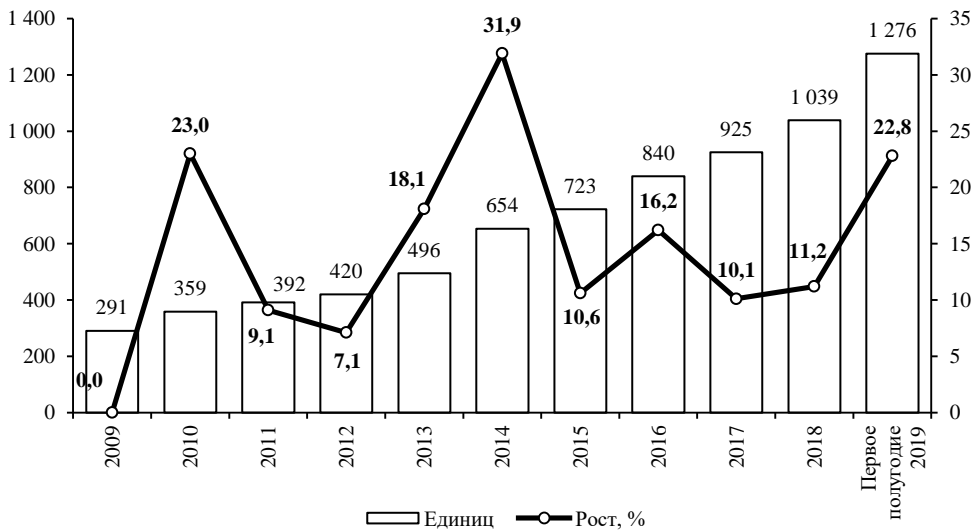
1. Белькина А. С. Социально-экономическое неравенство регионов России: пути решения проблемы // Проблемы современной экономики. — 2015. — № 3(55). — С. 246–248.
2. Карташов К. А., Прудникова М. В. Социально-экономическое развитие региональной системы // Концепт. — 2017. — № S4. — С. 40–44. URL: <https://e-koncept.ru/2017/470059.htm>.
3. Лившиц В. Н. Бедность и неравенство доходов населения в России и за рубежом: науч. докл. — М.: Ин-т экономики РАН, 2017. — 52 с.
4. Новиков А. А. Региональное неравенство в социально-экономическом развитии России // Наукоедение. — 2013. — № 1(14). — URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/48evn113.pdf>.
5. Растворцева С. Н., Усманов Д. И. Оценка влияния факторов глобализации на социально-экономическое неравенство регионов России: монография. — Белгород: Константа, 2015. — 260 с.
6. Усманов Д. И. Неравенство социально-экономического развития регионов России // European Social Science Journal. — 2014. — № 5-1(44). — С. 476–480.
7. Bussolo M., Davalos M. E., Peragine V., Sundaram R. Toward a new social contract: Taking on distributional tensions in Europe and Central Asia. — Washington, DC: World Bank, 2018. — 250 p.

Цифровые решения минимизации киберугроз кредитных организаций¹

Аннотация. В статье рассмотрена проблема цифрового перехода на онлайн-обслуживание и фактически полной автоматизации многих транзакций кредитных организаций, что повлекло за собой появление новых угроз, связанных с доступом к сведениям о клиентах и их счетах. Для решения данной проблемы обоснована идея, предложенная Центральным банком России, связанная с внедрением «умных» технологий в операционные процессы кредитных организаций, которая позволит снизить уровень киберугроз современного банка. Сделаны выводы о необходимости внедрения «умных» технологий защиты банковской информации.

Ключевые слова: кредитная организация; банк; киберугрозы; цифровые решения; умные технологии.

Киберустойчивость кредитной организации — это не только способность противостоять атакам мошенников и хакеров, но и возможность просчитывать и прогнозировать возможные взломы систем и быстро восстанавливать их работоспособность. Высокая киберустойчивость банка позволяет ему максимально эффективно и без перебоев работать с ресурсами, обеспечивать своим клиентам и контрагентам полную защиту личной информации, поддерживать высокую ликвидность и мобильность ответов на кредитные запросы. Статистика утечек информации за последние 10 лет демонстрирует рост зарегистрированных случаев по данным Аналитического центра InfoWatch (см. рисунок).

Количество утечек информации по данным InfoWatch

Представленная динамика утечки данных на рисунке имеет устойчивую тенденцию к росту количества взломов систем. Итак, только за первое полугодие 2019 г. было зарегистрировано 1 276 ед. утечек информации, что на 22,8 % выше чем за весь

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-010-00103 А.

2018 г. Данные факты заставляют пересмотреть концепцию к обеспечению информационной защиты собственных систем, искать новые инструменты и механизмы на смену неэффективным способам защиты. Под утечками информации мы понимаем не только финансовую информацию, но и любую информацию личного характера, способную нанести вред репутации и личности гражданина [1; 2].

Отраслевая статистика демонстрирует, что в 2019 г. больше всего фактов утечки данных было в отрасли «Высокие технологии» — 65 %, отрасль «Банки и финансы» — 58,1 % занимают третье место. Основные внимание атак мошенников занимают первые три отрасли — высокие технологии, торговля и HoReCa, банки и финансы. Повторяющиеся хакерские атаки и взломы, факты утечки различной информации заставляют кредитные организации усиливать меры по обеспечению сохранности внутренней информации. Государство также старается отслеживать ситуацию [3].

В практике многих стран сложились и давно применяются два подхода к противодействию киберугрозам экономических систем:

1) планируемая киберустойчивость, основана на формировании запасов и резервов ресурсов для быстрого реагирования, и исправления последствий кибератак;

2) адаптивная киберустойчивость, компания осуществляет инвестирование в человеческие ресурсы, которые в любой момент опасности позволят быстро среагировать и найти решение.

Россия не придерживается какого-то определенного подхода, так как в практике используются два подхода. Так, осуществляется инвестирование в повышение информационной грамотности персонала, формируются резервы для финансирования последствий кибератак. Тем не менее регулирующие структуры стараются предотвратить возможные атаки хакеров, поэтому регулярно проводят проверки состояния систем кибербезопасности кредитных организаций [4; 5].

Так, Центральный банк России в 2019 г. провел 109 проверок кредитных организаций на предмет их киберустойчивости, по результатам которых было установлено 730 нарушений безопасности банковских систем. По результатам проверок будут применяться санкции по отношению к нарушителям, а также был составлен доклад «Основные направления развития информационной безопасности кредитно-финансовой сферы на период 2019–2021 гг.». Основная цель доклада актуализировать «умные технологии» (AI, Big Data, IoT) в кредитно-финансовой сфере.

Киберустойчивость кредитной организации представляет собой комплексное определение всей информационной архитектуры финансово-кредитной сферы, прежде всего регулирующих сферу структур. Противостояние кибератакам и успешное их прогнозирование, оперативное возобновление деятельности в течение 1–2 ч после взломов — все это будет характеризовать кредитное учреждение как устойчивое и надежное звено финансовой инфраструктуры.

Финансовый сектор постоянно испытывает давление мошенников посредством массовых рассылок электронных писем с вредоносными программами, мошеннические SMS-рассылки. В последнее время злоумышленники стараются использовать «умные вещи» в качестве криминальных инструментов, что заставляет усиливать взаимодействия финансовых служб и Минкомсвязи РФ.

Рост количества кибератак, прежде всего в финансовом секторе, вызывают обеспокоенности международного сообщества в последние годы [5]. Так, в отчете 2018 г. Всемирного экономического форума кибератаки названы глобальным технологическим риском. По своему составу кибератаки различаются.

Сегодня, кибермошенничество направлено прежде всего на небольшие суммы хищений со счетов физических лиц с использованием Android троянов на сумму

109,56 млн р. В мире существует целые группы мошеннических организаций, специализирующихся на определенных видах кибермошенничества. К ним можно отнести: «русскоязычная тройка» — Cobalt, Silence и MoneyTaker, а также северо-корейская Lazarus (Северная Корея) и группа SilentCards из Кении. Но помимо указанных групп, появляются все новые организации, специализирующиеся на кибермошенничестве. В последние годы выросло количество преступлений с применением социальной инженерии и телефонного мошенничества [6; 7].

Мировое сообщество отмечает, что рост потерь прибыли от кибератак, периодически повторяющиеся сбои в функционировании мировых финансовых рынков, массовые утечки информации из засекреченных баз данных — все это становится мировым трендом развития цифровых технологий. Появление новых видов преступления и новых инструментов требует от финансового регулятора постоянного мониторинга и гибкости в предотвращении взломов систем, оперативного внедрения превентивных технологий в работу систем защиты.

Банк России регулярно отслеживает объемы несанкционированных операций со счетов юридических в кредитных организациях, объемы несанкционированных операций с использованием платежных карт, выпущенных российскими банками.

Согласно, докладу Банка России о направлениях развития кредитно-финансовой среды до 2021 г. были выделены следующие направления обеспечения киберустойчивости отрасли:

- контроль и мониторинг показателей информационных угроз и рисков;
- контроль уровня несанкционированных банковских финансовых операций;
- оперативная реакция на компьютерные атаки;
- максимальная защита потребительских прав;
- стандартизация в области обеспечения информационной безопасности и киберустойчивости;
- осуществление межведомственного взаимодействия по вопросам безопасности;
- отслеживание деятельности нелегальных участников финансового рынка;
- формирование культуры информационной безопасности в обществе.

Остановимся более подробно на некоторым мерах.

Сегодня большое внимание уделяется превентивным мерам обеспечения киберустойчивости. Таким инструментом предупреждения несанкционированных операций со счетами клиентом служит прототип АС «Фид-Антифрод» направленный на сбор данных и быстрого обмена о правомочности операций без согласия клиента.

Основные данные, которые собирает такая система направлены на сбор: хэшированных данных номеров паспортов получателей денежных средств по операциям, осуществленным без согласия клиента; хэшированных данных СНИЛС получателей денежных средств по операциям, осуществленным без согласия клиента; перечней ИНН организаций — получателей денежных средств по операциям, осуществленным без согласия клиента; перечней счетов получателей денежных средств и БИК банков по операциям, осуществленным без согласия клиента; перечней номеров карточек получателей денежных средств по операциям, осуществленным без согласия клиента; перечней номеров телефонов получателей денежных средств, задействованных в операциях, осуществленных без согласия клиента; перечней номеров электронных кошельков получателей денежных средств, задействованных в операциях, осуществленных без согласия клиента.

В основе работы антифрода заложен принцип применения машинного обучения, так как отсутствует человеческий фактор в его алгоритме [8; 9]. В данном случае

использование элементов AI поддерживает взаимодействие операционного центра со всеми счетами клиентов и позволяет мгновенно производить информирование. Можно сказать, что работа антифродов основана на методологии BigData, более того это реализация в практике данной концепции.

Информационная безопасность связана с обменом данными между участниками, формирующими уровень киберустойчивости организаций финансового сектора. В рамках финансово-кредитной сферы работает АСОИ ФинЦЕРТ, к которой в настоящий момент подключены все банки Российской Федерации, а также другие финансовые структуры и органы управления.

Помимо внутристранового обмена данными необходимо налаживать международное сотрудничество с кредитными организациями иностранных государств. Фактически к АСОИ ФинЦЕРТ уже подключено 4 национальных банка стран ЕАЭС. Заключенные соглашения между странами позволяют сформировать единое киберустойчивое информационное пространство в финансовой сфере. Формирование единого финансового киберустойчивого пространства требует поиска механизмов для прогноза и минимизации рисков последствий кибератак.

В завершении данного научного исследования отметим, что цифровизация не может остановиться, так как процессы формирования огромных баз данных требуют внимательного отношения к их безопасности. Созданные информационные платформы, сервисы, программы должны не просто работать, но постоянно усложняться, модернизироваться, повышать свою киберустойчивость [10]. Постоянные и все учащающиеся кибератаки на ресурсы финансов-кредитного сектора заставляют искать новые подходы и инструменты укрепления киберустойчивости кредитных организаций. Появившиеся тренды мошенников использовать «умные вещи» в криминогенном бизнесе требуют внедрения умных технологий для разработки решений по укреплению безопасности информационных систем и защиты информации о клиентах кредитных организациях.

Библиографический список

1. *Dudin M. N., Lyasnikov N. V., Reshetov K. Yu., Smirnova O. O., Vysotskaya N. V.* Economic profit as indicator of food retailing enterprises performance // *European research studies journal*. — 2018. — Vol. XXI, iss. 1. — P. 468–479.
2. *Gordin M. D.* Scientific Babel: The language of science from the fall of Latin to the rise of English. — L.: Profile Books, 2015. — 413 p.
3. *Chugumbaev R. R., Fedotova G. V., Nesterenko Y. N., Chugumbaeva N., Barilenko V. I.* Strategic control as a tool of effective management of region's economy // *Lecture notes in networks and systems*. — 2020. — Vol. 73. — P. 25–36.
4. *Kharitonov A. S.* The evolution of the administrative-legal mechanism of management of national projects and state programs // *State administration*. — 2011. — Vol. 26. — P. 1–8.
5. *Korolev L. N.* Evolutional computations, neuronet, genetic algorithms — formal statements // *J. Math. Sci.* — 2010. — Vol. 168, iss. 1. — P. 80–88.
6. *Mizyun V. A.* Intellectual enterprise management. — Spb.: Publishing House of the St. Petersburg Academy of Management and Economics, 2008. — 202 p.
7. *Marsden T., Sommino R.* Rural development and the regional state: Denying multifunctional agriculture in the UK // *Journal of Rural Studies*. — 2008. — Vol. 24, no. 4. — P. 422–431.
8. *Cheyns E., Daviron B., Djama M., Fouilleux E., Guéneau S.* The standardization of sustainable development through the insertion of agricultural global value chains into international markets // *Sustainable Development and Tropical Agri-chains*. — Dordrecht: Springer, 2017. — P. 283–303.
9. *Shapiro L., Stockman J.* Computer Vision. — Moscow: Laboratory knowledge, 2006. — 752 p.

10. Kuznetsov Y. U. V., Anokhina E. M., Zhigalov V. M., Melyakova E. V. Formation of Ivanovo region textile industry sustainability development on the basis of regulatods of large, medium and small business enterprises activity // Proceedings of higher education institutions. Textile industry technology. 2018. — Vol. 5. — P. 66–70.

Е. С. Грищенко, Е. Н. Дмитриева

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск

Экономическая безопасность организации и ее финансовая составляющая

Аннотация. В статье рассматривается эволюция понятия экономической безопасности организации в научной литературе, подходы к ее трактованию. Показано, что финансовая составляющая является ключевой характеристикой экономической безопасности организации. Прикладные аспекты оценки экономической безопасности организации представлены авторами на примере АО «Новосибирскэнергообл».

Ключевые слова: экономическая безопасность; уровень финансовой безопасности; ключевой индикатор риска; анализ; платежеспособность; коэффициент финансовой устойчивости; финансовый рычаг; избыток; функциональная составляющая.

Понятие экономической безопасности организации получило много толкований. Первоначально в публикациях 1990-х годов экономическая безопасность организации была связана с вопросами сохранения коммерческой тайны. Персонал организации расценивался как слабое звено в системе сохранности информации, поэтому функция по защите секретов производства возлагалась на службу безопасности, в то время как с персоналом организации велась работа по формированию ответственного отношения ко всем информационным потокам внутри организации.

Позднее стал распространяться другой подход к трактовке изучаемого понятия, согласно которому ключевые позиции, обуславливающие состояние экономической безопасности в организации, отводятся влиянию факторов внешней среды. Актуальность такого подхода связана с появлением, становлением и развитием экономики рыночного типа, в которой условия хозяйствования постоянно меняются и требуют адаптации от субъектов.

В сложившихся условиях произошло расширение трактовки понятия «экономическая безопасность»: она рассматривается как способность предприятия по обеспечению устойчивости и стратегического развития в разнообразных условиях деятельности, в том числе неблагоприятных, которые сопровождаются возникновением различных внешних угроз и внутренних угроз экономического характера.

Важно отметить, что вопросы обеспечения экономической безопасности организации с практической точки зрения носят индивидуальный характер. Например, если для одного субъекта экономической деятельности актуальны аспекты защиты технических разработок и коммерческой тайны в целом, то для другой компании может быть достаточно проработать механизм финансовой устойчивости.

Важным аспектом процесса обеспечения экономической безопасности организации является определение ее составляющих с последующим детализированным анализом и разработкой конкретных механизмов их усиления.

Функциональный подход к определению составляющих экономической безопасности организации наиболее распространен. Каждая из выделяемых функциональных составляющих экономической безопасности характеризуется собственным

экономическим содержанием, а также набором функциональных маркеров и критериев экономической безопасности и применимыми к конкретной функциональной составляющей способами обеспечения экономической безопасности. Целесообразно выделить следующие семь ключевых функциональных блоков, образующих систему обеспечения экономической безопасности любой организации. Эффективное функционирование этих блоков обеспечивает максимальный уровень соответствия системы менеджмента организации и имеющегося у организации ресурсного потенциала. Они представлены на рисунке.

Финансовая	Интеллектуально-кадровая	Информационная
Технико-технологическая	Экологическая	Организационно-правовая
	Силовая	

Функциональные составляющие экономической безопасности

Многие ученые считают роль финансовой составляющей ведущей и решающей. Это оправданно тем, что именно за счет финансовой составляющей возможно достижение наиболее эффективного использования ресурсов.

Главный принцип, позволяющий сохранять необходимый уровень финансовой безопасности организации — контроль и балансирование всех доходов и расходов, возникающих у хозяйствующего субъекта. При обеспечении оптимального уровня финансовой безопасности хозяйствующий субъект находится в состоянии финансового равновесия:

— обеспечивается тщательное соблюдение финансовых интересов всех собственников предприятия, как крупных акционеров, так и мелких соблюдаются;

— достигается обеспечение необходимого уровня финансовой устойчивости предприятия, необходимого уровня платежеспособности, необходимого уровня ликвидности баланса и необходимого уровня финансовой независимости предприятия;

— обеспечивается достаточный уровень гибкости в процессе принятия управленческих решений в области финансов;

— вполне удовлетворена потребность предприятия в финансовых ресурсах, которые необходимы для обеспечения устойчивого развития деятельности хозяйствующего субъекта;

— в целом хозяйствующий субъект способен противостоять возможным угрозам, которые могут в перспективе причинить данному хозяйствующему субъекту финансовый ущерб (в различных масштабах, вплоть до решения о ликвидации).

При оценке уровня экономической безопасности организации возникает необходимость в определении метрик, позволяющих осуществлять мониторинг текущего состояния рисков и накапливать данные для проведения последующего ретроспективного анализа, в качестве подобных метрик выступают ключевые индикаторы риска (*KRI*). Данные показатели представляются аналогичными ключевым показателям деятельности организации (*KPI*), однако являются более узконаправленными.

KRI представляют собой операционные или финансовые переменные, формирующие основу для оценки вероятности реализации и степени потенциального влияния на деятельность организации. Таким образом, необходимость внедрения *KRI* обусловлена потребностью организации:

1) определять степень рискованности различных инициатив, в данном случае *KRI* выступает в роли инструмента оценивания и отбора;

2) предупреждать реализацию рисков, способных оказать негативное влияние на деятельность организации, *KRI* представляет собой индикатор вероятности наступления подобных рисков;

3) накапливать информацию о текущих рисках с целью дальнейшего использования, при этом *KRI* рассматривается как совокупность количественных оценок.

На примере АО «Новосибирскэнергосбыт» оценим состояние финансовой составляющей экономической безопасности предприятия с помощью *KRI*.

Оценим качество формирования пассивов АО «Новосибирскэнергосбыт», рассчитав совокупность коэффициентов, характеризующих финансовую устойчивость компании (табл. 1).

Таблица 1

Динамика показателей финансовой устойчивости организации

Показатель	Значение показателя			
	Рекомендуемое	2016	2017	2018
1. Коэффициент капитализации (плечо финансового рычага), р./р.	$\leq 1,5$	0,05	0,07	0,05
2. Коэффициент обеспеченности оборотных активов собственными источниками финансирования, р./р.	min 0,1; opt $\geq 0,5$	0,85	0,78	0,81
3. Коэффициент финансовой независимости (автономии), р./р.	$0,4 \leq U_3 \leq 0,6$	0,95	0,94	0,96
4. Коэффициент финансирования, р./р.	$\geq 0,7$; opt $\approx 1,5$	20,41	14,71	22,07
5. Коэффициент финансовой устойчивости, р./р.	$\geq 0,6$	0,95	0,95	0,96
6. Коэффициент концентрации заемного капитала (задолженности), р./р.	$0,4 \leq U_6 \leq 0,6$	0,05	0,06	0,04

Коэффициент капитализации соответствует нормативному значению, составив в 2016 г. 0,05, увеличившись в 2017 г. до 0,07 и вновь сократившись в 2018 г. до 0,05. Таким образом, собственные средства компании намного превышают заемные средства.

Коэффициент обеспеченности оборотных активов собственными источниками финансирования соответствует нормативу: в 2016 г. он составил 0,85; в 2017 г. сократился до 0,78 и в 2018 г. увеличился до уровня 0,81. Таким образом, имеющихся собственных источников, необходимых для обеспечения используемого объема оборотных активов, АО «Новосибирскэнергосбыт» в течение исследуемого периода хватает.

Избыток собственного капитала АО «Новосибирскэнергосбыт» иллюстрирует и уровень коэффициента финансовой независимости. Значение коэффициента выше рекомендуемого интервального значения: коэффициент составляет 0,95 в 2016 г.; 0,94 в 2017 г.; 0,96 в 2018 г.

Значение коэффициента финансирования АО «Новосибирскэнергосбыт» также в исследуемом периоде существенно выше максимального рекомендуемого значения. Так, коэффициент финансирования составило 20,41 в 2016 г.; 14,71 в 2017 г.; 22,07 в 2018 г. Соответственно, можно сделать вывод о том, что собственный капитал компании с избытком покрывает совокупность имеющихся у АО «Новосибирскэнергосбыт» обязательств.

Долгосрочные обязательства АО «Новосибирскэнергосбыт» помогают компании обеспечить необходимый уровень финансовой устойчивости — расчет показал, что значение коэффициента финансовой устойчивости превышает нормативное значение 0,6: в 2016 г. он составил 0,95; в 2017 г. также равен 0,95; в 2018 г. незначительно увеличился до 0,96.

Значение коэффициента концентрации заемного капитала АО «Новосибирскэнергообит» ниже нормативного значения. Так, в 2016 г. значение коэффициента составило 0,05, увеличившись в 2017 г. до 0,06. В 2018 г произошло незначительное сокращение коэффициента, составившего 0,04. Это свидетельствует о том, что доля используемого АО «Новосибирскэнергообит» заемного капитала в общей структуре капитала данной компании является очень низкой.

Таким образом, по результатам анализа коэффициентов финансовой устойчивости можно говорить о высоком уровне финансовой устойчивости, достигнутом АО «Новосибирскэнергообит».

Детальный анализ уровня платежеспособности АО «Новосибирскэнергообит» проводится при помощи исследования финансовых коэффициентов (табл. 2).

Таблица 2

Анализ величины и динамики показателей платежеспособности

Показатель	Значения показателя			Изменение показателя за период	
	2016	2017	2018	Абсолютное	Относительное
Коэффициент абсолютной ликвидности	4,417	3,669	0,000	-4,417	-100,000
Коэффициент промежуточного покрытия («критической оценки»)	5,512	4,640	2,034	-3,478	-63,104
Коэффициент текущей ликвидности	7,194	6,180	4,804	-2,390	-33,224
Общий показатель платежеспособности	20,409	14,712	22,071	1,662	8,145
Коэффициент маневренности функционирующего капитала	0,278	0,235	0,166	-0,113	-40,488
Доля оборотных средств в активах	0,312	0,283	0,202	-0,110	-35,324

На протяжении всего исследуемого периода наблюдается сокращение коэффициентов, характеризующих уровень платежеспособности АО «Новосибирскэнергообит». Так, значение коэффициента абсолютной ликвидности с 4,417 в 2016 г. сократилось почти до нулевого значения в 2018 г. Значение коэффициента промежуточного покрытия также демонстрирует сокращение: в 2016 г. значение коэффициента составляло с 5,512. К 2018 г. значение данного коэффициента сократилось до 2,034. Значение коэффициента текущей ликвидности также демонстрирует стабильное сокращение: в 2016 г. значение коэффициента составляло 7,194; к 2018 г. оно уменьшилось до 4,804. Значение общего показателя платежеспособности АО «Новосибирскэнергообит» сократилось в 2017 г. до 14,712, однако, в 2018 г. увеличился до 22,071. По результатам анализа коэффициентов платежеспособности можно сделать вывод, что уровень платежеспособности предприятия в течение 2016–2018 гг. является высоким, несмотря на сокращение значений коэффициентов платежеспособности.

Для того, чтобы оценить уровень финансового риска, которому подвержена компания, целесообразно использовать две концепции определения финансового рычага — европейскую концепцию и англо-американскую концепцию (табл. 3).

Деятельность АО «Новосибирскэнергообит» в течение 2016–2018 гг. характеризуется средним уровнем угрожающего компании финансового риска. Это демонстрирует коэффициент генерирования доходов, который превышает уровень испытываемых компанией финансовых издержек. Однако наблюдается снижение потенциала АО «Новосибирскэнергообит» к наращиванию уровня рентабельности собственного капитала. Это проявляется в сокращении значения эффекта финансового рычага — значение показателя по первой концепции в 2017 г. сократилось почти до нуля. В то же время уровень обеспечения прибыльности акций увеличивается.

Анализ величины и динамики финансового риска организации в 2016–2018 гг.

Показатели	Значения показателей		
	2016	2017	2018
Среднегодовая величина активов (без кредиторской задолженности), $\frac{—}{A} \text{ КрЗ}$	2 986 249,00	3 086 099	3 046 171
Прибыль до уплаты процентов и налогов (операционная), <i>EBIT</i> , тыс. р.	7030	11048	–3815
Коэффициент генерирования доходов, <i>ВЕР</i> , р./р.	0,002	0,004	–0,001
Сумма уплаченных процентов (финансовые издержки), ФИ, р.	73	368	0
Среднегодовая ставка процентов, р./р.	0,001	0,002	0,000
Ставка налога на прибыль, <i>T</i> , р./р.	0,2	0,2	0,2
Среднегодовая величина собственного капитала, СК, тыс. р.	1 973 440,5	3 051 093	3 014 371,5
Среднегодовая величина заемного капитала, ЗК, тыс. р.	1 567 423	35 006	31 799,5
Эффект финансового рычага по первой концепции, р./р.	0,001	0,000	0,000
Эффект финансового рычага по второй концепции, раз	1,010	1,034	1,000

Итак, АО «Новосибирскэнергосбыт» характеризуется стабильным уровнем финансовой устойчивости. Кроме того, наблюдается высокий уровень расчетных коэффициентов платежеспособности компании. В результате АО «Новосибирскэнергосбыт» обеспечивает исполнение в должном объеме текущих обязательств. При наступлении критической ситуации АО «Новосибирскэнергосбыт» также сможет в срочном порядке погасить имеющиеся у компании обязательства. Таким образом, можно говорить о том, что компания сможет при наступлении угроз нейтрализовать возможные негативные последствия вероятных финансовых рисков.

А. Н. Устюжанцева

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

**Инструменты анализа и обеспечения экономической безопасности
предприятий топливно-энергетического комплекса
северного ресурсодобывающего региона в аспекте сетевого взаимодействия¹**

Аннотация. Выявлены особенности обеспечения экономической безопасности предприятий топливно-энергетического комплекса северного ресурсодобывающего региона и их роль в обеспечении национальной безопасности. Рассмотрены основные инструменты анализа и обеспечения экономической безопасности предприятий топливно-энергетического комплекса с точки зрения межфирменного взаимодействия.

Ключевые слова: экономическая безопасность; межфирменное взаимодействие; топливно-энергетический комплекс; северный регион; конкурентоспособность.

В современных условиях функционирования предприятий топливно-энергетического комплекса (ТЭК) северного ресурсодобывающего региона, характеризующихся неблагоприятным инвестиционным климатом, ухудшением ресурсной базы месторождений, отставанием технологических разработок нефтегазодобычи и компетенций работников, ухудшением экологической ситуации актуальным остается вопрос обеспечения их экономической безопасности. Важность поддержания экономической без-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-310-90052.

опасности предприятий ТЭК северного ресурсодобывающего региона на высоком уровне также обусловлена:

— многоуровневостью экономической безопасности. Национальная экономическая безопасность напрямую зависит от безопасности регионов, а безопасность субъектов РФ — от составляющих экономической безопасности отраслей и комплексов, базой обеспечения которых является экономическая безопасность входящих в них предприятий;

— лидирующим положением энергетического сектора в экономике страны. Добыча нефти в России на уровне 525 млн т является стратегической задачей по обеспечению энергетической и национальной безопасности страны, обеспечивает основные налоговые поступления в бюджет, определяет основные направления развития страны и других регионов [7];

— сложностью условий их функционирования. Природные ресурсы, обеспечивающие конкурентоспособность России на мировом рынке, преимущественно локализованы в регионах с неблагоприятными природно-климатическими условиями — северных регионах. Северные территории отличает низкая плотность населения, удаленность (транспортная, от центров экономического развития, институциональная), препятствующая их экономическому и политическому развитию [1];

— отличным от других регионов сетевым взаимодействием. Традиционно региональная наука рассматривает регион как пространство территориально близкое, инфраструктурно оснащенное, с плотными сетями [1], чего не скажешь про регионы Севера;

— ограниченностью в мобильности принимаемых управленческих решений, что обусловлено масштабами и сложностью производственного процесса [9], и что отрицательно сказывается на инновационной активности предприятий данного комплекса.

Для того чтобы предприятие находилось в состоянии экономической безопасности, исследователи предлагают защищать предприятие от внутренних и внешних угроз, эффективно использовать имеющиеся ресурсы (финансы, материалы, персонал), обеспечивать его непрерывное, устойчивое развитие. В работе Л. Н. Родионовой [6] отражена взаимосвязь экономической безопасности с управлением качеством, базисными принципами которого являются партнерство с поставщиками, концентрация на потребителе, эффективное использование потенциала персонала, понимание бизнес-процессов, внедрение инноваций и непрерывного улучшения. По мнению автора, все это непосредственно связано с преимуществами использования межфирменного взаимодействия в целях обеспечения экономической безопасности предприятия.

В настоящее время наблюдается явление размытости, условности границ фирм, обусловленное развитием сетевых форм взаимодействия как наиболее эффективного способа решения проблем ограниченности ресурсов, роста издержек, асимметричности информации, скорости технологических изменений. Проблемы экономической безопасности в системе «предприятие — отрасль — регион — государство» привели к необходимости решения вопросов относительно прогнозирования рисков и угроз, создания механизмов противостояния опасностям, моделей управления экономическими объектами, обеспечивающими конкурентные преимущества и нивелирование негативных проявлений в реальном секторе экономики путем сотрудничества хозяйствующих субъектов цепочки создания товара [3].

Так, в структуре российской экономики существует очевидный перекоп в соотношении между крупным, средним и малым бизнесом. В сфере ТЭК преобладают крупные предприятия (вертикально интегрированные нефтяные компании — ВИНК) с устаревшим оборудованием, не способные адаптироваться к изменяющимся усло-

виям и производству новых продуктов [4]. Данная проблема усугубляется ухудшением ресурсной базы страны, что обусловлено увеличением доли трудноизвлекаемых запасов (ТРИЗ) (около 2/3 разведанных запасов нефти), для которых характерны неблагоприятные геологические условия, аномальные физико-химические свойства, низкая проницаемость и пористость коллекторов, высокая вязкость нефти [8]. Их разработка требует «повышенных» инвестиционных вложений, так как применение традиционных методов, технологий нефтедобычи и действующих налоговых условий делает их освоение нерентабельным [7].

Ввиду того, что малые компании больше ориентированы на инновации в части повышения нефтеотдачи, так как их деятельность, в отличие от крупных предприятий, недиверсифицирована [7], взаимодействие крупных нефтяных компаний с малыми позволит решить часть проблем в сферах геологоразведки и нефтесервиса.

Одним из преимуществ сетевого взаимодействия является доступ к уникальным ресурсам. Следовательно, для поддержания выгодного положения в сети, сохранения возможности влияния на участников сети, предприятию также необходимо обладать ценными для них ресурсами.

Проанализировать компанию в разрезе ресурсов (способностей, компетенций) позволяет *VRIO*-анализ [10]. Оценка ресурсов компании производится по четырем критериям:

- 1) *V* (value) — ценность (использование ресурса во благо организации);
- 2) *R* (rarity) — редкость (уникальность для данного рынка);
- 3) *I* (imitability) — имитируемость/воспроизводимость (возможно ли повторить или накопить аналогичный ресурс конкурентам);
- 4) *O* (organization) — организованность (используется ли предприятием на данный момент).

Форма *VRIO*-анализа имеет вид, представленный в таблице.

Матрица *VRIO*-анализа

Ресурс/способность	Данный ресурс или способность является			Конкурентные последствия	Сила или слабость
	Ценным	Редким	Дорогим для имитации/ воспроизводства		
Ресурс 1	Да	Нет	...		

В качестве ресурсов могут пониматься уникальное оборудование, технологии, профессиональный опыт, компетенции, научные разработки, товарный знак и др. Конкурентными последствиями могут являться конкурентная слабость или паритет, временное или устойчивое конкурентное преимущество.

Для предприятий ТЭК северного ресурсодобывающего региона важными являются такие активы как технологии на основе новых материалов и веществ, направленных на повышение коэффициента извлечения нефти, технологии обезвреживания промышленных отходов, системы управления экологическими рисками, оборудование и технологии для добычи трудноизвлекаемой нефти, в том числе баженовской свиты, цифровая добыча.

В целях оптимизации межфирменного взаимодействия компаний может быть использована конкурентная разведка. Основной целью проведения такой разведки является своевременное получение информации о рыночных изменениях из общедоступных источников. Конкурентная разведка используется для решения как тактических (оценка и корректировка действующей стратегии, определение проблем, сильных и слабых сторон, возможностей и угроз и т. д.), так и стратегических задач (вы-

явление инвестиционных возможностей, конкурентов, конкурентных преимуществ ключевых участников, моделирование развития предприятия и пр.) [5].

Важно учитывать, что на данное мероприятие понадобится немало средств, и его проведение должно соответствовать одному из основных принципов экономической безопасности — законности. Ввиду того, что меняются не только границы фирмы, но и границы конкуренции, когда появляются альтернативы товаров/услуг в других отраслях [2], участие компании в той или иной сети позволяет ей сохранять и приумножать свои конкурентные преимущества при минимальных затратах.

С конкурентной разведкой неразрывно связан такой инструмент анализа как модель 5 конкурентных сил Майкла Портера. К движущим силам рынка по М. Портеру относятся:

- рыночная власть покупателей (способность покупателей «диктовать» свои условия к качеству, оказывать давление на уровень цен);

- рыночная власть поставщиков (зависимость предприятия от цен, заключение сделок на невыгодных условиях);

- угроза вторжения новых участников (появление новых фирм, изменяющих предпочтения потребителей, задающих новые стандарты; степень угрозы зависит от «входного барьера» в отрасль);

- опасность появления товаров-заменителей (появление продукции (услуг), не являющихся прямыми аналогами продукции предприятия, но способные принести те же ценности покупателям);

- внутриотраслевая конкуренция (отражает интенсивность конкуренции среди существующих игроков) [11].

Определяя направления экономической безопасности предприятий ТЭК северного ресурсодобывающего региона, необходимо учитывать особенности конкурентных сил в данном секторе экономики. По мнению автора, структурные единицы внутриотраслевой конкуренции ТЭК отличны от большинства отраслей. Для нефтегазодобывающей отрасли характерна низкая вероятность угрозы появления новых игроков ввиду высоких барьеров входа в отрасль. Низок и уровень появления товаров-субститутов в ближайшие несколько десятилетий. Влияние на отрасль покупателей также минимально ввиду высокого мирового спроса на углеводороды. Минимизировано влияние на прибыль поставщиков отрасли — она является для них приоритетной за счет высокой доходности, более того, поставщики борются за возможность получения контрактов у нефтегазодобывающих компаний. Однако высока конкуренция между компаниями за новые технологические разработки, в том числе в ИТ-сфере.

Еще одним инструментом, позволяющим обеспечить экономическую безопасность предприятий ТЭК северного ресурсодобывающего региона, является создание «инновационной экосистемы».

Понятие экосистемы было введено А. Тенсли для обозначения относительно устойчивой системы динамического равновесия, которая состоит из сообщества живых организмов, среды их обитания, системы связей, осуществляющей обмен веществом и энергией между ними [12]. В 2005 г. Ч. В. Весснером была предложена концепция «инновационной экосистемы» — инструмент создания условий, повышающих конкурентоспособность организаций в национальных и региональных экономиках. Основой концепции является представление об инновации как о процессе трансформации идеи в рыночный продукт, требующий большого количества коллективных усилий участников: компаний, университетов, исследовательских компаний, венчурных фондов и др. Инновационная экосистема оформляет эти усилия, позволяя добиться синергетического эффекта [13].

Для формирования стабильной инновационной экосистемы в сфере ТЭК северного ресурсодобывающего региона необходимо:

— активно развивать сети взаимодействия между предприятиями не только в рамках отрасли, но и за ее пределами, в том числе с учреждениями науки;

— обеспечить качество институциональной среды (изменение организационной структуры ТЭК в части роста независимых компаний; переход от простого льготирования нефтедобычи к стимулированию внедрения инновационных технологий, создание реестра инновационных проектов, позволяющих повысить коэффициент извлечения нефти, прирост баланса начальных извлекаемых запасов; расширение периметра месторождений, на которые распространяется действие налога на дополнительный доход при добыче углеводородного сырья) [7].

Таким образом, применение на практике таких инструментов анализа как *VRIO*-анализ и модель 5 конкурентных сил Портера, а также внедрение конкурентной разведки и инновационных экосистем позволит повысить уровень экономической безопасности предприятий ТЭК северного ресурсодобывающего региона за счет организации сетевого взаимодействия и использования его преимуществ.

Библиографический список

1. *Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н.* Новое междисциплинарное научное направление: арктическая региональная наука // Север и Арктика России в условиях глобальных вызовов XXI века. — 2017. — № 3(95). — С. 3–30.
2. *Котова Н. Н.* Экономическая безопасность компании — источник конкурентного преимущества // Управление инвестициями и инновациями. — 2016. — № 1. — С. 34–38.
3. *Осинов В. С.* Стратегия управления сетевой структурой на основе конкурентного взаимодействия // Логистика и управления цепями поставок. — 2013. — № 4. — С. 62–65.
4. *Попова Ю. Ф.* Межфирменные сети на промышленных рынках России: теория и практика управления. — СПб.: Наука, 2008. — 360 с.
5. *Родионова Л. Н., Сягаев А. А.* Использование конкурентной разведки при построении стратегии развития предприятия // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. — 2013. — № 7(60). — С. 72–75.
6. *Родионова Л. Н.* Экономическая безопасность как фактор обеспечения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. — 2013. — Т. 17, № 7. — С. 61–66.
7. *Устюжанцева А. Н.* Нефтяная отрасль Ханты-Мансийского автономного округа — Югры: характеристика, проблемы и институциональные условия развития // Инновационное развитие экономики. — 2019. — № 4(52). — С. 102–110.
8. *Шарф И. В., Борзенкова Д. Н.* Трудноизвлекаемые запасы нефти: понятие, классификационные подходы и стимулирование разработки // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 2. — С. 3593–3597.
9. *Шелудченко Ж. Н.* Теоретико-методологические аспекты разработки системы экономической безопасности промышленного предприятия // Terra Economicus. — 2009. — Т. 7, № 2. — С. 140–143.
10. *Barney J. B.* Firm resources and sustained competitive advantage // Journal of management. — 1991. — Vol. 17, no. 1. — P. 99–120.
11. *Porter M.* How competitive forces shape strategy // Harvard Business Review. — 1979. — March-April. — P. 1–10.
12. *Tansley A. G.* British ecology during the past quarter century: The plant community and the ecosystem // The journal of ecology. — 1939. — Vol. 27, iss. 2. — P. 513–530.
13. *Wessner C. W.* Innovation policies for the 21st century. Report of a symposium. — Washington, D. C.: The National Academies Press, 2005. — 222 p.

Н. С. Кудрявцев, Е. Г. Шеина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Финансовые инвестиции в человеческий капитал в условиях совершенствования экономической безопасности организаций системы здравоохранения

Аннотация. Статья посвящена проблеме экономической безопасности организаций системы здравоохранения в разрезе развития финансовых инвестиций в человеческий капитал. Проведен анализ плановых государственных расходов на здравоохранение, выделены причины недофинансирования отрасли. Авторами рассмотрена проблема развития профессиональных компетенций работников здравоохранения.

Ключевые слова: экономическая безопасность; финансовые инвестиции; человеческий капитал; конкурентоспособность; организации здравоохранения.

Одним из основных объектов системы управления экономической безопасностью организаций системы здравоохранения является медицинский персонал. Человеческие ресурсы организаций здравоохранения, с точки зрения формирования кадрового потенциала включают работников, состоящих в трудовых отношениях с организацией на постоянной или временной основе, участников рынка труда, студентов средних и высших учебных заведений, которые занимаются подготовкой медицинского персонала в интересах национальной системы здравоохранения, а также отдельных категорий бывших медицинских работников.

Основными проблемами здравоохранения являются недофинансирование системы со стороны государства [5], что, по нашему мнению, может быть обусловлено влиянием следующих факторов:

- 1) несовершенство системы планирования доходов и расходов в отрасли;
- 2) неэффективное расходование средств бюджетов и внебюджетных фондов на здравоохранение;
- 3) отсутствие государственного регулирования уровня цен медицинских изделий и оборудования, фармацевтических препаратов, что при условии увеличения объема финансирования может стимулировать рост цен на них;
- 4) тарифы ОМС не покрывают реальные расходы на оказание медицинской помощи;
- 5) большая доля теневого сектора экономики в РФ (в 2018 г. — 20 трлн р., или 20 % ВВП)¹, что усугубляет недофинансированность сферы здравоохранения.

В табл. 1 приведены плановые расходы бюджетов на здравоохранение в Российской Федерации в 2018–2022 гг.

На основании анализа данных, представленных в табл. 1 можно сделать следующие выводы: с 2018 по 2022 г. доля расходов на здравоохранение относительно ВВП государства незначительна и составляет в среднем 3,7 %. В абсолютном выражении общие расходы бюджетов и фонда ОМС возрастают, но в относительном выражении остаются на прежнем уровне.

В 2020 г. планируется увеличить долю финансирования отрасли из бюджетов страны до 4,3% от ВВП страны.

¹ *Финансовая* разведка оценила в 20 трлн р. объем теневого сектора экономики в России. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/02/2019/5c6c16d99a79477be70257ee?from=newsfeed>.

Государственные расходы на здравоохранения в России

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
Расходы консолидированного бюджета РФ, млрд р.	34 284,7	31 102,0	31 929,0	33 511,0	35 191,0
Расходы федерального бюджета, всего, млрд р.	16 713,0	18 294,0	19 503,0	20 634,0	21 763,0
Расходы консолидированного бюджета РФ и бюджетов ГВБФ на здравоохранение, млрд р.	3 315,9	3 683,0	4 089,0	4 199,0	4 411,0
Расходы федерального бюджета на здравоохранение, млрд р.	537,3	678,0	1 022,1	961,3	976,2
Расходы государственных внебюджетных фондов на здравоохранение, млрд р.	1 987,9	2 019,0	2 120,0	2 239,0	2 373,0
ВВП государства, млрд р.	103 626,0	108 400,0	112 863,0	120 364,0	128 508,0
Доля расходов на здравоохранение в консолидированном бюджете, %	9,7	11,8	12,8	12,5	12,5
Доля расходов консолидированного бюджета на здравоохранение в ВВП РФ, %	3,2	3,5	4,3	3,8	3,6

Примечание. О федеральном бюджете на 2020 г. и плановый период 2021 и 2022 гг.: федер. закон от 25 ноября 2019 г. № 380-ФЗ; Пояснительная записка «К проекту федерального закона „О федеральном бюджете на 2018 г. и на плановый период 2019 и 2020 гг.“».

Доля расходов на здравоохранение в консолидированном бюджете значительно выше доли расходов консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов на здравоохранение в ВВП, что не соответствует уровню расходов на данную отрасль в развитых странах с передовым здравоохранением. По данным, представленным в табл. 1, также можно проследить, что доля расходов на медицину в консолидированном бюджете стабильно растет и достигает в 2021 г. 12,5 %, однако доля всех расходов в ВВП РФ сохраняется на прежнем уровне и в среднем составляет 3,7 %, что также относительно показателей развитых стран является низким. Россия уступает по расходам на здравоохранение западным и европейским странам. В России необходим пересмотр приоритетов бюджетной политики [4, с. 59].

По данным исследования ВОЗ составлен рейтинг стран по суммарным государственным и частным расходам на здравоохранение и выражен в процентах от ВВП¹. Из исследования видно, что США тратит 17,1 % от ВВП, Маршалловы острова — 23,3; Швейцария — 12,2; Бразилия — 11,8; Германия — 11,1; Япония — 10,9; Италия — 8,9; Россия — 5,3; Китай — 5,0 % (табл. 2).

Таблица 2

**Основные характеристики бюджета
Федерального фонда обязательного медицинского страхования РФ в 2019–2022 гг.**

Показатель	2019	2020	2021	2022
Доходы	2 098,0	2 367,2	2 511,0	2 645,7
Страховые взносы на ОМС, млрд р.	2 019,0	2 119,9	2 238,3	2 372,1
Трансферты из федерального бюджета, млрд р.	88,0	258,7	284,9	286,6
Расходы, млрд р.	2 190,2	2 368,6	2 515,9	2 652,6
Дефицит/профицит	-92,2	-1,4	-4,9	-7,0

¹ Рейтинг стран мира по уровню расходов на здравоохранение. — URL: <https://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-health/info>.

Таким образом, можно утверждать, что национальная система здравоохранения испытывает дефицит финансирования, что обуславливает необходимость поиска дополнительных источников финансирования, но прежде всего в оптимизации эффективности использования имеющегося объема финансирования.

Одним из факторов развития национальной системы здравоохранения может стать кадровый потенциал системы здравоохранения. Развитие кадрового потенциала медицинских организаций должно предполагать непрерывный процесс работы с людьми в системе, которой присутствуют допроизводственный, производственный и послепроизводственный этапы.

Медицинский персонал необходимо рассматривать как непосредственного участника того или иного производственного процесса, действия которых непосредственно и осознанно влияют на результат своего труда, а именно, если можно так сказать, на производство того состояния здоровья, которое возможно получить в зависимости от исходных состояний пациента.

Национальная система здравоохранения славится определенным кадровым голодом. В таких условия особенно важно соблюдать этапность вовлечения потенциальных работников (студентов, участников рынка труда) в производственный процесс. Для эффективного и наиболее адаптивного вовлечения в производственный процесс необходим опыт производственного и послепроизводственного этапов, т. е. по принципу наставничества наиболее опытный и стажированный персонал участвует в профессиональной адаптации вновь пришедших работников — это важно для передачи общих традиций, а также частных традиций отдельных медицинских организаций.

Профессиональные, ответственные, мотивированные к труду сотрудники наиболее ценный производственный капитал [4, с. 82].

Трудовой потенциал действующих и будущих и творческий потенциал бывших сотрудников наряду с материальным, финансовым, технологическим и информационными ресурсами определяют в совокупности потенциал долгосрочной перспективы развития как отдельной организации здравоохранения, так и в целом национальной системы здравоохранения. Как уже было отмечено выше, кадровый и другие производственные капиталы находятся во взаимодействии друг с другом и при исчерпывании одного из них система хоть и может существовать, но с достаточной нестабильностью.

Экономическая и иная эффективность труда является фактором материального и социального благополучия персонала и при правильном понимании этого процесса должно стать стимулирующим доводом.

Политика развития потенциала квалифицированных кадров должна базироваться на реальной и адекватной оценке сегодняшнего положения организаций здравоохранения [2]. Организации здравоохранения не находится в списке лидеров работодателей. По данным базы вакансий Роструда на февраль 2020 г. по РФ насчитывается около 57 тыс. открытых позиций по вакансиям врач (56 125 рабочих мест) и провизор (711 рабочих мест), около 31 тыс. вакантных мест на должность медсестра и медбрата. Также 12,7 тыс. вакансий фельдшер¹. При этом профессия врача входит в список наиболее престижных.

В условиях недофинансированной системы здравоохранения в целом и попытках оптимизации и эффективного расходования финансовых средств в отдельных организациях здравоохранения толкают управленцев на, в некотором роде, отчаянные меры, а именно проведение курсов повышения квалификации с использованием менее затратных методов, а именно с применением дистанционных технологий и без отрыва от производства [1, с. 109]. Данные мероприятия могут повлечь за собой

¹ Федеральная служба по труду и занятости. — URL: <https://www.rostrud.ru>.

негативные последствия в виде переутомления сотрудника при условии должной вовлеченности в оба процесса и тем самым повысить риск совершения ошибок в ходе основной деятельности, либо же формальное отношение к процессу прохождения обязательного курса повышения квалификации и тем самым формирование отставших профессиональных взглядов, что в последующем повлечет за собой низкое качество предоставляемых услуг несопоставимое с новыми требованиями.

Для оценки уровня трудового потенциала нами были составлены опросники для сотрудников поликлинического звена одного из учреждений здравоохранения Нижнего Тагила. В анонимном опросе приняло участие 24 респондента из них 9 врачей и 15 медсестер, охват опрошенных составил 90 %. В опроснике респондентам были заданы вопросы, касающиеся основных параметров, влияющих на результаты трудовой деятельности, где в качестве ответа предлагалось отметить число на шкале, напротив каждого вопроса предлагалась шкала оценки от 0 до 10, где 0 наихудший результат, а 10 наилучший. При этом оговорено, что оценка от 0 до 5 включительно будет иметь параметр «неудовлетворительно», от 6 до 7 — «удовлетворительно», 8 и 9 — «хорошо» и 10 — «отлично».

Из данного опроса можно сделать следующие выводы: микроклимат в коллективе, удовлетворенность работой в целом и рабочим местом, удовлетворенность заработной платой и отношение к руководству и отношение руководства к врачам, отдача работе, возможный уровень самореализации на данном рабочем месте, раскрытие потенциала работника работодателем врачами оценено как «удовлетворительно», при этом врачи удовлетворены своим графиком работы. Стоит отметить, что уровень самореализации находится ниже, чем потенциал к ней. Лишь 34 % респондентов готовы порекомендовать данную профессию своим родственникам и детям.

Можно сделать вывод, что трудовой потенциал в разрезе основного персонала данного негосударственного учреждения здравоохранения находится на достаточно низком уровне, что грозит оттоком квалифицированного медицинского персонала из медицинской организации, тем самым дискредитируя ее в глазах пациентов и дестабилизируя экономическую ситуацию в ней, следовательно, затрудняя среднесрочные и долгосрочные прогнозирование. Данная ситуация должна стимулировать управленческое звено разработать комплекс организационных решений по управлению человеческими ресурсами, который должен способствовать удержанию персонала и максимально эффективно его использовать в условиях данного медицинского учреждения. Интеллектуальный компонент, как один из элементов структуры кадрового потенциала, способен стать катализатором в процессе достижения стратегических целей, стоящих перед организацией [3].

Таким образом, трудовой потенциал медицинских организаций является одним из основных факторов экономической безопасности, обеспечивающий генерирование и внедрение инноваций, как итог приобретаемых навыков, способностей, знаний, реализация которых ориентирована на достижение определенных целей системы здравоохранения.

В общем можно заключить, что формирование системы экономической безопасности организаций системы здравоохранения — это многоуровневый и многогранный процесс, в котором ключевую роль могут сыграть мероприятия по развитию кадрового потенциала посредством финансового инвестирования в человеческий капитал.

Библиографический список

1. Волченко А. В., Буйдук Н. Ф. Непрерывное медицинское образование с использованием дистанционных технологий обучения как современный этап повышения квалификации медицинских работников // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15 декабря 2016 г.): в 8 ч. — Уфа: Аэтерна, 2016. — Ч. 8. — С. 108–111.
2. Мнацаканян А. Г., Васильев И. В. Факторы финансирования воспроизводства человеческого капитала // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. — 2011. — № 3. — С. 48–53.
3. Кибанов А. Я. Методология мотивации и стимулирования трудовой деятельности персонала организации // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. — 2014. — Т. 3, № 1(10). — С. 5–10.
4. Шишкин С. В., Шейман И. М., Абдин А. А., Боярский С. Г., Сажина С. В. Российское здравоохранение в новых экономических условиях: вызовы и перспективы. — М.: НИУ «ВШЭ», 2019. — 84 с.
5. Улумбекова Г. Э., Калашникова А. В. Факты о бюджете здравоохранения РФ на 2018–2020 гг. // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. — 2017. — № 4. — С. 17–23.

Т. С. Орлова, А. А. Тимошин

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Рискоустойчивость как критерий экономической безопасности предприятия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению такого актуального аспекта жизнедеятельности хозяйствующего субъекта, как его экономическая безопасность. Авторы рассматривают влияние на экономическую безопасность рискоустойчивости, уровень которой, в свою очередь, зависит от степени финансовой устойчивости предприятия.

Ключевые слова: риск; рискоустойчивость; финансовая устойчивость; экономическая безопасность предприятия.

В современных условиях развития мировой экономики важнейшим фактором развития отечественной экономики является обеспечение экономической безопасности каждого хозяйствующего субъекта, не зависимо от его размера и экономического вида деятельности.

Экономическая безопасность рассматривается сегодня как одна из важнейших характеристик эффективного функционирования предприятия.

Так, понятие «экономическая безопасность» достаточно широкое и довольно подробно рассмотрено и описано как в научной, так и учебной литературе. Можно выделить труды таких авторов, как Е. Б. Дворядкиной, Н. В. Новиковой, С. А. Касперович, Е. А. Дербинской, А. С. Ильиных, О. В. Сараджаевой, В. В. Кузьменко, А. Е. Суглобова, С. А. Касперович, С. В. Шарохиной, Г. А. Васильева, Э. А. Халиковой, А. Е. Суглобова и др.

Наиболее принято под экономической безопасностью предприятия понимать состояние наиболее эффективного и системного использования ресурсов предприятия для предотвращения различных угроз и обеспечения устойчивого развития предприятия. При этом для принятия управленческого решения при разработке бизнес-планов важно знать уровень экономической безопасности предприятия, т. е. объективную оценку состояния использования ресурсов предприятия по критериям экономической безопасности [7, с. 233].

Авторы данной статьи в качестве одного из критериев оценки уровня экономической безопасности рассматривают такой фактор как рискоустойчивость предприятия.

Как известно, при постоянном росте предприятия растет число и разнообразие потенциальных рисков. По мнению авторов, для обеспечения стабильности и сохранности своего дела, в первую очередь, нужно стараться максимально подстраховать предприятие от воздействия рисков, обеспечивая его, так называемую, рискоустойчивость. Рискоустойчивость имеет различные терминологии. Наиболее обоснованная на наш взгляд звучит так: это умение регулировать внутренние риски и адаптация к воздействию внешних рисков для обеспечения конкурентоспособности предприятия.

Рискоустойчивость рассматривается в работах таких авторов, как О. В. Прущак, Л. В. Зубова, В. Н. Кайль, О. Н. Гримашевич. По единодушному мнению исследователей, для рискоустойчивости необходимо грамотное управление рисками, которое включает разработку и осуществление различных мер по регулированию рисков [3].

Существуют различные методы определения риска, большинство из которых с успехом можно применить и к оценке риска безопасности. Выбор метода и показателей зависит от реальной ситуации, выявленных угроз, объема и достоверности информации.

Авторы данной работы попытались рассмотреть влияние на экономическую, более конкретно, финансовую безопасность такого риска как недостаточность собственных средств в обороте предприятия. Повышенная зависимость от заемных средств серьезно сужает возможности предприятия по маневрированию денежными ресурсами, тем самым снижает возможности предприятия для его расширения и обновления финансовой структуры. Эффективное управление финансами позволит своевременно обеспечивать финансовую устойчивость предприятия.

Финансовая устойчивость предприятия — это определенное оптимальное соотношение различных видов финансовых ресурсов, привлекаемых предприятием, с одной стороны, и направлениями использования этих ресурсов — с другой [2]. Финансовая устойчивость предприятия складывается из множества показателей, поэтому для менеджеров важно выделить главные в данных условиях с целью их объективной оценки.

В настоящее время проблема управления финансовой устойчивостью предприятия стоит как никогда остро. Особенно актуальной данная проблема представляется для малых и средних предприятий.

В стратегии малого и среднего предпринимательства, утвержденной распоряжением Правительства РФ 2 марта 2016 г. ключевыми индикаторами развития являются увеличение доли промышленности в сектора малого предпринимательства в России, быстрорастущие малые предприятия, внедрение инноваций и развитие экспортно-ориентированных предприятий промышленности и обрабатывающего производства.

В условиях нестабильной экономической ситуации в стране в настоящее время наблюдается тяжелое финансовое положение у многих малых предприятий. В связи с этим проблема выявления потенциальных рисков, их оценки и управления ими является сегодня чрезвычайно актуальной для российских предприятий.

Из опубликованной нами ранее статьи «Финансовое планирование рисков малых предприятий» было выявлено что: «...основная проблема заключается в том, что невозможно обойти риск, его можно только смягчить, так сказать, снизить чувствительность предприятия к рискам» [5].

Воспользовавшись методикой комплексной (балльной) оценки финансового состояния организации преподавателей Уральского государственного экономического университета Е. Б. Дворядкиной, Я. П. Силина, Н. В. Новиковой [1], нами на примере

одного из малых предприятий Свердловской области рассчитаны коэффициенты, характеризующие финансовую устойчивость предприятия, и была обозначена взаимосвязь и взаимозависимость финансовой устойчивости и экономической безопасности. Так, в частности, по данным баланса были рассчитаны такие показатели, как коэффициент абсолютной ликвидности (K_1), коэффициент «критической оценки» (K_2), коэффициент автономии (K_3), коэффициент текущей ликвидности (K_4), коэффициент обеспеченности собственными средствами (K_5), коэффициент финансовой зависимости (K_6).

В таблице представлены параметры оценки финансовой ситуации с целью установления уровня экономической безопасности.

После сравнения фактических показателей с рекомендуемыми по методике, был определен четвертый уровень экономической безопасности, что говорит о неудовлетворительной структуре капитала и низком уровне экономической безопасности.

Используя данные финансовой отчетности предприятия, менеджер всегда может дать оценку финансовой устойчивости и обратить внимание на возможные риски. Применение данного метода анализа рисков будет способствовать укреплению устойчивой работы предприятий в условиях нестабильных (неопределенных) рыночных отношений [4].

Классификация уровня экономической безопасности по параметрам оценки финансовой ситуации по ООО «Z»

Показатель	2016		2017		2018	
	Фактическое значение коэффициентов	Количество баллов	Фактическое значение коэффициентов	Количество баллов	Фактическое значение коэффициентов	Количество баллов
K_1	0,525	20	0,574	20	0,439	16
K_2	0,751	0	0,829	0	0,853	0
K_3	1,004	1,5	1,003	1,5	1,005	1,5
K_4	0,01	0	0,022	0	0,013	0
K_5	0,004	0	0,003	0	0,005	0
K_6	0,038	0	0,028	0	0,032	0
<i>Итого</i>		21,5		21,5		17,5

Таким образом, актуальность данного исследования направлена на необходимость научного анализа и разработки системы показателей, характеризующих риск-устойчивость и экономическую безопасность предприятия, а также выявления факторов, приводящих к потере финансовой устойчивости и безопасности и определения оптимальной финансовой стратегии предприятия, направленной на достижение его устойчивости как в краткосрочном, так и долгосрочном периоде [6].

Обеспечение высокого уровня финансовой устойчивости хозяйствующего субъекта позволит своевременно отследить уровень риск-устойчивости с целью контроля экономической безопасности предприятия.

Библиографический список

1. Дворядкина Е. Б., Силян Я. П., Новикова Н. В. Экономическая безопасность: учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. — 194 с.
2. Есембекова А. Ж. Финансовая безопасность — основа финансовой устойчивости // Проблемы современной экономики: материалы II Междунар. науч. конф. (Челябинск, октябрь 2012 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2012. — С. 81–83.

3. *Зубова Л. В.* Определение рискоустойчивости предпринимательских решений // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 11-1. — С. 157–160.

4. *Кочерыгина Е. Е., Поникаров В. А.* Организация управления промышленным предприятием на основе оценки уровня рисков // Российское предпринимательство. — 2014. — Т. 15, № 2. — С. 121–131.

5. *Орлова Т. С., Тимошин А. А., Ярин Г. А.* Финансовое планирование рисков малых предприятий // Известия вузов. Уральский регион. — 2018. — № 2. — С. 17–25.

6. *Панехин Р. С.* Факторы финансовой устойчивости и безопасности: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10. — Волгоград, 2007. — 21 с.

7. *Экономика* предприятий: инструментальный анализа: учеб. пособие / под общ. ред. Т. С. Орловой, В. Ж. Дубровского. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. — 281 с.

А. Г. Оболенская

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Социально-экономическая безопасность территории. Выявление триггеров неблагоприятных явлений

Аннотация. Предпринята попытка выделить триггеры социально-экономической безопасности с позиций благополучия населения, его экономической активности в развитии одного из регионов Уральского макрорегиона — Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. На основе структурного анализа сделано заключение о наличии в Ханте-Мансийском автономном округе — Югре положительного состояния социально-экономической безопасности, но ее незначительной устойчивости вследствие наличия триггеров неблагоприятных явлений.

Ключевые слова: экономическая безопасность территории; региональное развитие; социально-экономическая безопасность региона; триггер неблагоприятных явлений; социально-экономическая система территории.

Объектом нашего исследования, некоторые результаты которого представлены в данной статье, являются триггеры неблагоприятных явлений социально-экономической безопасности территории в части связи благосостояния населения и развития территории как социально-экономической системы. Рассматривая некоторую территорию, выделяются внешние и внутренние благоприятные и неблагоприятные факторы.

Значительное число работ посвящено проблеме функционирования в условиях воздействия неблагоприятных факторов, это целесообразно, в первую очередь при работе с внешними воздействиями. Однако не менее важным является вопрос источника формирования неблагоприятного воздействия, его причины, ведущего триггера. Понимая системные триггеры возможна разработка превентивных мероприятий. Исследование внутренней среды и условий формирования триггеров неблагоприятных воздействий необходимо начинать с определения социально-экономической безопасности территории. Опираясь на труды авторитетных ученых современности [1; 2; 3; 5; 7; 8; 10; 11], мы рассматриваем социально-экономическую безопасность территории как стабильное функционирование социальных структур, обеспечивающих устойчивое ее развитие. Термин «социально-экономическая безопасность», учитывающий необходимость затрачивать усилия и поддерживать не только материальные условия для создания и развития человеческого капитала, более точно отражает сложность рассматриваемого явления [3]. Исследование социально-экономической безопасности [5; 7; 10] обнаруживает следующие ее элементы:

— производственная;

- инвестиционная;
- финансовая;
- уровня жизни;
- демографическая;
- рынок труда;
- криминальная;
- инфраструктурная;
- экологическая.

Обеспечение социально-экономической безопасности возможно только тогда, когда учитываются интересы всех участников процесса регионального развития предприятий, отраслей, городов, районов и т. д.

К основным критериям, характеризующим элементы социально-экономической безопасности и обеспечивающим приемлемые для большинства населения условия жизни, устойчивость социально-экономической ситуации, относятся [7]:

- расширенное воспроизводство экономической и социальной инфраструктуры, муниципальной экономики;
- границы критической зависимости муниципального образования от ввоза важнейших видов продукции первой необходимости;
- обеспечение необходимого уровня обслуживания потребностей населения с целью формирования условий для нормального жизнеобеспечения населения муниципального образования.

Понятие «безопасность» означает отсутствие, нейтрализацию опасностей, угроз, а последние связаны в своей основе с борьбой за экономические ресурсы и наоборот процессы, отрицательно влияющие на экономическое состояние территории, ограничивают экономические интересы личности, общества. Разнообразие классификационных признаков, характеризующих вариацию социально-экономических угроз региональной безопасности, может быть объединено в две основные группы [1; 3; 10; 11] и представлено в табл. 1: 1) дескриптивная — воспроизводит обобщающие черты опасности (определяет объект, предмет, область влияния); 2) атрибутивная — отражает качественные особенности кризисных явлений, обусловленные многообразием их источников возникновения, неоднозначными формами проявления, изменяющимися сроками воздействия.

Таблица 1

Группировка угроз социально-экономической безопасности региона

Дескриптивная группа	Атрибутивная группа
1. По объекту: личности, социальные группы, хозяйственному субъекту, сектору региональной экономики. 2. По предмету: материальным ценностям, социальному благоустройству, самобытности территориального образования. 3. По масштабности: ориентированные, всеобъемлющие. 4. По сфере воздействия: экономические, социальные, политико-управленческие, демографические	1. По источникам возникновения: естественно-природные, антропогенные. 2. По характеру возникновения: внутренние, внешние. 3. по характеру проявления: прямые, косвенные, производственные. 4. По сроку возникновения: постоянные, временные. 5. По возможности наступления реальные, потенциальные. 6. По степени прогнозирования: ожидаемые, неожиданные. 7. По степени управляемости: стихийные, регулируемые

Рассмотрим с учетом группировки возможных неблагоприятных триггеров некоторые показатели социально-экономического развития на примере Ханте-Мансийского автономного округа — Югры (табл. 2). Статистические данные социально-экономического развития округа позволили выявить ряд проблем, которые характерны для монопрофильных регионов — высокую зависимость от нефтедобывающего комплекса, неразвитость обслуживающей сферы, велики отраслевые контрасты в уровне оплаты труда и пр. Географическое положение Югры обуславливает высокие расходы на транспортировку, что в свою очередь приводит к снижению уровня экономического развития территории. Было бы опрощением делать ставку сырую нефть и газ. Поэтому, округ движется в сторону усложнения структуры экономики. Правовой основой развития является ряд программных и тактических документов, разработанных на территории округа. Это стратегия и прогноз социально-экономического развития округа; план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и государственные программы округа.

Т а б л и ц а 2

Социально-экономические триггеры неблагоприятных явлений

Показатель	Югра в 2015 г.	Югра в 2019 г.	Российская Федерация в 2019 г.
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата, р.	22 829	45 498,1	23 369,2
Соотношение с величиной прожиточного минимума среднего размера назначенных пенсий, раз	1,2	1,67	1,69
Коэффициент замещения (соотношение средней пенсии к средней заработной плате), %	17	27,4	35,4
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	0,431	0,425	0,42
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), раз	17,9	17,1	16,2
Площадь жилищ в среднем на 1 жителя, м ²	17,5	19,0	23
Удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда, %	5,9	6,7	3,0

Вместе с тем, проблемы социально-экономического развития автономного округа во многом будут зависеть от объемов инвестиций и реализацией крупных инвестиционных проектов и программ в реальном секторе экономики. Кроме того, анализ инвестиционных данных показал, что в этом направлении редко используются свободные средства населения.

Серьезной проблемой, обостряющей социальную ситуацию в Югре, является сохранение территориальной и отраслевой дифференциации по уровню заработной платы, обусловленной сырьевой специализацией экономики автономного округа [4; 6]. В 2019 г. разница между максимальной и минимальной заработной платой в муниципальных образованиях округа составляла 1,8 раза (в 2015 г. — 2,3). Лидерами по уровню оплаты труда в Югре являются города и районы, экономика которых связана с функционированием нефтегазовой промышленности (Сургут и Сургутский район, Югорск, Покачи, Нефтеюганский район), аутсайдерами — западные районы Югры (Кондинский, Советский, Березовский).

Несмотря на предпринимаемые правительством Югры меры по сокращению диспропорций в оплате труда по видам экономической деятельности, существенная разница в доходах работающего населения в сельском хозяйстве и социальной сфере

по сравнению с доходами занятых в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых по-прежнему сохраняется.

Жилищная проблема для Югры продолжает оставаться первостепенной. Округ отстает от большинства субъектов РФ по уровню обеспеченности жилой площадью, опережает по показателям ветхого и аварийного жилого фонда. Для решения этой проблемы в Югре ведется активное жилищное строительство, отрабатываются разные схемы приобретения жилья населением (субсидирование, кредитование, компенсация процентной ставки). Однако решение жилищной проблемы региона только за счет средств окружного бюджета невозможно, требуется более активное привлечение средств самих граждан.

Уровень жизни коренных малочисленных народов Севера, проживающих в сельской местности и ведущих традиционный образ жизни, характеризуется как преимущественно низкий. Валовой доход на душу населения не превышает величину прожиточного минимума Югры. Оплата труда в традиционных отраслях экономики остается существенно ниже среднеокружной и в 2019 г. составила 15,6 тыс. р. в месяц.

Правительство Югры уделяет большое внимание вопросам социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера. Ряд жизненно важных проблем коренных малочисленных народов учтен в окружных законах, регулирующих вопросы недропользования, жилищных отношений, образования, культуры, охоты и рыболовства.

Причинами экономически неблагоприятных явлений остается проблема, начиная с 2015 г., когда в округе наблюдается сокращение объемов добычи. Связано это как с внешними факторами — финансово-экономическим кризисом, так и внутренними факторами — ухудшением качества ресурсной базы нефти, недостаточной активностью поиска, разведки и ввода в разработку новых месторождений, а также производственными планами компаний, предполагающими снижение добычи.

Социальная эффективность малого предпринимательства в регионе снижается. Малые предприятия обеспечивают занятость 10,6 % от среднесписочной численности работников организаций (по полному кругу). Экономическая эффективность малого бизнеса в регионе не высокая. Производительность труда, занятых в малом бизнесе в автономном округе значительно ниже, чем в Российской Федерации и Уральском федеральном округе. В целом перспективы развития малого предпринимательства в регионе можно назвать благоприятными. С 2018 г. в регионе действуют долгосрочные программы поддержки малого бизнеса. Меры, предпринимаемые органами государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, направлены на развитие малого и среднего предпринимательства, являются одним из факторов, которые позволяют предпринимателям Югры существенно минимизировать потери. Все жители нацелены работать исключительно в нефтедобывающей сфере, так как уровень заработной платы значительно высок.

Используя методы наблюдения основных макроэкономических показателей и сопоставления их с пороговыми значениями экономической безопасности, можно сказать, что состояние экономической безопасности на данном этапе положительное. Однако для улучшения ситуации необходимо обратить внимание на такие показатели, как уровень преступности, диверсификация доходов граждан [9; 10].

Социальное и экономическое развитие пространства выступает важным инструментом для изучения долгосрочных стратегических планов любого субъекта. Важнейшей проблемой остается более последовательное использование социально-экономических мероприятий, которые позволили бы оценить альтернативные последствия проводимой политики.

Библиографический список

1. Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Потенциал неоиндустриального развития Уральского макрорегиона // Урал — драйвер неоиндустриального и инновационного развития России: материалы I Уральского экономического форума: в 2 т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2019. — Т. 1. — С. 33–38.
2. Белухин В. В. Институционально-финансовая составляющая модернизации российской инфраструктуры. Экономика устойчивого развития. — 2012. — № 3(11). — С. 40–44.
3. Большаков Б. Е., Шевенина Е. В. Методологические принципы бездефектного управления безопасностью и развитием территориальных и производственных систем // Науковедение. — 2016. — № 2. — URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/56EVN216.pdf>
4. Валитова Т. А. Анализ социально-экономического положения региона (на примере ХМАО — Югры) // Экономика и предпринимательство. — 2015. — № 5-2(58). — С. 364–367.
5. Долганова Я. А. Социально-экономическая безопасность региона: проблемы оценки, перспективы развития // Вестник Прикамского социального института. — 2018. — № 1(79). — С. 109–113
6. Корниенко В. В., Субачев С. Ю., Кочубей Е. И. Проблемы поддержания уровня жизни пенсионеров в Российской Федерации // Вестник Академии знаний. — 2019. — № 3(32). — С. 146–149.
7. Ленчук Е. Б. Курс на новую индустриализацию — глобальный тренд экономического развития // Проблемы прогнозирования. — 2016. — № 3(156). — С. 132–143
8. Мадатова О. В. Основы правового регулирования финансовых, экономических и налоговых взаимоотношений // Вестник ИМСИТ. — 2015. — № 4(64). — С. 28–31.
9. Новоселов А. С., Маршалова А. С. Экономические интересы субъектов регионального воспроизводства: противоречия и проблемы их разрешения в системе управления. // Регион: экономика и социология. — 2019. — № 2. — С. 3–29.
10. Оболенская А. Г. Перколяционное моделирование социально-экономического развития территории как профилактика организационного вандализма. / Урал — драйвер неоиндустриального и инновационного развития России: материалы I Уральского экономического форума: в 2 т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2019. — Т. 1. — С. 91–95.
11. Писаренко К. В. Сравнительный анализ эффективности применения форм и методов государственной финансовой поддержки межрегионального социально-экономического развития. Экономика и предпринимательство. — 2019. — № 6(107). — С. 72–81.

О. В. Комарова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Международный трансфер технологий в контексте экономической безопасности

Аннотация. Рассматриваются проблемы трансфера технологий с позиций инновационной и научно-технологической безопасности, показана необходимость разработки более широкого спектра индикаторов экономической безопасности данной сферы. Выделены факторы укрепления научно-технологической и инновационной безопасности страны.

Ключевые слова: трансфер технологий; экономическая безопасность; индикатор; национальная экономика; научно-технологическая безопасность; инновационная безопасность.

Новые технологии и их адаптация позволяют ускорить экономический рост национальных экономик, что является объективной причиной развития в мировой экономике такого нового явления, как международный трансфер технологий. Однако, трансфер технологий порождает зависимость технологического и экономического развития страны от других стран. Таким образом, процессы трансфера технологий оказывают двойное воздействие на экономическую безопасность национальных эко-

номик. Цель исследования — проанализировать воздействие трансфера технологий на экономическую безопасность.

В системе оценки экономической безопасности выделяют несколько составляющих: социально-экономическую, финансовую, экологическую и др. В современных исследованиях [9, с. 82] отмечается высокая роль инновационной составляющей экономической безопасности территории [4], что обусловлено значимостью данных показателей для обеспечения перехода российской экономики к новому технологическому укладу и формированию устойчивого экономического роста.

Основой анализа инновационной составляющей экономической безопасности является структура инновационного процесса, в рамках которого выделяют [1, с. 31]: открытые источники инноваций; приобретение знаний и технологий; инновационное сотрудничество. Трансфер технологий выступает важным звеном обмена знаниями и технологиями, а потому напрямую влияет на инновационную и научно-технологическую безопасность.

Опираясь на определение трансфера технологии как процесса передачи результатов исследований и разработок, знаний для коммерческого использования (в производстве товаров и услуг, привлечения дополнительных ресурсов для дальнейших исследований и разработок и др.) и некоммерческого использования (поиск новых направлений исследований, распространение и обмен знаниями и т. д.) [8, с. 11], можно отметить, что особенностью трансфера технологий является наличие не только положительного воздействия на экономический рост и технологическое развитие страны, но и обратное воздействие на экономическую безопасность. В этом случае чрезмерный трансфер технологий формирует потенциальные угрозы экономической безопасности национальной экономики.

Прямое воздействие трансфера технологий на экономическую безопасность страны обусловлено формированием научно-технологического разрыва или отставания страны от технологически передовых стран. В исследованиях экономической безопасности и научно-технологической, и инновационной выделяют ряд критериев, к которым относятся ключевые показатели инновационной деятельности в национальной экономике (см. таблицу).

Показатели экономической безопасности по инновационной сфере

Показатель	Критерии	Россия	Страна лидер
Доля отгруженной инновационной продукции во всей отгруженной продукции промышленности, %	15–30	6,5	15,5 (Великобритания)
Число лиц, занятых научными исследованиями и разработками на 10 тыс. занятого населения	120	106	225 (Тайвань)
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, % к ВВП	2,2	1,1	4,23 (Республика Корея)
Интенсивность затрат на технологические инновации (отношение затрат на технологические инновации к объему выпущенной продукции), %	3,2	2,1	3,85 (Швеция)
Число поданных отечественными заявителями заявок на изобретения и полезные модели на 10 тыс. населения (коэффициент изобретательской активности)	5	1,7	30,91 (Республика Корея)

Примечание. Составлено по: [9; 10].

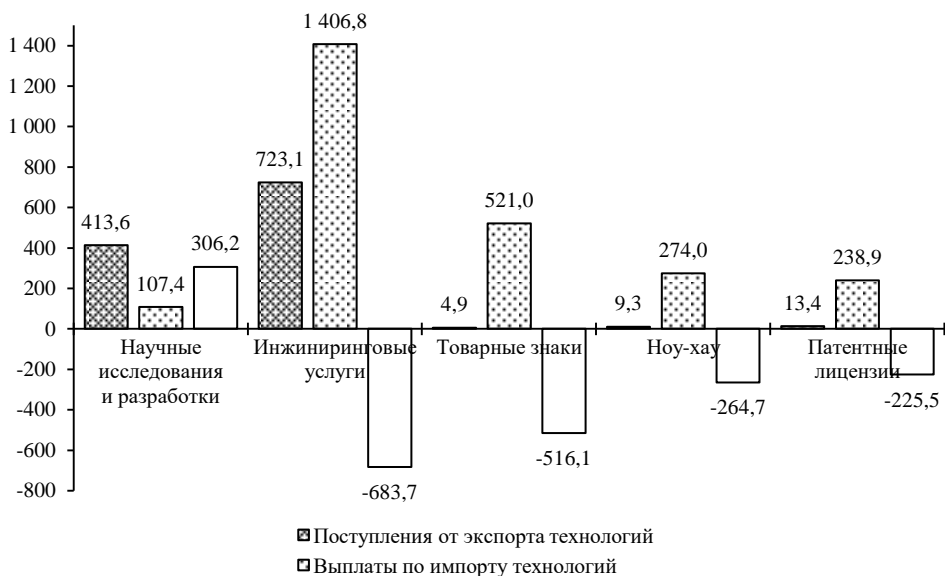
Анализ ключевых показателей экономической безопасности в инновационной и научно-технологической сфере подтверждает высокий уровень угроз для российской экономики — все показатели ниже критического уровня, что проявляется

и в трансфере технологий [6, с. 38]. Однако среди данных показателей фактически отсутствуют показатели трансфера технологий: источники притока технологий (внешние или внутренние), число патентов, поданных нерезидентами, структура инновационной продукции, экспорт и импорт технологий и др.

Таким образом, необходимо расширение показателей по инновационной и научно-технологической безопасности. Кроме показателей, направленных на оценку внутренних угроз в данной сфере [2; 3; 9], можно сделать вывод о необходимости оценки внешних угроз, связанных с экспортом научных исследований и разработок, параметрами технологической зависимости страны и др. Например, для оценки уровня безопасности не используется коэффициент технологической зависимости, который рассчитывается как отношение числа патентных заявок, поданных нерезидентами в национальное патентное ведомство, к числу внутренних патентных заявок. Данный показатель позволяет оценить приток новых технологий в страну из-за рубежа, но, с другой стороны, его высокое значение может рассматриваться как показатель высокой зависимости от притока иностранных патентных заявок. Например, в России в 2017 г. данный показатель составлял по данным Роспатента 0,6, а в США — 1,74.

Одним из ключевых показателей оценки независимости страны в инновационной и научно-технологической деятельности является анализ импорта и экспорта технологий (технологический платежный баланс). В 2018 г. сальдо по платежам за технологии в РФ было отрицательным и составило –1 659,2 млн долл., в 2017 г. данный показатель составил –2 124,0 млн долл. Данные по основным категориям покупаемых и продаваемых технологий приведены на рисунке.

Следует обратить внимание (см. рисунок), что Россия является экспортером в сфере научных исследований и разработок, при этом экспорт в четыре раза превышает импорт соответствующих разработок. Активный экспорт научных исследований и разработок также определяется узкой специализацией России в производстве высокотехнологичной продукции [12].

Сальдо платежей РФ по видам технологий в 2018 г., млн долл. США [10, с. 63]

Данная тенденция также как и отрицательное сальдо по другим видам купли-продажи технологий является опасной, и содержит потенциальные угрозы экономической безопасности, поскольку представляет собой утечки результатов исследований. Подтверждение данного положения есть в работах А. Е. Варшавского, которые к угрозам научно-технологической безопасности относит «чрезмерно высокий уровень экспорта высокотехнологичной и интеллектуальной продукции военного и двойного назначения относительно объема ее внутреннего потребления... экспорт высоких технологий и интеллектуальной продукции государствам — возможным источникам повышенной нестабильности» [2, с. 84].

Однако в исследовании В. А. Лихачева отмечается, что в странах с высоким уровнем технологического развития «технологический платежный баланс складывается со значительным дефицитом, ... что указывает на их способность абсорбировать новые знания за рубежом и иностранные технологии» [7, с. 34]. При анализе статистических данных [10] показывает, что для развитых стран (Великобритания, Германия, США. Япония и др.) преимущественно характерно положительное сальдо технологического баланса. Данное положение указывает не только на факт привлечения новых технологий, но и на формирование в рамках национальной экономики благоприятных условий и необходимых механизмов трансформации и использования полученных технологий и знаний.

Избыточный трансфер технологий формирует кадровую и техническую зависимость страны от импортируемых технологий, что в будущем становится источником экономических угроз не только для рынка труда, но и для внутренней промышленности, военной и политической безопасности.

Таким образом, влияние трансфера технологий на экономическую безопасность в долгосрочном периоде неоднозначное и может приводить к негативным последствиям. В этой связи отметим важные направления укрепления экономической безопасности в инновационной и научно-технической сфере.

Во-первых, ключевым фактором укрепления экономической безопасности является формирование институциональных условий развития научно-технической и инновационной сферы. Анализ законодательства РФ, связанного с интеллектуальной собственностью и трансфером технологий, проведенный М. О. Степановой показал, что «в 2018 г. не было принято федеральных законов, которые существенным образом изменили сферу науки и инноваций, однако вносились изменения или дополнялись уже существующие нормативные правовые акты» [11, с. 165], что свидетельствует о закреплении сложившихся неблагоприятных тенденций.

Во-вторых, важным аспектом укрепления экономической безопасности в научно-технической и инновационной сфере является формирование необходимой инфраструктуры. В России развиваются различные формы поддержки генерации и привлечения знаний: центры трансфера технологий, технопарки, наукограды, закрытые административно-территориальные образования, технико-внедренческие зоны, бизнес-инкубаторы и акселераторы, но в целом вопросы эффективности функционирования данной инфраструктуры в настоящее время не решены.

В-третьих, влияние на развитие инновационной и технологической сферы в национальной экономике оказывает уровень инновационного малого и среднего предпринимательства и механизмы его стимулирования [5]. Развитие данного сектора, как правило, укрепляет позиции внутреннего механизма привлечения и генерации знаний.

Проведенный анализ индикаторов экономической безопасности в научно-технической и инновационной сферах показал, что данная система обладает потен-

циальными опасностями. Необходимо разрабатывать и внедрять в систему управления ключевые индикаторы экономической безопасности. В целях укрепления экономической безопасности России в научно-технологического и инновационной сферах необходимо формирование адекватных институциональных условий на уровне формальных институтов и повышение эффективности инфраструктуры в научно-технической и инновационной сферах.

Библиографический список

1. *Абдурахимова Э. Н., Колесникова К. С., Иващенко Н. П., Тищенко Е. Б., Тищенко С. А.* Методы оценки эффективности трансфера технологий // Экономика и управление. — 2015. — № 5(126). — С. 29–33.
2. *Варшавский А. Е.* Методические принципы оценивания научно-технологической безопасности России // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. — 2015. — № 7(4). — С. 73–100.
3. *Вершинин П. С.* Тенденции и проблемы обеспечения экономической безопасности региона (на примере Свердловской области) // Национальная безопасность и стратегическое планирование. — 2015. — № 4(12). — С. 104–108.
4. *Власова М. С., Круглова И. А., Степченко О. С.* Экономическая безопасность России: технологический аспект // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2017. — № 3(105). — С. 46–51.
5. *Комарова О. В., Кежун Л. А.* Развитие инновационного малого и среднего предпринимательства: подходы к исследованию // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2016. — № 123. — URL: <http://ej.kubagro.ru/get.asp?id=6453&t=1>.
6. *Коростышевская Е. М.* Инновационная составляющая экономической безопасности России // Инновации. — 2014. — № 6(188). — С. 34–38.
7. *Лихачев В. А.* Международный трансфер технологий: основные тенденции и позиции России // Российский внешнеэкономический вестник. — 2017. — № 10. — С. 29–43.
8. *Миронова Д. Ю., Евсеева О. А., Алексева Ю. А.* Инновационное предпринимательство и трансфер технологий. — СПб.: Университет ИТМО, 2015. — 93 с.
9. *Митяков С. Н., Митяков Е. С., Романова Н. А.* Экономическая безопасность регионов Приволжского федерального округа // Экономика региона. — 2013. — № 3. — С. 81–91.
10. *Наука. Технологии. Инновации: 2020: крат. стат. сб. / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич и др.* — М.: НИУ ВШЭ, 2020. — 88 с.
11. *Степанова М. О.* Основные изменения законодательства Российской Федерации в научно-технологической сфере за 2018 г. // Наука. Инновации. Образование. — 2019. — Т. 14, № 1. — С. 147–166.
12. *Gnidchenko A., Mogilat A., Mikheeva O., Salnikov V.* Foreign technology transfer: An assessment of Russia's economic dependence on high-tech imports // Foresight and STI Governance. — 2016. — Vol. 10, no. 1. — P. 53–67.

Риски и угрозы экономической безопасности страны в условиях цифровизации

Аннотация. Проанализированы некоторые базовые понятия, характеризующие цифровую экономику, ступени ее развития и воздействия на экономическую сферу. Выявлены пути трансформации цифровой экономики. Рассматривается роль государства в оказании услуг на базе единой цифровой облачной платформы. Сформулирован вывод: цифровые технологии, которые обретают важную роль в современной России, помогают не только улучшить экономику страны, но и обеспечить ее безопасность.

Ключевые слова: цифровая экономика; трансформация промышленности; государство; безопасность.

В современной России интенсивно развивается одно из направлений экономической науки, цифровая экономика. Развитие современной экономики, приводит к изменению принципа конкурентных отношений. Как и любой другой сфере экономики, тут также возникает абсолютно новый вид преступности — киберпреступность, с которой, необходимо бороться. Для более подробного понимания мы рассмотрим такое понятие как «экономическая безопасность».

Экономическая безопасность — это такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития как внешних, так и внутренних процессов.

Экономическая безопасность — основа национальной безопасности страны¹. Данное понятие трактуется современными экономистами как в пределах страны, так и за рубежом, оно отражает значимость данной деятельности во всех сферах человеческой жизни, а в частности в экономике.

Экономическая безопасность включает в себя:

— системную оценку состояния экономики, как защита национальных интересов страны;

— готовность противостоять угрозам;

— создание таких экономических и правовых условий, при котором полностью исключается или минимизируется криминальная деятельность.

Угрозы могут не проявляться достаточно долгое время, что не должно ослаблять внимание к решению конкретных проблем, таких как перерастание угроз в кризис. Неэффективные управленческие решения могут стать причиной увеличения числа угроз.

Одна из основополагающих задач стоящая перед Правительством РФ в 2016–2022 гг., является переход на цифровую экономику, а также развитие современной России. Такой переход можно осуществить при помощи цифровизации.

Цифровизация — это не цель, а средство достижения определенных задач. Трансформация промышленного комплекса, вызванная любыми факторами и реализуемая в любых условиях, — это всегда прерывистый процесс качественных изменений и экономических преобразований. Выделение стадий трансформаций промышленности возникла с необходимостью оценки качественных изменений.

¹ *О безопасности:* федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ.

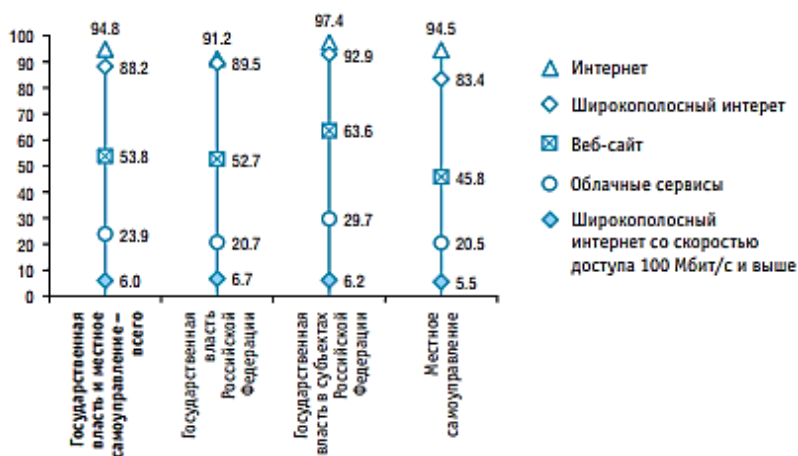
Понятие «цифровизация» показывает новую стадию совершенствования управления производством на основе применения современных технологий начиная от простых Интернет пользователей и заканчивая технологиями электронного правительства.

Выделяют пять ступеней цифровизации:

- 1) первичная информационно-коммуникационная цифровизация;
- 2) электронный обмен данными с внешними цифровыми партнерами;
- 3) использование специального программного обеспечения;
- 4) производство информационных технологий (ИКТ) и оборудования;
- 5) промышленные работы.

Уровень развития цифровой экономики напрямую связан с уровнем развития материальной сферы: там, где формируется высокотехнологичный сегмент в промышленном комплексе. Следовательно, активное развитие цифровой экономики происходит на государственном уровне, редко в сфере частного предпринимательства [2].

По показателям на 2017 г. индекс цифровизации бизнеса в России составляет 28 %. Это очень низкий показатель по сравнению с другими странами.

Использование информационно-коммуникационных технологий в органах власти

Так же в цифровой экономике огромную роль играет информационное моделирование и если для сфер строительной индустрии, умных городов или цифровой железной дороги это утверждение вызывает удивление, то в промышленности именно переход на цифровое информационное моделирование любых изделий уже давно стал общепринятым в России.

Такое промышленное решение может стать мощным катализатором развития цифровой экономики в России. Необходимо отметить, что цифровое информационное моделирование и идеи жизненного цикла, будучи примененными, например, в строительной отрасли, превратили ее в индустрию и принесли отличные результаты.

Прогрессия в цифровых технологиях намного упрощает жизнь городам и человечеству, способствует обеспечению качества услуг, развитию инновационной и передовой инфраструктуры, а также повышению экономической эффективности городов и городского хозяйства. К сожалению, в повседневной жизни граждане не торопятся использовать электронные информационные системы для облегчения своей жизни.

В результате прироста заинтересованности в цифровизации процессов можно достичь повышения эффективности экономики, а именно: минимизация коррупционной составляющей; оптимизация налогообложения; предоставления государственных услуг через единую цифровую платформу. Интерес государства заключается в создании конкуренции на рынке национальной цифровой среды с целью привлечения иностранных предпринимателей. В данной сфере экономики, как и в любой другой, возникает ряд киберугроз, такие, как:

- кража персональных данных;
- добыча, незаконным способом, коммерческой информации;
- угроза в сфере информационных систем государственных структур.

Одним из направлений в развитии цифровой экономики является создание доверенного цифрового пространства [1]. Но расширение цифрового сервиса и цифровых услуг повышает угрозу мошенничества, риски и утечки информации требуют повышенного внимания и улучшения защиты электронных систем. Помимо повышения уровня киберугроз, есть намного глобальнее проблема, такая как кибертеррористические угрозы. Кибертерроризм и киберугрозы бесспорно являются серьезной угрозой для политической, экономической и социальных сфер государства.

Кибертерроризм — комплекс незаконных действий в киберпространстве, создающих угрозу государственной безопасности, личности и обществу. Данные действия могут привести к порче материальных объектов, искажению информации или другим проблемам. Пока что, на данном этапе развития цифровой экономики кибертерроризм распространен в отношении государств и крупных компаний монополистов.

Развитие цифровизации не только в рамках государства, но в сферах малого и среднего предпринимательства в последствии дает такую угрозу, как потерю рабочих мест. Работодатели с высоким уровнем экономической безопасности на предприятии, а также не боящиеся инноваций в компании начинают привлекать цифровые технологии и заменять ими работников.

Главным и основным регулятором цифровизации является государство. Чтобы повысить и сделать более привлекательной выгоду от цифровизации государству следует не только подогревать рынок высокотехнологичной продукции, но и создавать собственные приложения для оказания государственных услуг. Одним из самых важных направлений в данной сфере является подготовка подходящих кадров, готовых обслуживать и усовершенствовать новые информационные продукты. Действия государства по организации и технологиям хозяйствующих субъектов приводят к преобразованиям в реальном секторе экономики и созданию условий для формирования инновационной экономики.

Библиографический список

1. Гапоненко В. Ф., Тайгильдин Д. В. Обеспечение экономической безопасности государства и информационного противоборства с преступностью и терроризмом // Вестник Академии экономической безопасности МВД России — 2014 — № 2. — С. 6–8.
2. Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Региональные аспекты новой индустриализации // Экономика региона. — 2017. — № 3. — С. 684–696.

Л. С. Дианова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Экономическая безопасность хозяйствующих субъектов локального потребительского рынка в условиях цифровизации

Аннотация. В статье освещены проблемы обеспечения инновационной безопасности хозяйствующих субъектов локального потребительского рынка в условиях цифровизации. Рассмотрены понятия потребительского рынка, экономической безопасности, цифровой экономики. Обозначены компоненты экономической безопасности на примере локального потребительского рынка Свердловской области. На основе статистических данных проведена оценка инновационной деятельности хозяйствующих субъектов. Выявлены факторы, влияющие на региональные инновационные процессы и на уровень экономической безопасности локального потребительского рынка. Сформулированы направления совершенствования деятельности хозяйствующих субъектов для повышения экономической безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность; трансформация экономики; цифровизация; инновационный процесс; локальный потребительский рынок.

В современной экономике возрастает актуальность экономической безопасности хозяйствующих субъектов локальных потребительских рынков по мере технического, технологического, цифрового, социального развития общества. Стратегия безопасности хозяйствующих субъектов локального потребительского рынка должна быть направлена на обеспечение предотвращения кризисных явлений, выявления рисков, угроз, которые возникают вследствие глобального применения информационно-коммуникационных технологий. Исследование вопросов инновационной безопасности даст возможность выявить закономерности и риски современного социально-экономического развития, обозначить стратегические приоритеты.

Академик А. Г. Гранберг подчеркивал: «огромные различия природных, социально-демографических, экономических, политических и других условий в многочисленных регионах России обрекают на неудачу унифицированные подходы к проведению реформ, ориентированные на некие средние условия» [1, с. 42]. Для обширной России, «которая всегда отличалась существенной вариативностью составляющих ее территорий, региональный разрез экономических, социальных и иных преобразований имеет решающее значение» [6, с. 39].

Важно подчеркнуть, что «каждый локальный рынок является некоторой частью национальной макроэкономической системы, а каждый входящий в локальный рынок отраслевой сегмент представляет собой часть общенационального отраслевого рынка» [3, с. 474]. Проблемы безопасности одного звена этой структуры незамедлительно распространятся на другие звенья, что дестабилизирует основы безопасности общеэкономической системы.

Локальные пространственные системы «не могут представляться иначе, чем дихотомия технологических комплексов и (или) функционально-технологических сетей фирм и экономических агентов, с одной стороны, и социальных сетей — с другой стороны. Причем именно социальные сети, их элементы, параметры и динамика являются конституирующим признаком этого типа пространств в экономике» [4, с. 26]. Безопасность первичных субъектов — необходимое и обоснованное условие управления хозяйством локальных потребительских рынков.

Формирование локального потребительского рынка сопряжено с реализацией материальных и духовных потребностей населения, с уровнем удовлетворения покупательского спроса, концентрацией насыщенности рынка.

Потребительский рынок — это индикатор экономической ситуации в стране, явление динамическое, склонное к постоянным изменениям и колебаниям. Локальный потребительский рынок наиболее чуток к нововведениям, преобразованиям, инновациям, что связано со сжатыми, компактными социальными полями, о которых в своей работе изложил Дж. Барнс [7, с. 40]. «Локальный потребительский рынок» — это система экономических отношений, возникающих между продавцами и покупателями товаров и услуг, предназначенных для личного потребления, в процессе их приобретения, свойственная определенной территории (городу, городскому району, городу с окружением, сельскому поселению, муниципальному образованию)» [5, с. 42].

Локальный потребительский рынок включает в себя рынок продовольственных товаров, рынок непродовольственных товаров, рынок потребительских услуг.

Объектом локального потребительского рынка являются выносимый на рынок продукт, предназначенный для индивидуального потребления в виде потребительских товаров и платных услуг. Субъекты локального потребительского рынка или носители спроса — это потребители, или постоянное и приезжое население данной территории, субъекты локального потребительского рынка со стороны предложения — это товаропроизводители и производители услуг (предприятия, организации, учреждения и частные лица). Субъектами инфраструктуры локального потребительского рынка, прежде всего, выступают предприятия, индивидуальные предприниматели сферы розничной, в меньшей степени — оптовой торговли [2, с. 100]. К хозяйствующим субъектам, согласно определения, данного в ОКОПФ, относятся любые юридические лица, а также организации, осуществляющие свою деятельность без образования юридического лица, и индивидуальные предприниматели¹.

В настоящее время уже не подлежит сомнению, что отечественная экономика стоит на пороге внушительной по масштабу и стремительности цифровой революции. Цифровизация — это «использование возможностей онлайн и инновационных цифровых технологий всеми участниками экономической системы от отдельных людей до крупных компаний»², тем самым, это необходимое условие сохранения их конкурентоспособности. Деятельность хозяйствующих субъектов в условиях цифровой экономики направлена «на формирование новых рынков, основанных на использовании информационных и коммуникационных технологий и обеспечение лидерства на этих рынках»³.

Экономическая безопасность в условиях цифровой экономики имеет огромное значение на национальном уровне, при которой обеспечивается, защищенность экономики от внешних и внутренних угроз, создается «экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства»⁴. Экономическая безопасность направлена на «предотвращение кризисных явлений в ресурсно-сырьевой, производственной, научно-технологической и финансовой сферах, а также в недопущение снижения качества жизни населения»⁵.

Но необходимо принять во внимание пространственную специфику и создать условия экономической безопасности хозяйствующих субъектов локальных потребительских рынков.

¹ *Общероссийский классификатор организационно-правовых форм* (ОК 028-99 (в ред. изм. № 1/99)). — URL: <https://base.garant.ru/9521334/5ac206a89ea76855804609cd950fca17>.

² *Россия онлайн? Догнать нельзя отстать.* — URL: http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Russia-Online_tcm27152058.pdf.

³ *Стратегия промышленного и инновационного развития Свердловской области на период до 2035 г.*, утв. постановлением Правительства Свердловской области от 28 июня 2019 г. № 383-ПП.

⁴ *О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г.:* указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208.

⁵ *Об утверждении программы «Стратегия развития потребительского рынка Свердловской области на период до 2035 г.»:* постановление правительства Свердловской области от 28 июня 2019 г. № 387-ПП.

Процесс цифровизации демонстрирует широкие возможности, обращает на себя внимание существенный экономический и социальный эффект от применения цифровых технологий для субъектов и объектов локального потребительского рынка. Однако помимо заметных преимуществ, цифровая экономика таит в себе нераспознанные риски и угрозы, которые необходимо определить и устранить или минимизировать. Обеспечение экономической безопасности в условиях цифровизации приобретает все большую актуальность. Следует достигнуть ослабления или устранения существующих рисков или иных факторов, в целях достижения основной цели коммерческой деятельности в среде конкурентного рынка.

Изучив работы, научные труды ученых, можно отметить, что на развитие, безопасность хозяйствующих субъектов локального потребительского рынка наиболее существенное значение имеют следующие составляющие экономической безопасности: финансовая, информационная, технико-технологическая, правовая, кадровая, экологическая. Некоторые из указанных компонент наиболее значимы для экономической устойчивости субъектов локального потребительского рынка в условиях цифровизации.

Так, например, в центре внимания экономической безопасности хозяйствующих субъектов локального потребительского рынка стоят политико-правовая, силовая компоненты.

Необходимо отметить, что несмотря на строгое правовое регулирование, усиление контроля за производством, продажей определенных групп товара оборот розничной торговли Свердловской области показывает положительную динамику.

Оборот розничной торговли за 12 месяцев 2019 г. составил 1 196 947 млрд р., что в фактических ценах на 101,5 % выше аналогичного показателя 2018 г.¹ По итогам 2017 г. Свердловская область занимала 5-е место в числе субъектов Российской Федерации. В авангарде Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край, а среди областей Уральский федеральный округ — 1-е место².

Но нельзя не отметить, что в последние годы в потребительском секторе Свердловской области усиливается тенденция сокращения количества субъектов малого торгового бизнеса. Число малых предприятий в розничной торговле за период с 2015 по 2019 г. сократилось в несколько раз, а количество торговых сетей регионально и федерального значения увеличилось (табл. 1).

В январе — сентябре 2019 г. розничные торговые сети формировали 65,6 % оборота розничной торговли торгующих организаций (в январе — сентябре 2018 г. — 64,6%), или 34,1 % общего объема оборота розничной торговли (табл. 2) (в январе-июне 2018 г. — 32,3%)³.

Стратегия развития потребительского рынка Свердловской области на период до 2035 г. так же предопределяет, что количество сетевых магазинов различного уровня будет только увеличиваться⁴.

Это объясняется, в первую очередь, высокими административными барьерами организации торговли, усилением контроля качества, внедрением, расширением применения цифровых технологий контролируемыми структурами.

Так, например, в 2018 г. введена система электронной сертификации ФГИС «Меркурий», которая предусматривает сопровождение молочной, мясной продукции

¹ Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. — URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/30401?print=1>.

² Стратегия развития потребительского рынка Свердловской области на период до 2035 г. — URL: <https://mcxso.midural.ru/uploads/387-%D0%9F%D0%9F.pdf>.

³ Там же.

⁴ Там же.

электронными ветеринарными сертификатами от производителя до конечного продавца на всей территории нашей страны и даже за ее пределами. Перечень товаров будет постепенно увеличиваться.

Т а б л и ц а 1

**Динамика количества сетевых и несетевых розничных торговых точек
Свердловской области в 2015–2019 гг.**

№	Компания	Количество торговых точек в Свердловской области	
		на 1 августа 2015 г.	на 1 ноября 2019 г.
Региональные сети			
1	ТС «Кировский»	192	161
2	ТС «Монетка»	264	479
3	ТС «Пикник»	31	Сети закрылись
4	ТС «Звездный	21	Сети закрылись
5	ТС «Елисей»	28	28
6	ТС «Чкаловский»	11	Сеть закрылась
7	«Элект»	15	13
8	А-продукт	8	Сети закрылись
9	ТС Семь ключей	8	Сети закрылись
10	«Бест-Маркет»	9	Сети закрылись
11	ТС «СтоМАКЪ»	3	Сети закрылись
11	ТС «Яблоко»	6	13
13	ТС «Райт»	8	8
17	Другие сети Свердловской области		224
<i>Итого региональные сети</i>		<i>641</i>	<i>926</i>
Федеральные сети			
1	«Магнит»	334	555
2	«Верный»	66	135
3	«Пятерочка»	85	541
4	«Мегамарт»	30	44
5	ТС «Дикси»	7	
6	«Карусель»	3	Нет данных
7	«Перекресток»	3	Нет данных
8	Лион		98
9	Бристоль	Нет данных	133
10	КИБ	Нет данных	703
11	Лента	Нет данных	18
<i>Итого федеральные сети</i>		<i>528</i>	<i>2227</i>
1	Ашан международная сеть	2	2
2	О'кей международная сеть	2	3
3	Метро международная сеть	4	4
Несетевые розничные точки			
<i>Итого несетевые розничные точки</i>		<i>80 778* (среднее)</i>	<i>2 700</i>
ИТОГО региональные сети, федеральные сети, международные сети, несетевые розничные точки		9 254	5 862

Примечание. Таблица составлена по: Рейтинг продуктового ритейла в Екатеринбурге. — URL: <https://ekb.dk.ru/wiki/reiting-produktovogo-riteyla>.

* Карх Д. А., Гаянова В. М., Фадеева З. О. Розничная торговля Свердловской области: проблемы логистики и интеграции// Управленец. — 2017. — № 5. — С. 104–110.

Так же необходимо отметить, что процесс цифровизации основательно внедрился в алкогольную отрасль. Государство обеспечило полный контроль алкогольной продукции от производителя до конечного покупателя. Сведения по алкоголю соби-

раются Единой государственной автоматизированной информационной системой (ЕГАИС). Усиливается контроль за другими группами товаров. меховые изделия прослеживаются налоговыми органами с помощью информационной системы «Маркировка». В 2020 г. список маркируемых товаров поступательно пополняется такой продукцией, как духи, туалетная вода, шины, покрышки, верхняя одежда, белье, фотокамеры, фотовспышки, обувные изделия¹. В дальнейшем планируется ввести маркировку на пиво, молоко, сельско-хозяйственных животных. Минэкономразвития планирует охватить для маркировки 35 категорий товаров к 2024 г.

Т а б л и ц а 2

Динамика общего объема оборота розничной торговли Свердловской области в 2012–2019 гг., %

2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	9 месяцев 2019 г.
19,8	20,9	23,4	25,1	27,5	29,9	32,3	34,1

Примечание. Таблица составлена по: *Стратегия* развития потребительского рынка Свердловской области на период до 2035 г. — URL: <https://mcxso.midural.ru/uploads/387-%D0%9F%D0%9F.pdf>; *Управление* Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. — URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/30401?print=1>.

Политико-правовые, административные новации, построенные на цифровых технологиях, не позволят продолжить предпринимательскую деятельность тем хозяйствующим субъектам, которые вели не добросовестный бизнес, не смогли минимизировать издержки перед вводом новых цифровых технологий, не смогли освоить информационно-коммуникационные технологии.

Специалисты предопределили, что дальнейшее расширение крупнейших сетей будет сопровождаться объединением, укрупнением рынка. В предыдущие годы трансформация розницы происходила на волне финансового, операционного преимущества. В настоящее время основной движущей силой локального потребительского рынка являются технологическое лидерство, ИКТ, Big DATA, омниканальная модель взаимодействия с покупателем. Субъекты локального потребительского рынка, применяющие инновационные технологии усилят свое преимущество.

Но в настоящее время на локальном потребительском рынке Свердловской области мы наблюдаем, что в период усиления, расширения сферы влияния правового поля контролирующих органов, хозяйствующие субъекты уменьшают затраты на инновации (с 2017 по 2018 г.) на 11,45 % (табл. 3). Так же наблюдается отсутствие инновационных высокотехнологичных технологий потребительского рынка Свердловской области в каталоге инновационной продукции, разработанной Министерством промышленности и науки Свердловской области и Технопарком высоких технологий Свердловской области «Университетский»².

¹ *Об утверждении* перечня отдельных товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации: распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2018 г. № 792-р; *Об утверждении* Правил маркировки табачной продукции средствами идентификации и особенностях внедрения государственной информационной системы мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, в отношении табачной продукции: постановление Правительства РФ от 28 февраля 2019 г. № 224.

² *Каталог* инновационной продукции Свердловской области. — URL: <http://mpr.midural.ru/docs/katalog-innovatsionnoy-produktsii-vysokotekhnologichnykh-predpriyatii-i-organizatsiy-sverdlovskoy-ob.php>.

**Динамика основных показателей инновационной деятельности организаций
Свердловской области**

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Сравнение 2018 г. с 2017 г., %
Затраты на инновации, млн р.:	41 385,3	29 384,8	39 854,9	52 623,1	45 038,7	39 880,5	-11,45
— технологические	40 872,9	28 834,8	39 669,4	52 454,1	44 762,0	39 781,2	-11,13
— маркетинговые	34,7	9,9	5,8	6,2	18,0	4,5	-75,00
— организационные	477,7	540,1	179,7	162,8	258,7	94,8	-63,36
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, оказанных услуг, %	6,4	5,9	7,3	8,4	10,3	6,9	-33,01

Примечание. Таблица составлена по данным *Федеральной службы государственной статистики* по Свердловской области и Курганской области. — URL: <https://sverdl.gks.ru>.

Как следствие, такая пассивность и бездеятельность приводит к снижению экономической безопасности предприятия. В период стагнации реальных доходов населения и сжатия потребительского спроса, хозяйствующие субъекты малого бизнеса сокращают расходы на инновационную деятельность (табл. 3). Это делает эффективность ведения бизнеса восприимчивой к экономическим угрозам, ставит в неравное положение с крупными федеральными хозяйствующими субъектами потребительского рынка.

Финансовая, технико-технологическая, информационная составляющие имеют первостепенное значение для хозяйствующих субъектов локального потребительского рынка отдаленных территорий. Для ведения торгового бизнеса стоит остро проблема непривлекательности провинциальных территорий с невысокой плотностью населения, небольшим покупательским спросом. В условиях цифровизации экономики малые хозяйствующие субъекты испытывают дефицит финансовых ресурсов, высокую стоимость приобретения необходимых технологий, трудности присоединения к цифровым коммуникациям.

В такой ситуации, Правительство Свердловской области утвердило перечень отдаленных и труднодоступных местностей и удаленных от сетей связи, на территориях которых организации и индивидуальные предприниматели вправе не применять контрольно-кассовую технику в режиме, не предусматривающем обязательной передачи фискальных документов в налоговые органы в электронной форме через оператора фискальных данных.

В данный перечень вошли почти 2 000 поселков и сел с числом жителей до 10 000 чел.

Данные территории имеют послабления по программе «Меркурий» и «Маркировка»¹.

¹ *Об утверждении* Перечня отдаленных или труднодоступных местностей Свердловской области, на территориях которых организации и индивидуальные предприниматели вправе не применять контрольно-кассовую технику при условии выдачи покупателю (клиенту) по его требованию документа, подтверждающего факт осуществления расчета между организацией или индивидуальным предпринимателем и покупателем (клиентом), и Перечня местностей, удаленных от сетей связи, на территориях которых пользователи могут применять контрольно-кассовую технику в режиме, не предусматривающем обязательной передачи фискальных документов в налоговые органы в электронной форме через оператора фискальных данных: постановление Правительства Свердловской области от 27 апреля 2017 г. № 307-ПП.

Чтобы не потерять конкурентоспособность, компании должны быть стремительными последователями инноваций. Отложенная цифровая трансформация отдаленных хозяйствующих субъектов локального потребительского рынка в будущем негативно отразится на их экономической безопасности. Без поддержки государства и правительства Свердловской области, бизнес в труднодоступных местностях безнадежно отстанет от стремительно развивающихся компаний на доступных территориях.

В эпоху цифровой экономики, цифровизации локального потребительского рынка основополагающее значение в экономической безопасности хозяйствующих субъектов одно из ключевых мест занимает кадровая составляющая.

Таблица 4

**Распределение затрат организаций Свердловской области
на информационные и коммуникационные технологии
(без субъектов малого предпринимательства)**

Показатель	2015	2016	2017	2018	Сравнение 2018 г. с 2017 г., %
Затраты организаций на информационные и коммуникационные технологии (ИКТ), всего:	100,0	100,0	100,0	10,00	
— на приобретение вычислительной техники и оргтехники	14,8	15,3	19,7	18,9	-4,06
— на приобретение телекоммуникационного оборудования	11,0	12,4	12,6	13,3	5,56
— на приобретение программного обеспечения:	12,2	16,5	14,6	15,8	8,22
— из них российского программного обеспечения	4,5	5,4	5	3,5	-30,00
— на оплату услуг связи	34,6	24,7	22,8	22,1	-3,07
— из них оплата доступа к сети Интернет	9,5	4,9	5,4	4,7	-12,96
— на обучение сотрудников, связанное с развитием и использованием ИКТ	1,5	0,5	1,2	0,2	-83,33
— на оплату услуг сторонних организаций и специалистов по ИКТ (кроме услуг связи и обучения)	21,0	25,7	23	22,8	-0,87
— из них на оплату услуг по предоставлению прав использования программного обеспечения и вычислительных ресурсов на внешних ЭВМ («облачных» сервисов)	1,2	0,8	0,6	0,5	-16,67
— прочие затраты	4,9	4,8	6,1	6,9	13,11

Примечание. Таблица составлена по данным *Федеральной службы государственной статистики* по Свердловской области и Курганской области. — URL: <https://sverdl.gks.ru>.

Распределение затрат организаций Свердловской области на информационные и коммуникационные технологии в табл. 4 показывает, что за последние несколько лет одновременно с ростом затрат организаций на информационные и коммуникационные технологии увеличились затраты на оплату услуг сторонних организаций и специалистов ИКТ. Так же прослеживается, что затраты на обучение сотрудников, связанные с развитием и использованием ИКТ снизились в несколько раз.

Недостаток квалифицированных специалистов, слабая мотивация персонала в повышении профессионального уровня в условиях инновационных перемен в отрасли угрожает экономической безопасности предприятия. Так же не исключена вероятность того, что ИТ-специалисты, не являющимися сотрудниками предприятия, могут самовольно проникнуть в систему информационных ресурсов предприятия. В связи с этим, неоспоримым условием экономической безопасности является повышение уровня подготовки кадров технических информационно-технологических специальностей на собственном предприятии. Сотрудники ИКТ могут повысить экономиче-

скую безопасность предприятия, применив, например, базовые операции с онлайн-кассой и ее фискальными данными. Возможности этого обязательного элемента для торговли и услуг самые разнообразные и даже разрабатываются под индивидуальную специфику предприятия. Программное обеспечение онлайн-касс может предоставить удаленный доступ руководителей к результатам деятельности магазина, анализировать продажи по товарным категориям и в разрезе каждого сотрудника, анализировать потребительские предпочтения, формировать налоговые отчетности, применять автономно работающие онлайн-кассы для курьеров, интегрировать онлайн-кассы с бухгалтерскими программами.

Как видим, в новых условиях конкуренции на локальном потребительском рынке усиливается волна технологических изменений, инноваций.

Экономическая безопасность предприятия становится более подверженной влиянию новых технологических баз экономических систем, основанных на использовании новейших достижений.

В таких условиях хозяйствующие субъекты локального потребительского рынка должны обратить внимание на диверсификацию рисков предпринимательской деятельности. Необходимо увеличивать число применяемых или готовых к применению инновационных технологий, расширять ассортимент выпускаемой продукции, увеличивать спектр предоставляемых услуг, ориентироваться на различные социальные группы населения, взаимодействовать со многими поставщиками для исключения зависимости от отдельных ненадежных поставщиков в новых условиях сертификации и маркировки продукции.

Воплощение в жизнь названных выше мер является важным обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов локальных потребительских рынков в условиях цифровизации экономики.

Библиографический список

1. Гранберг А. Г. Региональная экономика и региональная наука в Советском Союзе и России: доклад на 33-м Конгрессе Европейской ассоциации региональной науки // Регион: экономика и социология. — 1994. — № 1. — С. 16.
2. Дворядкина Е. Б. Локальный потребительский рынок товаров и услуг: теоретические аспекты и исследования // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2011. — № 6(38). — С. 98–104.
3. Минакир П. А. Системные трансформации в экономике. — Владивосток: Дальнаука, 2001. — 536 с.
4. Минакир П. А. Экономический анализ и измерения в пространстве // Пространственная Экономика. — 2014. — № 1. — С. 12–39.
5. Новикова Н. В. Понятийно-терминологический аппарат исследования локального потребительского рынка // Муниципалитет: экономика и управление. — 2012. — № 1(2). — С. 23–29.
6. Силин Я. П., Анимца Е. Г., Новикова Н. В. Уральский макрорегион: большие циклы индустриализации: монография / под науч. ред. С. Ю. Глазьева, С. Д. Бодрунова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-т, 2019. — 371 с.
7. Barnes J. A. Class and committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. — 1954. — Vol. 7, no. 1. — P. 39–58

СЕКЦИЯ 2

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. Л. Анисимов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Организационные проблемы реализации Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.

Аннотация. Проведен анализ Стратегии экономической безопасности России на период до 2030 г., утвержденной указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. С точки зрения общих основ управления и стратегического планирования выявлены основные проблемы организационного характера, определенные структурой анализируемого документа. В процессе авторского анализа представлен ряд соответствующих замечаний и рекомендаций.

Ключевые слова: стратегия; экономическая безопасность; классификация; система целей; комплекс задач; стратегическое планирование.

Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 утверждена Стратегия экономической безопасности России на период до 2030 года (далее — Стратегия). В документе представлен перечень основных вызовов и угроз экономической безопасности государства, а также целей, направлений и соответствующих задач в указанной сфере. Кроме того, в документе дана оценка состоянию экономической безопасности Российской Федерации, представлены этапы и основные механизмы реализации Стратегии. По мнению разработчиков данного документа Стратегия должна стать инструментом консолидации усилий органов власти всех уровней и соответствующих институтов гражданского общества, «...обеспечивающим экономическую безопасность государства в целях защиты и реализации стратегических национальных приоритетов России». В разделе «Общие положения» Стратегия представлена как «документ стратегического планирования», «разработанный в целях реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, определенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683». Исходя из вышеизложенного, рассмотрим данный документ (Стратегию) с позиций общей теории управления и концептуальных основ стратегического планирования¹.

Так, одним из наиболее эффективных инструментов, используемых при разработке подобного рода документов, является формирование общеизвестного «дерева целей» [3, с. 155], т. е. графического отображения целей и средств их достижения (читай — соответствующих задач). При этом, по мнению автора, одним из необходимых условий действенности подобного рода документов стратегического характера является обязательное структурирование его отдельных элементов по аналогии с методом структурирования проблемы [1; 4]. Это вызвано необходимостью их классификации в целях разработки в дальнейшем необходимого набора инструментов,

¹ Концептуальные основы стратегического планирования. — URL: <https://sci.house/biznes-scibook/tema-kontseptualnyie-osnovyi-strategicheskogo.html>.

которые будут использованы для достижения поставленных целей и реализации соответствующих задач. Отсюда следует, что вызовы и угрозы экономической безопасности Российской Федерации, представленные в Стратегии, следует не только перечислить, но и соответствующим образом классифицировать в зависимости, например, от их характера, что представлено автором в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

**Характер основных вызовов и угроз
экономической безопасности Российской Федерации**

Конкурентный характер	Структурный характер	Технологический характер	Пространственный характер	Управленческий характер	Социальный характер
Усиление глобальной конкуренции	Изменение структуры мирового спроса на энергоресурсы	Исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития	Неравномерность пространственного развития РФ	Недостаточно эффективное государственное управление	Усиление дифференциации населения по уровню доходов

Подобная классификация помогает лучшим образом представить и понять сущность вызовов и угроз подобрать (а в случае необходимости — разработать) наиболее адекватные инструменты (пути, методы) решения имеющихся или возникающих проблем (угроз, вызовов). Отметим, что в Стратегии представлен гораздо более широкий перечень вызовов и угроз, которые, тем не менее, соответствуют представленному в табл. 1 авторскому подходу, использование которого позволяет более эффективно решать одну из организационных проблем в сфере определения и распределения полномочий и компетенций органов власти того или иного уровня. В Стратегии также представлена система целей, основных направлений и задач, направленных на обеспечение экономической безопасности государства. При этом существующая система целей призвана:

- укреплять экономический суверенитет Российской Федерации;
- повышать устойчивость экономики от воздействия внешних и внутренних вызовов и угроз;
- обеспечивать экономический рост;
- поддерживать научно-технический экономический потенциал государства и конкурентоспособность российской экономики;
- поддерживать потенциал российского ОПК (оборонно-промышленный комплекс) на достаточном уровне обеспечения обороноспособности государства;
- повышать уровень и улучшать качество жизни населения.

Результаты авторской классификации указанных целей по временному признаку представлены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Классификация целей Стратегии по временному признаку

Долгосрочные	Среднесрочные	Краткосрочные	Текущие
Все перечисленные	Все перечисленные	Все перечисленные	Все перечисленные

Из табл. 2 можно сделать следующий вывод: указанные в Стратегии цели невозможно структурировать по соответствующим временным уровням [1; 4], так как пред-

ставленная система целей является явно неполной. Соответственно, имеющаяся редакция Стратегии не соответствует основным теоретическим представлениям стратегического управления¹.

В Стратегии также представлен перечень направлений политики государства в области обеспечения экономической безопасности государства. По мнению автора и с точки зрения основ теории управления перечисленные в Стратегии направления вполне могут быть обозначены как цели, для достижения которых требуется последовательное решения комплекса соответствующих задач.

Так, такое направление как «Развитие системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики» подразумевает решение комплекса соответствующих задач (перечисленных в Стратегии), в том числе:

- совершенствование системы стратегического планирования;
- совершенствование государственного контроля за осуществлением иностранных инвестиций в хозяйственные общества;
- оптимизация и налоговой нагрузки на хозяйствующие субъекты;
- совершенствование механизмов бюджетного планирования;
- использование механизмов проектной деятельности при решении задач обеспечения экономической безопасности;
- другие задачи, перечисленные в данном разделе Стратегии.

Аналогичным образом в Стратегии представлен ряд иных, не менее важных направлений, обеспеченных решением комплекса соответствующих задач. Однако практически все, указанные в Стратегии направления, одновременно являются текущими, краткосрочными, среднесрочными и долгосрочными, т. е. отсутствует их классификация (систематизация) по временному параметру, что не позволяет более эффективно и рационально распределить необходимые ресурсы для реализации перечисленных в Стратегии направлений, которые, по мнению автора, вполне допустимо представить как систему соответствующих целей — текущих, краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных. В качестве положительного момента следует отметить, что в Стратегии сформирована система управления рисками, представленная в виде совокупности соответствующих задач, анализ которых позволяет сделать вывод о том, что практически все задачи являются лишь текущими, что не вполне соответствует общетеоретическим представлениям о их классификации и систематизации в пространстве и во времени. Остается надеяться, что указанная структура и порядок ее функционирования будет достаточно адекватно сформирован (определен) Правительством Российской Федерации, как это и указано в Стратегии.

Представленные в следующем разделе Стратегии показатели состояния экономической безопасности автор, в целом, оставляет без комментариев с точки зрения теории управления и стратегического планирования, хотя можно отметить их достаточную полноту и значимость для оценки состояния экономической безопасности государства, тем более, что представленный перечень «может уточняться по результатам ее мониторинга». Одновременно заметим, что в Стратегии не выделены структурные элементы экономической безопасности государства, в том числе: технологическая, технико-производственная, финансовая, продовольственная, энергетическая, сырьевая, экологическая и информационная составляющие, что также не является положительным моментом².

¹ *Концептуальные основы стратегического управления и планирования.* — URL: <http://studik.net/konceptualnye-osnovy-strategicheskogo-upravleniya-i-planirovaniya>.

² *Структурные элементы экономической безопасности государства.* — URL: <http://newinspire.ru/1/2/25/1059-strukturnye-elementy-ekonomicheskoy-bezopasnosti-gosudarstva.html>.

Отдельно следует остановиться на пятом разделе Стратегии, посвященном этапам и основным механизмам ее реализации. Предполагается, что реализация Стратегии состоит из двух этапов, первый из которых (до 2019 г.) включает в себя разработку и реализацию мероприятий нормативно-правового, организационного и методического характера, а второй (до 2030 г.) направлен на реализацию мероприятий, связанных с нейтрализацией имеющихся (выявленных) вызовов и угроз экономической безопасности государства. С учетом того, что Стратегия утверждена в мае 2017 г., на первый этап отводится реально не более полутора лет, а на второй — 10 лет. По мнению автора, объективной необходимостью долгосрочного (стратегического) планирования является наличие промежуточного этапа (начало которого может быть определено 2023–2024 гг.), завершением которого должно быть достижение промежуточных (тактических) целей посредством решения соответствующих (тактических) задач. Такой подход продиктован самой логикой стратегического планирования, однако в Стратегии он отсутствует. Впрочем, данная проблема объективно предопределена самой структурой Стратегии — отсутствием структурированной системы целей (долгосрочных, среднесрочных, краткосрочных и текущих), хотя в документе нередко делается ссылка на некие «специальные и иные меры, разработанные в рамках стратегического планирования».

Что касается механизма [2, с. 148] реализации Стратегии (в документе речь идет даже не о механизме, а о неких «основных механизмах»), в документе представлен лишь общий перечень субъектов, обеспечивающих «реализацию настоящей Стратегии в соответствии со своей компетенцией» в порядке, «установленном Правительством Российской Федерации». В качестве положительного момента отметим, Правительством РФ Президенту РФ представляется ежегодный доклад о состоянии экономической безопасности государства, перечень мер по ее укреплению, а каждые шесть лет предполагается корректировать Стратегию по результатам мониторинга ее реализации. С точки зрения основ общей теории управления и стратегического планирования все вышеперечисленное достаточно сложно назвать механизмом, адекватно способствующим достижению целей, предусмотренных Стратегией, а именно обеспечить: экономический суверенитет страны; устойчивость национальной экономики; иммунитет к внешним и внутренним вызовам и угрозам; общественно-политическую стабильность; динамичное социально-экономическое развитие; достойные уровень и качество жизни населения.

Библиографический список

1. *Агалакова В. И.* Методы структурирования проблем и постановки целей на примере посещаемости ресторана // Современные научные исследования и инновации. — 2016. — № 1. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/01/62362>.
2. *Анисимов А. Л.* К вопросу о неопределенности термина «механизм» в экономических исследованиях // Экономика, общество, человек: теория, методология, реальность: сб. науч. публикаций: в 2 ч. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. — Ч. 2. — С. 147–152.
3. *Брыкалов С. М.* Основные принципы декомпозиции показателей и построения дерева целей промышленных предприятий // Экономика, управление, финансы: материалы IV Междунар. науч. конф. — Пермь: Зебра, 2015. — С. 154–157.
4. *Минто Б.* Золотые правила Гарварда и McKinsey. Правила магической пирамиды для делового письма / пер. с англ. А. Румянцева. — М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2004. — 192 с.

Уголовно-правовая защита персональных данных

Аннотация. Статья посвящена проблемам привлечения к уголовной ответственности по ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации. На основе анализа теоретических положений и судебной практики анализируется понятие «личная тайна», за распространение которой лицо привлекается к уголовной ответственности по данной статье.

Ключевые слова: уголовная ответственность; личная тайна; семейная тайна; персональные данные.

В соответствии с ч. 1 ст. 23 Конституции РФ каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей доброго имени и чести. Распространение, использование, хранение и сбор информации о частной жизни лица без его согласия могут повлечь к ответственности по ст. 137 УК РФ.

К сожалению, законодательство не содержит определений «частная жизнь», «личная или семейная тайна», тем самым затрудняется применение в практике данных норм. Имеющиеся в настоящее время определения носят, в основном, доктринальный характер, что дает возможность широко понимать данное понятие и возбуждать уголовные дела по различным основаниям [2].

Так, М. В. Баглай считает, что в частную жизнь входят те моменты личной жизни человека, которые он выбирает в силу своей свободы не делать достоянием обществу. Это своеобразный суверенитет личности, означающий неприкосновенность ее «среды обитания» [1, с. 181]. Г. Б. Романовский утверждает, что понятие «частная жизнь» включает в себя: круг людей, с которыми общается потерпевший, в том числе, вынужденные связи (с адвокатами, государственными и муниципальными служащими и т. д.), внутренний мир человека (личные переживания, убеждения, бытовые привычки, способы проведения досуга, хобби, образ домашней жизни), семейные и дружеские связи, религиозные взгляды [5, с. 63–65]. В некоторых учебниках по уголовному праву, в частности, под ред. И. А. Семенцовой, определение понятия «частная жизнь» вообще нет [6, с. 167–168]. Как правило, Комментарии к УК РФ характеризуют частную жизнь как поведение человека вне службы, вне производственной обстановки, вне общественного окружения в состоянии известной независимости от государства и общества и регулируется в основном нормами нравственности и морали [3, с. 265; 4]. В целом, все представленные учеными определения научно и практически обоснованы и отражают различные аспекты данного понятия.

На наш взгляд, особого внимания заслуживает понятие частной жизни, которое дано в определении Конституционного суда № 248-О от 9 июня 2005 г.: «Область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она не имеет противоправной направленности».

Федеральный закон от 27 июля 2007 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» с ст. 3 определяет персональные данные как любую прямо или косвенно относящуюся к физическому лицу информацию.

Практика судов общей юрисдикции показывает, что понятие личной тайны трактуется предельно широко, в связи с чем, привлечение к ответственности по ст. 137 УК РФ возможно за разглашение практически любых персональных данных. Отношение тех или иных сведений к личной тайне основывается на основании пока-

заний потерпевшего. В результате обзора судебной практики можно выделить следующие сведения, относящиеся к таковым:

1) Ф. И. О., паспортные данные, дата рождения — Постановление Стерлитамакского городского суда республики Башкортостан от 19 апреля 2012 г. по делу 1-249-12;

2) части тела людей, которые переодевались в примерочных кабинках — Постановление по делу № 1-96/2017 Волгоградского городского суда от 15 марта 2017 г.

3) интимные фотографии девушки, распространенные ее бывшим женихом в социальной сети «Друг Вокруг» на странице «Слеза Любви ж. 24» — Приговор от 22 июня 2017 г. суда г. Москвы по делу № 1-9/17;

4) медицинские карты из женской консультации с результатами анализов, снимками внутренних и наружных половых органов женщин¹;

5) отдельный e-mail или номер мобильного телефона, если он привязан к фамилии и имени человека — Решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-14902/2016-84-126.

На основании изложенного выше, можно сделать вывод, что сведения, относящиеся к частной жизни, личной тайне и персональным данным — это любые сведения, разглашение которых по мнению конкретного потерпевшего причиняет ущерб его чести, достоинству или репутации.

Как сказано в п. 2 и 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)», не относятся к личной тайне сведения, которые стали ранее общедоступными либо были преданы огласке по воле гражданина или им самим, или те сведения, которые могут быть собраны без его согласия по законодательству РФ.

Объективная сторона преступления по ст. 137 УК РФ представляет собой незаконный сбор и распространение информации, относящихся к персональным данным человека. Незаконными действия считаются, если совершены с любыми нарушениями процедуры, установленным законодательством.

Собирание сведений — получение информации любым способом: наблюдением, прослушиванием, опросом других лиц, в том числе с фиксированием данных с помощью аудио-, видео-, фотосредствами, копирования документированных сведений, а также путем похищения или иного их приобретения. Распространение сведений — это сообщение информации хотя бы одному человеку в устной, письменной или других формах и любыми способами передачи данных или размещение в информационно-телекоммуникационных сетях. Преступление считается оконченным с момента собирания или распространения. Данные действия должны представлять общественную опасность, как необходимый признак любого преступления.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает, что незаконно собирает или разглашает сведения, содержащие личную тайну или иные персональные данные, без согласия лица, и желает этого.

В Свердловской области периодически возникают ситуации, что сотрудник полиции или диспетчер скорой помощи сообщает в организацию, которая занимается похоронами граждан, о факте смерти человека по конкретному адресу. Подобная услуга оценивается 5–10 тыс. за одно сообщение. Раньше, чем полиция и скорая помощь по адресу прибывают сотрудники похоронной организации, и, используя тяжелую жизненную ситуацию, вынуждают родственников покойного заключить договор на оказа-

¹ *Куприянова В. Н.* Статьи 137 и 138 УК РФ: нарушение неприкосновенности частной жизни. — URL: <http://juresovet.ru/stati-137-i-138-uk-rf-narushenie-neprikosnovennosti-chastnoj-zhizni>.

ние таких услуг на крайне невыгодных для себя условиях. Подобные действия представляют общественную опасность, и должны, на наш взгляд, влечь уголовную ответственность по ст. 137 УК РФ, для диспетчеров и сотрудников дежурной части.

Библиографический список

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. — М.: Норма, 2009. — 816 с.
2. Кольчурин И. В. О содержании понятия «частная жизнь» в российском конституционном и уголовном праве // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч. конф. (Пермь, март 2012 г.). — Пермь: Меркурий, 2012. — С. 120–121.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. — 15-е изд. доп. и испр. — М.: Юрайт, 2017. — 1077 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Чучаева. — М.: Проспект, 2018. — 1349 с.
5. Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни. — М.: МЗ-Пресс, 2001. — 309 с.
6. Семенова И. А. Уголовное право: учебник. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. — 314 с.

О. Г. Бельдина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Механизм блокчейн-регистрации: новый сценарий безопасного хранения прав

Аннотация. Рассматривается применение блокчейн-технологии при регистрации прав и активов как безопасный способ хранения информации в распределенных реестрах. Выделены недостатки и достоинства блокчейн-регистрации, сделан вывод о необходимости введения распределенных реестров при регистрации прав и активов.

Ключевые слова: блокчейн; распределенные реестры; хэш-код; транзакции; токен; передача прав; передача активов.

Блокчейн (транслитерация от англ. *blockchain* — цепочка блоков) представляет собой одну из наиболее обсуждаемых технологий последних лет. Причем дискуссии о перспективах ее применения уже вышли за рамки технических и коммерческих кругов и стали предметом рассмотрения на государственном уровне [3]. Данная технология представляет собой децентрализованную базу, которая содержит данные о всех совершенных транзакциях в отношении определенного актива. Если говорить о преимуществах, то фактически все авторы указывают такие как: децентрализация, повышенная степень безопасности, оперативность, невозможность изменения данных задним числом, а так же прозрачность [3].

Для точного понимания механизма правового регулирования необходимо пояснить, что выделяют два вида блокчейна: первый — это публичный [1], т. е. система, к которой может присоединиться любой пользователь, который будет обладать равными правами по доступу к сведениям, отсутствует администратор, который бы обладал особыми правами. Второй — это частная технология блокчейн, представляет закрытую систему и контролируется специальным лицом.

Для регистрации прав и активов применяется частный, так и публичный блокчейн, например, уже это успешно делает Сбербанк РФ (например, распределенный документооборот). Применение блокчейна в данной сфере востребовано в силу свойств распределенных реестров: достоверности записей и невозможности произ-

вольной отмены. Прежде всего, блокчейн может быть использован для таких юридических фактов, которые требуют волеизъявления сторон: в основном, это распорядительные сделки. Например, «цветные» монеты в протоколе Bitcoin применяются для передачи прав на активы¹. «Цветные» монеты можно использовать для передачи любых активов, но для этого в рамках блокчейна должна быть создана поддерживающая инфраструктура. Пользователи должны понимать, что значит каждый «цвет», и как именно он хранится в биткойн-протоколе². «Окрашивание» значит, что к криптовалюте присоединяется еще некая информация, которая поможет идентифицировать, например, биткойны для представления иных вещей.

Вне зависимости от сферы применения, функциональное назначение блокчейна заключается в подтверждении воли пользователей при совершении транзакции. Это становится возможным за счет создания новых блоков, которые входят в криптографической связи с предшествующими блоками цепочки, при этом технические характеристики блокчейна позволяют обеспечивать неприкосновенность хранения данных, а при необходимости — передачу информации и ее верифицируемые изменения [2, с. 61].

В зависимости от функционального назначения блокчейн-реестры могут использоваться для подтверждения юридических фактов или хранения данных³. В отличие от традиционных реестров хранения контроль за записями осуществляет все сообщество пользователей. Для того, чтобы внести записи в новые блоки, необходим будет консенсус пользователей. Повышенная надежность хранения данных и высокая скорость их передачи обеспечивают эффективность использования данной технологии. В настоящее время существует два варианта регистрации прав и активов в распределенных реестрах.

Первый вариант — это реестр активов: запись в блокчейне представляет собой актив и существует в виде токена. При этом токен не является правом требования или реальным активом, но обладает собственной ценностью [4]. Любая виртуальная валюта будет примером таких прав. Каждая из валют обладает собственной ценностью и выражается в единицах измерения. Информация об операциях с такими валютами регистрируется в распределенных реестрах. Изменения в отношении реальных обязательств не происходит. Информация в блокчейне сама является ценностью, соответственно пользователи заинтересованы в ее хранении и безопасной передаче.

Второй вариант — это реестр прав. В некоторых случаях передача некоторого символа означает право требования реального актива. В данном варианте регистрируемое право противопоставлено обязанностям третьих лиц. Регистрируемая в блокчейне сделка корреспондирует реальному праву и обязанности. Например, использует блокчейн для этих целей платформа Ripple, предлагающая услуги по регистрации в блокчейне права требования⁴. Сервис даже предлагает альтернативу корреспондентским счетам, которые обычно используют в межбанковских расчетах⁵.

¹ Swenson T. Smart Property, Colored Coins and Mastercoin. — URL: <https://www.coindesk.com/smart-property-colored-coins-mastercoin>.

² Что такое «Цветные монеты» и почему они так важны. — URL: <https://bitnovosti.com/2014/06/02/could-this-holy-bitcoin-trinity-revive-colored-coins>.

³ Lewis A. The Emergence of Blockchains as Activity Registers. — URL: <https://www.coindesk.com/emergence-blockchains-activity-registers>.

⁴ Chris Larsen on theInternet of Value. — URL: [http:// https://ripple.com/insights/chris-larsen-on-the-internet-of-value](http://https://ripple.com/insights/chris-larsen-on-the-internet-of-value).

⁵ Blockchain in Financial Services: Not Yet Plug and Play 2020. — URL: <https://www.brinknews.com/blockchain-in-financial-services-not-yet-plug-and-play>.

Токен может подтверждать право собственности на объект недвижимости. Как было упомянуто выше, например, в протоколе Bitcoin подобная функция реализуется через «цветные» монеты. Блокчейн подтверждает право собственности конкретного пользователя, причем в основу транзакции положена информация о реальной сделке.

В пользу безопасности верификации, помимо названных достоинств, говорит еще и присвоение каждой записи уникального хэш-кода, что позволяет подтвердить достоверность информации на конкретный момент времени. Помимо того, действительность записи подтверждается всеми сторонами регистрируемой в блокчейне транзакции.

Если говорить об областях применения данной безопасной технологии, то уже эффективные сценарии внедрены в следующие сферы:

1) публичные записи (записи о праве собственности, регистрация сделок с автомобилями, регистрация фактов рождения и смерти, фиксация результатов голосования и др.);

2) регистрация материальных активов (ценные бумаги, патенты, товарные знаки, лицензии и т. п.);

3) финансовый учет (облигации, учет вкладных и ссуд, кредитов и т. п.).

Блокчейн-регистрация, как безопасный инструмент унификации реестров, приводит к упрощению процедуры регистрации, ускорит гражданско-правовой оборот, гарантирует охрану прав.

Любой юрист знает, как значима возможность подтвердить принадлежность активов для оборота. Блокчейн-регистрация дает такую возможность. Современные решения позволят унифицировать режимы регистрации прав и активов, вывести оборот на совершенно новый уровень. Необходимо выделить только некоторые из плюсов внедрения такой системы:

1) повышение прозрачности регистрируемых данных, причем отражение всей истории перехода прав;

2) децентрализованные реестры ускоряют процесс обработки информации;

3) повышение финансового контроля и надзора (прозрачность совершения операций);

4) экономия на услугах посредников¹.

Но если бы были одни плюсы, то все бы государства мира начали применять данную технологию. Поэтому надо разобраться с отрицательными сторонами вопроса.

Первый и ключевой вопрос связан с определением юрисдикции. Так как реестры блокчейна носят децентрализованный характер, то могут возникнуть проблемы с применением права, которое необходимо в случае юридической защиты, определения объема прав и обязанностей, а так же ответственности.

Еще одним вопросом является идентификация пользователей. Этот вопрос является ключевым, так как определение статуса пользователей необходимо для совершения регистрационных действий. Хотя сегодня этот вопрос может быть разрешен конкретной платформой.

По мере распространения блокчейн-регистрации пользователи не должны забывать о том, что по умолчанию распределенный реестр является публичным, его данные доступны всем пользователям. Поэтому ограничить доступ к распределенным реестрам может только государство.

Таким образом, блокчейн-технология является прогрессивным инструментом, который может превратиться в идеальную технологию в рамках регистрации прав.

¹ Lewis A. The Emergence of Blockchains as Activity Registers. — URL: <https://www.coindesk.com/emergence-blockchains-activity-registers>.

Блокчейн может стать надстройкой или же самостоятельной системой регистрации. Внедрение такой системы может привести к снижению издержек и усовершенствованию процессов регистрации.

Библиографический список

1. *Бондарчук Д.* Криптовалюту, майнинг и смарт-контракты легализуют. Как это отразится на юридической работе? // ЭЖ-Юрист. — 2018. — № 6. — С. 1–2.
2. *Иванов А. Ю.* Блокчейн на пике хайпа: правовые риски и возможности. — М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. — 237 с.
3. *Савельев А. И.* Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по Российскому праву // Закон. — 2017. — № 5. — С. 94–117.
4. *Федоров Д. В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. — 2018. — № 2. — С. 30–74.

Е. О. Бондарь, М. Н. Бобылева

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, г. Москва

Противодействие незаконному использованию товарного знака в рамках Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.

Аннотация. В условиях развития рыночной экономической системы большое внимание уделяется индивидуализации товара производителя. Товарный знак является объектом интеллектуальной собственности, который подлежит правовой охране органами государственной власти. Авторами рассматривается деятельность субъектов противодействия незаконному использованию товарного знака в рамках Стратегии экономической безопасности РФ.

Ключевые слова: товарный знак; интеллектуальная собственность; правообладатель; индивидуализация; межведомственное взаимодействие.

Во все времена обеспечение экономической безопасности стояло на ведущем месте. Огромное внимание к экономической безопасности в стране обусловлено тем, что безопасность государства в целом неразрывно связано с экономическим благополучием страны, а в первую очередь развитием торговых отношений. Также необходимо отметить, что развитие военного потенциала и обеспечение общественной безопасности, также неразрывно связано с экономическими процессами.

Основоположником определения экономической безопасности считается Ф. Д. Рузвельт. В 1934 г. по указу американского президента был создан Федеральный комитет по экономической безопасности. В это время составляющими категориями экономической безопасности являлись далеко не глобальные процессы, а наоборот, наиболее мелкие, а именно данный комитет занимался обеспечением экономической безопасности конкретных лиц, а именно, частные лица и домохозяйств.

Под экономической безопасностью в широком смысле понимается состояние защищенности экономики от внутренних и внешних угроз. Существует несколько подходов к понятию «экономическая безопасность» в узком смысле.

В. Л. Тамбовцев считает, что экономическая безопасность системы — это «совокупность свойств состояния ее производственной подсистемы, обеспечивающая возможность достижения целей всей системы» [3, с. 7].

Л. И. Абалкин под экономической безопасностью понимает «состояние экономической системы, которое позволяет ей развиваться динамично, эффективно и решать социальные задачи и при котором государство имеет возможность вырабатывать и проводить в жизнь независимую экономическую политику» [1, с. 54].

По мнению А. Архипова, А. Городецкого, Б. Михайлова, под экономической безопасностью понимается способность экономики обеспечивать эффективное удовлетворение общественных потребностей на национальном и международном уровне. То есть «экономическая безопасность — это совокупность внутренних и внешних условий, благоприятствующих эффективному динамичному росту национальной экономики, ее способности удовлетворять потребностям общества, государства и индивида, обеспечивать конкурентоспособность на внешних рынках и гарантировать защиту от различных угроз и потерь» [2, с. 38].

Нормативное определение экономической безопасности содержится в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. Так под экономической безопасностью понимается состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

Целью экономической безопасности является обеспечение устойчивого экономического развития страны для удовлетворения социально-экономических потребностей граждан при оптимальных затратах труда и природопользования сырьевых ресурсов.

Деятельность государства в сфере обеспечения экономической безопасности осуществляется по следующим направлениям:

- 1) развитие системы государственного управления, прогнозирования и планирования в сфере экономики;
- 2) обеспечение экономического роста;
- 3) создание экономических условий для разработки и внедрения современных технологий, стимулирования инновационного развития, а также совершенствование нормативно-правовой базы в этой сфере;
- 4) развитие национальной финансовой системы;
- 5) региональное экономическое развитие, укрепление единства экономического пространства;
- 6) укрепление внешнеэкономического международного взаимодействия;
- 7) обеспечение экономической безопасности;
- 8) развитие человеческого потенциала.

В рамках создания экономических условий для разработки и внедрению инновационных технологий перед государством стоит задача в сфере совершенствования правовых и административных механизмов защиты интеллектуальной собственности и прав российских правообладателей в сфере промышленной собственности.

Законодательное определение интеллектуальной собственности содержится в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) в ст. 1225. Под интеллектуальной собственностью понимается сами результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. В данной статье приведен исчерпывающий перечень объектов интеллектуальной собственности, в число которых входит товарный знак и знаки обслуживания. На результаты интеллектуальной деятельности средств индивидуализации распространяется исключительное право, которое предоставляет правообладателю пользоваться и распоряжаться средством индивидуализации или результатом интеллектуальной деятельности, а также разрешать или запрещать использование данных объектов третьим лицам.

В условиях происходящих глобализационных процессов в мире обеспечение роста экономического потенциала страны напрямую зависит от развития международных отношений и внешнеэкономической деятельности страны. Незаконное использование товарного знака как средства индивидуализации подрывает международный авторитет страны, что препятствует налаживанию внешнеэкономической торговли и росту теневой экономики, которая никак не контролируется государством.

Законодательное определение товарного знака содержится в ст. 1477 ГК РФ. Под товарным знаком понимается обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Подтверждением исключительного права на использование товарного знака является свидетельство регистрации товарного знака. Чтобы получить свидетельство на товарный знак и обеспечить его правовую охрану необходимо зарегистрировать товарный знак в Федеральной службе по объектам интеллектуальной собственности (Роспатент). Роспатент является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющий контроль и надзор в сфере правовой охраны объектов интеллектуальной собственности и результатов интеллектуально деятельности. В рамках противодействия незаконному использованию товарного знака Роспатент реализует полномочия по государственной регистрации исключительного права на использование товарного знака, а также продлению, отчуждению и прекращению действия свидетельства об исключительном праве на правовую охрану товарного знака.

Одним из средств противодействия незаконному использованию товарного знака являются административно-правовые средства. Административные средства чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Они применяются на уровне не столько центральных (федеральных) правительств, сколько штатов и земель (в федеративных государствах), провинций и регионов (в унитарных государствах), а также местных (муниципальных) органов.

Характерными чертами административно-правовых средств является комплексное применение правовых средств властного воздействия органов исполнительной власти на субъекты, осуществляющие деятельность; имеет обязательное правовое обоснование и регламентацию.

Наконец, к административным средствам относятся различного рода стандарты и нормы, которые нередко находятся на стыке экономики, техники и экологии (например, максимально допустимые нормы содержания тех или иных вредных веществ в пищевых продуктах или выбросов вредных веществ в атмосферу и окружающую среду в целом).

Наряду с административно-правовыми в госрегулировании используются экономические финансовые и денежно-кредитные, а также государственная собственность и внешнеэкономический инструментарий. Последние в отличие от первых воздействуют не на рамочные условия хозяйствования (экономический строй), а на протекание процесса воспроизводства в народном хозяйстве, на темпы и пропорции (отраслевые, региональные и др.) этого процесса.

В рамках реализации направления по обеспечению правовой защиты на средства индивидуализации субъектами противодействия незаконному использованию товарного знака принимаются различные нормативные правовые акты. Деятельность по предупреждению нарушения исключительного права на использование товарного знака представляет собой комплекс правовых и административно правовых средств. Для достижения цели, определенной Стратегией экономического развития РФ на период до 2030 г. необходимо поддержание межведомственного взаимодействия между субъектами противодействия незаконному использованию товарного знака. Проведение

ние совместных рабочих встреч, конференций, семинаров и совещаний, способствуют комплексному решению проблемы, с учетом мнений различных ведомств.

Таким образом, принятие Стратегии направлено на формирование и реализацию государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности на федеральном, региональном, муниципальном и отраслевом уровнях. Достижение поставленных целей реализации государственной политики в сфере противодействия незаконному использованию товарного знака возможно путем комплексного применения правовых и административно правовых средств, а также путем межведомственного взаимодействия субъектов противодействия незаконному использованию товарного знака.

Библиографический список

1. *Абалкин Л. И.* Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. — 2009. — № 12. — С. 38–41.
2. *Архипов А., Городецкий А., Михайлов Б.* Экономическая безопасность: оценки, проблемы, способы обеспечения // Вопросы экономики. — 1994. — № 12. — С. 36–44.
3. *Тамбовцев В. Л.* Экономическая безопасность хозяйственных систем // Вестник Московского университета. — 2005. — № 3. — С. 3–9.

В. А. Галицков

Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург

Экстренное нормо- и правотворчество, а также правоприменение в особых условиях как мера обеспечения экономической и иных видов безопасности в Российской Федерации

Аннотация. Проведен обзорный анализ по разработке, принятию и исполнению отдельных нормативных правовых актов и иных правовых мер в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, экономической безопасности и поддержки на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

Ключевые слова: нормотворческий процесс; законодательная деятельность; принятие правовых мер в особых условиях; новая коронавирусная инфекция.

Особые условия требуют особых мер. Так, в период с марта по май 2020 г. включительно на территории Российской Федерации активно предпринимаются действия по минимизации и снижению рисков распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Следует, безусловно, понимать, что и сами обстоятельства, и предпринимаемые меры являются беспрецедентными. Правовой режим, установленный в указанный период, не имеет аналогов в обозримом прошлом и настоящем. Впервые ограничительные меры различного порядка применялись не только на основе федеральных законов, но и актов иной юридической силы.

Президентом Российской Федерации в рамках ст. 80 Конституции РФ¹ были установлены, а в последующем продлевались нерабочие дни с сохранением за работниками заработной платы для широкого спектра предприятий и учреждений.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ).

Были расширены полномочия для высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по реализации меры, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

К примеру, указанный круг лиц наделен правом:

— определять в границах соответствующего субъекта Российской Федерации территории, на которых предусматривается реализация комплекса ограничительных и иных мероприятий, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, в том числе в условиях введения режима повышенной готовности, чрезвычайной ситуации;

— приостанавливать (ограничивать) деятельность находящихся на соответствующей территории отдельных организаций независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, а также индивидуальных предпринимателей, исключения предусмотрены в соответствующем Указе Президента (п. 4 и 5);

— устанавливать особый порядок передвижения на соответствующей территории лиц и транспортных средств, за исключением транспортных средств, осуществляющих межрегиональные перевозки¹.

Несмотря на то, что указанные ограничительные меры напрямую затрагивают ряд конституционных прав и свобод граждан, а в соответствии со ст. 55 Конституции РФ они могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства именно такая практика «расширения» полномочий высших должностных лиц субъектов России и «вертикализации» публичной власти видится наиболее оптимальной с точки зрения принятия экстренных мер, их проводимости и исполнения. Безусловно, вопрос об эффективности и справедливости указанных мер можно будет определять лишь по прошествии значительного периода времени. Равно как и оценивать экономические последствия как в части микроэкономики каждого гражданина и семьи, так и макроэкономических процессов субъектов, государства и мирового сообщества.

В рамках реализации мер указа Президента РФ № 239 Губернатором Свердловской области был принят Указ «О введении на территории Свердловской области режима повышенной готовности и принятии дополнительных мер по защите населения от новой коронавирусной инфекции» данный нормативный правовой акт на период с 18 марта 2020 г. по 9 мая 2020 г. имеет 18 редакций² что свидетельствует об интенсивности принимаемых мер. Надо отметить, что это лишь частный пример одного указа из десятка принятых в новых правовых условиях и реалиях, предметом регулирования которого становятся как конституционные права граждан, так и отдельные гарантии и меры поддержки населения и отдельных категорий лиц. В частности, к данному ряду относятся и указы:

— о предоставлении грантов в форме субсидий на дополнительные выплаты стимулирующего характера за особые условия труда и дополнительную нагрузку медицинским работникам, оказывающим медицинскую помощь гражданам, у которых

¹ *О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239.*

² *О введении на территории Свердловской области режима повышенной готовности и принятии дополнительных мер по защите населения от новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV): указ Губернатора Свердловской области от 18 марта 2020 г. № 100-УГ (ред. от 9 мая 2020 г.)*

выявлена новая коронавирусная инфекция, и лицам из групп риска заражения новой коронавирусной инфекцией¹;

— о предоставлении мер имущественной поддержки юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям;

— об утверждении перечня должностных лиц исполнительных органов государственной власти Свердловской области, имеющих право составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (особенностью которого является его срочность — срок действия ограничен 31 декабря 2020 г.)².

Вместе с тем, обратимся к мерам экономического порядка и особенностям их принятия на федеральном уровне.

Правительство РФ и высшим органам исполнительной власти субъектов РФ расширили полномочия на 2020 г. В частности, Правительство РФ получило право в 2020 г. приостанавливать, отменять или переносить на более поздний срок мероприятия налогового контроля, а также приостанавливать течение сроков, предусмотренных НК РФ (подп. «б» п. 1 ст. 1 Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 102-ФЗ).

Также предоставлены дополнительные полномочия высшим исполнительным органам власти субъектов РФ для продления сроков уплаты региональных и местных налогов и торгового сбора, если указанные сроки не были продлены либо предусмотрены более ранние сроки их уплаты Правительством РФ. Правительство РФ установило особый порядок проведения в 2020 г. проверок в отношении юридических и индивидуальных предпринимателей (в рамках осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, предусмотренного Законом о защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей³). При этом разделило всех лиц, на которых распространяется данный порядок, на две группы. В первую группу вошли субъекты среднего и малого предпринимательства, которые включены в реестр СМП, а также некоммерческие организации, среднесписочная численность работников которых за 2019 г. не превышает 200 чел. (за исключением политических партий и НКО, включенных в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента). Во вторую группу вошли все иные юридические лица и индивидуальные предприниматели.

В указанный период практика принятия поручений Правительства Российской Федерации также приобрела дополнительную интенсификацию, так Главный государственный санитарный врач РФ обязал регионы (за исключением г. Москвы), в частности, ограничить проведение массовых мероприятий и обеспечить соблюдение противоэпидемического режима в образовательных организациях. Председатель Правительства РФ, в частности, поручил временно приостановить размещение в санаториях, работу курортных объектов массового отдыха. Введено временное ограничение дви-

¹ *О предоставлении* грантов в форме субсидий на дополнительные выплаты стимулирующего характера за особые условия труда и дополнительную нагрузку медицинским работникам, оказывающим медицинскую помощь гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция, и лицам из групп риска заражения новой коронавирусной инфекцией: указ Губернатора Свердловской области от 7 апреля 2020 г. № 162-УГ (ред. от 6 мая 2020 г.).

² *Об утверждении* перечня должностных лиц исполнительных органов государственной власти Свердловской области, имеющих право составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 20.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: указ Губернатора Свердловской области от 23 апреля 2020 г. № 213-УГ.

³ *О защите* прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федер. закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ (ред. от 1 апреля 2020 г.).

жения через пункты пропуска на государственной границе РФ, а также через сухопутный участок российско-белорусской границы: автомобильные, железнодорожные, пешеходные, речные и смешанные пункты пропуска. Обозначенный спектр мер, лишь малая толика того, что принимается в текущем времени при обстоятельствах повышенной готовности к режиму чрезвычайной ситуации. Многие учреждения избрали новые способы приема и рассмотрения обращений граждан [3, с. 68], арбитражный судебный процесс выходит на практику дистанционного рассмотрения дел и принятия решений.

Проведенный анализ мер свидетельствует о стремительности их принятия, именно поэтому законодательный порядок, где необходимо прохождение целого ряда процедурных этапов видится усложненным. Более того в условиях отсутствия легитимных¹ оснований для проведения «удаленного» [1, с. 13] «электронного» или «дистанционного» голосования [2, с. 31] по проектам законов в представительных органах государственной власти фактически делает эту процедуру неосуществимой в условиях карантинных процессов. Оставляя за пределами анализируемых в статье обстоятельств вопрос о конституционности мер следует, пожалуй, признать, что именно такой порядок обеспечивает оперативность их проведения в жизнь. Однако только по прошествии времени можно будет давать взвешенную оценку и выработанным порядкам, и их своевременности и необходимости.

Библиографический список

1. *Гонтарь С. Г.* Электронное голосование — новая возможность участия граждан в формировании органов власти // Государственная власть и местное самоуправление. — 2019. — № 4. — С. 29–33.
2. *Карасев А. Т., Меццягина В. А.* Соотношение конституционного права на обращение с политическими правами и свободами // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 3. — С. 66–70.
3. *Савоськин А. В.* Способы подачи электронных обращений в России (проблемы правового регулирования и практики) // Информационное право. — 2016. — № 3. — С. 12–16.

¹ *О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва: федер. закон от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ*

Проблемы квалификации предпринимательской деятельности в контексте экономической безопасности

Аннотация. Рассматриваются проблемы квалификации деятельности в качестве предпринимательской, раскрываются критерии отнесения тех или иных сделок к предпринимательским. На основании анализа действующего законодательства и правоприменительной практики предлагаются изменения в ст. 2 ГК РФ в части дефиниции предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; признак предпринимательской деятельности; направленность на систематическое получение прибыли; предпринимательская сделка.

Предпринимательство как социальное явление выступает в качестве одной из форм экономической деятельности. Пройдя огромный путь становления и развития предпринимательская деятельность стала необходимым атрибутом рыночной экономики. Развитость основных институтов предпринимательства обуславливает состояние экономической безопасности в нашем государстве. Под экономической безопасностью понимается «такое состояние экономики и готовность институтов власти, при которых обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам и воздействиям, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал» [1, с. 18]. Экономическая безопасность страны обеспечивается прежде всего предпринимательством, которое наряду с защитными мерами, осуществляемыми государством, должно защищать само себя на основе организации и производства, высокой производительности труда, конкурентоспособности и других факторов [3, с. 72]. Поэтому правильная квалификация той или иной деятельности в качестве предпринимательской не только обеспечивает стабильность экономической безопасности в стране в целом, но и предопределяет экономическую безопасность хозяйствующих субъектов.

В силу своей значимости предпринимательство рассматривается как экономическая, социальная, философская, управленческая, культурологическая категория. Следует констатировать, что во всех отраслях научных знаний нет единого мнения по поводу понятия и содержания предпринимательства. Нет единого мнения и в юриспруденции [5, с. 216–283]. Однако в отличие от иных отраслей науки юриспруденция сохранила легальную дефиницию предпринимательской деятельности.

Исходя из анализа ст. 34 Конституции РФ¹ предпринимательство является видом экономической деятельности. В ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации² (ГК РФ) закрепляется определение предпринимательской деятельности. Согласно данной норме предпринимательская деятельность — это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Следует отметить, что в 2017 г. в ст. 2 ГК РФ была откорректирована рассматриваемая дефиниция, путем исключения формального признака — государ-

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16 декабря 2019 г.).

ственной регистрации предпринимателя. Однако обязанность по государственной регистрации предпринимателя не исключена из ст. 2 ГК РФ, а закреплена в отдельном предложении¹. Представляется, что это правильное законодательное нововведение, поскольку отсутствие государственной регистрации предпринимателя не приводит к утрате его деятельности качества предпринимательской, а лишь делает ее нелегальной [4, с. 102]. Поэтому отсутствие государственной регистрации предпринимателя не означает, «что деятельность гражданина не может быть квалифицирована в качестве предпринимательской, если по своей сути она фактически является таковой»².

Отсутствие государственной регистрации предпринимателя влечет негативные юридические последствия в виде административной (ст. 14.1 КоАП РФ) или уголовной ответственности (ст. 171 УК РФ), за исключением случаев, предусмотренных законом (абз. 2 п. 1 ст. 23 ГК РФ). Кроме того, если гражданин осуществляет предпринимательскую деятельность без государственной регистрации, то он не вправе ссылаться в отношении заключаемых им при этом сделок, на то, что не является предпринимателем (п. 4 ст. 23 ГК РФ). Таким образом, фактическое осуществление гражданином предпринимательской деятельности влечет применение к нему гражданско-правовых последствий как к предпринимателю.

Подобную норму сдержит и налоговое законодательство в отношении налоговых обязанностей (абз. 4 п. 2 ст. 11 НК РФ). Причем это правило применяется не только в отношении деятельности в целом, но и в отношении отдельных действий. Например, индивидуальный предприниматель, занимающийся оптово-торговой деятельностью, совершает сделку по продаже принадлежащего ему нежилого помещения. Должна ли данная сделка признаваться предпринимательской или же считаться в качестве акта реализации субъективного правомочия собственника? Следовательно, можно ли на такую сделку распространить режим налогообложения, установленный для предпринимателей? Отсюда и следует «раздвоение» статуса гражданина, обладающего статусом индивидуального предпринимателя, соответственно, на «гражданина» и «предпринимателя». В результате этого появляются оригинальные конструкции договора купли-продажи автомобиля, заключаемые между одним и тем же человеком, который, с одной стороны выступает как индивидуальный предприниматель, а с другой — как физическое лицо. Очевидно, что такие договоры вызывают, как минимум, недоумение у сотрудников регистрационных подразделений ГИБДД. Подобное «раздвоение» статуса индивидуального предпринимателя встречается и в судебной практике. Так, в решении Арбитражного суда г. Москвы указывается, что «индивидуальный предприниматель и физическое лицо это разные субъекты права»³. Подобное «раздвоение» встречается и в практике высшей судебной инстанции⁴. Вместе с тем, как было отмечено Конституционным судом РФ, юридически имуще-

¹ О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 26 июля 2017 г. № 199-ФЗ.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.2012 № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта „в“ части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона „О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации“ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 1. — Ст. 78.

³ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 21 декабря 2015 г. Дело № А40-208630/15-121-1729. — URL: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4f6f2bef-b1cb-44fb-b162-7e86d78c02ed/a0df4cfa-3b40-498c-b0b9-73a7-ee41337d/A40-208630-2015_20151221_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.

⁴ Латышев А. Еще раз о «предпринимательской шизофрении», на сей раз поддержанной Верховным Судом. — URL: https://zakon.ru/blog/2014/11/11/eshhe_raz_o_predprinimatelskoj_shizofrenii_na_sej_raz_podderzhanno_j_verhovnym_sudom.

ство индивидуального предпринимателя, используемое им в личных целях, не обособляется от имущества, используемого для осуществления предпринимательской деятельности¹. Поэтому недопустимо разделение правового статуса субъекта на: физическое лицо и индивидуального предпринимателя.

Однако вернемся к поставленному выше вопросу по поводу квалификации сделки по продаже нежилого помещения, совершенной предпринимателем. Судебная практика неоднозначно подходит к его решению, но наметились тенденции правоприменительной унификации. Так, если ранее суды указывали, что предпринимательской является деятельность по сдаче нежилых помещений в аренду, а продажа нежилого помещений носит разовый характер и выступает в качестве акта осуществления собственником правомочия по распоряжению имуществом². То в настоящее время в практике Верховного суда РФ наметилась тенденция признания за такими сделками предпринимательского характера. В обоснование своей позиции суд ссылается на характер реализуемого имущества. В частности, указывается, что нежилые помещения приобретались для осуществления предпринимательской деятельности³, сдавались в аренду длительный период и не предназначались для личных нужд⁴, использовались в предпринимательской деятельности⁵, реализованное недвижимое имущество находилось в собственности лица непродолжительный период времени⁶, одним из видов разрешенного использования земельного участка, на котором находится нежилое помещение, является торговая деятельность⁷. Таким образом, критерием отнесения сделки к предпринимательской является назначение имущества — возможность использования нежилого помещения в целях получения экономической выгоды и невозможность его использования в личных целях.

Соответственно, данный критерий должен коррелировать одному из существенных признаков предпринимательской деятельности, к которым согласно ст. 2 ГК РФ относятся: самостоятельный характер, осуществление на свой риск и направленность на систематическое получение прибыли [6, с. 17]. Исходя из целевого характера имущества рассматриваемый критерий соответствует признаку — направленность на систематическое получение прибыли. Но как было указано выше, речь в данном случае идет о получении разовой прибыли от сделки по продаже нежилого помещения, что никак не соотносится с «системой» получения прибыли. В связи с этим заслуживает внимание высказывание С. Э. Жилинского, что включение в легальную дефиницию «систематичности» вызывает затруднение на практике при оценке предпринимательской деятельности, следовательно, по субъективным соображениям в содержание такой деятельности может вкладываться различное значение. Единообразие

¹ *Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2001 г. № 88-О «По жалобе гражданина С. Ю. Шилова на нарушение его конституционных прав статьей 1 Закона Российской Федерации „О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением“» // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2001. — № 4.*

² *Постановление ФАС Уральского округа от 12 января 2010 г. № Ф09-5369/09-С2 по делу N А07-14957/2008.*

³ *Определение Верховного Суда РФ от 26 июля 2018 г. № 303-КГ18-10548 по делу № А73-13182/2017.*

⁴ *Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 октября 2019 г. № 4-КА19-19.*

⁵ *Определение Верховного Суда РФ от 29 июня 2017 г. № 301-КГ17-8580 по делу № А11-5580/2014.*

⁶ *Определение Верховного Суда РФ от 30 января 2019 г. № 306-КГ18-24092 по делу № А12-43161/2017.*

⁷ *Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 20 июля 2018 г. № 16-КГ18-17.*

понимания «систематического получения прибыли» потребует регулярного обобщения опыта предпринимательской деятельности [2, с. 79–81].

Как следует из правоприменительной практики направленность действий гражданина на систематическое получение прибыли заключается в совершении активных действий — вовлечении соответствующих ресурсов: оборудования, рабочей силы, технологии, сырья, информационных ресурсов и т. д.¹, хозяйственный учет операций, связанных с осуществлением сделок, взаимосвязанность всех совершаемых гражданином сделок в определенный период времени, устойчивые связи с контрагентами, реклама своей деятельности². Однако, указанные критерии характеризуют *систему* совершения действия, направленных на получение прибыли, а не *систему* получения прибыли.

С учетом сказанного, представляется, что имеющаяся легальная дефиниция предпринимательской деятельности, закрепленная в ст. 2 ГК РФ, не соответствует современному правоприменительному опыту в части «направленности на *систематическое* получение прибыли». Судебная практика показывает, что понятием предпринимательской деятельности охватываются случаи получения разовой прибыли. Вместе с тем, для признания деятельности в качестве предпринимательской, правоохранительными органами устанавливается система действий, направленных на получение прибыли. Поэтому целесообразно в ст. 2 ГК РФ критерий «систематичности» использовать для определения самой деятельности, а не получения прибыли. Следовательно, предлагается определение предпринимательской деятельности в абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ изложить в следующей редакции: «...*предпринимательской деятельностью является самостоятельная, систематическая, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на получение прибыли...*» и далее по тексту. Указанная дефиниция устранил противоречия квалификации предпринимательской деятельности, что будет способствовать обеспечению стабильности экономической безопасности в нашем государстве.

Библиографический список

1. Дворядкина Е. Б., Силин Я. П., Новикова Н. В. Экономическая безопасность: учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. — 194 с.
2. Жилинский С. Э. Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности): учеб. для вузов. — 8-е изд., пересмотр, и доп. — М.: Норма, 2007 — 944 с.
3. Зыков В. В. Безопасность предпринимательской деятельности: монография. — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2011. — 196 с.
4. Сульженко А. А. К вопросу о признаках предпринимательской деятельности в современном гражданском праве // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Липецк, 9–10 ноября 2018 г.). — Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. — С. 100–103.
5. Чорновол Е. П., Бородин И. Н. Социально-экономическая сущность и правовые формы предпринимательской деятельности // Российский конституционализм: история, настоящее и будущее (к 100-летию первой российской конституции (1918 г.) и 25-й годовщине принятия

¹ *Определение* Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 марта 2018 г. № 308-КГ17-14457 по делу № А53-18839/2016.

² *Письмо* ФНС России от 07.05.2019 N СА-4-7/8614 «О направлении обзора судебной практики по спорам, связанным с квалификацией деятельности физических лиц в качестве предпринимательской в целях налогообложения» // Нормативные акты для бухгалтера. — 2019 — № 13.

конституции Российской Федерации (1993 г.)): материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященная Дню юриста (Курган, 4 декабря 2018 г.) / отв. ред. Е. П. Черно-вол, И. Н. Бородина. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. — С. 216–283.

6. *Черновол Е. П., Головизнин А. В.* Нормативно-правовые, доктринальные и правоприменительные признаки предпринимательской деятельности // Право и экономика. — 2016. — № 1. — С. 16–22.

Е. В. Елфимова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Некоторые вопросы цифровизации трудового права в современный период

Аннотация. Отмечается актуальность электронного документооборота. Раскрываются плюсы и минусы электронной трудовой книжки. Указывается на обязанность работодателя зарегистрироваться на Портале госуслуг, в системе обмена Фонда социального страхования, а также на обязанность своевременной выплаты работнику пособия по временной нетрудоспособности. Отмечается, что альтернативой электронной подписи может выступить электронная переписка.

Ключевые слова: электронный документооборот; электронная трудовая книжка; электронный листок нетрудоспособности; электронная подпись.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р инициирует появление процедур, предусматривающих перевод правоотношений максимально или только в электронный вид. Цифровизация активно внедряется и в сферу трудового права, а значит можно утверждать об актуальности развития трудовых отношений в цифровой экономике.

С 1 января 2020 г. в России вводится электронная трудовая книжка — новый формат хорошо знакомого всем работающим россиянам документа. Электронная трудовая книжка будет только в цифровом формате для тех граждан, которые не работали по трудовому договору до 2021 г. Поэтому если есть желание иметь трудовую книжку в бумажном виде, то ее можно еще успеть завести, устроившись по трудовому договору до 1 января 2021 г. После указанной даты законодательство РФ для впервые трудоустроенных предусматривает возможность исключительно электронного формата¹. Вся информация будет передаваться и храниться в Пенсионном фонде России. В случае необходимости, при наличии соответствующего запроса от гражданина, сведения электронной трудовой книжки будут предоставляться в виде бумажной выписки. Обращаться в данном случае необходимо к работодателю (в случае увольнения по последнему месту работы), а также в управление Пенсионного фонда России или многофункциональный центр госуслуг (МФЦ).

Особенностями электронных трудовых книжек являются: удобный и доступный интерфейс для обработки персональных данных и их хранение в специализированных базах; сохранность персональных данных от неправомерного доступа; возможность обмена данной информацией с государственными органами (Пенсионный фонд, фонд социального страхования, фонд обязательного медицинского страхования).

Бумажные трудовые книжки имеют определенные риски, в частности: риск утери или порчи документа, в связи с чем потребуются временные затраты на восстанов-

¹ *О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде:* федер. закон от 16 декабря 2019 г. № 439-ФЗ.

ление; подделка официальных бланков и их нелегальное распространение; дополнительные расходы работодателя по заполнению и ведению их учета. Цифровизация документов позволит избежать изложенных проблем, однако указанное нововведение позволяет выделить как плюсы, так и минусы этой системы.

В частности, среди плюсов введения электронных трудовых книжек можно отметить: возможность корректировки персональных данных, что позволит избежать ошибок или описок, часто встречающихся при ручном заполнении; снижение количества фактов мошенничеств на черном рынке данных услуг; гарантированное хранение информации на защищенных серверах, что сводит к минимуму риск потери информации, подтверждающей страховой стаж работников; снижение трудозатрат специалистов по персоналу; отсутствие фактов задержки выдачи трудовой книжки при увольнении; возможность трудоустройства на работу дистанционно; уменьшение расходов работодателя на приобретение, учет, и хранение трудовых книжек на бумажных носителях (например, эффект только от приобретения трудовых книжек в 2020 г. может составить 0,7 млрд р.¹); подтверждение страхового стажа работника посредством передачи данных через интернет; возможность использования данных электронной трудовой книжки для получения государственных услуг; проведение потенциальными работодателями и контролирующими государственными органами аналитической обработки данных о трудовой деятельности; обеспечение постоянного и удобного доступа работников к информации о своей трудовой деятельности, а для работодателей открытие новых возможности кадрового учета.

Среди минусов можно обозначить следующие моменты: возможность выхода из строя компьютерной техники и программного обеспечения путем хакерских атак; обязанность перевода всей информации с бумажных носителей в электронные базы; территориальная удаленность и труднодоступность некоторых организаций от глобальной сети интернет; большая нагрузка на бюджет государства по разработке, обновлению и защите программного обеспечения баз данных. Многих граждан РФ интересует вопрос возможной утечки персональных данных вследствие того, что база «сырая», так как только начинает свою работу. Однако Пенсионный фонд России отмечает, что информационная система ПФР аттестована в соответствии с действующим законодательством в области защиты персональных данных и уверяет, что их многолетний опыт показывает высокий уровень защищенности информационных систем, в связи с чем сбой или взлом с последующим изменением или уничтожением данных практически невозможны. Информация лицевых счетов фиксируется в распределенных системах хранения, что исключает риск потери данных².

Необходимо отметить, что переход к цифровому формату трудовой книжки добровольный и позволяет сохранить книжку в бумажном виде столько, сколько это необходимо. Свой выбор о ведении трудовой книжки в электронном виде или о сохранении бумажной трудовой книжки граждане РФ должны сделать в течение 2020 г. в письменном виде, путем написания заявления работодателю. Граждане, выбравшие электронную трудовую книжку, получают бумажную трудовую на руки с записью о сделанном выборе. Бумажная, вместе с тем, не теряет своей силы и будет продолжать использоваться наравне с электронной формой. В электронной же версии будут фиксироваться только данные о трудовой деятельности с 2020 г., т. е. введение в базу периодов работы в целях фиксации страхового (трудового) стажа до указанного года

¹ Электронную трудовую книжку прописали в ТК. Готовьтесь передавать данные в ПФР. — URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/479246>.

² Вопросы-ответы по электронной трудовой книжке. — URL: <http://www.pfr.ru/branches/kursk/news~2019/11/21/193983>.

не предусматривается законодательством, а значит важно сохранить в целости и сохранности бумажный вариант, поскольку он является источником подтверждения сведений о трудовой деятельности до 2020 г.

При принятии решения работником о сохранении трудовой книжки в бумажном виде работодатель будет обязан, наряду с электронной книжкой, вносить сведения о трудовой деятельности также в бумажную версию. Для работников, которые по различным причинам не смогут или не захотят подать заявление в течение 2020 г., несмотря на то, что они трудоустроены, работодатель продолжит вести трудовую книжку на бумаге. Право подать работодателю письменное заявление о ведении трудовой книжки в электронном виде будет сохраняться за работниками и впоследствии.

Учитывая изложенное, основными задачами работодателей в рассматриваемом направлении в течение 2020 г. является:

- принятие или изменение локальных нормативных актов;
- обеспечение технической готовности к представлению не позднее рабочего дня, следующего за днем издания документа, являющегося основанием для приема на работу или увольнения сведений о трудовой деятельности для хранения в информационных ресурсах Пенсионного фонда РФ¹;
- уведомление до 1 июля 2020 г. каждого работника в письменной форме об изменениях в трудовом законодательстве в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде, а также о праве работника сделать выбор, написав заявление о сохранении бумажной трудовой книжки, или о ее ведении в электронном виде.

Еще одним шагом, призванным уменьшить бумажный документооборот и сделать обмен информацией более быстрым и прозрачным, выступает электронный листок нетрудоспособности, спрос на который с каждым годом растет. В целом по России доля выданных электронных листков нетрудоспособности от общего количества выданных больничных составляет 32 %². Однако на данный момент не все работодатели зарегистрировали свою организацию на портале госуслуг gosuslugi.ru и имеют возможность через кабинет страхователя на сайте фонда социального страхования cabinets.fss.ru просматривать номер больничного листа на основании которого осуществляется начисление пособия по временной нетрудоспособности. Поэтому медицинская организация по просьбе застрахованного лица вправе заменить электронный листок нетрудоспособности на его аналог на бумажном носителе [2, с. 184–189]. В информационной системе с помощью программного обеспечения, используемого медицинской организацией, ставится отметка о прекращении действия электронного листка нетрудоспособности (письмо № 02-09-11/22-05-13462). При этом, считаем, что работодатель обязан заранее подготовиться к тому, что работник вправе принести номер электронного больничного, рассчитать и выплатить ему пособие по временной нетрудоспособности в течение 10 дней с момента его представления. В случае, если работник принес бумажный листок по временной нетрудоспособности, а работодатель уже зарегистрирован на портале госуслуг к системе обмена фонда социального страхования и указывает работнику на то, что он принимает и оплачивает только электронные больничные, то данный ответ следует признать неправомерным. По нашему мнению, указанные действия работодателя следует признать «осознанными вредоносными действиями людей или предприятий либо некачественной работой сотрудников

¹ Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования: федер. закон от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ (ред. от 16 декабря 2019 г.).

² Электронный больничный лист в 2020 г.: действия работодателя. — URL: <https://www.26-2.ru/art/355427-elektronnyy-bolnichnyy-list-2020>.

предприятия или ее партнеров» [1, с. 93], что в результате обращения работника в суд может послужить ущербом финансовой составляющей экономической безопасности организации, поскольку в данной ситуации работодатель обязан принять бумажный листок, так как в каком виде получить документ, выбирает работник (письмо ФСС от 29 ноября 2017 г. № 02-11-09/22-03-4326П). Таким образом, электронный и бумажный листок имеют равную силу для принятия решения о выплате пособия по временной нетрудоспособности (ч. 5 ст. 13 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ¹).

Не менее важной при решении вопросов о введении электронного документооборота является проблема подписания кадровых и иных документов посредством использования электронной подписи, которую, как показывает практика, владелец может передать другому лицу, например, своему заместителю, поэтому определить, кто именно подписал кадровый документ, не всегда представляется возможным, так как участники электронного документооборота будут иметь лишь доступ к информации о владельце данной подписи, в связи с чем могут наступить неблагоприятные последствия и в данном случае бремя доказывания обратного и установления действительного автора документа ложится на самого владельца.

Однако складывающаяся судебная практика позволяет сделать вывод, что альтернативой электронной подписи может выступить электронная переписка. Так, несмотря на то, что в случае заключения трудового договора с дистанционными работниками путем обмена электронными документами (ч. 1 ст. 312.2 ТК РФ) должны использоваться усиленные квалифицированные электронные подписи (ч. 4 ст. 312.1 ТК РФ), в Постановлении Пленума ВС РФ указано, что электронная переписка может служить доказательством трудовых отношений даже в том случае, когда отсутствует электронная подпись². В частности, Верховный Суд признал фактические трудовые отношения со ссылкой на п. 9 Рекомендации МОТ от 15 июня 2006 г. № 198³, в соответствии с которым трудовые правоотношения определяются в первую очередь на основе фактов, подтверждающих выполнение работы и выплату вознаграждения работнику, невзирая на то, каким образом эти правоотношения характеризуются. Таким образом, наличие признаков трудовых отношений доказывает, что работник осуществлял трудовую функцию, однако во избежание риска непризнания фактически сложившихся отношений трудовыми считаем необходимым заключать трудовой договор о дистанционной работе с использованием электронной подписи.

В век цифровизации введение электронного документооборота не только является объективной необходимостью, но и должно рассматриваться как составная часть целей и задач по цифровизации, стоящих перед нашей страной. Это позволит упростить кадровое делопроизводство, повысить его эффективность, сделать прозрачным механизм взаимоотношений между работодателями, работниками и государственными органами, прежде всего Пенсионным фондом России и другими фондами, контрольно-надзорными органами (например, государственной инспекцией труда), судами.

В заключение отметим, что стремительный рост электронного документооборота в сфере трудового права несомненно потребует наличие в организациях не только

¹ Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством: федер. закон от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ (ред. от 27 декабря 2019 г.).

² Пункт 18 Постановления Пленума ВС РФ от 29 мая 2018 г. № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей — физических лиц и у работодателей — субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям».

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 16 сентября 2019 г. по делу № 75-КГ19-5.

специалистов в ИТ-индустрии, но также и качественную подготовку кадров в области организации управления, т. е. в сфере системной организации взаимодействия экосистемы людей и машин, где рутинные операции будут выполнять машины, а интеллектуальную контрольно-регулирующую функцию — менеджмент [3, с. 29–33].

Библиографический список

1. Дворядкина Е. Б., Силин Я. П., Новикова Н. В. Экономическая безопасность: учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. — 194 с.
2. Роголева И. Ю., Роголева Г. А. Особенности оформления трудовых отношений в цифровой экономике // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. — 2018. — № 4. — С. 184–189.
3. Свистунов В. М., Лобачев В. В. Трудовые отношения в условиях цифровизации экономики // Управление. — 2017. — № 4(18). — С. 29–33.

С. Н. Зайкова

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Административное ценообразование: формы и методы управления

Аннотация. Автором исследуется соотношение понятий «государственное управление в сфере регулирования цен (тарифов)» и «административное ценообразование» на основе форм и методов управления. Прослеживается взаимосвязь экономических и правовых методов воздействия на ценовую политику хозяйствующих субъектов. Особое внимание уделяется критериям оценки эффективности управления.

Ключевые слова: административное ценообразование; эффективность государственного регулирования цен; ценовая политика.

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утв. указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208, относит недостаточно эффективное государственное управление к одним из основных угроз экономической безопасности (подп. 17 п. 12 Стратегии).

Безусловно, правильная организация экономических процессов в стране, четкое определение целей и задач государственной экономической политики, в том числе ценовой, обоснованное сочетание административных и экономических методов управления, мониторинг и контроль заданных параметров, являются залогом экономической безопасности любого государства.

Рассмотрим состояние государственного управления в сфере регулирования цен (тарифов) в Российской Федерации.

Понятие «государственного управления в сфере регулирования цен (тарифов)» имеет широкий и узкий смысл. В первом случае речь идет о воздействии государства через органы всех ветвей власти на правоотношения, возникающие в процессе определения и применения цен всеми участниками рынка, независимо от их организационно-правовой формы, административно-правовых статусов или форм собственности.

Законодательные органы определяют основу ценовой политики, устанавливая пределы свободного рынка и свободного ценообразования, а также ограниченный перечень возможностей государственного вмешательства в хозяйственные процессы. Деятельность исполнительных органов направлена на реализацию принятого ценового законодательства. Судебная система восстанавливает экономические права хозяй-

ствующих субъектов или потребителей, ограниченные или нарушенные в результате государственного регулирования цен. Также суды рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 14.6 КоАП РФ.

В узком смысле государственное управление в сфере регулирования цен (тарифов) представляет собой властное планомерное, практическое, непрерывное, регулирующее и организующее воздействие органов исполнительной власти на правовые общественные отношения, возникающие в процессе формирования, мониторинга и применения цен (тарифов), осуществляемое для достижения социально-экономических целей. Такое воздействие оказывается с помощью различных форм и методов управления.

Следует согласиться с мнением, что в современных условиях наблюдается усиление государственного воздействия на экономические процессы, меняются организационные формы взаимодействия государственных органов с хозяйствующими субъектами [4, с. 8].

Формы управления в сфере ценообразования основаны на специфических задачах и функциях регулирующих органов и имеют различные виды: правоустановительные, правоприменительные, регулятивные и правоохранительные.

Административное правотворчество, включающее в себя издание субъектами управления обязательных для объектов управления нормативных правовых актов, является правоустановительной формой. Например, Правительство РФ утверждает основы ценообразования и правила государственного регулирования тарифов, требования по раскрытию ценовой информации; федеральные органы исполнительной власти разрабатывают и утверждают различные методические рекомендации и указания по вопросам расчета и обоснования себестоимости.

Принятие субъектом управления индивидуально-правовых актов, регулирующих конкретные отношения, выражается в правоприменительной форме. Например, решением ФАС России конкретный хозяйствующий субъект был включен в Реестр субъектов естественных монополий. Такое включение изменяет административно-правовой статус субъекта и влечет ряд правовых последствий для него: предварительное согласование части сделок, регулирование цен (тарифов) на продукцию субъектов естественных монополий и др.

Регулятивная форма проявляется в деятельности субъекта управления, направленной на создание благоприятных условий управления (например, рассмотрение разногласий между участниками административного ценообразования).

Контрольная деятельность регулятора, направленная на обеспечения соблюдения порядка ценообразования (составление административных протоколов, рассмотрение дел об административных правонарушениях, применение мер воздействия) относится к разновидности правоохранительной формы.

Формы государственного управления в сфере регулирования цен (тарифов) в Российской Федерации также классифицируются в зависимости от различных видов правовых отношений. Например, в случае самостоятельного обращения хозяйствующего субъекта с материалами об установлении цен на очередной период регулирования в службу по тарифам, применяется форма управления, подтверждающая решение субъекта — приказ об открытии дела о регулировании цен. В случае нежелания субъекта вступать в административно-правовые отношения (непредставление материалов для государственного регулирования тарифов, не раскрытие установленной ценовой информации и т. д.) применяются принудительные формы управления — предписание об устранении нарушений, привлечение к административной ответственности.

Особое внимание следует уделить методам государственного управления, под которыми понимаются правовые способы решения государственных задач и достижения целей управления. Каждый метод состоит в «специфическом комплексе приемов и средств регулирования» [1, с. 157].

Исходными методами правового регулирования, положенными в основу методов управленческой деятельности органов ценового регулирования, являются централизованное регулирование (метод субординации) и децентрализованное регулирование (метод координации).

При методе субординации осуществляется централизованное регулирование на властно-императивных началах сверху вниз (характерно для применения в публичном, административном праве). При методе координации участники регулируемых общественных отношений влияют на правовое регулирование (в гражданском праве).

Методы управления в сфере ценообразования имеют следующие особенности: они применяются для решения экономических и социальных задач, определенных ценовой политикой страны; направлены на специфические объекты управления — поведение участников рынка, осуществляющих регулируемые виды деятельности, процессы образования и применения цен; выражают властные полномочия органов административного ценообразования.

Особенно широко применяются методы принуждения. Для объектов управления устанавливаются обязательные для исполнения правила ценообразования. В случае их неисполнения, субъект управления принимает правовые меры, принуждающие объект к исполнению (например, предписание об устранении нарушения, протокол об административном правонарушении и т. д.).

Метод убеждения в сфере управления ценообразованием применяется крайне редко, хотя он позволяет добиться от участников рынка совершения ими требуемых действий без применения мер государственного принуждения. К методу убеждения можно отнести официальные заявления, разъяснения органов ценового регулирования.

Все меры властно-принудительного государственного воздействия на процессы формирования цен возможно классифицировать в зависимости от их содержания.

Меры предупредительного характера направлены на достижение баланса экономических интересов участников рынка. Они позволяют предупредить нарушение прав потребителей, обеспечить доступность товаров, работ и услуг широкому кругу лиц, бесперебойность снабжения ресурсами. Такие меры реализуются путем установления фиксированных цен, тарифов, ценовых ставок, их предельных уровней и осуществления ценового мониторинга, контроля за соблюдением государственной ценовой политики и порядка ценообразования.

Восстановительные меры обеспечивают планомерную реализацию государственной ценовой политики. К ним относится перерасчет стоимости оплаты товаров, работ и услуг, производимый в случае завышения или занижения поставщиками (продавцами) регулируемых цен, тарифов.

Меры административно-ценовой ответственности представляют собой негативные финансовые последствия для нарушителей порядка ценообразования (ст. 14.6 КоАП РФ).

Особый интерес представляет классификация методов управления в сфере ценообразования на прямые (административные) и косвенные (экономические). Именно эта классификация приводит к разделению понятий «государственное управление в сфере регулирования цен (тарифов)» и «административное ценообразование».

Косвенное (экономическое) регулирование — это влияние исполнительных органов государственной власти на факторы, имеющие особое значение при расчете цен (например, снижение государством налогов повлечет снижение себестоимости продукции). В этом случае применяются финансовые, бюджетные, налоговые, таможенные, кредитные, инвестиционные и другие правовые инструменты государства. Иными словами, происходит опосредованное государственное влияние на рыночные спрос и предложение и, как следствие, на процессы формирования и расчета цен.

Прямые (административные) методы управления в сфере административного ценообразования — это односторонние государственные решения, воздействующие и подчиняющие волю производителей, поставщиков, продавцов, покупателей и иных участников рынка. К таким методам можно отнести: утверждение фиксированных цен; установление предельных уровней цен как минимальных, так и максимальных; установление закупочных цен; замораживание цен; регулирование рентабельности; установление надбавок к ценам (снабженческо-сбытовых, торговых); установление базовых цен; установление социально низких цен и др.

Таким образом, сопоставляя рассмотренные понятия, следует отметить, что они соотносятся как целое и частное. Понятие «государственное управление в сфере регулирования цен (тарифов)» шире понятия «административное ценообразование», поскольку под административным ценообразованием понимается деятельность уполномоченных государственных органов или органов местного самоуправления по расчету, установлению, регистрации, изменению, опубликованию, сохранению цен на товары, продукцию и услуги, перечень которых законодательно установлен, и контролю за их применением. Государственное управление помимо этой деятельности включает в себя планирование, прогнозирование, мониторинг, анализ и определение государственной политики в сфере ценообразования.

Российская система административного ценообразования создана и функционирует, но имеется ряд направлений, требующих ее совершенствования, например, повышения эффективности управления.

Административно-ценовое законодательство не систематизировано и находится длительное время в стадии становления. О правовых проблемах административного ценообразования много сказано и написано [2; 3; 5], однако по-прежнему остаются актуальными вопросы отсутствия единой государственной ценовой политики, координации между многочисленными органами ценового регулирования, разрозненности и отраслевой принадлежности правовых актов.

Правоотношения между государственными (муниципальными) регуляторами и хозяйствующими субъектами, осуществляющими регулируемые виды деятельности, строятся на основе Гражданского кодекса РФ и ряда отраслевых законов, лишь частично регламентирующих вопросы ценообразования (более ста федеральных законов).

В условиях сложившегося разрозненного правового регулирования и отсутствия законодательно установленной цели государственного регулирования возникает вопрос о релевантном решении — разработке и принятии федерального закона об основах ценовой политики Российской Федерации. Такой закон должен установить стратегические цели и задачи управления в сфере ценообразования; принципы, методы и систему органов регулирования; порядок введения и прекращения государственного регулирования цен; ответственность субъектов ценообразования, и стать ядром системы нормативных правовых актов в сфере регулирования цен (тарифов) в Российской Федерации, увязанным с действующими отраслевыми федеральными законами, административным, антимонопольным и иным законодательством.

Разработанный в 2019 г. законопроект «Об основах государственного регулирования цен и тарифов» подвергся критике со стороны государственных органов власти и общественности, в настоящее время работа над ним прекращена. На наш взгляд, совсем напрасно. Недостатки предложенного законопроекта, как и любого другого законопроекта, подлежат обсуждению с заинтересованным сообществом и корректировке. Так, например, в законопроекте не прописаны индикаторы оценки эффективности административного ценообразования.

На наш взгляд успешным административное регулирование цен будет признаваться тогда, когда регулятором будет найден баланс между экономическими интересами участников рынка. Именно от соотношения и взаимосвязи экономических и административных методов управления будет зависеть эффективность регулирования процессов образования цен.

Предлагается вернуться к рассмотрению подготовленного ФАС России законопроекта «Об основах государственного регулирования цен (тарифов)» и регламентировать методологию административного ценообразования, что позволит повысить эффективность государственного управления в рассматриваемой сфере и укрепить экономическую безопасность страны.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Теория права. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: БЕК, 1995. — 320 с.
2. *Белокрылова О. С., Калашиникова А. В., Ермишина С. В.* Модернизация механизма тарифного регулирования естественных монополий на российском рынке природного газа. — Ростов н/Д: Содействие — XXI век, 2010. — 180 с.
3. *Борталевич С. И.* Теория и практика тарифного регулирования в энергетике России и мировой опыт. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. — 188 с.
4. *Государственное и договорное регулирование предпринимательской деятельности* / под науч. ред. В. С. Белых. — М.: Проспект, 2015. — 247 с.
5. *Романова С. И.* Ценовое регулирование российских естественных монополий (на примере электроэнергетики). — М.: Полиграф-сервис, 2006. — 185 с.

В. Г. Истомина

Институт философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург

Антиконкурентные согласованные действия как разновидность монополистической деятельности: юридическая сущность и особенности доказывания

Аннотация. Рассматривается эволюция юридической конструкции согласованных действий, отграничение данного правонарушения от иных нарушений антимонопольного законодательства, а также от юридически допустимого поведения субъектов на рынке; характеризуются правовая природа и последствия согласованных действий.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство; согласованные действия; ненамеренный параллелизм; антиконкурентные соглашения; доказывание.

Антиконкурентные согласованные действия представляют собой запрещенное антимонопольным законодательством поведение хозяйствующих субъектов, а в ряде случаев и органов власти, охватываемое, наряду с антиконкурентными соглашениями и злоупотреблением хозяйствующими субъектами доминирующим положением, об-

щим понятием монополистическая деятельность. Впервые запрет на совершение согласованных действий в отечественном конкурентном праве был установлен в ст. 6 Закона РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», но само определение согласованных действий, как и указание на их характерные особенности, в данном законе отсутствовало. Начиная с этого времени и в последующем в юридической литературе сформировались различные позиции по вопросу об их правовой природе и необходимости законодательного закрепления. Так, например, высказано мнение об отсутствии достаточных оснований для выделения в законодательстве согласованных действий как самостоятельного правонарушения [1]. Однако большинство авторов и практических работников придерживаются позиции о самостоятельном характере согласованных антиконкурентных действий как отдельного правонарушения, поскольку ситуация, при которой аналогичное поведение хозяйствующих субъектов вызвано не соглашением между ними, а сознательным повторением поведения друг друга «не должна оставаться без внимания антимонопольного законодательства» [6]. В качестве дополнительной аргументации приводится правоприменительная практика органов Европейского союза. Так, в одном из получивших широкую известность дел, *Imperial Chemical Industries Ltd v. Commission* (1972), Европейский суд справедливости, характеризуя согласованные действия, отметил, что они представляют собой координацию между предприятиями, не достигшую стадии соглашения в явном виде, которая осознанно замещает практическое взаимодействие между ними с риском для конкуренции [8]. Таким образом, данным понятием предполагается охватывать ситуации, когда соглашение как встречное волеизъявление отсутствует, однако каждый из конкурирующих субъектов, действуя самостоятельно и руководствуясь интересами собственной выгоды, при отсутствии объективных экономических причин, совершает одновременные и однотипные с другими действия, будучи при этом осведомлен об аналогичных действиях конкурентов.

Вопрос о признаках согласованных действий также носит дискуссионный характер. Первоначально существовало мнение, разделяемое и некоторыми представителями антимонопольного органа, что согласованные действия представляют собой одинаковые и одновременные действия на одном товарном рынке различных хозяйствующих субъектов. Однако такая трактовка согласованных действий без анализа их экономической обоснованности и влияния на состояние конкуренции зачастую справедливо не находила поддержки в судебной практике. Суды указывали на необходимость представления антимонопольным органом дополнительных доказательств, свидетельствующих о наличии согласованных действий, поскольку параллельное поведение участников товарного рынка может быть обусловлено многими факторами, которые, наряду с одновременным изменением цен, необходимо детально проследить в динамике. В теории также проводится достаточно последовательное отграничение согласованных действий от так называемого ненамеренного параллелизма, т. е. одинаковой и одновременной реакции хозяйствующих субъектов на изменение общих для них условий производства либо обращения определенного товара [4, с. 208].

В дальнейшем, с целью более детального определения признаков согласованных действий, в ст. 8 действующего в настоящее время Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (Федеральный закон «О защите конкуренции») были закреплены основные критерии оценки поведения хозяйствующих субъектов в качестве таковых. В первоначальной редакции данной нормы согласованными предлагалось рассматривать такие действия, когда: 1) их результат соответствует интересам каждого из участвующих в них хозяйствующих субъектов при

условии, что эти действия заранее известны каждому из участников; 2) действия каждого из указанных хозяйствующих субъектов вызваны действиями иных хозяйствующих субъектов и не являются следствием обстоятельств, одинаково влияющих на всех хозяйствующих субъектов, действующих на определенном товарном рынке. Следует отметить, что в правоприменительной практике органов Европейского Союза также сформировались определенные признаки, «маркеры» согласованных действий, к числу которых относятся: 1) параллельность действий; 2) ограничение конкуренции, видимое состояние рынка; 3) намеренное сотрудничество; 4) односторонние объявления компаний о своей будущей политике, особенно если они распространяются через медиа; 5) достаточный промежуток времени между заявлением компании и следованием за ней других конкурентов; 6) необычное и не соответствующее общепринятым рыночным стандартам поведение. Вместе с тем в конкурентном праве США категория согласованных действий не выделяется, а присущие им признаки будут свидетельствовать скорее о наличии сговора [1].

Конечно, введение в российское законодательство более четких критериев оценки действий в качестве согласованных было с необходимостью продиктовано потребностями правоприменительной практики. В Постановлении от 30 июня 2008 г. № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 2 дополнительно разъяснил, что о согласованности действий может, в том числе, свидетельствовать тот факт, что они совершены «различными участниками рынка относительно единообразно и синхронно при отсутствии на то объективных причин». Тем самым законодатель и судебные органы попытались сделать акцент на недопустимости оценки в качестве согласованных действий одновременного поведения хозяйствующих субъектов, которое являлось объективной реакцией бизнеса на то или иное изменение рыночной конъюнктуры. Однако сложности в реализации норм о согласованных действиях продолжали оставаться. Прежде всего возникали вопросы об ограничении согласованных действий от иной разновидности монополистической деятельности — антиконкурентных соглашений. В соответствии с п. 18 ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции» соглашением признается «договоренность в письменной форме, содержащаяся в документе или нескольких документах, а также договоренность в устной форме». Разграничение между указанными понятиями в теории и на практике проводится по наличию или отсутствию встречного согласованного волеизъявления об определенном поведении. Отмечается, что в общем случае согласованные действия не предполагают заключения их участниками соглашений или достижения каких-либо иных формальных договоренностей, но являются особой моделью группового поведения хозяйствующих субъектов [2]. Кроме того, в случае согласованных действий обмен информацией осуществляется их участниками в форме распространения информации для неопределенного круга лиц либо одностороннего информирования заинтересованных лиц, не предполагающего ответной передачи аналогичной информации [6]. Не менее важной является проблема реализации норм об антиконкурентных соглашениях и согласованных действиях правоприменительными органами, доказывания тех и других, особенно это касается ситуаций, когда документы, подтверждающие заключение соглашения, отсутствуют и соглашение носит устный характер. В п. 9 вышедшего 16 марта 2016 г. Обзора по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере, Президиум Верховного Суда РФ указал, что «законодательством не определено и не может быть определено, какие доказательства подтверждают факт заключения антиконкурентного соглашения», а также не установ-

лены и не могут быть установлены какие-либо требования к форме подтверждающих антиконкурентное соглашение документов. При этом к одному из косвенных доказательств наличия соглашения отнесено «единообразное и синхронное ценовое поведение». Представляется, что данное доказательство активно используется и при доказывании антиконкурентных согласованных действий. В связи с этим заслуживают внимания мнения о недостаточной сформированности до настоящего времени стандартов доказывания соглашений и согласованных действий, «что снижает эффективность антимонопольного регулирования как элемента конкурентной политики» [3, с. 74]. В связи с этим необходимо отметить, что, несмотря на возможность доказывания соглашения действиями субъектов по его исполнению, все же следует признать, что экономически необоснованное поведение может быть только одним из возможных косвенных доказательств наличия антиконкурентного соглашения и должно исследоваться лишь наряду с другими доказательствами (письменными или иными), свидетельствующими о встречном согласовании воли, поскольку иначе антимонопольные органы могут иметь возможность выбора того правонарушения, которое будет вменено субъекту. В частности, например, в ситуации, когда сложно установить публичное заявление субъекта о совершении согласованных действий не исключена возможность вменения устного соглашения.

В целях уточнения признаков состава согласованных действий законодателем так называемым третьим антимонопольным пакетом были внесены некоторые изменения в содержание ст. 8 и 11 Федерального закона «О защите конкуренции», а также добавлена отдельная ст. 11.1 — «Запрет на согласованные действия хозяйствующих субъектов, ограничивающие конкуренцию». В новой редакции ст. 8 законодатель еще раз подчеркнул, что согласованными действиями являются действия хозяйствующих субъектов при отсутствии соглашения, тем самым показывая самостоятельный характер данных правонарушений и отсутствие взаимосвязи между ними. Также в качестве дополнительного признака согласованных действий появилось указание на публичный характер заявления одного из участвующих в согласованных действиях лиц о совершении таких действий. Очевидно таким образом законодатель попытался усложнить процедуру доказывания согласованных действий, исключив признание в качестве таковых непубличных информационных контактов конкурирующих субъектов. Однако редакцию данного положения вряд ли следует признать удачной, поскольку сам по себе термин «публичное заявление» достаточно условен, а законодательство не содержит его нормативного определения, поэтому на практике публичным заявлением чаще всего считается публичное объявление об установлении (изменении) цены, публичная оферта с указанием цены товара (услуги) либо иное публичное информирование субъектом других лиц о планируемых собственных действиях. Вместе с тем законодатель по какой-то причине оставил без внимания ситуацию, когда информационный обмен между субъектами не носит открытого, публичного характера при отсутствии признаков антиконкурентного соглашения.

Наряду с согласованными действиями хозяйствующих субъектов антимонопольное законодательство в ст. 16 Федерального закона «О защите конкуренции» содержит запрет на осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий органами власти и местного самоуправления, иными указанными в данной статье органами и организациями непосредственно между собой либо с участием хозяйствующих субъектов. Анализируя сформировавшуюся в сфере реализации данной нормы правоприменительную практику в науке высказывается обоснованное мнение о наличии существенных затруднений в применении этого запрета, необходимости корректировки данной нормы, поскольку органы государственной власти и местного

самоуправления не способны осуществлять антиконкурентные согласованные действия с хозяйствующими субъектами, так как согласование действий возможно лишь между конкурентами, действующими на одном товарном рынке [5, с. 10].

В настоящее время практика применения антимонопольного законодательства продолжает формироваться и постоянно требует реакции законодателя и представителей научного сообщества на те или иные возникающие проблемы, но при этом общей направленностью антимонопольного законодательства должно быть максимальное обеспечение эффективного функционирования рыночной экономики и защита прав добросовестных хозяйствующих субъектов.

Библиографический список

1. Борзило Е. Ю. Антимонопольные риски предпринимательской деятельности: научно-практическое руководство. — М.: Статут, 2014. — 335 с.

2. Борисова Л. Н., Ларионова В. А. Расширенный экономико-правовой комментарий к Федеральному закону от 23 июня 1999 г. № 117-ФЗ «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг» (постатейный) // КонсультантПлюс.

3. Голованова С. В. Ограничивающие конкуренцию соглашения между участниками конкурсных торгов: российская практика // Современная конкуренция. — 2015. — Т. 9, № 4(52). — С. 65–76.

4. Конкурентное право России: учебник / отв. ред. И. Ю. Артемьев и др. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 493 с.

5. Плеханов Д. А. Защита конкуренции от антиконкурентных актов, действий и соглашений органов государственной власти и местного самоуправления (правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 25 с.

6. Сушкевич А. Г. Антиконкурентные соглашения: запреты, исключения из запретов и их пределы в новом Федеральном законе «О защите конкуренции» // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2007. — № 6. — С. 34–41.

7. Хохлов Е. С. Некоторые вопросы совершенствования понятия согласованных действий в российском конкурентном праве // Актуальные вопросы современного конкурентного права: сб. науч. трудов / отв. ред. М. А. Егорова. — М.: Юстицинформ, 2017. — Вып. 1. — С. 75–94.

8. Шайхеев Т. И. О понятии «согласованные действия хозяйствующих субъектов» и судебной практике по данной категории дел // Арбитражные споры. — 2013. — № 4(64). — С. 108–120.

О. В. Литвинов

Ростовский государственный экономический университет, г. Ростов-на-Дону

Внедрение IT-технологий при проведении мероприятий налогового контроля. Дистанционный допрос в налоговом контроле

Аннотация. Проводится анализ существующей процедуры допроса свидетеля в рамках проведения мероприятий налогового контроля. Автором приводится обоснование необходимости внедрения информационных технологий при проведении процедуры допроса. Предлагается организовать проведение процедуры допроса с использованием информационных технологий.

Ключевые слова: мероприятия налогового контроля; проведение допроса; дистанционный допрос свидетеля.

Процедура допроса свидетеля была и остается основным методом доказывания вины налогоплательщика в совершенном налоговом правонарушении. Учитывая, что ст. 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ) призвана исключить

применение формальных претензий к субъектам налогообложения, роль допроса в сборе доказательственной базы только возрастает.

Следует отметить, что допрос свидетеля является достаточно трудозатратной процедурой. Для проведения допросов свидетелей налоговым органам необходимо выделять отдельных сотрудников, работа которых ориентирована исключительно на проведение допросов.

Проведение допроса свидетеля регламентировано ст. 90 НК РФ. В соответствии с п. 1 ст. 90 НК РФ налоговым органом могут быть вызваны для дачи показаний любые физические лица, которым известны обстоятельства, имеющие отношение к проводимой налоговой проверке.

Допрос физического лица может быть произведен по месту нахождения налогового органа либо по месту жительства (пребывания) лица. При этом, в случае проведения допроса по месту нахождения налогового органа, свидетель в налоговый орган вызывается повесткой.

Необходимо отметить, что зачастую географическое месторасположение налогового органа, которым проводится налоговая проверка не всегда совпадает с местом проживания (пребывания) свидетеля. В этом случае должностное лицо налогового органа, которым осуществляется проведение налоговой проверки, вынуждено быть командированным по месту жительства (пребывания) свидетеля для осуществления процедуры допроса.

Либо в соответствии с рекомендациями по проведению мероприятий налогового контроля, доведенными письмом ФНС России от 17 июля 2013 г. № АС-4-2/12837 (с изм. от 15 января 2019 г.) «О рекомендациях по проведению мероприятий налогового контроля, связанных с налоговыми проверками», в случае необходимости допроса свидетеля по месту жительства (месту пребывания), не относящегося к юрисдикции налогового органа, проводящего налоговую проверку, когда командирование в указанных целях должностного лица налогового органа, проводящего проверку, является нецелесообразным, налоговый орган, проводящий налоговую проверку, направляет письменное поручение о допросе свидетеля в адрес налогового органа по месту жительства (месту пребывания) свидетеля. Указанное письменное поручение должно содержать перечень вопросов, по которым требуется опросить свидетеля. Должностное лицо налогового органа, по месту жительства (пребывания) свидетеля получившее поручение с перечнем вопросов вызывает повесткой свидетеля для дачи показаний в налоговый орган (НО) и в случае явки последнего производит допрос. В ходе допроса составляется протокол, который затем передается НО, проводящему налоговую проверку (рис. 1).

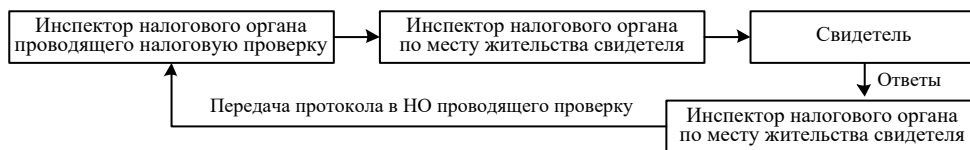

Рис. 1. Типичная схема проведения допроса при территориальной отдаленности допрашиваемого лица

Необходимо отметить, что инспектор НО проводящего налоговую проверку, обладая сведениями по проводимой проверке в полном объеме, может в ходе проведения допроса менять перечень вопросов в зависимости от полученных ответов свидетеля. Вместе с тем, инспектор НО получившего поручение с перечнем вопросов не

наделен знаниями по проводимой проверке и ограничен тем перечнем вопросов, которые переданы ему НО проводящим проверку. Зачастую инспектор НО, который осуществляет процедуру допроса свидетеля на основании поручения иного НО, не заинтересован в результатах, полученных от свидетеля ответов, не требует дачи развернутых показаний по вопросам, имеющим важное значение, ограничиваясь ответами «да», «нет», «не помню», «не знаю».

Следствием этого является значительное снижение эффективности проведения процедуры допроса свидетеля, проводимой в отношении физических лиц территориально проживающих (прибываемых) за пределами администрирования НО, проводящего проверку.

Иными словами, участие инспектора НО получившего поручение с перечнем вопросов выступает оператором-посредником между свидетелем и инспектором проводящим проверку. Участие инспектора по месту пребывания свидетеля является весьма сомнительным и, по мнению, автора может быть заменено на процедуру опроса через электронный терминал. Свидетелю необходимо будет явиться в НО к электронному терминалу в котором надлежит идентифицировать личность, затем ответить на вопросы в электронном терминале. В конце допроса свидетель ставит подпись на бумажном носителе протокола допроса либо ставит электронную подпись в терминале. По завершении процедуры допроса протокол допроса передается в НО, проводящий налоговую проверку.

Кроме того, с целью повышения эффективности проведения допроса свидетеля участие инспектора, проводящего проверку может быть обеспечено путем видеоконференцсвязи. Современные технологии могут обеспечить присутствие инспектора, заинтересованного в проведении эффективного допроса, онлайн.

Более того, необходимо обеспечить проведение допросов дистанционным методом. Автором было произведено исследование нормативной базы применения видеоконференцсвязи в судебной системе и установлено, что согласно п. 4 ст. 240 УПК РФ свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом путем использования систем видеоконференц-связи¹. А также в ст. 278.1 УПК РФ приведены особенности проведения допроса в формате видеоконференц-связи. В этой связи автор полагает, что налоговые органы также нуждаются в расширении возможностей при проведении процедур допроса, особенно в условиях сокращения срока проведения налоговых проверок².

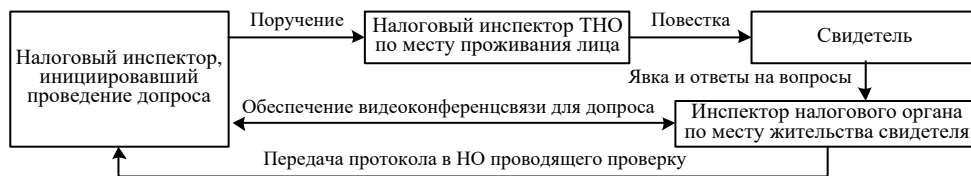

Рис. 2. Схема проведения допроса путем видеоконференцсвязи

Применение допроса в формате видеоконференцсвязи не должно быть ограничено областью применения уголовно-процессуального законодательства. По мнению

¹ Терехин В. А., Федюнин А. Е. Видеоконференцсвязь в современном судопроизводстве // Российская юстиция. — 2010. — № 1. — С. 4–5.

² Письмо ФНС России от 13 июля 2017 г. № ММВ-20-15/112@, письмо ФНС России от 13 июля 2017 г. № ММВ-20-15/112@.

автора, применение видеоконференцсвязи при проведении допросов в ходе осуществления мероприятий налогового контроля позволит повысить эффективность процедуры допроса, а обеспечение участия инспектора, проводящего налоговую проверку при допросе физического лица проживающего в другом регионе, повысит результативность проводимого мероприятия налогового контроля.

С целью повышения эффективности проведения процедуры допроса, а также снижения затратности и трудоемкости предлагается:

1) обеспечить участие в процедуре допроса свидетеля инспектора налогового органа проводящего налоговую проверку. Участие можно обеспечить путем видеоконференцсвязи, с использованием современных технических средств. Обеспечить возможность проведения дистанционного допроса в формате видеоконференцсвязи;

2) обеспечить возможность проведения допроса свидетеля через электронный терминал. В случае если свидетелей по проводимой проверке значительное количество (примером могут служить налоговые проверки в строительной сфере и в сфере оказания транспортно-экспедиционных услуг) предлагается проводить в электронном виде, в виде ответов на вопросы в электронном терминале. В конце проведения электронного допроса свидетелю необходимо поставить электронную подпись. Предлагается оснастить электронными терминалами налоговые органы или использовать уже имеющиеся терминалы в многофункциональных центрах.

В. Б. Малкеров

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблемы применения полиграфа для обеспечения экономической безопасности организации

Аннотация. Анализируется нормативное регулирование отношений, связанных с использованием полиграфа в частном секторе экономики. Отмечается, что практика применения исследований на полиграфе будет расширяться. При этом нормативное регулирование в этой сфере недостаточное. Автор обосновывает необходимость принятия специального закона.

Ключевые слова: полиграф; трудовые отношения; нормативное регулирование.

Переход к цифровой экономике предопределяет ряд существенных вызовов для хозяйствующих субъектов. Увеличение объема информации, возможности ее использовать работником в своих собственных целях предполагают тенденцию роста злоупотреблений работников компаний своим служебным положением в ущерб интересов работодателя.

У работодателя имеется значительное количество приемов и способов в противодействии данной тенденции. По мере развития новых технологий их количество будет увеличиваться. В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на относительно новом в российской практике способе — использовании полиграфа. Данный инструментарий в западных странах используют достаточно давно, еще с двадцатого века. Причем некоторые страны (Франция, США, Канада) взяли на вооружение данную технологию без существенного несогласия каких-либо субъектов, потенциально могущих запретить или замедлить использование подобной технологии, а Германия, Швеция, Швейцария, Норвегия вначале пытались пресечь внедрение полиграфа, но в настоящее время отмечается его активное использование и в данных странах [1, с. 12]. Отсутствуют причины, по которым бы отечественный бизнес отказался от успешной технологии, дающей возможность защитить свои экономические интересы. Например,

в настоящее время, в США проводятся порядка одного миллиона тестирований на полиграфе в год. Из них порядка 300 тыс. тестирований проводит частный сектор [4, с. 22]. Значительно меньшие масштабы использования полиграфа отечественным бизнесом обусловлены менее совершенной технологической базой, некоторым отставанием в подготовке специалистов, что предопределяет возможность неточного результата тестирования на полиграфе. Возможная неточность результата обесценивает процедуру прохождения исследований на полиграфе и это обстоятельство является сдерживающим фактором его применения в современных российских условиях. Однако развитие технологий производства соответствующей техники, совершенствование методик подготовки персонала позволяют сделать прогноз о расширении сферы применения полиграфа в отечественном бизнесе.

Следует отметить, что в современной России практика применения полиграфа хотя и не так распространена, как в США, однако она имеется и определены факты для анализа существуют. Например, тестирование на полиграфе является обязательной процедурой в силовых структурах, активно она используется и в отношении гражданских государственных служащих. Например, в Казани после первых проверок в 2007 г. на полиграфе было уволено порядка 80 сотрудников городской администрации, а аналогичные проверки в Москве в 2010 г. привели к отстранению от работы с госзаказами 40 % чиновников мэрии столицы [3, с. 114]. Использование полиграфа присутствует и в частном секторе. Например, во многих крупных корпорациях. По мнению автора более широкое распространение практики применения тестирования на полиграфе в крупных корпорациях, нежели в малом бизнесе, обусловлено тем обстоятельством, что в крупных корпорациях более существенный доход, и они способны позволить себе дополнительные расходы на содержание штата специалистов и закупку соответствующего оборудования. Кроме того, крупные корпорации могут позволить себе устанавливать конкурентные зарплаты для своих сотрудников, особенно ключевых, и не опасаться не занятых вакансий. Многие же организации малого бизнеса из-за отсутствия финансовых возможностей не могут позволить себе найм наиболее квалифицированных сотрудников и стремятся конкурировать на рынке труда используя не монетарный инструмент, например предоставления гибкого графика работы и др. Обязанность же работников проходить тестирование на полиграфе безусловно не повышает привлекательность организации на рынке труда. Данное обстоятельство могло бы быть нивелировано закрепленной на уровне локального нормативного акта возможностью исключительно добровольного прохождения тестирования на полиграфе. На практике это могло бы выглядеть следующим образом. При обнаружении какого либо ущерба для организации, как материального, так и иного рода, либо при недостижении результата деятельности организации по непонятным для работодателя причинам, последний проводит внутреннее расследование с опросом сопричастных сотрудников. При наличии противоречивых показаний желающий сотрудник может дать согласие на прохождение тестирования на полиграфе. Результаты данного тестирования будут соответствующим образом учтены работодателем.

Достоверность данных тестирования полиграфом не является абсолютной, по оценкам специалистов она составляет около 80 % [2, с. 56]. Однако даже такой процент достоверности мог бы сыграть профилактическую роль в предупреждении неправомерного поведения работника. Автор данной статьи значительное время работал в высших учебных заведениях и наблюдал довольно типичную ситуацию. Преподавательский коллектив, например кафедры, разбитый на группировки, стремясь добиться выдвижения члена своей группировки на руководящую должность, совершает деструктивные действия в отношении имеющегося руководства среднего звена. Обычно

такие действия активизируются в период, предшествующий аккредитации вуза, чтобы вызвать наиболее резонансное недовольство руководства вуза. Причем данные действия довольно опасны для всего вуза, поскольку в желании нанести моральный урон отдельному локальному администратору подчас ставится под угрозу прохождения аккредитации всего вуза. Внедренная культура прохождения полиграфа удержала бы потенциальных нарушителей от деструктивных действий. Прогресс в совершенствовании технологии и методики проведения исследований на полиграфе, повышение достоверности исследований позволил бы поставить вопрос и о прошлых деструктивных действиях, что удерживало потенциальных нарушителей от нарушений сегодняшнего дня, ведь вопрос о них может встать в обозримом будущем.

Следует отметить, что всеобъемлющий закон, регламентирующий использование тестирования на полиграфе не принят. В силовых ведомствах, на государственной службе, существуют ведомственные нормативные акты, регламентирующий данный процесс. Так проверки с тестированием на полиграфе в органах таможенной службы Российской Федерации регулируются инструкцией, утвержденной Приказом Федеральной Таможенной службы России от 25 сентября 2007 г. № 1196. В других ведомствах, связанных с государственной службой, имеются собственные нормативные акты. Трудовой Кодекс РФ не содержит запретов на проведение тестирований на полиграфе, отсюда практика его использования в частном секторе имеется. Регламентация же использования полиграфа в отдельных организациях должна быть отражена в локальных нормативных актах данных хозяйствующих субъектов. Очевидно, что содержание данных локальных нормативных актов не должно противоречить централизованному законодательству, в частности Трудовому кодексу РФ, законодательству о защите персональных данных. Может возникнуть вопрос — не противоречит ли использование полиграфа в коммерческих организациях ст. 21, 23 Конституции России? Данные статьи гарантируют право на семейную и личную тайну, неприкосновенность частной жизни, защиту собственной чести, а также достоинство личности, защиту доброго имени. Следует иметь в виду, что при тестировании на полиграфе вопросы частной жизни должны оставаться за рамками исследований. Потенциальный кандидат на ту или иную должность проверяется на предмет его мотивации, на занятие данной должности, проверяется уровень его компетенции, совершенные им должностные проступки в прошлом, если они могут сказаться на результате работы по предполагаемой должности. В связи с этим хотелось бы привести позицию Конституционного Суда России, которая изложена в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 г. № 14-П. В нем указано что: «публичные интересы, перечисленные в ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если они отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права...». Таким образом, можно сделать вывод, что хотя и отсутствует нормативный акт уровня федерального закона, который бы регламентировал использование полиграфа прежде всего в коммерческих структурах, но использование его не запрещено законом и в настоящее время практикуется довольно широко.

Однако отсутствие федерального закона, регламентирующего использование полиграфа в частном секторе, при условии, что такая практика существует, имеет ряд негативных последствий. Прежде всего, следует отметить то обстоятельство, что работодатель часто может быть заинтересован по различным жизненным причинам в получении максимально возможной информации о своем работнике. Отсутствие

специального федерального закона, который бы четко описывал процедуру, ограничивал бы прямо возможные злоупотребления, в большей степени защищали бы интересы работника, чем ситуация с нормативным регулированием сегодняшнего дня не препятствует возможным злоупотреблениям. А локальные нормативные акты организации, регламентирующие процедуру использования полиграфа, разработаны с учетом интересов работодателя с ограничениями, которые только интерпретируют положения Трудового кодекса РФ, законодательства о персональных данных. Можно привести ряд доводов о несовершенстве правового регулирования в данной сфере на сегодняшний день. Например, в Трудовом кодексе РФ защите персональных данных посвящено всего несколько статей (ст. 86–90 ТК РФ), причем ряд имеющихся в данных статьях положений носят явно декларационный характер. Так, в ст. 86 ТК РФ указывается, что обработка персональных данных должна осуществляться исключительно с целью обеспечения требования законодательства, что при работе с персональными данными необходимо «...руководствоваться Конституцией Российской Федерации, настоящим Кодексом и иными федеральными законами...». Имеются и другие положения декларативного характера, содержащиеся в вышеуказанных нормах ТК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что в нескольких статьях Трудового Кодекса РФ, посвященных персональным данным, имеются еще и положения общего характера, дублирующие общеправовые принципы регулирования любых отношений. Кроме того, положения гл. 14 Трудового кодекса РФ, посвященные защите персональных данных работника, содержат правила регламентации отношений в сфере труда, которые создают на практике определенные трудности. Например, в той же ст. 86 ТК РФ указывается, что «работодатель не имеет права получать и обрабатывать персональные данные работника о его членстве в общественных объединениях или его профсоюзной деятельности, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом или иными федеральными законами...». В то же время в ст. 374 ТК РФ содержится правило, согласно которому увольнение неосвобожденных профсоюзных лидеров определенного уровня возможно при наличии согласия вышестоящего профсоюзного органа. Если вышестоящий профсоюзный орган не дает согласие, то данный отказ можно обжаловать в суде. С точки зрения автора, положения ст. 86 ТК РФ и 374 ТК РФ на практике могут порождать сложности при регулировании отношений в сфере труда. С одной стороны работодатель не может получать сведения о профсоюзной деятельности работника, а с другой стороны обязан при увольнении работника обращаться в вышестоящий профсоюзный орган за разрешением на увольнение работника. Значит работодатель все таки должен получить и обработать в персональных данных о работнике данные о его участии в профсоюзной деятельности и о его статусе в профсоюзной иерархии. Правда, в ст. 86 ТК РФ имеется оговорка о том, что персональные данные о профсоюзной деятельности работника нельзя собирать, кроме случаев, предусмотренных ТК РФ и другими федеральными законами. Можно предположить, что ст. 394 ТК РФ и есть именно этот случай. Однако прямое указание в законе об этом отсутствует и вопрос — является ли ст. 394 ТК РФ исключением из правила ст. 86 ТК РФ является предметом комплексного толкования закона. Данное обстоятельство предполагает возможность неоднозначного вывода. На практике это может приводить к случаям злоупотребления правом со стороны работника. Увольняемый неосвобожденный профсоюзный лидер не сообщает работодателю о своем статусе в профсоюзной организации, поскольку формально закрепленной обязанности сообщать эту информацию у него нет, его увольняют без обращения в вышестоящий профсоюзный орган, как рядового члена профсоюза, а уволенный работник подает иск о восстановлении на работе так как нарушена процедура увольнения. Суд восстанов-

ливают уволенного работника на прежнем рабочем месте, и работодатель должен увольнять его повторно, уже выдерживая установленную законом процедуру увольнения. Если увольнение было по п. 2 ст. 81 ТК РФ (сокращение штата), то затраты временного и материального характера у работодателя будут значительны. Конечно, в ходе судебного заседания при восстановлении работника на работе, работодатель может настаивать на факте злоупотребления правом со стороны работника, но доказывание этого факта крайне сложно.

Таким образом, можно сделать еще один вывод — нормативная база по регулированию отношений в сфере персональных данных Трудового кодекса РФ не только крайне скудна, но и находится в несогласованном состоянии с другими статьями этого закона. Эти обстоятельства предполагают возможности злоупотреблений со стороны работодателем при использовании полиграфа. При этом следует отметить, что возможные нарушения в данной сфере крайне сложно выявлять и фиксировать органам надзора и контроля за соблюдением законодательства в трудовых правоотношениях.

Ситуация сегодняшнего дня позволяет нам констатировать следующие факты. Тестирование на полиграфе в частном секторе экономики не запрещено. Масштабы применения полиграфа в частном секторе экономики не носят повсеместного характера, но в ряде случаев полиграф применяется. Использование полиграфа дает работодателю определенные преференции. Можно предположить, что возможности полиграфа обусловят его более широкое распространение в частном секторе экономики, а следовательно принятие специального федерального закона о использовании полиграфа, является насущной необходимостью. Имеющееся сегодня нормативное регулирование не позволяет оптимизировать интересы работника и работодателя при использовании полиграфических исследований.

Библиографический список

1. *Аношин К. В., Шигирданова И. Ю.* Отношение граждан к использованию технологии полиграфа в органах государственной власти // Материалы Афанасьевских чтений. — 2018. — № 2(23). — С. 11–25.
2. *Кузнецов А. А., Рогожина В. В.* Полиграф — из истории до наших дней // Вестник современных исследований. — 2018. — № 11.8(26). — С. 55–57.
3. *Патова Е. М.* Антикоррупционные механизмы в реализации кадровой политики государственных органов и органов местного самоуправления // Журнал российского права. — 2016. — № 12(240). — С. 114–122.
4. *Самофалова В. В., Посохов С. Э.* Полиграф сегодня: проблемы применения // Центральный научный вестник. — 2018. — Т. 3, № 10S(51S). — С. 22–24.

Ю. Н. Мальгинова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Российское правосудие в условиях формирования национальной цифровой экономики

Аннотация. Рассматриваются основные направления Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. в части ее реализации в судебной системе Российской Федерации, а также процессуальное законодательство, связанное с применением цифровых технологий в российском правосудии.

Ключевые слова: цифровая экономика; правосудие; стратегия; электронный документ.

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208, в п. 11 констатирует, что информационные и коммуникационные технологии стали частью современных управленческих систем во всех отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка. Стратегия установила перечень мероприятий, которые должны быть осуществлены при реализации национальных интересов в области цифровой экономики. К ним отнесены применение в органах государственной власти Российской Федерации новых технологий, обеспечивающих повышение качества государственного управления, создание основанных на информационных и коммуникационных технологиях систем управления и мониторинга во всех сферах общественной жизни (п. 40), использование инфраструктуры электронного правительства для оказания государственных, а также востребованных гражданами коммерческих и некоммерческих услуг (п. 41) и другие мероприятия.

Главным способом обеспечения эффективности цифровой экономики становится внедрение технологии обработки данных, применяемой во всех сферах нашего государства. Пункт 43 Стратегии экономической безопасности Российской Федерации важным определяет внесение изменений в законодательство Российской Федерации, направленное на обеспечение соответствия нормативно-правового регулирования темпам развития цифровой экономики и устранение административных барьеров.

Функционирование цифровой экономики невозможно без конкретного института государства по разрешению споров, позиционирующего себя как система органов, деятельность которых направлена на быстрое и правильное рассмотрение споров. Судебная система Российской Федерации, действуя в концепции развития цифровой экономики, в своей деятельности применяет информационные технологии, направленные в частности на подачу, представление документов в судебные органы в форме электронного документа или бумажного документа в отсканированной форме.

Российское правосудие подвергается систематическому реформированию и усовершенствованию путем внедрения новых информационных технологий и продуктов при осуществлении своей деятельности. Основные направления по становлению и развитию цифровой экономики, обозначенные в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации, сформировали основные тенденции изменения правосудия в России. Они направлены как на цифровизацию и информатизацию, так и на повышение эффективности разрешения споров и восстановление нарушенного права гражданина или субъекта предпринимательской деятельности в разумные сроки.

Законодателем были внесены изменения в части нормативного закрепления внедрения информационно-телекоммуникационных технологий в процессуальные отношения, в части касающейся безбумажного взаимодействия, использования элек-

тронного документа, обращения в суд в конституционном, гражданском, уголовном и административном судопроизводствах. Так, Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» были введены процессуальные нормы, закрепившие «цифровизацию» процессуальных отношений путем внесения изменений в Гражданский процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. Внесенные изменения в кодифицированные нормативные акты позволяют каждому реализовать свое конституционное право на судебную защиту с помощью цифровых технологий. Важно отметить, что определение первоочередных базовых правовых понятий и институтов, необходимых для развития цифровой экономики, в процессуальных отраслях права произошло не в отраслевых процессуальных источниках, а на уровне подзаконных нормативных актов, что не представляет проблем при их применении.

В настоящее время подача документов в суды различных уровней судебной системы России регулируется положениями Арбитражного процессуального кодекса РФ, Гражданского процессуального кодекса РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, нормами Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи». Указанные нормативные правовые акты предусматривают возможность подачи документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в сети Интернет, без закрепления требований к электронным документам и порядку их подачи через государственные информационные системы.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов», Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2011 г. № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» детально раскрыли положения о подаче процессуального обращения в формах, установленных соответствующим процессуальным кодексом, которые включают в себя основные понятия электронного обращения, условия подачи документов в электронном виде и подачу документов и ряд других вопросов. Судейское сообщество разъяснило, что обращения в электронном виде подаются в суды путем заполнения формы, размещенной на официальных сайтах судов в сети Интернет, в соответствии с порядком подачи документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утверждаемой Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ в пределах своих полномочий. Порядок подачи процессуальных документов в арбитражные суды Российской Федерации в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержден Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2016 г. № 252.

Отечественные процессуальные институты, влияющие на отправление правосудия в условиях цифровой экономики, первостепенным определяют направления нормативного регулирования как основания развития элементов электронного правосудия и информационной инфраструктуры, обеспечивающей реализацию конституционного права на судебную защиту. И. Н. Барциц, В. П. Быков, Е. В. Черникова отме-

чают, что «широкое внедрение новых информационных технологий в судопроизводство определенно повышает эффективность отправления правосудия в целом, обеспечивает его гласность, доступность, оптимизирует сроки разрешения конфликтов» [1, с. 75].

Цифровая экономика на третьем этапе развития определяет задачи, касающиеся комплексного регулирования законодательства в указанной сфере. Представляется, что к этапу комплексного правового регулирования будут определены права и обязанности субъектов правоотношений в цифровой экономике, виды и объекты правоотношений, юридические факты, обуславливающие их возникновение; виды ответственности субъектов и механизмы ее реализации; вопросы юридической значимости цифровых данных, в том числе применительно к документам на бумажном носителе, а равно к другим цифровым данным. Логично, что после внесенных изменений в цифровых правах в Гражданский кодекс РФ требуется внести изменения в процессуальные кодексы с целью закрепления цифровых процессуальных прав. Тенденция отправления правосудия в цифровой форме является перспективной, но в настоящее время существует определенная обеспокоенность, что права и обязанности участников процессуальных отношений, урегулированные на уровне подзаконных актов, в части реализации отдельных элементов электронного правосудия не предоставляют уровень гарантий, установленный процессуальными нормативными актами. Формирование «новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием в цифровой экономике» [2, с. 6]. По мнению В. А. Вайпан, «...все это потребует не только точечных изменений в отдельных нормативных правовых актах, но прежде всего системных поправок в базовые отраслевые законы» [3, с. 7].

Внесение соответствующих изменений в процессуальные кодексы и их применение позволило реализовать концепцию первоочередных мер Стратегии экономической безопасности Российской Федерации, что сформировало новые требования для судебной системы России. Так, научное сообщество активно обсуждает процесс «роботизации юридических процессов» [5, с. 112], применительно к судопроизводству можно назвать исследования о «роботе-судье», при работе «которых правоприменение будет сводится к процедуре «блокчейн» и возможности рассмотрения отдельных несложных категорий дел (например, приказное производство) автоматизировано с применением искусственного интеллекта» [4, с. 7]. Воплощение в жизнь и рассмотрение споров «роботом-судьей», безусловно, позволит реализовать Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденную указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203, и Стратегию экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., но при этом следует понимать, что выстроенный алгоритм не сможет учесть особенности конкретного спора.

Стремительное развитие информационных технологий в российском правосудии сформировало предпосылки для четкой правовой регламентации. «Это необходимо для устранения правовых коллизий, отсутствия подмены понятий и создания эффективного электронного правосудия» [2, с. 53], для этого требуется обеспечить «развитие понятийного аппарата, устранение противоречий в нормативно-правовых актах разной юридической силы, регулирующих данные правоотношения, формирование единых информационных технологий в судебной системе России для судов всех уровней» [2, с. 53]. Предполагается, что при внесении указанных изменений российское правосудие будет находиться на новом цифровом этапе, что позволит усовершенствовать процессуальные правила и деятельность судов судебной системы России в целом.

Правосудие как форма реализации государственной власти судебными органами не имеет четко определенных индикаторов развития в условиях цифровой экономики, и только достижения отечественной юридической доктрины должны выступать ориентирами при реализации доступа к правосудию и отправлении правосудия в условиях цифровой экономики.

Библиографический список

1. Барциц И. Н., Быков В. П., Черникова Е. В. Осуществление электронного правосудия в условиях развития цифровой экономики // Современное право. — 2019. — № 1. — С. 74–82.
2. Белякова А. В. Развитие цифровых технологий в системе правосудия как один из способов ускорения судопроизводства в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. — 2019. — № 12. — С. 50–56.
3. Вайпан В. А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. — 2018. — № 1. — С. 5–18.
4. Валеев Д. Х., Нуриев А. Г. Российское правосудие в реалиях цифровой экономики // Арбитражный и гражданский процесс. — 2019. — № 5. — С. 3–8.
5. Никифорова Т. С., Смирнова К. М. Оставят ли роботы юристов без работы? // Закон. — 2017. — № 11. — С. 110–123.

Г. З. Мансуров

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Международные договоры в системе регуляторов обеспечения экономической безопасности

Аннотация. Рассмотрены особенности взаимодействия норм международного и внутригосударственного права в сфере обеспечения экономической безопасности. Обращается внимание на специфику действия диспозитивных норм международного права.

Ключевые слова: Конституция РФ; международно-правовые акты; государство-продолжатель; Комиссия «Кодекс Алиментариус».

Согласно п. 4 ст. 15 Конституции РФ, *общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ* являются составной частью правовой системы Российской Федерации. Данное обстоятельство означает, что отношения в сфере обеспечения экономической безопасности регулируются совместно международно-правовыми и внутригосударственными актами (как российскими, так и иностранными) [1, с. 49].

Под *международным договором* понимается юридически обязательное соглашение между государствами заключенное в письменной форме и подчиненное международному праву. При этом следует учитывать, что существуют *три вида международных договоров*: межгосударственные, межправительственные и межведомственные.

Межгосударственные договоры имеют приоритет перед всеми нормативными актами РФ, кроме Конституции РФ, так как основной закон имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории РФ (ч. 1 ст. 15). Межправительственные международные договоры имеют преимущество перед всеми иными нормативными актами РФ, кроме Конституции РФ и федеральных законов, межведомственные международные договоры — перед актами соответствующего ведомства.

Россия участвует в ряде договоров как государство-продолжатель СССР. Такое понятие является новым в международном праве, так как обычно в подобных обстоя-

тельства применяется термин «правопреемник». Но правопреемство не распространяется на членство в международных организациях, а СССР являлся постоянным членом Совета Безопасности. По взаимному соглашению государств за РФ был признан статус «государства-продолжателя, что означает принятие всех прав и обязанностей СССР (за исключением тех обязательств, которые были неразрывно связаны с территорией другого члена СНГ).

Специальных международных договоров в сфере обеспечения экономической безопасности не существуют, но эти нормы содержатся в большом количестве международно-правовых актов, важнейшими из которых являются акты главных органов Организации Объединенных Наций — Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности, Экономического и Социального Совета и Международного Суда [2, с. 162].

В сфере обеспечения экономической безопасности приняты следующие документы: Хартия экономических прав и обязанностей государств (принята 12 декабря 1974 г. Резолюцией 3281 (XXIX) на 2315-м пленарном заседании 29-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН), Декларация о запрещении применения военного, политического или экономического принуждения при заключении международных договоров (принята 23 мая 1969 г. конференцией ООН по праву договоров), Руководящие принципы для защиты интересов потребителей (приняты 9 апреля 1985 г. Резолюцией 39/248 на 106-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН), Декларация Организации Объединенных Наций о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях (принята 16 декабря 1996 г. Резолюцией 51/191 на 86-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) и др.

22 августа 2012 г. РФ стала членом *Всемирной торговой организации*. При этом РФ приняла на себя ряд обязательств закрепленные, в частности, в Протоколе о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации (16 декабря 2011 г.).

Российская Федерация является членом *Евразийского экономического союза (ЕАЭС)*. Договор о Евразийском экономическом союзе подписан 29 мая 2014 г., с изменениями вступил в силу с 12 августа 2017 г.

Членами Евразийского экономического сообщества, кроме РФ, в настоящее время являются Армения, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан. Основными целями Союза являются:

- 1) создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;
- 2) стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;
- 3) всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Согласно Консультативному заключению Экономического Суда СНГ, акты Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) — предшественника ЕАЭС, также как и акты любой международной организации, подразделяются на две группы: по внутриорганизационным вопросам (*внутренняя регламентация*) и по вопросам непосредственного осуществления целей международной организации (*внешняя регламентация*).

Первая группа актов касается принятия правил процедуры, правил персонала и установления иных норм, регулирующих деятельность внутри международной организации. К ним относятся решения органов ЕврАзЭС, определяющие структуру и механизм функционирования органов ЕврАзЭС, взаимоотношения между ними, по-

рядок назначения, статус должностных лиц и служащих органов ЕврАзЭС и другие внутриорганизационные вопросы.

Во вторую группу входят акты по вопросам непосредственного осуществления целей международной организации, адресованные государствам-членам и устанавливающие права и обязанности в их взаимоотношениях друг с другом, с третьими государствами и международными организациями. Очевидно, что все эти признаки характерны и для актов ЕАЭС.

Кроме вышеуказанных актов, содержащих общие требования к обеспечению экономической и, в частности, продовольственной безопасности, в системе международно-правовых регуляторов имеются также документы весьма конкретного содержания, к числу важнейших из которых относится кодекс Алиментариуса — свод пищевых стандартов, принятых совместной комиссией ФАО и ВОЗ. Название документа связано со сводом Codex Alimentarius Austriacus — собрание стандартов и описаний множества продуктов питания, разработанное в Австро-Венгерской Империи (1897–1911 гг.). В настоящее время, согласно коммюнике совещания «Группы восьми» на Окинаве 2000 года», комиссия «Кодекс Алиментариус», оставаясь специализированной комиссией при ФАО/ВОЗ, признана главным органом, устанавливающим стандарты в области безопасности пищевых продуктов. Международно-правовыми актами кодекс Алиментариуса признан нормативным актом, содержащим диспозитивные нормы, т. е. данный документ применяется, если иное не установлено внутригосударственными актами. Так, например, согласно ч. 2 ст. 2 Соглашения между Министерством здравоохранения Российской Федерации и Министерством здравоохранения Республики Молдова о взаимном признании гигиенических заключений (сертификатов) от 19 февраля 1999 г., в случае отсутствия национальных требований к качеству и безопасности продукции, стороны руководствуются нормами и рекомендациями международных организаций (ВОЗ, Комиссия «Кодекс Алиментариус», директивы ЕС). Во внутреннем законодательстве кодекс Алиментариуса рассматривается как модельный акт (например, письмо Минздрава РФ от 25 января 2001 г. № 2510/797-01-32 «Об усилении Госсанэпиднадзора за пищевыми добавками», постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 11 января 2001 г. № 1 «О санитарно-эпидемиологической экспертизе пищевых ароматизаторов» и т. д.).

Библиографический список

1. *Канашевский В. А.* Международное частное право. — М.: Международные отношения, 2016. — 1008 с.
2. *Силин Я. П., Дворяджина Е. Б., Новикова Н. В.* Экономическая безопасность: учеб. пособие. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2010. — 177 с.

И. Э. Мартыненко

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь

Противодействие контрабанде культурных ценностей как мера обеспечения экономической безопасности: опыт государств — членов ЕАЭС

Аннотация. Рассматриваются особенности организации противодействия контрабанде культурных ценностей. Автор отмечает новые тенденции нелегального оборота предметов старины и искусства через таможенную границу Евразийского экономического союза. Предложены некоторые практические меры по организации противодействия участия культурных ценностей в международном нелегальном обороте.

Ключевые слова: ЕАЭС; невозвращение культурных ценностей; правовые меры обеспечения экономической безопасности.

Процесс глобализации в значительной мере способствует расширению масштабов транснациональной преступности, одним из проявлений которой является нелегальный оборот культурных ценностей. В этой связи значительно возрастает роль межгосударственных институтов в координации согласованных усилий в противодействии транснациональной организованной преступности. В ответ на вызовы и угрозы усилиями государств-участников СНГ создана и успешно функционирует комплексная правовая и организационная система противодействия преступности, незаконному обороту культурных ценностей.

Главный итог совместной работы — сохранение контроля над криминогенной ситуацией на пространстве государств-участников Содружества. Борьба с контрабандой является важной составной частью обеспечения как национальной безопасности каждой страны, так и мирового сообщества. В силу особенностей географического положения Беларуси можно утверждать, что контрабанда (в том числе, и культурных ценностей) будет удерживать лидерство среди других правонарушений, совершаемых во внешнеэкономической деятельности.

Термин «контрабанда» означает обман таможи, состоящий в перемещении товаров через таможенную границу в любой скрытой форме. Такое определение дается в Международной конвенции «О взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений», принятой в Найроби 9 июня 1977 г.¹

Понятие «борьба с контрабандой» не имеет законодательного закрепления и раскрывается в международных документах и ведомственных нормативных актах. Противодействие контрабанде культурных ценностей представляет комплекс организационно-правовых мероприятий по выявлению, пресечению, профилактике и раскрытию контрабанды культурных ценностей, осуществляемый с привлечением организационно-правовых, технологических средств таможенного и пограничного контроля, а также оперативно-розыскных методов и средств. В соответствии со ст. 17 *Основ таможенных законодательств государств-участников СНГ*, утвержденных еще решением Совета глав государств СНГ от 10 февраля 1995 г., контрабандой признаются следующие два состава преступления.

¹ *О присоединении* Республики Беларусь к Международной конвенции о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений: указ Президента Республики Беларусь от 19 июня 2000 г. № 350.

Во-первых, это *перемещение* через таможенную границу государства предметов художественного, исторического и археологического достояния народов, совершенное одним из следующих способов:

- 1) помимо или с сокрытием от таможенного контроля;
- 2) с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации;
- 3) сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием предметов.

Во-вторых, это *невозвращение* на таможенную территорию государства предметов художественного, исторического и археологического достояния народов, вывезенных за пределы таможенной территории определенного государства, если такое возвращение является обязательным. Эти два уголовно-правовых запрета установлены в законодательстве большинства государств-участников СНГ.

Исследование правоохранительной практики позволяет утверждать, что в сфере нелегального оборота культурных ценностей функционируют специально подготовленные преступные группировки, действующие со строгим распределением криминального труда по следующей схеме: заказ — хищение — доставка к границе — контрабандный вывоз — передача заказчику. Совершаются эти действия в условиях глубокой конспирации и с использованием коррумпированных связей по обе стороны границы. Криминальные схемы и способы незаконного перемещения культурных ценностей постоянно совершенствуются и зачастую носят международный характер, когда организатор, отправитель и получатель находятся за рубежом двух или нескольких стран. Из этого следует вывод: **контрабандный вывоз предметов старины и искусства принимает характер организованной транснациональной преступности**. Под транснациональной организованной преступностью понимается совокупность преступных формирований, организованных преступных групп, преступных организаций и сообществ, а также их преступная деятельность, совершаемая более чем в одном государстве, либо совершаемая в одном государстве, но существенная часть ее подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве, либо совершаемая в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве или ее существенные последствия имеют место в другом государстве [1, с. 4].

Эмпирические данные подтверждают данный вывод.

В 2019 г. оперативными подразделениями таможенных органов Российской Федерации по фактам незаконного перемещения культурных ценностей возбуждено 17 уголовных дел по ст. 226.1 УК РФ. Наиболее часто эти преступления выявляются в таможенных на западных и южных границах России (Центральный, Северо-Западный, Южный федеральные округа), а также в таможенных аэропортов московского авиаузла: Внуково, Домодедово, Шереметьево¹.

За 2019 г. таможенными органами Республики Беларусь выявлено 17 фактов незаконного перемещения через таможенную границу товаров, представляющих историческую и культурную ценность. Изъят 61 предмет, представляющий культурную ценность².

¹ *Правоохранительная деятельность: современное состояние и перспективы развития. Интервью начальника Главного управления по борьбе с контрабандой ФТС России Андрея Юдинцева журналу «Таможня»* — URL: <http://customs.ru/press/aktual-no/document/214126>.

² *Результаты работы таможенных органов Республики Беларусь за 2019 г. по линии правоохранительной деятельности.* — URL: <http://www.gtk.gov.by/ru/pravoohranenije-ru>.

Как показывает анализ научных источников [2; 3; 4; 6], сфера нелегального рынка культурных ценностей представляет собой такое специфическое криминальное явление, которое проявляется в функционировании устойчивых управляемых организованных преступных групп в рамках определенной территории (региона, страны), занимающихся преступной деятельностью, связанной с оборотом (скупка, перепродажа, перемещение) культурных ценностей с целью получения высоких доходов. Отличительными особенностями нелегального рынка культурных ценностей являются интернационализация преступности, расширение арсенала средств и методов преступной деятельности, усложнение структуры криминальных связей, ужесточение форм и методов борьбы за сферы влияния, усложнение схем и методов получения сверхдоходов преступным путем.

Полученных в ходе исследования эмпирических данных показывает, что отчетливо выделяются две главные категории предметов, которые стремятся приобрести организованные преступные группировки. Первая — художественные ценности, антикварные вещи, размещенные в музеях, культовых зданиях и частных коллекциях. Ко второй категории относятся археологические предметы, обнаруженные во время проведения археологических раскопок, а также предметы военной атрибутики.

В ходе исследования установлены следующие сложившиеся за период после провозглашения странами СНГ своей независимости от СССР, **тенденции нелегального вывоза культурных ценностей.**

— происходит качественный рост нелегального оборота культурных ценностей, через границу перемещаются не только отдельные старинные предметы, но и специально подобранные коллекции;

— преступный промысел в сфере незаконного оборота культурных ценностей отличается высокой степенью профессионализации, специализации и распределением криминального труда, в большинстве случаев вывозимые предметы были ранее похищены из музеев, церквей или частных коллекций; предметами контрабандного вывоза культурных ценностей становятся иконы, старинные монеты, ордена и медали, рукописи, древние и редкие книги, картины, предметы религиозного культа, филателистические материалы, предметы нумизматики, фалеристики и бонистики, а также военная атрибутика;

— только небольшая часть предметов, задержанных на внешней границе страны, имеет белорусское происхождение. Чаще всего территория Республики Беларусь используется для транзита в страны Западной Европы ценностей, приобретенных или похищенных на территории Российской Федерации и странах СНГ. В результате основной поток предметов перемещается через таможенную границу Республики Беларусь в форме нелегальной транзитной миграции культурных ценностей;

— значительная часть историко-культурных ценностей вывозится гражданами, выезжающими на постоянное место жительства за границу. При этом оседание незаконно вывезенных культурных ценностей осуществляются в основном в страны Западной Европы, СНГ, Японию, США, на Ближний Восток. Эту же тенденции отмечают и в России: основными направлениями незаконного вывоза культурных ценностей с территории Российской Федерации являются страны Европейского союза, Китай, Украина, США, а также некоторые другие государства [6];

— в какой-то степени незаконному вывозу культурных ценностей способствует фактическая прозрачность границ Беларуси с Россией: железнодорожные поезда, следуя из России в страны Восточной Европы через границу России с Беларусью, проходят эту границу без контроля, их погранично-таможенный досмотр осуществляется лишь на границе Беларуси с Польшей, Украиной, Литвой;

Говоря о **практические стороны противодействия контрабанде культурных ценностей**, отметим, что их нелегальному обороту способствует незаконная деятельность должностных лиц, извлекающих из этого преступного бизнеса материальную выгоду. Наиболее распространенным является безличный способ перемещения антиквариата, когда старинный предмет скрывается в конструктивных особенностях транспортного средства, следующего международным сообщением (например, в вагоне). При этом сообщники находятся на разных концах канала контрабанды. Обнаруженные таким образом перемещаемые культурные ценности оформляются как не имеющие собственника. Органы пограничного либо таможенного контроля обнаруживают упрятанные в специально подготовленных тайниках, либо в конструктивных особенностях транспортного средства предметы старины, а вот кто их нелегально перемещает через границу, как правило, установить не удается. Этому способствует в определенной мере несовершенство технологической процедуры досмотра. По другому варианту перемещение культурной ценности осуществляется в тайниках транспортного средства на безопасном удалении от места нахождения лица, сопровождающего антиквариат [5, с. 114]. Тайники чаще всего устраивают в нерабочих тамбурах пассажирских вагонов и межпотолочных пространствах, инвентарных ящиках и купе проводников.

Подводя итог сказанному, считаем необходимым сформулировать следующие **выводы**.

1. Косвенно нелегальному обороту культурных ценностей способствуют недостатки законодательства. Поэтому эффективность противодействия нелегальному обороту культурных ценностей зависит от *правильного отражения* в действующих нормативных правовых актах содержания понятий «культурные ценности», «историко-культурные ценности», «объекты культурного наследия», «памятники истории и культуры». Исходя из того, что наши страны образовали ЕАЭС, полагаем, что и в законодательстве должно быть единообразие, тем более, когда создана единая таможенная граница. Поэтому в Уголовном кодексе Республики Беларусь требуется уточнить диспозицию ст. 230 УК, возможно, изложив ее в следующей редакции:

«Умышленное невозвращение в установленный срок на территорию Республики Беларусь культурных ценностей, являющихся достоянием Республики Беларусь или зарубежных стран, вывезенных за ее пределы, если такое возвращение является обязательным в соответствии с законодательством Республики Беларусь, наказывается...»

Те же действия, совершенные повторно, либо группой лиц по предварительному сговору, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, наказываются ...».

Тем самым устанавливается уголовно-правовой запрет на невозвращение на территорию Беларуси не только историко-культурных ценностей (т. е. памятников), но и тех культурных ценностей, для перемещения которых установлены специальные правила в силу их исторической, художественной, научной или иной культурной значимости. Учитывая требования международных обязательств Республики Беларусь, такой запрет должен касаться и культурных ценностей зарубежных стран.

2. С практической точки зрения одним из наиболее эффективных оперативно-розыскных мероприятий для предотвращения нелегального оборота культурных ценностей является **контролируемая поставка**, применение которой позволяет выявить всех участников хищений культурных ценностей, их контрабандного вывоза и сбыта на внутреннем рынке, а также за пределами страны; установить каналы, источники, маршруты, средства, способы контрабандного вывоза, конечного пункта доставки

культурных ценностей; осуществить документирование преступных действий участников преступлений; произвести идентификацию лиц, причастных к хищениям и контрабанде посредством выявления и исследования их следов на контролируемых предметах (культурных ценностях).

Библиографический список

1. Баранник И. Н. Транснациональная организованная преступность и сотрудничество правоохранительных органов российского Дальнего Востока и стран АТР в борьбе с ней (криминологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Владивосток, 2006. — 18 с.
2. Вериков В. В. Уголовная ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — 16 с.
3. Грозин В. Ю. Актуальные вопросы предварительного расследования по делам о невозвращении на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — 37 с.
4. Грязнов А. В. Контрабанда (ст. 188 УК РФ). Историко-правовое, социологическое, уголовно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2000. — 16 с.
5. Лайтман Е. В. Уголовно-правовые вопросы борьбы с контрабандой // Налоговые и иные экономические преступления: сб. науч. ст., вып. 3 / под ред. Л. Л. Кругликова. — Ярославль, 2001. — С. 108–116.
6. Устюжанина Л. В. Перемещение культурных ценностей через таможенную границу Евразийского экономического союза: учеб. пособие. — М.: РУСАЙНС, 2018. — 136 с.

Л. И. Миннегалиева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Способы минимизации экономических угроз для прав работников

Аннотация. В статье рассматривается наиболее часто встречающаяся экономическая угроза для прав работников — невыплата заработной платы. Для минимизации данной угрозы работник вправе самостоятельно попытаться минимизировать ее последствия (самозащита прав) либо обратиться за защитой в уполномоченные органы, которые обязаны отреагировать на каждое обращение работника и принять предусмотренные законодательством меры.

Ключевые слова: экономическая угроза; права работника; минимизация экономических угроз; самозащита; профсоюз; обращение в суд; инспекция по труду.

Право работника на справедливые и благоприятные условия труда провозглашено в ст. 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. и включает:

- право на справедливое вознаграждение своего труда,
- право на равную плату за равный труд,
- право на отдых и безопасные условия труда.

Указанные положения пакта находят развитие и в законодательстве Российской Федерации: в общем виде закреплены в ст. 37 Конституции РФ, а более детально регламентированы в специализированном отраслевом акте — Трудовом кодексе РФ.

Несмотря на провозглашение прав трудящихся, как на международном, так и на национальном уровнях, в нашей стране существуют экономические угрозы прав работника со стороны работодателя.

- К наиболее распространенным экономическим угрозам прав трудящихся относят:
- нарушения при заключении, изменении и прекращении трудового договора,
 - нарушения в части оплаты труда,
 - нарушения в области охраны труда,
 - нарушения при предоставлении гарантий и компенсаций,
 - нарушения при применении дисциплинарных взысканий,
 - отказ в предоставлении гарантий отдельным категориям работников.

Нарушения в области оплаты труда являются одной из наиболее распространенных экономических угроз правам трудящихся. Если количество нарушений в этой сфере увеличится, это может угрожать стабильности государства в целом [3, с. 96].

Выделяют следующие виды нарушений:

- выплата заработной платы один раз в месяц (ст. 136 ТК РФ);
- задержка выплаты заработной платы (ст. 136 ТК РФ);
- невыплата всех сумм, причитающихся при увольнении (ст. 140 ТК РФ).

Способами минимизации экономических угроз прав работников в области оплаты труда являются:

- 1) самозащита работником своих прав;
- 2) профсоюзная защита прав работников;
- 3) судебная защита прав работников;
- 4) государственный надзор и контроль за соблюдением трудового законодательства.

Отказ работника от работы в связи с задержкой выплаты ему заработной платы является одной из форм самозащиты трудовых прав (ст. 379 ТК РФ). Работник может приостановить работу независимо от того, виновен ли работодатель в невыплате заработной платы или нет (п. 57 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2).

Главное в этом случае соблюсти ряд требований, которые установлены законодателем:

- задержка заработной платы более чем на 15 календарных дней [1, с. 55];
- работник должен письменно уведомить о приостановлении работы по причине задержки заработной платы. Как показывает анализ судебной практики, такие уведомления направляются работниками работодателю почтой. При этом письма могут быть как простыми, так с уведомлением или с описью вложения [2, с. 83].

Работник имеет право приостановить работу до полной выплаты заработной платы работодателем (письмо Минтруда России от 25 декабря 2013 г. № 14-2-337). Работник самостоятельно определяет, в какое время воспользоваться этим правом, и может приостановить работу даже во время командировки (Письмо Минтруда России от 18 августа 2017 г. № 14-2/В-761).

На время приостановления работы за работником сохраняется средний заработок (ч. 4 ст. 142 ТК РФ). При задержке выплаты заработной платы работодатель обязан выплатить не только саму заработную плату, но и денежную компенсацию в виде процентов в порядке и размере, которые определены ст. 236 ТК РФ.

Следующим способом минимизации экономических угроз в части невыплаты заработной платы является обращение работника в профсоюзные органы. В ст. 370 ТК РФ за профсоюзами закреплено право на контроль за соблюдением трудового законодательства работодателем. Такое право профсоюзы могут реализовать как в плановом порядке (например, на своем заседании), так и при возникновении конфликтной ситуации: при жалобе работника на задержку выплаты заработной платы. В этом

случае работодатель обязан предоставить профсоюзу все необходимые для проверки документы, связанные с оплатой труда в организации.

Профсоюзные органы независимы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций-работодателей, общественных объединений. Они ни перед кем не отчитываются и никем не контролируются. На законодательном уровне запрещено вмешательство органов и их должностных лиц в деятельность профсоюзов, которое может повлечь за собой ограничение прав профсоюзов или воспрепятствовать законному осуществлению их уставной деятельности [4, с. 171].

В соответствии со ст. 195 ТК РФ работодатель обязан рассмотреть заявление профсоюза о нарушении в организации трудового законодательства в части оплаты труда и сообщить о результатах внутренней проверки профсоюзу. В случае подтверждения факта задержки выплаты заработной платы работодатель обязан устранить указанное нарушение и применить к виновным должностным лицам соответствующее дисциплинарное взыскание.

Обращение работника в судебные органы за взысканием задержанной заработной платы является достаточно действенным способом минимизации экономических угроз его правам. Взыскание заработной платы — одна из распространенных категорий дел, рассматриваемых в судах общей юрисдикции. При обращении в суд работник должен подготовить заявление о выдаче судебного приказа либо исковое заявление о взыскании заработной платы, которое отвечает требованиям Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Обратиться в суд общей юрисдикции за выдачей судебного приказа работник вправе, если одновременно соблюдены следующие условия:

- 1) отсутствует спор о праве: нет спора о подлежащей выплате работнику сумме заработной платы;
- 2) работник не предъявляет дополнительных требований: например, о компенсации морального вреда;
- 3) взыскиваемая с работодателя сумма не превышает пятьсот тысяч рублей.

В остальных случаях работнику следует осуществлять взыскание заработной платы через суд путем подачи искового заявления с последующим получением исполнительного листа для принудительного исполнения вынесенного судебного решения в пользу работника.

Государственный надзор за соблюдением трудового законодательства осуществляет федеральная инспекция труда, состоящая из федерального органа исполнительной власти — Федеральная служба по труду и занятости и его территориальных органов — государственных инспекций труда. На территории Свердловской области действует Государственная инспекция труда Свердловской области. При наличии жалобы работника о нарушении работодателем трудового законодательства в части задержки заработной платы госинспекторы труда вправе: запросить у работодателя необходимые для проверки документы, объяснения и иную информацию; вынести работодателю обязательные для исполнения предписания об устранении выявленных нарушений трудового законодательства.

Если в результате рассмотрения жалобы о невыплате заработной платы государственный инспектор труда выявит нарушения в части задержки выплаты заработной платы со стороны работодателя, он может составить протокол об административном правонарушении, предусмотренном ст. 5.27 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

Кроме того, при поступлении соответствующей жалобы от работника на нарушение его прав в органы прокуратуры (его территориальные органы) должностные

лица обязаны отреагировать, организовать проверку и вынести соответствующее предписание работодателю.

Указанные способы минимизации экономических угроз прав работников влияют в целом на экономическую безопасность организации, которая представляет из себя такое состояние юридических, производственных отношений и организационных связей, материальных и интеллектуальных ресурсов, при котором обеспечиваются стабильность функционирования, финансово-коммерческий успех, прогрессивное научно-техническое и социальное развитие [5, с. 27].

Таким образом, при возникновении экономических угроз прав работников каждый работник вправе самостоятельно попытаться минимизировать их последствия (самозащита прав) либо обратиться за защитой в уполномоченные органы, которые обязаны отреагировать на каждое обращение работника и принять предусмотренные законодательством меры.

Библиографический список

1. Акулинин О. Г. Институт самозащиты в трудовом праве // Трудовое право в России и за рубежом. — 2018. — № 3. — С. 52–54.
2. Бубнова М. Как уведомить работодателя о приостановке работы из-за невыплаты зарплаты? // Трудовое право. — 2019. — № 8. — С. 38–42.
3. Лютов Н. Л. Российское трудовое законодательство и международные трудовые стандарты: соответствие и перспективы совершенствования: научно-практическое пособие. — М.: Юстицинформ, 2012. — 127 с.
4. Мурзина Е. А. Защита трудовых прав работников по российскому и китайскому законодательству // Lex russica. — 2017. — № 12(133). — С. 167–179.
5. Дворяжкина Е. Б., Силин Я. П., Новикова Н. В. Экономическая безопасность: учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. — 194 с.

И. Ю. Остапович

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург;

А. А. Караев

Высшая школа права «АДИЛЕТ» Каспийского университета,
Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан

Конституционная безопасность как условие обеспечения и защиты экономических интересов: на примере России и Казахстана

Аннотация. Рассмотрены вопросы конституционной безопасности и ее влияния на экономическую безопасность. Проведен анализ действующего законодательства Российской Федерации, Республики Казахстан; показаны проблемы конституционно-правового статуса Центрального банка Российской Федерации, Национального банка Республики Казахстан и регулирования их деятельности. Отмечено, что криминализация девальвации позволит минимизировать риски, связанные с экономической деятельностью.

Ключевые слова: конституционная безопасность; экономическая безопасность; Центральный банк Российской Федерации; Национальный банк Республики Казахстан.

Интерес к конституционной безопасности, главным образом, вызван экономическим и политическим кризисом, охватившим практически все страны мира, ростом

внутренних и внешних противоречий, миграционными и иными процессами, способными нарушить политическую стабильность и мирную жизнь граждан. В этой связи, своевременное выявление угроз и рисков правового развития снижает напряженность в обществе, позволяет совершенствовать институциональные и иные механизмы обеспечения конституционной безопасности.

Основной целью обеспечения конституционной безопасности остается превентивное выявление угроз конституционного развития, эффективность правового механизма разрешения политических кризисов и минимизация противоречий между ветвями власти. В основе обеспечения конституционной безопасности лежит, прежде всего, национальный интерес, который является жизненно важной материальной, интеллектуальной и духовной основой общества. Являясь базисом правовой системы, национальные интересы «выступают тем ориентиром, который способен придать ей высший ценностный смысл и выстроить перспективные цели» [2, с. 53]. Содержанием конституционной безопасности всегда выступает правовая защищенность интересов личности, общества и государства.

Таким образом, опираясь на различные подходы и собственный научный поиск, мы приходим к пониманию того, что конституционную безопасность необходимо рассматривать не только как исторически конкретную систему общественных отношений, основанную на легитимной *Конституции и правовых законах*. *Конституционная безопасность представляет собой устойчивое политико-правовое состояние общества, гарантирующее легитимность и дееспособность власти на протяжении неопределенно длительного периода времени, суверенитет страны и правовую защищенность личности*. В современных странах, основы обеспечения конституционной безопасности заложены в конституциях, ряде конституционных и иных законах и подзаконных актах, в которых политическая стабильность, защита конституционного строя и прав человека рассматриваются базисными элементами становления сильного независимого государства.

Анализ юридической литературы показывает, что механизм конституционной безопасности имеет многосоставной характер и наряду с организационно-правовыми гарантиями, включает в себя систему институтов власти, которые в установленном порядке наделены властными полномочиями по обеспечению верховенства Конституции и защите интересов личности.

Законодательство в качестве основных субъектов обеспечения конституционной безопасности называет Президента, Парламент, орган конституционного контроля, прокуратуру и др. Причем в институциональном аспекте все субъекты представляют собой структурную часть механизма государства, каждый из которых в пределах своих возможностей реализует контрольно-надзорные функции по поддержанию режима конституционной безопасности.

Законодательно обозначены и объекты конституционной безопасности. Так, конституция в качестве основополагающих приоритетов называет обеспечение прав и свобод личности и сохранение общественного согласия, политическую стабильность и экономическое развитие на благо всего народа, казахстанский патриотизм и незыблемость конституционного строя. Опираясь на конституционные нормы Закон Республики Казахстан «О Национальной безопасности»¹ среди приоритетных направлений закрепляет необходимость реализации основополагающих принципов деятельности Республики.

В Российской Федерации также принят специальный закон, который определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности госу-

¹ О национальной безопасности: закон Республики Казахстан от 6 января 2012 г. № 527-IV.

дарства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации¹.

Таким образом, в системе правовых средств обеспечения безопасности, главную роль выполняют органы государственной власти, деятельность которых направлена на упорядочивание политико-властных отношений и формирование правовых условий минимизации угроз и обеспечения национальной безопасности.

В научном анализе проблем обеспечения устойчивого развития Российской Федерации и Республики Казахстан важное место занимает рассмотрение конституционно-правовых угроз и их видов.

Изучение конституционного законодательства России и Республики Казахстан и соответствующей юридической литературы позволяют обозначить следующие:

- несовершенство действующих законов; правовые коллизии и пробелы;
- несбалансированность системы сдержек и противовесов и неразвитость института конституционной ответственности высших должностных лиц государства за принятие неправых решений;
- социальная пассивность общества, низкий уровень правосознания, неверие граждан в силу закона, низкий уровень доверия граждан к судебной системе;
- отсутствие эффективного парламентского контроля;
- неразвитость института референдума (в том числе местного) как формы коммуникации между государством и обществом;
- отсутствие правовых гарантий оппозиционной деятельности и конструктивного национального диалога между государством и всеми политическими партиями и общественными объединениями;
- рост экстремизма как проявление крайних политических, национальных и религиозных взглядов;
- снижение ВВП; дальнейший рост внешнего совокупного долга;
- инфляционные процессы; нестабильность национальных валют; социальное расслоение общества;
- высокий уровень закредитованности населения и снижение их платежеспособности и др.;
- административные штрафы, не соответствующие принципам справедливости и соразмерности;
- санкционная политика ЕС и США в отношении России, влияющая и на экономику Казахстана;
- зависимость бюджета страны от цен на сырьевые ресурсы и др.

Профессор Б. С. Эбзеев, анализируя данные проблемы к ним относит также и *«отсутствие механизма реализации принятых нормативных правовых актов и ответственности за их неисполнение, транснациональную преступность, неконтролируемую деятельность некоторых общественных объединений, создание политических партий и других общественных объединений, преследующих сепаратистские, антиконституционные цели и др.»*²

Изучение мирового опыта и соответствующей юридической литературы позволяет сделать вывод о том, что угрозы существуют и могут обостриться в любой момент. Среди перечисленных выше составляющих, наибольшую угрозу для России

¹ *О безопасности*: федер. закон от 15 декабря 2010 г. № 390-ФЗ.

² Эбзеев Б. С. Конституционная безопасность России и проблемы ее обеспечения. — URL: <https://isfic.info/ebzeev/konprav81.htm>.

и Казахстана могут представлять действия, направленные на подрыв основ конституционного строя. Экстремизм, направленный на разжигание политической, национальной, религиозной и иной розни, по своей разрушительной силе, способен нанести колоссальный ущерб и отбросить ее поступательное развитие.

Однако не все угрозы имеют открытый, видимый характер, решение которых, при грамотной государственной политике вполне контролируемо и предсказуемо. Существуют скрытые угрозы, появление которых трудно предсказать даже специалистам. Например, возникновение мировых экономических кризисов, техногенные катастрофы, приход к власти партий или глав государств с иным миропониманием, перевороты и другие явления, о которых мы не можем знать заранее, вместе с тем, способны кардинально изменить ситуацию в мире (или государстве) и повлиять на внутри конституционную безопасность. Серьезную угрозу могут представлять и миграционные процессы [1].

Известный писатель Насим Талеб, внезапные события современности называет «черными лебедями», дающими мощный импульс в развитие социально-экономических и политических процессов. Квинтэссенцией его работы выступает афоризм «важно не то, что мы знаем, важно то, чего мы не знаем» [3]. Суть данной мысли заключается в том, что трудно прогнозируемые и неожиданные события, о которых мы не знали, могут иметь значительные последствия для современных стран. Касается это и конституционных процессов, происходящих в России и Казахстане, стабильность которых весьма условна, и в силу определенных обстоятельств, трудно прогнозируема.

Поэтому нужны не только точечные конституционные корректировки, направленные на минимизацию рисков и снятие возможных противоречий в сфере конституционных, национальных, религиозных, языковых и миграционных процессов, но и комплексный подход, направленный на обеспечение экономической и политической безопасности общества.

Так, в конституциях России и Казахстана ярко прослеживается неопределенность конституционного статуса Центрального банка Российской Федерации и Национального банка Республики Казахстан. В частности, в ст. 75 Конституции России установлено, что защита и обеспечение устойчивости рубля — основная функция Центрального банка Российской Федерации (ЦБ РФ), которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти. Как известно, банковская система необходима для обслуживания обеспечения всех отраслей экономики финансовыми ресурсами. При этом, в современной истории Российской Федерации граждане России дважды испытали в 1998 г.¹ и в 2014 г.² ущемление своих конституционных прав действиями ЦБ РФ. В обозначенное время россияне беднели с каждым днем, когда курс рубля в стремительно двигался в сторону снижения по отношению к ведущим мировым валютам³. До настоящего времени, утраченные гражданами России средства, так и не возвращены ЦБ РФ. Кроме всего, не выплачены компенсации ввиду нарушения ч. 2 ст. 75 Конституции РФ. Указанное, влияет не только на экономическое благосостояние жителей России, но и на инвестиционную привлекательность страны. В Республике Казахстан не удалось избежать подобных проблем⁴.

¹ Дефолт 1998 г. в России: причины, хронология, последствия. — URL: <https://ria.ru/20110824/422-807796.html>; и др.

² Секрет девальвации: почему в 2014 г. обвалился рубль. — URL: <https://news.rambler.ru/other/42105769-sekret-devalvatsii-pochemu-v-2014-godu-obvalilsya-rubl>.

³ Подробнее об этом: Дефолт 1998 гю в России: причины, хронология, последствия. — URL: <https://ria.ru/20110824/422807796.html>; и др.

⁴ Все девальвации Казахстана: как это было. — URL: <https://365info.kz/2017/11/vse-devalvatsii-kazahstana-kak-eto-bylo>.

Таким образом, в целях конституционной безопасности и с учетом мировой банковской практики назрел вопрос об определении конституционно-правового статуса Центрального банка Российской Федерации и Национального банка Республики Казахстан в тексте конституции с установлением ответственности в области ошибочной валютной политике. Так в некоторых зарубежных странах (Франция, Чехия и др.) существует термин четвертой ветви власти — «контрольно-финансовой», к которой и относят Национальные банки, и их статус закреплён в конституциях этих государств. Например, в Конституциях Литовской Республики и Республики Беларусь даются четкие определения основных направлений деятельности их Национальных банков. Определены прозрачные механизмы.

Кроме того, введение термина «девальвация» в национальное законодательство и установление ответственности в области обеспечения экономической безопасности позволит минимизировать риски, связанные с экономической деятельностью. Известно, что в целях обеспечения макроэкономической стабилизации и сбалансированности экономики власти многих стран сознательно осуществляют девальвацию национальных валют. Эффективность девальвации состоит в том, что снижается отрицательное сальдо торгового и платежного балансов, прекращается истощения золотовалютных резервов страны и обеспечивается конкурентоспособность национальной экономики на международном рынке («Как Казахстан потерял 400 млн долл. США») [4].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что мировой опыт показывает, что устойчивое развитие конституционной безопасности невозможно и без духовного возрождения общества, его культуры и традиций, являющихся залогом построения сильного и независимого государства. Русский историк и литератор Н. М. Карамзин писал по этому поводу, что «...государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество»¹.

Библиографический список

1. Балашова Т. Н. Национальный интерес и национальная безопасность в контексте миграции населения: взаимосвязь и взаимодействие // Общество и право. — 2008. — № 1(19). — С. 23–31.
2. Езеров А. А. Объект и содержание конституционной безопасности // Юридическая наука. — 2011. — № 1. — С. 50–53.
3. Талёв Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. — М.: Колибри, 2020. — 736 с.
4. Экономическая безопасность и проблемы ее обеспечения в Республике Казахстан / Р. О. Бугубаева, К. С. Айнабек, Н. И. Видрицкая, Б. У. Сейтхожин. — Караганда: Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, 2013. — 183 с.

¹ Карамзин Н. М. Жемчужины мысли. — URL: <http://www.inpearls.ru>.

Гражданско-правовой институт действий в чужом интересе без поручения как правовое средство обеспечения экономической безопасности

Аннотация. Отмечается, что гражданско-правовой институт действий в чужом интересе без поручения является одним из эффективных правовых средств обеспечения экономической безопасности. По мнению автора, данный факт обусловлен тем, что, с одной стороны, институт направлен на защиту лиц, чьи имущественные права могут быть нарушены, а они сами не имеют возможности их защитить по различным обстоятельствам; а с другой — предусматривает восстановление экономического положения лица, действовавшего в чужом интересе без поручения, путем возмещения ему реального ущерба, который возникает вследствие действий, совершенных с целью предотвращения ущерба имуществу заинтересованного лица.

Ключевые слова: экономическая безопасность; правовые средства; правовой институт; действия в чужом интересе.

В научной литературе экономическая безопасность рассматривается как качественная характеристика экономической системы, которая определяет ее способность поддерживать нормальные условия жизнедеятельности конкретного предприятия, отрасли, населения, а также последовательную реализацию государственных интересов. Важнейшим составным элементом системы экономической безопасности является обеспечение защиты собственности, так как институт собственности является необходимым инструментом развития человека и общества. Существует обоснованное мнение, что собственность как экономическая категория характеризует отношения между субъектами по поводу материальных благ. В частности, раздел II Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) предусматривает правовое регулирование отношений по поводу присвоения и принадлежности материальных благ определенным субъектам, осуществления ими правомочий по владению, пользованию и распоряжению своим имуществом. Также ГК РФ является одним из нормативно-правовых актов, предусматривающий комплекс мер защиты права собственности, т. е. служит правовым средством обеспечения экономической безопасности [4, с. 66–70].

В соответствии со ст. 210 ГК РФ собственник несет бремя содержания своего имущества, т. е. собственник обязан поддерживать его в надлежащем, исправном, безопасном и пригодном для использования в соответствии с назначением имущества состоянии [3, с. 127]. Однако бывают ситуации, когда собственник не имеет возможности осуществить охрану своих имущественных интересов (экстренная ситуация, отсутствие в месте постоянного жительства и т. п.). Нередко при таких обстоятельствах помощь оказывают посторонние лица, при этом, не имея от собственника каких-либо поручений и указаний на совершение данных действий. Как правило, это делается по моральным соображениям в целях избегания негативных последствий для собственника. Действия в чужом интересе должны отвечать требованиям ст. 980 ГК РФ, в противном случае они не послужат возникновению соответствующего обязательства. В науке такие действия рассматриваются как правомерные и общественно полезные [1, с. 356–357; 2, с. 4]. Конституционный Суд Российской Федерации, в свою очередь, резюмирует, что положения п. 1 ст. 980 ГК РФ направлены на защиту лиц, в интересах которых совершаются такие действия¹.

¹ *Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 1678-О.*

Хотелось бы обратить внимание, что лицо, совершая действия по охране и спасению имущества другого лица, действует по своей воле, его к этому закон или договор не обязывают. При этом на его стороне могут возникнуть какие-либо потери в виде повреждения собственного имущества, несение расходов в связи с выполнением действий в интересах другого лица и т. п. Тогда гражданско-правовой институт действий в чужом интересе без поручения (гл. 50 ГК РФ) защищает уже его имущественные интересы. Так как этот институт представляет собой разновидность внедоговорных обязательств и выступает формой реализации мер защиты [5, с. 38]. Задача данного института состоит в восстановлении экономического положения лица, действовавшего в чужом интересе без поручения, путем возмещения ему реального ущерба, который возникает вследствие действий, совершенных с целью предотвращения имуществу заинтересованного лица.

Сторонами обязательства из действий в чужом интересе без поручения, как правило, являются физические и юридические лица. Государство, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования в данном обязательстве могут выступать лишь на стороне заинтересованного лица, чьи имущественные права защищаются, и только в отношении того имущества, которое не закреплено за конкретными юридическими лицами на праве хозяйственного ведения или оперативного управления. Гражданским кодексом РФ предусмотрены следующие случаи:

- 1) когда это касается имущества, составляющего казну публично-правовых образований;
- 2) когда публично-правовые образования выступают наследниками имущества, которое принадлежало гражданам, в интересах которых действовало лицо без поручения;
- 3) когда публично-правовые образования несут субсидиарную обязанность по долгам юридических лиц, в интересах которых действовало лицо без поручения.

Не относятся к лицам, действовавшим в чужом интересе без поручения, органы государственной и муниципальной власти, для которых такие действия являются одной из целей их деятельности (п. 2 ст. 980 ГК РФ), так как их деятельность носит публично-правовой характер и не является предметом гражданско-правового регулирования. Например, к таковым относятся органы внутренних дел¹, пожарно-спасательные подразделения федеральной противопожарной службы² и др.

Интересна позиция Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, согласно которой к лицу, действовавшему в чужом интересе без поручения, относится взыскатель долга, в случае если между ним и службой судебных приставов заключен договор на охрану арестованного имущества должника на безвозмездной основе. Так, между взыскателем (ответственным хранителем) по исполнительному производству, возбужденному на основании исполнительного листа Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) о взыскании с пароходства (должника) задолженности по договору займа путем обращения взыскания на предмет залога — морские суда «Борис Лавров», «Профессор Воскресенский», «Садриддин Айни», и службой судебных приставов (заказчиком) заключен договор от 25 октября 2010 г. на оказание услуг охраны арестованного имущества (указанных морских судов) на безвозмездной основе. По условиям договора ответственный хранитель должен принимать все возможные меры для обеспечения сохранности переданных на охрану судов, в том числе соблюдать меры пожарной безопасности, по предотвращению хищения, порчи, повреждения

¹ *О полиции*: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. — Ст. 12.

² *О пожарной безопасности*: федер. закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ. — Ст. 5.

и уничтожения и т. д. В свою очередь ответственный хранитель заключил ряд договоров об оказании организационных услуг по сопровождению мероприятий, связанных с совершением исполнительных действий по обращению взыскания на морские суда, об организации и выполнении обслуживания, формальностей, связанных с судами хранителя, экипажами в течение стоянки в порту и на оказание услуг по предоставлению работников (кадровый аутсорсинг — аренда персонала) в целях обеспечения постоянного нахождения на борту указанных судов минимального состава экипажа в период их стоянки в порту Владивосток. По названным договорам компания оплатила оказанные услуги. Ответственный хранитель полагал, что расходы по совершению исполнительных действий должны возмещаться службой судебных приставов. Однако ВАС РФ утверждает, что Закон об исполнительном производстве¹ регулирует публично-правовые отношения по принудительному исполнению в том числе судебных актов и не содержит положений о возможности возмещения расходов по совершению исполнительных действий взыскателю и лицам, понесшим эти расходы, сначала за счет федерального бюджета в лице службы судебных приставов, а затем по ее требованию - за счет должника. Обязательство же по компенсации непосредственно службой судебных приставов вознаграждения и необходимых расходов по охране или хранению арестованного имущества взыскателю и лицам, понесшим этим расходы, носит договорный характер и вытекает из гражданско-правовых отношений. Предъявленные взыскателем (ответственным хранителем) к службе судебных приставов расходы относятся к содержанию арестованных морских судов. Так как служба судебных приставов не поручала взыскателю нести указанные расходы, то взыскатель действовал в интересах должника. Из этого следует, что понесенные расходы подлежат возмещению по правилам ст. 984 ГК РФ непосредственно с должника (пароходства)².

Конечно, хотелось бы обратить внимание на то, что насколько обоснован вывод суда о применении в данном случае института действий в чужом интересе без поручения. Для того чтобы возникло одноименное обязательство необходим юридический состав: 1) действие лица в чужом интересе без поручения; 2) уведомление заинтересованного о действии в его интересе; 3) неодобрение заинтересованным лицом действия лица, совершенного в его интересе. Ибо при одобрении данного действия порождаются договорные обязательства, имеющую иную юридическую природу (ст. 982 ГК РФ). Помимо этого сами действия в чужом интересе должны соответствовать требованиям ст. 980 ГК РФ. То есть должны совершаться при отсутствии заинтересованного лица, при этом нет возможности испросить согласия на совершение этих действий и т. д. В случае, описываемом выше, служба судебных приставов исполнителей передает взыскиваемое имущество взыскателю помимо воли должника. Имущество до его реализации принадлежит должнику, требует содержания. Эта обязанность лежит на собственнике. Но так как оно арестовано и передано по договору взыскателю, собственник (должник) не имеет возможности осуществить свою обязанность самостоятельно. Так как между взыскателем и должником не было заключено какого-либо договора о содержании морских судов, то полагаем, что в данном случае у должника произошло сбережение имущества в виде денежных средств, необходимых для содержания морских судов. Поэтому должник обязан их вернуть по правилам гл. 60 ГК РФ, а не гл. 50 ГК РФ. Так как, правильное применение норм гражданского права о защите имущественных интересов субъектов собственности также служит для обеспечения экономической безопасности в обществе.

¹ Об исполнительном производстве: федер. закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ.

² Постановление Президиума ВАС РФ от 2 апреля 2013 г. № 15945/12 по делу № А51-10366/2011.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что становление и развитие института действий в чужом интересе без поручения обусловлено необходимостью эффективного обеспечения экономической безопасности. Адекватное правовое регулирование отношений, возникающих из действий в чужом интересе без поручения, является гарантом минимизации и даже ликвидации экономических рисков.

Библиографический список

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. — 3-е изд., доп. и испр. — М.: Статут, 2003. — 1053 с.
2. Гамбаров Ю. С. Гамбаров Ю. С. Добровольная и безвозмездная деятельность в чужом интересе: социологическое основание института *neg. gestio*. — М.: Типография А. И. Мамонтова и К^о, 1880. — 166.
3. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2018. — Т. 1. — 528 с.
4. Прудис Е. В. О понятии и системе экономической безопасности // Бизнес в законе. — 2008. — № 1. — С. 58–65.
5. Свалова Н. А., Чернопол Е. П. Обязательства вследствие действий в чужом интересе без поручения в российском гражданском праве: монография. — Екатеринбург: УрАГС, 2009. — 174 с.

Н. Ю. Чельшева

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург

Гарантии экономической безопасности в механизме правового регулирования прослеживаемости товаров

Аннотация. Приведен обзор правовых актов России и Евразийского экономического союза о внедрении цифровых технологий в систему прослеживаемости товаров. Отношения, складывающиеся в ходе прослеживаемости товаров, рассматриваются как предмет правового регулирования, при этом подчеркивается его специфика, обусловленная вовлечением цифровых технологий в процесс прослеживаемости.

Ключевые слова: прослеживаемость; цифровые технологии; поставка; права потребителей; стандартизация.

Активное проникновение цифровых технологий в различные сферы общественных отношений к настоящему моменту обусловили возрастание интереса юридической науки к вопросам практического внедрения цифровых технологий в социально-экономические отношения. Совокупность цифровых (технических) процессов, создание и использование баз данных и электронных документов образует цифровое пространство, в котором возникают собственные своеобразные отношения, нуждающиеся в правовой регламентации. Правовая природа отношений, складывающихся в ходе создания и использования цифровых механизмов характеризуется, с одной стороны, автономией воли участников таких отношений, а с другой — обязывает их учитывать интересы и возможности контрагента.

Цифровая повестка государства обуславливает разработку новых моделей правового регулирования, адаптированных к цифровизации разнообразных общественных отношений. На пример, согласно Основным направлениям реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г., утвержденным Решением

Совета Евразийской экономической комиссии №82 от 11 октября 2017 г., цифровые технологии подлежат скорейшему внедрению в сферу прослеживаемости и маркировки товаров. Цифровая прослеживаемость товаров (работ, услуг), представляет собой «комплекс технических средств и управленческих мероприятий, направленных на содействие товаропроизводителю в организации его деятельности» [1, с. 41]. Проще говоря, прослеживаемость — это система контроля за операциями, осуществляемыми в ходе оборота товара. Главная функция прослеживаемости заключается в предоставлении информации о товаре как самому товаропроизводителю (продавцу, поставщику), так и его контрагентам (производителям и поставщикам сопутствующих товаров, посредникам в реализации продукции, потребителям), а также контролирующим органам власти. На пример, под прослеживаемостью пищевой продукции понимается возможность документарно установить изготовителя и последующих собственников находящейся в обращении пищевой продукции, кроме конечного потребителя, а также место происхождения (производства, изготовления) пищевой продукции и (или) продовольственного (пищевого) сырья. Отношения, возникающие в ходе прослеживаемости, представляют собой обмен сведениями о товаре. Функционирующий посредством цифровых технологий механизм сбора и учета информации о товаре и операциях, связанных с его оборотом, образует национальную систему прослеживаемости. Согласно Цифровой повестке, к задачам цифровой прослеживаемости относятся: обеспечение достоверности данных; обеспечение безопасности потребителей; борьба с контрафактом; гарантия качества послепродажного обслуживания потребителей; сокращение транзакционных издержек. Поставленные задачи определяют основную цель цифровой прослеживаемости, а именно, повышение и гарантия качества производимых и реализуемых товаров (работ, услуг). Суть разрабатываемого механизма заключается в том, что на основании анализа информации о конкретной единице товара, полученной из цифрового информационного ресурса, содержащего сведения о товаре и каждом из его владельцев (от производителя до конечного пункта розничной купли-продажи) прослеживается движение товара на протяжении всего его жизненного цикла.

Стоит заметить, что в деятельности таможенных органов электронные информационные ресурсы, содержащие информацию о товаре и операциях с ним, используются достаточно давно. Еще в Киотской Международной Конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 г. был предусмотрен порядок предоставления деклараций на товары в электронном виде. При этом в п. 7.4 Конвенции прямо провозглашен стандарт для государств — участников о необходимости регламентации национальным законодательством «электронных способов обмена коммерческой информацией в качестве альтернативы требованиям представления документов на бумажном носителе».

В г. Нур-Султане 29 мая 2019 г. государствами членами ЕАЭС заключено Соглашение о механизме прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию ЕАЭС, согласно которому в рамках механизма прослеживаемости государства — члены обеспечивают обмен сведениями о товарообороте из национальных систем прослеживаемости посредством интегрированной информационной системы Союза (ст. 3 Соглашения).

В России Распоряжением Правительства РФ от 29 июня 2016 г. № 1364-р «Об утверждении Стратегии повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до 2030 г.» предусмотрено создание единой информационной системы прослеживаемости, обеспечивающей контроль качества товара на всех этапах его оборота. В соответствии с названным документом предусмотрена реализация таких мероприя-

тий, как разработка требований к единой информационной системе прослеживаемости, в том числе к системе идентификации всех участников производства и обращения; использование современных технологий для маркировки пищевой продукции знаками, отражающими всех участников ее производства и оборота; обеспечение доступа к информационной системе прослеживаемости потребителям в целях минимизации рисков приобретения некачественной продукции и др.

Для достижения поставленных задач цифровая прослеживаемость интегрирует три группы процессов.

Первую группу таких процессов объединяет система идентификации и описания товаров, предполагающая наличие эффективной системы стандартизации. В качестве примера можно указать Национальный стандарт ГОСТ Р ИСО 22005-2009 «Прослеживаемость в цепочке производства кормов и пищевых продуктов. Общие принципы и основные требования к проектированию и внедрению системы» (утв. приказом Ростехрегулирования от 13 ноября 2009 г. № 502-ст), согласно которому в ходе прослеживаемости определяется время производства продукции, ее качество, местоположение продукта и его компонентов.

Ко второй группе процессов, составляющих систему цифровой прослеживаемости, относится электронный документооборот между продавцом и покупателем, в целях регламентации которого в настоящее время в законодательстве разрабатываются правовые акты по электронному обмену данными и описанию событий и бизнес-процессов, составляющих комплекс типовых организационных, технических и программных решений, гармонизированных с целью использования в различных бизнес-процессах по циклу «заказ — поставка — реализация продукции». На пример, согласно ст. 4 Технического Регламента Таможенного союза ТР ТС 021/2011 «О безопасности пищевой продукции», принятым Решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 880 каждый участник товарооборота должен обладать товарораспорядительными документами, содержащими информацию обо всех собственниках реализуемой пищевой продукции, не допуская при этом сомнений в возможности наличия в цепочке изготовитель — посредник — продавец каких-либо иных владельцев этой продукции, не указанных в товаросопроводительных документах. Соблюдение данного требования необходимо в целях установления факта, подтверждающего, что находящаяся у участника товарооборота продукция произведена конкретным лицом (производителем, изготовителем).

В отличие от обычного предоставления документов в электронном виде в цифровой документооборот осуществляется посредством таких технологий, которые позволяют ознакомиться с информацией о товаре как контрольно-надзорным органам, так и любым заинтересованным участникам товарооборота, включая граждан — потребителей. В настоящее время такой технологией является блокчейн (blockchain), представляющей собой «способ хранения данных или цифровой реестр транзакций, сделок, контрактов, в целом — всего, что нуждается в отдельной независимой записи и при необходимости в проверке» [2, с. 19]. Отличительной особенностью блокчейн-платформ, как баз данных, и их главным преимуществом является их повсеместная распространенность и доступность, благодаря чему усиливается прозрачность и доверие между партнерами по бизнесу (сторонами договоров). Применительно к сфере прослеживаемости товаров посредством блокчейн-технологий в электронной форме создаются декларации товаров и сопроводительные документы, автоматически отражающиеся в информационной системе. Товарам присваивается специальный идентификационный код (знак), посредством считывания которого потребитель получает исчерпывающую информацию о товаре. Это специфический способ маркировки — QR-

код (матричный код или двумерный штрихкод, считываемый посредством приложений на мобильных устройствах), представляющий собой «способ для любого лица, в том числе потребителя, получить информацию о товаре путем входа в его электронное описание, содержащее сведения о его транспортировке, о лицах, связанных с ним, о финансовой истории товара» [4, с. 5]. Сведения о конкретном товаре, предоставляемые потребителю посредством QR-кода, содержатся в различных базах данных, а также на странице корпоративного сайта производителя или импортера/дистрибьютора с описанием того продукта, на который этот код нанесен, что позволяет потребителю получить больше информации о продукте и его производителе. Таким образом, каждый товар приобретает своего рода электронный паспорт, привязанный к сети блокчейн. Задача законодательства в данном случае, придать информации, хранящейся в подобных источниках, юридическую силу. По этому поводу в литературе отмечено, что правовое регулирование отношений, складывающихся в ходе получения и использования информации о товаре из сетей блокчейн должно опираться на такие принципы, как «соблюдения баланса интересов всех участников цифровой экосистемы; эффективности нормативного регулирования» [3, с. 134–135], обеспечивающего беспрепятственное вовлечение цифровых технологий в предпринимательскую деятельность. Единая цель воздействия названных принципов на рассматриваемый предмет правового регулирования сводится к оптимизации профилактических мер, обеспечивающих безопасность и качество товаров, а также гарантирующих защиту граждан — потребителей путем предоставления им исчерпывающей информации о товаре доступными способами.

Третью группу процессов в системе цифровой прослеживаемости составляют события, происходящие с товаром в цепи поставок, фиксируемые посредством технологий Интернета вещей. Если электронный документооборот призван обеспечивать систему контроля со стороны таможенных и иных контрольно-надзорных органов за продвижением товара в цепи поставок, то главной функцией технологий Интернета вещей является предоставление информации о товарообороте между его участниками. Для эффективной организации получения, передачи и хранения подобной информации требуется особая технология искусственного интеллекта, позволяющая немедленно выявлять допущенные нарушения в ходе производства и реализации товара. На пример, в Китае в настоящее время при перевозке товаров железнодорожным транспортом активно используется технология «умная пломба», фиксирующая любые случаи санкционированного так и несанкционированного вскрытия.

В России в качестве систем автоматизации и цифровизации прослеживаемости и контроля в деятельности Россельхознадзора используются такие программы, как «Веста», «Меркурий», «Цербер» и др. Программа «Веста» автоматизирует сбор, передачу и анализ информации по лабораторному тестированию образцов при исследованиях в области диагностики, пищевой безопасности, качества кормов, лекарственных средств и т. п. Программа «Меркурий» предназначена для электронной сертификации поднадзорных государственным ветеринарному надзору грузов, отслеживания пути их перемещения по территории России. Программа «Цербер» контролирует и ведет учет юридически значимых действий в области ветеринарного надзора путем автоматизации процесса сбора и анализа информации о поднадзорных объектах (п. 1.2 Методических указаний по обеспечению функционирования Федеральной государственной информационной системы в области ветеринарии, утв. приказом Россельхознадзора от 30 января 2018 г. № 53).

В свою очередь следует указать на наличие негативных примеров из судебной практики, отражающих недостаточность понимания участниками товарооборота це-

лей применения цифровых технологий в соответствии с требованиями законодательства. Так, согласно постановлению Арбитражного Суда Восточно-Сибирского округа от 20 августа 2019 г. по делу № А33-3853/2019 органами Роспотребнадзора в действиях продавца товара (пищевой продукции) в магазинах розничной торговли было выявлено отсутствие полного пакета товарораспорядительной документации на товары, обеспечивающей их прослеживаемость. В рассматриваемой ситуации товаровладелец предъявил в ходе проверки органам Роспотребнадзора ветеринарное свидетельство, отражающее, по его мнению, прослеживаемость продукции, посредством ГИС «Меркурий», но в котором отсутствует информация обо всех товаровладельцах. При этом, в ходе проверки органами Роспотребнадзора, товаровладельцу было отказано в его ходатайстве о запросе необходимых документов в порядке межведомственного информационного взаимодействия, так как информации о прослеживаемости товара не включена в «Перечень документов и (или) информации, запрашиваемых и получаемых в рамках межведомственного информационного взаимодействия органами государственного контроля (надзора), органами муниципального контроля при организации и проведении проверок от иных государственных органов, органов местного самоуправления либо подведомственных государственным органам или органам местного самоуправления организаций, в распоряжении которых находятся эти документы и (или) информация», утв. распоряжением Правительства РФ от 19 апреля 2016 г. №724-р. Приведенный пример демонстрирует существующее на сегодняшний день несоответствие в понимании целей применения цифровых технологий прослеживаемости товаров со стороны контрольно-надзорных органов и со стороны участников товарооборота.

При этом несомненна экономическая выгода для участников оборота в использовании цифровых технологий прослеживаемости товара. Предоставляемая технологией информация отражает действия каждого из участников цепи поставок конкретной партии товара, позволяя определить степень разумности и добросовестности его поведения. В частности, если один из поставщиков перекупил партию товара для последующей перепродажи по завышенной цене, не исполнив каких-либо логистических и или иных полезных для оборота функций, то соответствующая информация об этом будет отражена в системе. Таким, образом, с точки зрения экономико-правовых последствий, предполагается, что внедрение технологий цифровой прослеживаемости, с одной стороны, позволит сократить объем отчетных документов и проверок в отношении субъектов предпринимательской деятельности, а с другой — неизменно приведет к сокращению теневых схем товарооборота. В сфере гражданско-правовых отношений, складывающихся по поводу производства и реализации товаров, технологии цифровой прослеживаемости, на наш взгляд, повысят эффективность реализации стимулирующей функции права, направленной на развитие принципов добросовестности и разумности поведения участников товарооборота в целях повышения качества товаров. Для потребителей система цифровой прослеживаемости обеспечит беспрепятственный доступ к информации о товаре. В целом, цифровые технологии позволяют создавать новые правовые институты, направленные, в первую очередь, на формирование среды доверия в области цифровых прав граждан и организаций.

Библиографический список

1. *Бондарева С. А.* Внедрение и цифровизация системы прослеживаемости пищевых продуктов для обеспечения продовольственной безопасности России // Научный вестник Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. — 2018. — № 1. — С. 40–44.

2. *Дмитриева О. А.* Технологии «единое окно» и «блокчейн» как пути совершенствования межведомственного информационно-технического взаимодействия // Таможенное дело. — 2017. — № 3. — С. 18–21.

3. *Егорова М. А.* Основные подходы к формированию моделей нормативного регулирования отношений в сфере цифровых технологий // Актуальные проблемы современного права и экономики Европы и Азии = Topical issues problems of modern law and economics in Europe and Asia: кол. моногр. / А. П. Алексеенко, В. С. Белых, Е. Е. Богданова и др.; отв. ред. М. А. Егорова, И. В. Халевинский. — М.: Юстицинформ, 2018. — Т. 1. — С. 134–135.

4. *Коровяковский Д. Г.* Использование технологий блокчейн в таможенном деле: зарубежный опыт и российские перспективы // Таможенное дело. — 2018. — № 2. — С. 3–8.

М. В. Чудиновских

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Механизмы противодействия уклонению от уплаты налогов в условиях цифровой экономики: мифы и реальность

Аннотация. Представлен анализ механизмов противодействия уклонению от уплаты налогов в условиях цифровой экономики. Особое внимание уделено налоговому эксперименту по повышению собираемости налогов с самозанятых граждан. Автором дана критическая оценка и определены заблуждения, которые тиражируются в средствах массовой информации по вопросам возможности использования цифровых технологий для налогового контроля.

Ключевые слова: налоги; контроль; уклонение; самозанятость; цифровые технологии.

Развитие цифровой экономики в России является одним из важнейших условий перехода к ускоренным темпам экономического роста. В июле 2017 г. Правительством РФ утверждена национальная программа, в которой значительное место отводится необходимости совершенствования нормативно-правовой базы и внедрения новых технологий в деятельность органов государственной власти. Большое значение имеет совершенствование механизмов налогового контроля и противодействие уклонению от уплаты налогов. Уклонение от уплаты налогов представляет угрозу экономической безопасности страны.

В условиях цифровой экономики возникают как новые схемы уклонения от уплаты налогов, так и новые механизмы налогового контроля. Анализ действующего налогового законодательства и поправок, которые вносились в него в период с 2010 г. позволяет сделать вывод о том, что многие аспекты применения цифровых технологий уже нашли отражение в Налоговом кодексе РФ (НК РФ). Начиная с 2010 г. постоянно ведется работа по совершенствованию электронного документооборота с налогоплательщиками — организациями и индивидуальными предпринимателями. В соответствии с Федеральным законом от 4 ноября 2014 г. № 347-ФЗ документы в электронной форме, подписанные автоматически созданной электронной подписью налогового органа, признаются равнозначными документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью должностного лица налогового органа. Федеральным законом от 4 ноября 2014 г. № 347-ФЗ введена ст. 11.2 НК РФ, которая закрепляет понятие «личный кабинет налогоплательщика», порядок получения доступа к нему, особенности использования неквалифицированной электронной подписи.

Развитие электронного документооборота позволяет сократить материальные и временные издержки всех участников налоговых правоотношений. По справедливой оценке Е. Е. Смирновой, «...эффективность применения цифровых технологий в деятельности налоговых органов можно оценивать по степени электронного взаимодей-

ствия с налогоплательщиком, использования автоматизированных систем контроля, обратной связи с налогоплательщиками для оценки качества предоставления государственных услуг» [5]. Повышению эффективности деятельности налоговых органов способствует внедрение новых программных комплексов. Так, программа «АСК НДС-3» расширяет возможности для налоговой службы применять инструменты особого контроля над участниками всей цепочки продвижения товара и денег и позволит эффективнее находить взаимозависимые компании и связанных с ними физических лиц.

С расширением практики использования электронных денежных средств потребовалось внесение изменений в ст. 46. НК РФ, которая закрепляет порядок взыскания налогов за счет средств налогоплательщика. Первоначально эти требования распространялись только на расчетные счета. В настоящее время взыскание налогов может также осуществляться со средств, которые находятся, например, на счетах Яндекс-денег, веб-кошельков. Однако вопрос о возможности исполнения налоговой обязанности за счет средств в криптовалютах пока остается нерешенным, что способствует уклонению от уплаты налогов.

В целях противодействия уклонению от уплаты налогов необходимо совершенствование правовых подходов к налогообложению новых видов деятельности, имущества, активов, которые развиваются в условиях цифровой экономики. В частности, должны быть сформулированы подходы к налогообложению операций с криптовалютами. В условиях цифровой экономики появляются новые профессии и новые виды доходов. Однако налоговое законодательство пока не позволяет однозначно определить порядок налогообложения доходов блоггеров, организацию контроля за поступлением доходов.

Одним из наиболее острых является вопрос о том, как противодействовать уклонению от уплаты налогов самозанятыми гражданами [1]. По данным ФНС, в 2019 г. количество лиц, занятых в неформальном секторе составило более 15 млн чел., из них более 4 млн — это самозанятые. К ним можно отнести тех граждан, которые не зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей, не состоят в трудовых отношениях, но имеют доходы от оказания услуг, продажи товаров, предоставления имущества в аренду. Основными причинами распространения самозанятости являются:

- эволюция отношений на рынке труда, распространение нестандартных форм занятости;
- развитие цифровых технологий и появление новых профессий;
- недостаточный государственный контроль;
- недоверие граждан государству.

Значительная часть самозанятых граждан не платят налоги и страховые взносы. Для решения этой проблемы с 2019 г. проводится налоговый эксперимент по созданию мобильного приложения для самозанятых граждан [3]. Эксперимент был начат в Москве, Московской области, Калужской области, Татарстане. С помощью приложения «Мой налог» граждане могут уплачивать налоги без заполнения деклараций. По данным на конец 2019 г. количество самозанятых, зарегистрировавшихся в новом приложении превысило 280 тыс. чел. Суммарный задекларированный доход составил более 32,6 млрд р. Сумма начисленного налога на профессиональный доход за 2019 г. превысила 1 млрд р. Более 67 % самозанятых ранее не декларировали доходы от предпринимательской деятельности. С 2020 г. действие эксперимента распространено еще более чем на 20 субъектов РФ, в том числе Свердловскую область. Таким образом, внедрение новых технологий, упрощение отчетности может стать эффективным механизмом противодействия уклонению от уплаты налогов.

Представленные примеры показывают, что в условиях цифровой экономики у государства появляются новые механизмы противодействия уклонению от уплаты налогов. Однако технические возможности часто преувеличиваются, что показывают следующие примеры. Например, в газете «Коммерсант» была опубликована статья «Дроны принесут налоги» [1]. В ней описана возможность использования дронов для проведения съемок и выявления незарегистрированных объектов недвижимости. Действительно, такая проблема стоит в Российской Федерации достаточно остро. Многие граждане предпочитают не регистрировать построенные дома, гаражи, а также беседки, бани и прочие хозяйственные строения. Съемки, произведенные с дронов, могли бы решить эту проблему. Такой объект может получить кадастровую оценку и стать объектом налогообложения. Однако пока эта идея не имеет законодательной базы. Налоговый кодекс не содержит норм, которые определяют порядок выявления подобных объектов. Таким образом, рассмотренный пример на данный момент является мифом.

Еще один пример касается возможностей применения искусственного интеллекта для выявления потенциальных неплательщиков налогов в социальных сетях. С развитием цифровых технологий возник бум оказания услуг и продажи товаров через Instagram и другие социальные сети. Граждане активно рекламируют свои услуги, а также получают платежи от заказчиков. В некоторых зарубежных странах уже начаты пилотные проекты по оценке профилей в социальных сетях [2]. Однако в Российской Федерации пока нет законодательных возможностей для реализации такой формы налогового контроля.

Вопрос о том, почему в налоговой сфере стало появляться много недостоверной информации и мифов, требует отдельного обсуждения. Во-первых, современный этап развития цифрового общества привел к буму фейковых новостей. Возможность представить информацию в социальных сетях, на форумах предоставляется любому человеку, проверка достоверности такой информации не проводится. Кроме того, фейковые новости могут распространяться не по незнанию, а умышленно. В этом случае главная задача СМИ — привлечь интерес читателей. Во-вторых, еще одна причина появления мифов может быть связана с необходимостью воздействия на общественное сознание налогоплательщиков.

К. М. Недорезова, К. П. Патюпа приводят следующие данные: «на решение налогоплательщика об уклонении от уплаты налогов часто оказывает влияние поведение других налогоплательщиков и отношение общества к такому поведению. Российские граждане крайне толерантно относятся к такому явлению, как неуплата налогов: по данным опроса Фонда «Общественное мнение» 69 % россиян относятся к неуплате налогов с пониманием, 28 % — даже с одобрением и только 5 % — с осуждением» [4]. Следовательно, распространение недостоверной информации может быть направлено на изменение общественного мнения. Гипертрофированное представление о возможностях государства контролировать действия налогоплательщиков может способствовать изменению общественного мнения в пользу того, что налоги следует платить. Понимание этого явления не означает его оправдания. Представляется, что отношения между государством и налогоплательщиком лучше основывать на взаимном доверии. Налогоплательщик должен понимать, что платежи в бюджет позволяют государству исполнять свои социальные обязательства. Однако такой уровень правовой культуры пока в России не создан.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что количество инструментов контроля за налогоплательщиками в условиях цифровой экономики растет. Однако пока многие идеи носят лишь теоретический характер, так как для их реализации необхо-

димы технологические возможности, необходимое нормативно-правовое обеспечение и повышение налоговой культуры.

Библиографический список

1. Бурова Л. А. Уклонение от уплаты налогов как форма проявления теневых экономических отношений // Вестник Бурятского государственного университета. Сер.: Экономика и менеджмент. — 2014. — № 1. — С. 101–105.

2. Жилкин В. А. Искусственный интеллект и цифровые технологии в юридической деятельности в цифровой реальности (на примере Финляндии) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2018. — № 5(72). — С. 16-21

3. Космач У. Б., Чудиновских М. В. Налог на профессиональный доход: эффективность и перспективы развития // Финансовая экономика: актуальные вопросы развития: сб. тр. II Международ. студенческой науч. конф.: в 2 т. (Хабаровск, 15 ноября 2019 г.). — Хабаровск: Хабаровский гос. ун-т экономики и права, 2019. — С. 189–192.

4. Недорезова К. М., Патюпа К. П. Механизмы противодействия уклонению от уплаты налогов // Достижения науки и образования. — 2016. — № 5. — С. 77–79.

5. Смирнова Е. Е. Оценка эффективности деятельности налоговых органов в условиях цифровизации экономики // Экономика. Налоги. Право. — 2018. — № 2. — С. 149–154

СЕКЦИЯ 3

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ И МУНИЦИПАЛИТЕТОВ

И. А. Антипин

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Стратегическое управление экономической безопасностью крупнейшего города¹

Аннотация. Проведена оценка уровня экономической безопасности г. Екатеринбурга по укрупненным группам показателей социально-экономического развития. Проанализированы цели и приоритеты, содержащие аспекты безопасности, закрепленные в стратегиях социально-экономического развития крупнейших городов Российской Федерации. Предложены рекомендации по совершенствованию процессов стратегического управления экономической безопасностью крупнейшего города.

Ключевые слова: стратегия; стратегическое планирование; город; крупнейший город; безопасность; экономическая безопасность; безопасность города.

Одной из актуальных проблем современности является обеспечение безопасности. Понятие «экономическая безопасность» — сравнительно новое для российской практики, поэтому количество разнообразных подходов к его истолкованию довольно обширно. Система безопасности муниципального уровня призвана обеспечить защиту интересов всех компонентов муниципального образования. Экономическая безопасность муниципального образования — состояние экономики, при котором муниципалитет успешно защищает интересы власти, общества и личности.

В обеспечении экономической безопасности муниципальных образований участвуют все звенья системы государственной и муниципальной власти. Они являются составляющими единой системы обеспечения экономической безопасности и выполняют функции по созданию и реализации механизмов защиты и противодействию внутренним и внешним угрозам.

Существуют различные точки зрения на систему показателей, которую можно использовать для оценки экономической безопасности муниципального образования. Обобщив существующие методики, взгляды ученых-исследователей (см., например: [5; 7; 8]), в настоящей статье оценку экономической безопасности муниципального образования предлагается проводить по следующим укрупненным группам показателей социально-экономического развития:

1) демография — средняя продолжительность жизни; уровень рождаемости; уровень смертности и заболеваемости от различных причин;

2) доходы населения — доля граждан, имеющих доходы ниже прожиточного минимума; разрыв между доходами 10 % самых высокодоходных и 10 % самых низкодоходных групп населения (коэффициент фондов или децильный коэффициент);

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00824 «Инкрементальный подход к формированию и реализации стратегий социально-экономического развития регионов различных иерархических уровней Российской Федерации: единые правила стратегирования».

сопоставление средней заработной платы и пенсии в данном муниципальном образовании с прожиточным минимумом и социальными выплатами в соседних муниципальных образованиях;

3) трудовые ресурсы;

4) финансовый результат деятельности организаций — удельный вес прибыльных организаций; удельный вес убыточных организаций; сальдированный финансовый результат предприятий и организаций; объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 чел.;

5) бюджет — доля налоговых и неналоговых доходов местного бюджета (за исключением поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений) в общем объеме собственных доходов бюджета муниципального образования (без учета субвенций); доля расходов бюджета муниципального образования, формируемых в рамках программ, в общем объеме расходов бюджета, без учета субвенций на исполнение делегируемых полномочий; доля собственных доходов местного бюджета (за исключением безвозмездных поступлений, поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений и доходов от платных услуг, оказываемых муниципальными бюджетными учреждениями) в общем объеме доходов бюджета муниципального образования; отношение объема расходов на обслуживание муниципального долга к расходам бюджета и т. д.;

6) правопорядок — уровень преступности, раскрываемость преступлений и т. д.)

7) экология.

Результаты исследования динамики выше представленных показателей социально-экономического развития, влияющих на уровень экономической безопасности города Екатеринбурга за 2014–2018 гг., представлены в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика динамики показателей компонент экономической безопасности Екатеринбурга

Составляющая экономической безопасности	Динамика показателей
Демография	Положительная
Доходы населения	Положительная
Трудовые ресурсы	Положительная
Финансовый результат деятельности организаций	Положительная
Бюджет	Положительная
Экология	Положительная
Правопорядок	Положительная

Данные табл. 1 позволяют сделать вывод о том, что уровень экономической безопасности муниципального образования «город Екатеринбург» следует оценивать как высокий. Более того, за исследуемый период он укрепляется. Следует отметить, что социально-экономическое развитие города Екатеринбурга достигается, благодаря реализации системы документов долгосрочного планирования и применения комплекса управленческих методов и инструментов. В частности, с 2003 г. реализуется Стратегический план развития Екатеринбурга, в котором, в том числе, предусмотрены вопросы укрепления безопасности.

Обеспечение экономической безопасности муниципального образования возможно через закрепление соответствующих вопросов, действий и т. д. в стратегии его социально-экономического развития. Вопросам стратегического развития крупнейших

городов Российской Федерации в настоящее время посвящены труды многих российских ученых (см., например: [2; 4; 6]). Результаты исследования проработанности аспектов экономической безопасности в системе целей и приоритетов стратегического развития городов-миллионников Российской Федерации представлены в авторской статье 2018 г. [1]. Однако, за 2018–2019 гг. ситуация несколько поменялась. Информация о стратегиях социально-экономического развития мегаполисов Российской Федерации, утвержденных в 2018–2019 гг., представлена в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Сведения о стратегиях социально-экономического развития городов-миллионников Российской Федерации

Город	Наименование действующей редакции основного документа стратегического планирования
Воронеж	Стратегия социально-экономического развития городского округа город Воронеж на период до 2035 г., утв. Решением Воронежской городской Думы от 19 декабря 2018 г. № 1032-IV
Екатеринбург	Стратегический план развития Екатеринбурга до 2030 г., утв. Решением Екатеринбургской городской Думы от 25 мая 2018 г. № 12/81
Красноярск	Стратегия социально-экономического развития города Красноярск до 2030 г., утв. Решением Красноярского городского Совета депутатов от 18 июня 2019 г. № 3-42
Новосибирск	Стратегия социально-экономического развития города Новосибирск на период до 2030 г., утв. Решением Совета народных депутатов города Новосибирска от 24 декабря 2018 г. № 726
Ростов-на-Дону	Стратегия социально-экономического развития города Ростова-на-Дону на период до 2035 г., утв. Решением Ростовской-на-Дону городской Думы от 21 декабря 2018 г. № 603
Уфа	Стратегия социально-экономического развития городского округа город Уфа Республики Башкортостан до 2030 г., утв. Решением Совета городского округа город Уфа Республики Башкортостан от 19 декабря 2018 г. № 35/2

В Стратегии Воронежа одним из результатов стратегического развития является «повышение уровня контролируемости и безопасности общественного пространства». Помимо этого, аспекты безопасности присутствуют в основных направлениях развития. Например, экологическая и общественная безопасность городского округа, общественная безопасность, санитарно-эпидемиологическая безопасность и т. д.

Одним из семи стратегических направлений развития Екатеринбурга является «Развитие гражданского общества и местного самоуправления», в рамках которого предусмотрена стратегическая программа «Екатеринбург — безопасный город». Цель программы — системное обеспечение общественной безопасности муниципального образования как административной единицы и принятие эффективных мер для природно-техногенной безопасности населения; устранение угроз общественной безопасности и жизненно важным интересам личности, общества, государства; создание условий для эффективной деятельности и взаимодействия государственных, муниципальных, общественных, иных организаций, правоохранительных органов.

В разд. 1 Стратегии социально-экономического развития Красноярск до 2030 г. «Современное состояние социально-экономического развития города» представлены общая информация о муниципальном образовании, демографическая ситуация, состояние рынка труда и уровня жизни населения, развитие отраслей социальной сферы и состояние качества жизни, безопасность населения, городские финансы и муниципальная собственность, состояние экономики и предпринимательского сектора, качество городской среды.

В Стратегии Новосибирска выделены два раздела, предусматривающие обеспечение безопасности — «Обеспечение безопасной жизни в городе» (разд. 2.1.4) и «Формирование современной и безопасной городской среды» (разд. 3.3).

В Стратегии Ростова-на-Дону вопросы безопасности определены во всех ключевых направлениях стратегического развития. В частности, прописаны такие категории, как безопасность труда, безопасность среды обитания, безопасность и качество услуг, информационная безопасность. Обозначен приоритет стратегического развития «Создание безопасного и комфортного городского пространства».

В Стратегии Уфы термин «безопасность» и производные от него встречаются 109 раз. Аспектами безопасности пронизаны все сферы развития города. Безопасные дороги, безопасный пассажирский транспорт, безопасный город, безопасная и комфортная среда проживания, безопасные потребительские товары, безопасность производства и т. д. Вызывают интерес и довольно специфические словосочетания, например, «безопасное землепользование», «территория личной безопасности» и т. д. Уделено внимание вопросам экономической безопасности города — одним из индикаторов эффективности реализации стратегии является экономически безопасный уровень объема муниципальных долговых обязательств (муниципального долга).

Анализ стратегий социально-экономического развития городов-миллионников Российской Федерации показал, что аспекты безопасности присутствуют в них фрагментарно. В стратегиях, разработанных в 2018–2019 гг., вопросы безопасности присутствуют в большей степени, нежели в более ранних документах. Однако каждый из городов понимает эти аспекты по-разному, и не всегда правильно, что может привести к снижению потенциала, темпов социально-экономического развития, уровня экономической безопасности.

В целях совершенствования процессов стратегического управления безопасностью представим три авторских предложения, возможные к реализации в любом крупнейшем городе.

1. Необходимо совершенствование гражданской обороны, техногенной и природной безопасности жизнедеятельности населения.

2. Следует уделить внимание повышению эффективности системы управления безопасностью муниципального образования.

3. Необходимо определить взаимосвязь между предлагаемыми мероприятиями (первое и второе авторские предложения) и механизмами стратегического управления (например, стратегическими проектами) крупнейшего города, предусмотренными в его стратегии социально-экономического развития.

Подводя итоги, следует отметить, что от правильности определения целей и приоритетов стратегического развития и грамотности их реализации, зависят результаты социально-экономического развития любой территории, в том числе ее экономическая безопасность. Аспекты экономической безопасности не следует оставлять без внимания при разработке методических рекомендаций по формированию стратегий социально-экономического развития [3], а также при разработке самих стратегий.

Библиографический список

1. Антипин И. А. Безопасность — необходимая составляющая стратегического развития города // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 мая 2018 г.). — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. — С. 172–176.

2. Антипин И. А. Мегалополис: формирование и развитие в старопромышленном регионе // Управленец. — 2010. — № 5–6 (9–10). — С. 24–32.
3. Антипин И. А. Определение миссии и целей развития территории: единые правила стратегирования // Общество: политика, экономика, право. — 2018. — № 8(61). — С. 53–58.
4. Жихаревич Б. С. Десять лет городским стратегиям в России // Пространственная организация общества: сб. науч. тр. / под общ. ред. А. И. Татаркина. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2007. — С. 53–61.
5. Зенина Т. Е. Методы снижения финансовых угроз в обеспечении экономической безопасности муниципального образования: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05, 08.00.10. — СПб., 2009. — 167 с.
6. Зубаревич Н. В. Крупнейшие города России как «агенты» глобализации // Россия и современный мир. — 2002. — № 4(37). — С. 97–101.
7. Илларионов А. И. Критерии экономической безопасности // Вопросы экономики. — 1998. — № 10. — С. 35–58.
8. Экономическая и национальная безопасность / под ред. Е. А. Олейникова. — М.: Экзамен, 2004. — 768 с.

К. Б. Ахмеджанов

Ташкентский государственный экономический университет, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Современные тенденции обеспечения экономической безопасности национальной экономики Республики Узбекистан

Аннотация. Рассмотрены основные составляющие экономической безопасности и тенденции ее развития в Республике Узбекистан. Автором доказано, что экономическая безопасность является комплексной экономической категорией и включает различные виды безопасности, такие как финансовая, энергетическая, внешнеэкономическая, продовольственная политико-правовая, региональная, технико-технологическая и информационная безопасность.

Ключевые слова: информационная безопасность; риски; внешние и внутренние угрозы; конкурентоспособность.

Открытость экономической системы, ее динамизм развития, использование средств и методов передовых технологических решений в современный период выдвигают на повестку дня проблемы уязвимости национальной экономической системы, в результате чего появляются различные виды угроз экономической безопасности.

Экономическая безопасность в современной экономической науке определяется многими исследователями и каждый трактует его по-своему.

В толковом словаре В. И. Даля данное понятие определено следующим образом: «отсутствие опасности, сохранность, надежность» [3, с. 67].

Вопросам обеспечения экономической безопасности посвящены труды многих зарубежных и отечественных исследователей. Это работы таких ученых, как С. А. Афонцев, К. Б. Балдин, С. И. Басалай, В. И. Булавин, О. Г. Ваганян, В. Ю. Волков, Д. А. Лонцов, А. Ф. Расулев, С. В. Степашин, Д. В. Тростянский, А. Н. Шастико и др.

По нашему мнению, экономическая безопасность представляет собой эффективное использование всех видов ресурсов страны (политико-правовых, трудовых, материальных, природных и т. д.) с целью достижения прогресса в социально-экономической, политической и иных сферах для повышения качества жизни населения и общества в целом на основе соблюдения правовых мер и государственно-организационных мероприятий.

В Республике Узбекистан в современный период развития национальной экономики так же уделяется большое внимание вопросам экономической безопасности.

С этой целью в стране поставлена задача обеспечения стабильного роста и развития национальной экономики в условиях глобализации и интеграции при условии защищенности от внешних и внутренних угроз.

Как показывает практика, в настоящее время в Узбекистане сформированы следующие тенденции обеспечения экономической безопасности:

- повышение конкурентоспособности отечественных предприятий;
- совершенствование инновационной стратегии;
- активное участие Узбекистана в международной системе обеспечения экономической безопасности.

Таким образом, можно заключить, что основной целью экономической безопасности страны в современный период является укрепление национальной системы на основе передовых технологических решений, прочной нормативно-правовой базе, государственно-организационных мероприятиях и возможность противостоять возникающим внешним и внутренним угрозам.

Исследования показывают, что экономическая безопасность — это комплексная категория [6]. В частности, можно сказать, что основными компонентами экономической безопасности Узбекистана являются:

- внешнеэкономическая безопасность;
- финансовая безопасность;
- энергетическая безопасность;
- эколого-ресурсная безопасность;
- продовольственная безопасность;
- политико-правовая безопасность;
- региональная безопасность;
- технико-технологическая безопасность;
- информационная безопасность.

Все компоненты связаны между собой в едином комплексе и позволяют стране быть конкурентоспособной на международном экономическом рынке.

Рассмотрим более подробно перечисленные компоненты экономической безопасности. В частности, внешнеэкономическая безопасность достигается за счет повышения доли конкурентоспособной продукции страны в экспорте, развитии экспортного и импортного потенциала, таможенно-тарифного регулирования, что определяет в свою очередь экспортно-импортную политику государства и ВТО [1].

Финансовая безопасность определяется состоянием банковского сектора, платежным балансом страны, кредитной и финансовой политикой страны, платежеспособностью населения.

Энергетическая безопасность характеризуется энергообеспеченностью, энергоэффективностью и энергоемкостью производства, экспортной политикой в отношении энергоресурсов, оптимизацией энергетического баланса страны, уровнем развития энергетики.

В последнее время большое значение уделяется эколого-ресурсной безопасности, которая в свою очередь включает оптимизацию ресурсосберегающей политики, сокращение экспорта минерального сырья, охрану окружающей среды, модернизацию горнодобывающей отрасли.

Продовольственная безопасность охватывает такие направления развития, как развитие продовольственного рынка, улучшение качества продовольствия, обеспечение населения продуктами питания.

Прочная нормативно-правовая база является основой развития любого государства. В области политико-правовой безопасности в Узбекистане предусмотрены та-

кие направления развития, как совершенствование нормативно — правовой базы, повышение политического имиджа страны, повышение оборонного потенциала, участие в системе МЭИ.

Региональная безопасность обеспечивается за счет следующих компонентов: повышение устойчивости экономики региона, преодоления регионального неравенства, выработки схемы экономического районирования страны, выработки схем регионального планирования.

Современная реальность показывает, что год от года растет технико-технологическая составляющая развития отраслей и сфер национальной экономики. В этой связи необходимо повышать инновационную активность и устойчивость производств и бизнеса, осуществлять модернизацию основных производственных предприятий страны, осуществлять финансирование НИОКР, повышать квалификацию кадров [2].

В условиях формирования цифровой экономики большое значение приобретает информационная безопасность. Целью которой является обеспечение конфиденциальности информации, противодействие информационным угрозам, а также развитие информационного рынка, регулирование массовых информационных агентств, разработка современных систем защиты информации [5].

Взяв во внимание все многообразие составляющих экономической безопасности, необходимо отметить, что на экономическую безопасность оказывают влияние большое количество факторов. Основным из них, конечно же, является экономический рост. Кроме того, на экономическую безопасность влияют такие факторы, как инновационная активность, финансовая сфера, борьба с теневой экономикой, качество и уровень жизни, предпринимательский климат, экспортная политика, демографический потенциал, инвестиционная активность, устойчивое развитие и рост конкурентоспособности страны, эффективное использование ресурсов и т. д.

Практика показывает, что экономическая безопасность страны рассматривается в современном экономическом пространстве с различных сторон: и как одна из составляющих национальной безопасности страны, и как комплексная категория, включающая в себя множество факторов и составляющих [4]. Кроме того, на экономическую безопасность оказывают влияние как внешние, так и внутренние угрозы, которые нейтрализуются в условиях формирования информационного общества с помощью передовых технологических решений и грамотного персонала [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что для обеспечения экономической безопасности страны в современных условиях необходима грамотно выстроенная и эффективная стратегия развития страны, которая охватывает такие компоненты, как структурная модернизация экономики, инновационное развитие, качество развития человеческого капитала, совершенствование технико-технологической базы, инвестирование, формирование в стране благоприятного предпринимательского климата, совершенствование рыночной конъюнктуры, повышение имиджа страны на мировом экономическом рынке при постоянном совершенствовании законодательных основ развития государства и обеспечения стабильной политической обстановки в стране.

Библиографический список

1. *Барт А. А.* Механизм обеспечения экономической безопасности России // Российское предпринимательство. — 2010. — Т. 11, № 11. — С. 4–9.
2. *Бегалов Б. А., Жуковская И. Е.* Методические основы влияния информационно-коммуникационных технологий на развитие национальной экономики: монография. — Ташкент: Иктисодиет. 2018. — 178 с.

3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Русский язык, 1989. — Т. 1: А–З. — 704 с.

4. *Дробот Е. В., Вартанова М. Л.* Экономическая безопасность: концептуальные основы и оценка обеспечения безопасности личности в странах Евразийского экономического союза // Экономические отношения. — 2019. — Т. 9, № 4. — С. 2621–2648.

5. *Жуковская И. Е.* Совершенствование методологии применения информационно-коммуникационных технологий в статистической деятельности в условиях формирования цифровой экономики: монография. — Ташкент: Инновацион ривожланиш нашриет-матбаа уйи, 2020. — 160 с.

6. *Расулев А. Ф., Гростянский Д. В.* Современные аспекты обеспечения экономической безопасности Узбекистана. // Экономика региона. — 2012. — № 2. — С. 277–285.

7. *Экономическая безопасность России: методы оценки и управления:* сб. науч. тр. по результатам III Междунар. науч.-практ. конф. «Сенчаговские чтения» ученых, специалистов, преподавателей вузов, аспирантов (Москва, 9–10 апреля 2019 г.). — М.: Ин-т экономики РАН, 2019. — 271 с.

Л. Л. Божко, Р. К. Сапанова

Рудненский индустриальный институт, г. Рудный, Республика Казахстан

Подготовка высококвалифицированных кадров как основа экономической безопасности региона

Аннотация. Рассматриваются вопросы подготовки высококвалифицированных кадров для промышленности как основа экономической безопасности индустриального региона. Отражена потребность Костанайской области в кадровой составляющей, а также предложены новые подходы к подготовке кадров технического профиля. Эмпирической основой анализа послужили результаты исследований, проведенных в рамках НИР «Совершенствование политики государственного регулирования ускоренной кластеризации индустриальных регионов», выполняемой по грантовому финансированию Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Ключевые слова: экономическая безопасность; регион; промышленность; кадры технического профиля; высшее образование; образовательная программа.

В современных условиях в промышленности Республики Казахстан взят курс на внедрение Индустрии 4.0. Ускоренная индустриализация стала лейтмотивом государственных программ, принятых в стране: Государственная программа по форсированному индустриально-инновационному развитию на 2010–2014 гг., Государственная программа индустриально-инновационного развития на 2015–2019 годы, Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2020–2025 гг. А также ряда утвержденных концептуальных документов, таких, как Стратегия индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003–2015 гг. и Концепция индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2020–2025 гг. Проведенный анализ показал, что все программные документы сохраняют преемственность индустриально-инновационной политики [1; 2; 6].

В третьей программе индустриально-инновационного развития¹ обозначены новые подходы:

— акцент на эффективные предприятия обрабатывающей промышленности, ориентированные на насыщение внутреннего рынка качественной продукцией и экспорт;

¹ Государственная программа индустриально-инновационного развития на 2020–2025 гг., утв. постановлением Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2019 года № 1050.

- переход от разрозненных инструментов государственной поддержки к системе комплексного стимулирования развития, встречные обязательства предприятий;
- переход от отраслевой приоритизации к определению конкретных приоритетных товаров;
- встраивание в глобальные цепочки создания стоимости через таргетированное привлечение целевых иностранных инвесторов, участие Казахстанского инвестиционного фонда развития;
- развитие и продвижение индивидуальных казахстанских брендов на внешних рынках.

Также в данном программном документе указано, что посредством содействия технологической модернизации промышленности на основе формирования и развития соответствующего местного научно-методического потенциала в рамках реализации научно-технических программ и настройки системы подготовки кадров под требования Индустрии 4.0, предлагается обеспечить экономическую безопасность регионов.

Как известно, под экономической безопасностью региона понимается совокупность условий и факторов, характеризующих:

- стабильность, устойчивость и поступательность развития экономики региона;
- способность региональных органов государственной власти создавать механизмы реализации и защиты интересов, хозяйствующих субъектов, поддержания социально-экономической стабильности территориального сообщества;
- степень независимости и интеграции экономики региона с экономикой страны [5].

Очевидно, что ключевым фактором в этом процессе являются знания, умения и навыки современных специалистов. Качественная подготовка кадров технического профиля является задачей, не теряющей своей актуальности на протяжении многих десятилетий.

В настоящее время к высшему образованию предъявляется множество вполне обоснованных претензий. Основная из них заключается в том, что выпускники технических вузов не обладают актуальными профессиональными компетенциями в таких совершенно новых сферах, как цифровая техника, искусственный интеллект, новые материалы, энергетика, биоинженерия и других. Преодолению этой проблемы и посвящена данная статья. Предлагаемый подход можно считать альтернативным существующему подходу к подготовке кадров технического профиля.

Новый подход к подготовке кадров технического профиля. Костанайская область — значимый регион, так как в республиканском объеме промышленного производства на область приходится 100 % производства железорудных окатышей, бокситов, асбеста. Область занимает 3-е место по производству промышленной продукции в стране.

В структуре промышленности Костанайской области доля горнодобывающей промышленности — 41,3 %; обрабатывающей промышленности — 51,8 %; электро-снабжения, подача газа, пара и воздушного кондиционирования — 5,4 %; водоснабжения, канализационной системы, контроля над сбором и распределением отходов — 1,5 %.

Основу горнодобывающей промышленности составляют следующий предприятия: АО «ССГПО», АО «Варваринское», АО «Костанайские минераль», ТОО «Комаровское горное предприятие», Лисаковский филиал ТОО «Оркен», филиал АО «Алюминий Казахстана» КБРУ, филиал АО «Алюминий Казахстана» ТБРУ.

В структуре обрабатывающей промышленности Костанайской области 25,2 % составляет машиностроение, 19,8 % — металлургия. Машиностроение представлено

такими предприятиями, как АО «Агромашхолдинг», ТОО «Олга Агротехмаш», ТОО «СарыаркаАвтоПром», ТОО «Дормаш», ТОО «Дон Мар»; металлургия — ТОО «ЕвразКаспианСталь», Металлопрокатный завод АО «ССПЮ», ТОО «Рудненский завод металлоконструкций — Имсталькон», ТОО «МехЛитКом».

Все это локомотивы, которые должны вытянуть Костанайскую область на передовые позиции.

Практика исследований показывает, что в регионе в большей степени востребованы кадры технического профиля, при подготовке которых необходимо использовать новые подходы.

Образовательные программы по техническим направлениям должны быть разработаны на основе отраслевых рамок квалификации, профессиональных стандартов, а также с учетом компетенций профессий будущего: мультиязычность и мультикультурность; навыки межотраслевой коммуникации; клиенториентированность; умение управлять проектами и процессами; работа в режиме высокой неопределенности; способность к художественному творчеству; работа с искусственным интеллектом; умение работать с коллективами, группами; системное мышление; бережливое производство; экологическое мышление.

Мультидисциплинарность будет являться одним из конкурентных преимуществ специалиста будущего. В промышленности возникает потребность в специалистах с взаимосвязанными компетенциями, позволяющими проектировать и адаптировать новые продукты, проводить маркетинг и организовывать процессы производства [3].

Таким образом, на первый план выходит подготовка интегрированных образовательных программ, находящихся на стыке нескольких отраслей. Например, во все образовательные программы технического профиля должны быть включены курсы, направленные на повышение цифровой грамотности студентов (программирование, большие данные, информационная безопасность и др.).

Несомненно, подготовка кадров технического профиля должна проводиться во взаимодействии с промышленными предприятиями, являющимися лидерами в отрасли. В настоящее время существующая законодательная база и академическая свобода вузов Казахстана позволяют инициировать широкий спектр механизмов взаимодействия с работодателями — это:

— не только согласование, но и совместная разработка с корпоративными партнерами образовательных программ, предусматривающая введение новых курсов, отражающих инновационные технологии производства и дающие квалификации, пользующиеся спросом на рынке труда;

— внедрение элементов дуального обучения, позволяющего студентам выполнять комплексные лабораторные работы в подразделениях предприятий и полностью погрузиться в технологический процесс;

— организация и проведение стажировок на предприятиях, профессиональных практик, направленных на закрепление теоретических знаний, полученных в процессе обучения; приобретение практических навыков и компетенций с перспективой трудоустройства на предприятии после окончания вуза;

— организация цикла мастер-классов от ведущих специалистов и руководителей предприятий (например, проект «Первые руководители-студентам») с целью знакомства с передовым опытом, инновационными технологиями, применяемыми в отрасли;

— открытие филиалов кафедр на производстве, позволяющих сочетать особенности академической подготовки в вузе и практический опыт предприятия, сформировать кадровый резерв предприятия через целевую подготовку специалистов, усиле-

ния практической направленности учебного процесса путем перенесения его части на производство;

— создание совместно с корпоративными партнерами инновационных лабораторий, специализированных аудиторий, полностью отражающих производственную деятельность предприятий;

— подготовка студентами курсовых и дипломных проектов (работ) с учетом проблемно-ориентированной информации, предоставленной промышленными предприятиями, а также последующая их защита на предприятиях с участием первых руководителей и ведущих специалистов.

В Государственной программе развития образования и науки Республики Казахстан на 2020–2025 гг. предусмотрено внедрение системы сертификации по регулируемым профессиям. В качестве развития системы сертификации для выпускников технических вузов предлагается рассмотреть возможность создания Экспертных советов по аккредитации практических навыков студентов. Экспертные советы, как правило, могут состоять из ведущих специалистов предприятий, являющихся лидерами в отрасли, и преподавателей вузов. Аккредитацию возможно проводить поэтапно. Например, тест на определение уровня IQ, компьютерное тестирование по специальным дисциплинам образовательной программы и собеседование по проверке практических навыков по направлению подготовки. По завершении участники получают сертификаты, при этом очень важно набрать необходимый уровень баллов. Студенты имеют возможность пройти аккредитацию в период зимних и летних каникул, кроме того, набранные баллы накапливаются. Данный документ является определяющим при поступлении на работу, так как он показывает уровень компетенций молодого специалиста и приобретет особую значимость с 2021 г., когда выпускникам вузов будут предоставляться дипломы собственного образца.

Сформировать новые профессиональные компетенции для Индустрии 4.0 возможно только при условии постоянного пополнения материально-технической базы вузов за счет приобретения современного учебно-научного оборудования и программного обеспечения. Предполагается, что ежегодно вузы должны направлять не менее 20 % своего бюджета на обновление учебно-лабораторной базы.

Работа студентов с современным учебно-научным оборудованием и ПО позволит существенно повысить конкурентоспособность выпускников технических вузов, так как они смогут сразу включиться в производственный процесс (сокращен период адаптации) и без дополнительного обучения или прохождения курсов повышения квалификации интегрировать данное оборудование и программное обеспечение в существующие процессы и системы предприятия.

Несомненно, программы подготовки кадров должны быть ориентированы как на промышленность, так и на малый и средний бизнес. Образовательные программы должны максимально отвечать требованиям сегодняшнего дня.

Мировая практика показывает, что в развитии обрабатывающей промышленности и сектора продуктивных услуг большая роль принадлежит кластерным инициативам. Одним из целевых ориентиров создания кластеров является развитие вокруг «якорных» компаний «инновационной экосистемы» — вузов, малых и средних предприятий [4].

Технические вузы должны стать инициаторами создания инновационных кластеров в регионах. В частности, в Костанайской области в качестве основной миссии инновационного кластера может рассматриваться трансформация экономики региона с переходом от индустриальной модели с преобладанием крупных компаний к доминированию высокотехнологичного малого и среднего бизнеса, направленного на но-

вые, быстрорастущие экспортные рынки, в том числе рынки технологической инициативы. В качестве отраслевой специализации выступают: металлургия, альтернативная энергетика, информационные технологии, строительное материаловедение, образование и генерация знаний [7].

Специфическая особенность кластера будет заключаться в объединении крупных промышленных компаний (АО «ССГПО», ТОО «СарыаркаАвтоПром» и др.) и инновационных, высокотехнологичных малых и средних фирм и стартапов, работающих в сфере ИТ, инновационных материалов, возобновляемых источников энергии и др.

С учетом вышеизложенного, мы все ближе подойдем к необходимости внедрения модели Major-Minor, обеспечивающей индивидуальные траектории студентов с гибкой настройкой под запросы рынка труда, формирование прикладных и исследовательских компетенций, развитие проектных форм обучения, а также к реализации идеи, когда вместо традиционной защиты дипломных проектов (работ) студенты смогут выбирать защиту собственного технологического стартапа. При этом не стоит забывать и о необходимости развития у студентов так называемого дизайн-мышления, которое во многом определяет системный подход к решению проблем и развивает культуру инноваций.

В этом случае система стимулирования и поддержки предпринимательских проектов будет переориентирована на большое количество отраслевых направлений (технологическое, социальное и другие виды предпринимательства), участников и партнеров, включая региональную инновационную инфраструктуру, институты развития. При этом акцент будет сделан на активизацию и перестройку интерфейса взаимодействия с заказчиками, спонсорами, научными партнерами, организацию собственного бизнеса в стенах вуза на основе действующих конкурсов и сервисов, а также на выявление и развитие предпринимательских талантов у студентов за счет внедрения курсов по технологическому предпринимательству. В целом, в вузах должна развиваться креативная среда, создаваться большое количество «третьих мест» (библиотек, коворкингов, предпринимательских центров и др.), различных социальных пространств для коммуникаций и досуга.

Таким образом, в условиях обеспечения экономической безопасности регионов, как структурных элементов страны, резко обострилась потребность в специалистах, владеющих новейшим комплексом профессиональных компетенций и готовых работать в условиях Индустрии 4.0. Для Костанайской области этот вопрос имеет большое значение, учитывая особенности структуры ее экономики.

Предложенные подходы позволяют:

— сформировать у студентов четвертой группы навыков (человеческие, предпринимательские, общие и специальные навыки), индивидуализировать образовательные траектории;

— предоставить студентам возможность самостоятельно формировать набор профессиональных компетенций и получить профессиональный опыт в процессе обучения;

— превратить проектную и научно-исследовательскую деятельность в одну из основных составляющих образовательного процесса;

— интегрировать в образовательные программы элементы, формирующие у студентов навыки работы в условиях умного производства (Smart Factory);

— усилить образовательные программы компонентами, развивающими культуру работы с данными вплоть до продвинутого уровня.

А развитие сотрудничества технических вузов с индустрией, создание инновационного кластера позволят повысить инновационную активность в регионе, увели-

чить долю крупных и средних предприятий, вовлеченных в процесс цифровизации, и обеспечить экономическую безопасность Костанайской области.

Библиографический список

1. Божко Л. Л. Переформатирование современной системы кадров в условиях внедрения элементов Индустрии 4.0 // Вестник Павлодарского государственного университета имени С. Торайгырова. Экономическая серия. — 2018. — № 1. — С. 56–66.
2. Божко Л. Л., Перепечеева Е. В. Цифровизация, как императив новой индустриализации Республики Казахстан / Цифровая революция в логистике: эффекты, конгломераты, точки роста: сб. докл. XIV Южно-Российского логистического форума (Ростов-на-Дону, 18–19 октября 2018 г.). — Ростов н/Д: Ростовский гос. экон. ун-т, 2018. — С. 36–40.
3. Божко Л. Л., Тургель И. Д., Сапанова Р. К. Концептуальные основы развития индустриальных регионов на основе многоуровневой системы управления инновационным потенциалом экономических систем: монография. — Рудный: Рудненский индустр. ин-т, 2019. — 225 с.
4. Развитие туристического кластера в Костанайской области: монография / Л. Л. Божко, Л. Г. Лескова, Р. К. Сапанова, А. А. Мукумов. — Рудный: Рудненский индустр. ин-т, 2019. — 92 с.
5. Усков Т. В., Кондаков И. А. Угрозы экономической безопасности региона и пути их преодоления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2011. — № 2(14). — С. 37–50.
6. Naizabekov A., Bozhko L. Future development of cluster initiative in the Republic of Kazakhstan // Energy Procedia. — 2018. — Vol. 147. — P. 654–659.
7. Turgel I. D., Bozhko L. L., Zinovieva E. G. Cluster approach to organization of special economic zones in Russia and Kazakhstan // R-economy. — 2019. — Vol. 5, iss. 2. — P. 71–78.

Н. Ю. Власова, Э. А. Аванесян

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Уровень экономической безопасности региона как фактор развития малого и среднего бизнеса

Аннотация. На основе анализа научных точек зрения сформулировано авторское представление об оценке экономической безопасности в целях упреждения и нивелирования факторов, рисков вызовов, сдерживающих развитие и разрушающих устойчивость малого и среднего бизнеса. Акцентируются основные факторы, влияющие на экономическую безопасность малого и среднего бизнеса в регионе.

Ключевые слова: экономическая безопасность; малый бизнес; региональное развитие; региональные особенности; фактор развития; риски.

В условиях геополитической энтропии, существенного изменения глобального миропорядка для каждого государства усиливается важность стабильности общества и динамики развития национальной экономики, обеспечения экономической безопасности для всех субъектов и объектов хозяйственной системы. Экономическая безопасность как условие и цель развития национальной экономики обеспечивает возможности дальнейшего экономического роста, противостояние влиянию внешних и внутренних угроз, стимулирования активности бизнеса. Проблемы формирования и поддержания стабильной экономической безопасности, оставаясь важными для исследования, приобретают особое значение в отношении малого и среднего бизнеса, который должен стать основой функционирования национальной экономики. В этой

связи поставлены цели по увеличению к 2030 г. количества субъектов малого и среднего предпринимательства до 7,7 млн. Значение малого и среднего бизнеса связано не только с вкладом в экономику, налогами, занятостью населения, но и с формированием конкретного активного слоя среднего класса, который влияет на конкурентоустойчивость и безопасность страны в целом [1]. Состояние малого и среднего бизнеса зависит от безопасности и влияет на безопасность экономики, государства и общества [4].

В табл. 1 представлены особенности и факторы экономической безопасности малого и среднего бизнеса.

Т а б л и ц а 1

**Особенности и факторы экономической безопасности
малого и среднего предпринимательства**

Особенности обеспечения экономической безопасности малого и среднего бизнеса		Факторы безопасности малого и среднего бизнеса
Перечень	Сущность	
1. Подчиненность крупным предприятиям по сферам деятельности и изменениям рынка	Наличие диспропорций и дисбаланс соотношения крупного и малого бизнеса, существенная поддержка крупного бизнеса государством с включенностью в его управление, определенная зависимость малого от большого	Финансово-инвестиционная обеспеченность бизнес-структуры
2. Ограниченная занятость и допуск к управлению по количеству работников	Выстраивание межличностных отношений в коллективе, понимание общности целей деятельности, малое число сотрудников посвящено в коммерческие тайны, секретные разработки, но и высокий риск потери информации в результате недобросовестности даже одного специалиста	Кадровый резерв и качество наемной рабочей силы
3. Выбор режимов налогообложения	Упрощенная система ведения учета и составления отчетности, упрощенная отчетность, передача бухгалтерских, учетных функций на аутсорсинг упрощает проблему ответственности, исключает создание специального отдела и сокращает расходы на оплату труда	Формы организации производства и приемы нормирования труда
4. Высокая мобильность, гибкость и адаптивность малого бизнеса	Быстрое реагирование на рыночные изменения, внесение необходимых корректировок в деятельность организации, адаптивность и недопущение влияния негативных изменений, поддержание конкуренции на приемлемом уровне	Психологическая и эмоциональная атмосфера, родственные и дружеские связи
5. Частая собственность	Как основа удобна на начальном этапе деятельности организации, ведет к сплочению и ответственности, но между партнерами могут меняться отношения по распоряжению результатами труда, что приводит к спорам, разногласиям и ликвидации бизнеса	Уровень правовой, трудовой и исполнительской дисциплины
6. Форма ведения малого бизнеса — совместный бизнес	Диверсификация, развитие, расширение бизнеса сопряжено с рисками и конфликтами, сложными отношениями и переделом собственности, власти с потерей эффективности управляемости	Степень технологического обеспечения, физический и моральный износ фондов
7. Налоговое бремя	С ростом доходов растет бремя налогов, что ставит под вопрос открытость бизнеса, ведет к уходу в тень, сворачиванию бизнеса	Социальное партнерство социальная ответственность

К основным угрозам экономической безопасности исследователи относят усиление институциональной и структурной деформации экономики страны; ограниченную инвестиционную и инновационную активность предприятий; разрушение или деформацию научно-технического потенциала страны; обострение проблемы имущественно-

го расслоения общества; криминализацию экономики и общества, высокий уровень теневой экономики; депопуляцию страны, деформирование механизма воспроизводства населения и неравномерность распределения по территории государства [2; 4; 6; 7].

Количественные и качественные показатели свидетельствуют о состоянии малого и среднего бизнеса и о тенденциях экономической безопасности в стране и регионах. С 2018 по 2020 г. Россия по качеству жизни переместилась на 67-м место, имеет индекс безопасности 58,88.

Региональные факторы и условия также могут оказывать существенное воздействие на размещение и развитие малых и средних предприятий. Чем в более неблагоприятных и нестабильных условиях находится экономика региона, тем, как правило, слабее развит и малый бизнес. Это связано с тем, что предприятия малого бизнеса в большей степени ориентированы на удовлетворение локальных потребностей населения, а, следовательно, зависят от уровня доходов населения и совокупной покупательной способности [3; 7]. А. А. Скоморощенко, выделяя риски малого и среднего бизнеса, подчеркивает абсолютный дисбаланс финансового, кадрового и научного потенциалов, диспропорции в размещении бизнеса по территории, регионам, отраслям сферам, угрозы рейдерского захвата и поглощения крупным бизнесом [9].

По данным Федеральной налоговой службы в 2019 г. в России функционировали 5,9 млн предприятий малого и среднего бизнеса, в которых было занято 15,3 млн чел., в том числе в Центральном федеральном округе 1,8 субъектов, а в Уральском федеральном округе около 510 тыс. предприятий. За 2017–2018 гг. повысились темпы банкротств среди индивидуальных предпринимателей. В Свердловской области банкротами стали 447 компаний, или 3 %, в Краснодарском крае — 356, или 3 %, в Башкортостане — 341, или 3 %. Меньше всего по числу юридических лиц — банкротов было выявлено в Ханты-Мансийском автономном округе — Югра, где за 2017 год обанкротилось 149 компаний, или всего 1 % общего числа¹. По состоянию на 28 января 2020 г., Росстат отмечает тенденцию сокращения доли малого и среднего бизнеса в ВВП по 2 % ежегодно, начиная с 2017 г., что свидетельствует о снижении уровня экономической безопасности, инновационной и деловой активности малого и среднего бизнеса². Запланированная доля малого и среднего бизнеса на уровне 32–40 % в ВВП России к 2025 г. вряд ли будет достигнута. По распределению абсолютных значений показателей между различными категориями сектора малого и среднего предпринимательства в Свердловской области наибольший вклад вносят малые предприятия (занятость — 38,3 %, инвестиции — 53,8 %) и индивидуальные предприниматели (количество предприятий — 49,8 %, оборот — 35,2 %) ³.

О. С. Мариев и Н. Б. Давидсон акцентируют выбор привлекательных и безопасных для бизнеса мест, и территорий в условиях относительно низкой плотности населения, больших масштабов страны и неравномерности пространственного размещения трудовых и природных ресурсов с учетом привлекательности для человеческого капитала [5]. Что касается роли и влияния концентрации деловой активности на выбор предприятиями местоположения, отмечается различия между уровнями локализации, диверсификации и урбанизации, т. е. бизнес-привлекательность и безопасность территории меняется в зависимости от размещения объектов, отраслевой направленности, уровня логистической, технологической и инфраструктурной насыщенности [8; 10].

¹ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба. — URL: <https://ofd.nalog.ru> (дата обращения: 13.02.2020).

² Там же.

³ Росстат зафиксировал снижение доли малого бизнеса в экономике. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2020/5e2eda219a79473c798d3692> (дата обращения: 13.02.2020).

Мы считаем, что эти факторы вместе с уровнем доходов, безработицы, инновационной активности, инвестиционного климата в регионе можно использоваться для оценки экономической безопасности малого и среднего бизнеса (таблица 2).

Т а б л и ц а 2

**Уровень региональных угроз и развитие малого и среднего бизнеса
в Уральском федеральном округе, 2019 г.**

Регионы	Средняя заработная плата, тыс. р./чел.	Уровень безработицы, %	Уровень инновационной активности, % от среднего	Рейтинг инвестиционного климата	Количество малого и среднего бизнеса, ед.	Количество инновационно ориентированных организаций, ед.
Уральский федеральный округ	45,7	4,8	105,7	59	510 075	226
Курганская область	27,9	9,4	91,5	57	21 699	10
Свердловская область	37,6	5,1	131,5	58	201 981	99
Тюменская область	61,9	4,5	133,9	59	66 675	64
Челябинская область	34,9	5,4	118,9	62	140 093	53
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	62,6	2,5	88,7	60	61 476	18
Ямало-Ненецкий автономный округ	86,5	2,2	69,4	61	18 151	6

Примечание. Составлено по данным: *Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства* // Федеральная налоговая служба. — URL: <https://ofd.nalog.ru> (дата обращения: 13.02.2020); *Росстат* зафиксировал снижение доли малого бизнеса в экономике. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2020/5e2eda219a79473c798d3692> (дата обращения: 13.02.2020); *Занятость и безработица в Российской Федерации*. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 13.02.2020); *Средняя зарплата в России по регионам в 2019 г.* — URL: http://fincan.ru/articles/71_srednyaja-zarplata-v-rossii-po-regionam-v-2019-godu (дата обращения: 13.02.2020); *Рейтинг инновационных регионов России*. URL: <http://i-regions.org> (дата обращения: 13.02.2020); *Наука и инновации*. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477> (дата обращения: 13.02.2020).

Обращает на себя внимание ситуация, когда в Свердловской области при душевых доходах ниже среднего по округу имеется большее количество малого и среднего бизнеса почти 40 % от общего по Уральский федеральный округ и самое большое (99) количество инновационно-ориентированных организаций, т. е. внедряющих инновационные разработки. Уровень инновационной активности выше среднего имеют Свердловская, Тюменская и Челябинская области, в которых больше всего количество предприятий по внедрению инноваций и количество малого и среднего бизнеса. Затраты на технологические инновации в Уральском федеральном округе составляют 13,3 % ото всех по регионам страны.

Реальные доходы населения Свердловской области сокращаются (в среднем за последние три года темпы снижения более 7 %), равно как и покупательная способность (в среднем покупательная способность населения сокращается на 1–1,5 %). Результаты исследований показали, что российские фирмы больше интересуются городами с более низким уровнем зарплаты, а для предприятий с прямыми зарубежными инвестициями этот показатель не имеет значения. Эксперты считают, что Уральский федеральный округ пока слабо реализует потенциал инновационного развития производственной и социальной сферы.

Подчеркнем, что для Свердловской области проблематичными и требующими решения являются вопросы регистрации предприятий, включая подачу документов на

регистрацию юридического лица. Также существуют проблемы с подключением к системам энергоснабжения, водоснабжения и другим ресурсам [9]. Эксперты подчеркивают, что для Уральского федерального округа актуально влияние информационной безопасности на развитие малого и среднего бизнеса, в особенности в ситуации, когда 27 % населения подвержены таким угрозам.

Таким образом, в условиях турбулентных вызовов и рисков значимым национальным интересом становится развитие малого и среднего бизнеса, способного стать основой экономики каждого региона и придать динамизм процессам инновационного развития. Выделяя региональную экономическую безопасность как систему относительного исключения или нивелирования вызовов и опасностей, в качестве критериев можно использовать экономические и социальные показатели по уровню жизни, значимости и масштабам влияния на инвестиционно-инновационный климат. В зависимости от состава ресурсов, функций, технологий, жизненного цикла малого и среднего бизнеса и адаптации хозяйственного поведения могут быть смягчены угрозы и опасности, ограничены риски, влияющие на бизнес-деятельность.

Библиографический список

1. *Абакарова А. А.* Формы государственной финансовой поддержки малого бизнеса в аграрной сфере: эффективность и перспективы развития // Российские регионы: взгляд в будущее. — 2019. — Т. 6, № 1. — С. 97–108.
2. *Акбердина В. В., Смирнова О. П.* Экономическая безопасность региона: оценка и перспективы // Региональная экономика: теория и практика. — 2018. — Т. 16, вып. 8. — С. 1506–1517.
3. *Алия З. З.* Механизмы самоорганизации малого бизнеса в территориальных системах обеспечения экономической безопасности // Инновационное развитие экономики. — 2019. — № 4-2(52). — С. 7–13.
4. *Дианов Д. В.* Экономическая безопасность. Статистический очерк: монография. — М.: Русайнс, 2019. — 102 с.
5. *Мариев О. С., Давидсон Н. Б.* Факторы размещения предприятий в российских городах // Вестник УрФУ. Сер.: Экономика и управление. — 2018. — Т. 17, № 6. — С. 950–969.
6. *Минаков А. В.* Экономическая безопасность субъектов малого и среднего бизнеса в современных условиях: понятие и анализ подходов // Вестник ВЭПС. — 2018. — № 3. — С. 36–40.
7. *Печеркина М. С., Никулина Н. Л.* Угрозы экономической безопасности в субъектах Уральского федерального округа // Экономический анализ: теория и практика. — 2017. — Т. 16, № 9. — С. 1616–1634.
8. *Скоморощенко А. А.* Повышение уровня экономической безопасности субъектов хозяйствования в сфере малого предпринимательства региона // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2019. — № 12-2. — С. 169–176.
9. *Толмачев Д. Е., Ульянова Е. А., Плинер Л. М.* Развитие малого и среднего бизнеса в регионе: формирование приоритетных направлений на примере Свердловской области // Экономика региона. — 2015. — № 1. — С. 115–130.
10. *Штилькина Т. А.* Развитие малого и среднего предпринимательства в регионах России на базе внедрения национального проекта // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2019. — № 14-2. — С. 362–366.

И. Е. Жуковская

Ташкентский государственный экономический университет, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Информационная безопасность — важный аспект экономической безопасности в условиях формирования цифровой экономики

Аннотация. Рассматриваются вопросы информационной безопасности в деятельности экономических субъектов как один из важных элементов обеспечения экономической безопасности в условиях становления цифровой экономики. В статье показано, что существуют специальные методы и средства защиты информации в экономических информационных системах, которые способствуют не только защите информационных ресурсов, но и повышению эффективности развития экономических субъектов.

Ключевые слова: информационная безопасность; метод; экономическая безопасность; качество жизни населения; угроза безопасности; экономический эффект.

В современный период развития мировой цивилизации большое значение приобретает экономическая безопасность. Понимая важность обеспечения экономической безопасности, страны и государства в настоящее время активно работают над созданием прочных юридических и экономических основ в данной сфере. Как показывает практика, принят ряд важных законодательных актов, разработаны специализированные программы развития, постоянно ведутся научные исследования в данной области.

Исследования показывают, что вопросам формирования экономической безопасности посвящен целый ряд научных работ зарубежных и отечественных ученых.

Например, такие зарубежные авторы, как Д. Габор, А. К. Сен, Э. Ласло, Д. Н. Мудоуз, Дж. Форрестер рассматривают проблему обеспечения экономической безопасности, как одну из проблем, решение которой способствует повышению качества жизни населения страны.

В научной литературе России следует отметить работы таких авторов, как Т. А. Акимов, В. А. Богомолов, С. Н. Бобылев, А. П. Герасимов, В. И. Вернадский, А. И. Захаров, А. В. Колосов, Л. Г. Мельник, К. В. Фролов и др.

Как следует из анализа научной литературы, основными элементами экономической безопасности в современный период являются следующие:

- суверенитет, независимость, самостоятельность проведения государственной политики в различных областях развития экономики, науки, техники и т. д;
- иммунитет государства в целом;
- сбалансированность и стабильность экономической системы;
- обеспечение благосостояния населения;
- постоянное совершенствование государственного управления на основе передовых технологических решений;
- конкурентоспособность национальной экономики;
- эффективность экономической системы;
- гармоничность развития природных, социальных и экономических систем, геополитического пространства.

В современном нестабильном мире, угрозы экономической безопасности существуют во всех областях развития государств: социально-экономической сфере, денежно-кредитной, налоговой, технической и др. В этой связи специалистами в области экономической безопасности разрабатываются методологические принципы, нормы, принимаются соответствующие законодательные акты и организационные меры [3].

Анализ мер по укреплению экономической безопасности стран показывает, что в современный период выработан целый ряд критериев, отвечающих требованиям экономической безопасности. К ним относятся:

- способность экономики функционировать в условиях постоянного инновационного развития;
- достойный уровень жизни населения и возможность его постоянного совершенствования;
- стабильность финансовой системы;
- оптимальная структура внешнеэкономической сферы;
- постоянное технологическое и инновационное развитие экономики.

Практика показывает, что в настоящее время основными элементами модели устойчивого развития государств и достижения ими высокого уровня экономической безопасности являются экономика, общество, экология, наука и техника.

К основным мерам и инструментам обеспечения экономической безопасности можно отнести страхование, целевые кредиты, операции открытого рынка, налоговые льготы, государственные инвестиции, государственные компенсации, государственные программы, антимонопольные запреты, минимальные социальные стандарты и т. д. [2].

В современный период обеспечение надежности экономической безопасности невозможно без эффективного использования передовых средств и методов информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Данное обстоятельство связано с тем, что в условиях формирования цифровой экономики возникает необходимость выбора новых форм управления информационными потоками предприятий и организаций национальной экономики. В этой связи для эффективности инновационной деятельности и оптимизации внедрения инновационных разработок в реальный сектор экономики необходима разработка новых и адаптационное использование существующих методов и алгоритмов информационного обеспечения процессов управления взаимодействием экономических субъектов, участвующих в реализации инновационных разработок на основе применения современных ИКТ и специализированных средств и методов защиты информации.

Современные технические и технологические инновации в области проектирования и модернизации информационных систем требуют постоянного совершенствования систем защиты информации.

Как известно, под системой защиты информации понимается многоуровневый и многофункциональный комплекс технических, технологических, программных, лингвистических и организационных мер, с помощью которых достигается обеспечение информационной безопасности экономических объектов. Основным объектом защиты в системе защиты информации являются данные, которые выступают главным компонентом информационной системы при оптимизации бизнес-процессов объектов национальной экономики.

С постоянным совершенствованием информационных систем возрастают и угрозы безопасности. Мировая практика показывает, что в современный период все большее распространение получает кража данных с серверов, хакерские атаки, киберпреступность. В этой связи необходима разработка новых программных, технических и технологических механизмов, способных поддерживать информационные системы в актуальном состоянии [1].

В условиях формирования цифровой экономики получают распространение мобильные устройства, следовательно, необходима разработка современных средств информационной безопасности специально для мобильных устройств и их приложений.

Эксперты в области информационной безопасности выделяют 4 основные группы методов и средств защиты информации в информационных системах.

К первой группе относятся методы и средства организационно-правовой защиты информации в информационных системах. Вторую группу представляют методы и средства инженерно-технической защиты информации. Криптографические методы и средства защиты информации относятся к третьей группе. Четвертая группа представлена программно-аппаратными методами и средствами защиты информации [4].

Регулярный мониторинг новых направлений развития электронного мира и экономики показывает, что в быстроразвивающемся мире технологических решений специалисты по информационной безопасности должны работать на опережение. Потому что защитить информационную систему всегда проще, чем работать с последствиями инцидентов взлома или разрушения информационной системы.

Современная ситуация показывает, что специалистам по информационной безопасности необходимо

- разработать действенный механизм прогнозирования работы каждого пользователя в информационной системе с целью выявления рисков;
- выявить быстрый и эффективный способ расследования инцидентов;
- грамотно выявить и ранжировать уровень человеческого риска;
- внедрять технологию «блокчейн».

Эксперты в области информационной безопасности так же отмечают, что важным фактором при работе с возникающими инцидентами в информационной системе, является временной фактор и квалификация пользователей. В этой связи в сфере информационной безопасности появилось такое понятие, как профайлинг, который содержит комплекс специальных инструментов нетестовой психодиагностики, позволяющий оперативно и качественно «отсканировать человека» [5], понять его индивидуальные особенности и эффективно использовать их в коммуникации, прогнозировать поведение.

Таким образом, целью защиты информации в современных информационных системах является минимизация ущерба вследствие нарушения требований целостности, конфиденциальности и доступности для эффективного функционирования объектов на экономическом рынке.

В заключении хотелось бы отметить, что основной задачей экономической безопасности является обеспечение стабильного и максимально эффективного развития отдельных экономических субъектов и целых стран в современных условиях, а также формирование высокого потенциала роста в будущем. Политика экономической безопасности направлена на обеспечение стабильного и динамичного развития, постоянной оптимизации деятельности, которые достигаются с использованием всех типов ресурсов и возможностей экономических субъектов и страны в целом.

Библиографический список

1. Бегалов Б. А., Жуковская И. Е. Методические основы влияния информационно-коммуникационных технологий на развитие национальной экономики: монография. — Ташкент: Иктисодиёт, 2018. — 178 с.
2. Викторова Н. В., Каримова Д. В., Камнева А. В., Перминов В. С. Обеспечение экономической безопасности при внедрении систем электронного документооборота в условиях цифровой трансформации бизнеса // Вопросы инновационной экономики. — 2020. — Т. 10, № 1. — С. 57–70.

3. Дробот Е. В., Вартанова М. Л. Экономическая безопасность: концептуальные основы и оценка обеспечения безопасности личности в странах Евразийского экономического союза // Экономические отношения. — 2019. — Т. 9, № 4. — С. 2621–2648.

4. Жуковская И. Е. Современные подходы по совершенствованию государственных электронных услуг в условиях формирования цифровой экономики. // Теория и практика управления государственными функциями и услугами. Тарифное регулирование: сб. статей по итогам II Нац. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 7 ноября 2019 г.). — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. — С. 64–68.

5. Киреевко А. Е. Современные проблемы в области информационной безопасности: классические угрозы, методы и средства их предотвращения // Молодой ученый. — 2012. — № 3. — С. 40–46.

О. Ю. Иванова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Экономико-правовые проблемы обеспечения безопасности теплоснабжения крупнейшего города (на примере г. Екатеринбурга)

Аннотация. Теплоснабжение прямо или косвенно влияет на все сферы хозяйства, включая обеспечение функционирования объектов жилого фонда, ведение производственной деятельности, содержание инфраструктуры. Это придает особое значение вопросам изучения и обеспечения аспектов бесперебойной работы систем теплоснабжения, поддержания их экономико-правовой безопасности. Цель статьи заключается в выявлении основных экономических и правовых проблем обеспечения безопасности систем теплоснабжения в пространстве крупнейших городов, их структурировании, выделении основных направлений преодоления.

Ключевые слова: теплоснабжение; система теплоснабжения; крупнейший город; экономико-правовая безопасность; жилищно-коммунальное хозяйство.

Реалии экономики XXI века таковы, что экономическое развитие становится все более неравномерным, концентрируясь в крупнейших городах. Именно они выступают ядрами сосредоточения гигантских производственных мощностей, концентрации информационного, инновационного и культурного потенциала, обеспечивают основную часть прироста национального богатства, доминируют в рамках территориальной структуры хозяйства страны [1]. Однако для поддержания жизнеобеспечения крупнейшего города необходимо соблюдение ряда условий, первейшим из которых является непрерывное удовлетворение утилитарных потребностей (т. е. потребностей в жизненно важных благах) горожан. Учитывая особенности географического положения России, амплитуду температур, продолжительность периода, в течение которого термометры показывают значения меньше 0 °С, потребность в бесперебойном функционировании системы теплоснабжения можно считать утилитарной. Создавая необходимые социально-экономические условия для проживания населения и развития территории, эффективное и стабильно функционирующее теплоснабжение является важнейшим фактором обеспечения экономической безопасности общества и хозяйствующих субъектов. Невыполнение системой теплоснабжения своих функций в отопительный период не может быть заменено другими услугами или компенсировано в перспективе без ущерба для общества.

Степень эффективности и стабильности системы теплоснабжения крупнейшего города определяют возможности урегулирования ряда экзогенных и эндогенных по отношению к этой системе проблем. Очевидно, что некоторое влияние на систему

теплоснабжения могут оказывать проблемы, порожденные налоговой, инвестиционной, инновационной, тарифной политикой государства, конъюнктурой рынка, уровнем жизни, демографическими тенденциями, однако, это влияние является косвенным. Наиболее же острыми следует считать отраслевые проблемы, охватывающие макро, мезо и микро плоскости. В таблице представлены наиболее значимые экзогенные отраслевые проблемы обеспечения безопасности систем теплоснабжения крупнейших городов.

Экзогенные отраслевые проблемы обеспечения экономической безопасности в сфере теплоснабжения

Проблема	Причина ее возникновения
Опосредованное поступление платежей	Поступление средств от населения происходит не напрямую, а через исполнителей коммунальных услуг, приобретающих услуги, ресурсы (УК, ТСЖ, ЖСК и ЖК)
Сезонность производства и продаж	Ярко выраженный сезонный характер деятельности предприятий теплоснабжения обуславливает возрастание дебиторской задолженности, так как до момента наступления отопительного сезона организация практически живет в долг в счет будущих продаж
Низкая платежная дисциплина потребителей	Оплата энергетических ресурсов ставится потребителями в разряд необязательных платежей, а сама услуга часто не воспринимается коммерческой
Большое число потребителей	Помимо управляющих компаний и ТСЖ, теплоснабжающие организации заключают контракты на поставку тепла с бытовыми абонентами, до настоящего времени не выбравшими способ управления многоквартирным домом.
Диспропорция цен	Быстрое, часто трудно прогнозируемое повышение цен на продукцию естественных монополий (тарифы на природный газ и тепловую энергию) ведет к увеличению размеров задолженности
Неэффективное управление дебиторской задолженностью	Ввиду социальной значимости услуг, оказываемых теплоснабжающими организациями, политика сбора платежей здесь осложнена

Примечание. Составлено по: [2; 3].

Анализ передового опыта крупнейших городов (Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбурга, Ростова-на-Дону и др.) позволяет заключить, что урегулирование вышеперечисленных отраслевых проблем возможно лишь в результате скоординированной деятельности органов регионального и муниципального управления, теплоснабжающих предприятий, общественных организаций в русле следующих направлений:

- создания удобной, прозрачной, социально-ориентированной системы начисления и оплаты услуг, как в традиционном, так и современном интерактивном режимах;
- исключения из процесса сбора платежей УК, ЖКХ, ТСЖ и др.;
- усиления коммуникации с каждым конкретным абонентом, обеспечения немедленного реагирования на факт пропуска платежа;
- усиления внимания к задолженностям, попавшим в разряд просроченных, на самой ранней стадии (имеют наибольшую вероятность погашения).

Среди наиболее значимых эндогенных отраслевых проблем обеспечения безопасности систем теплоснабжения крупнейших городов следует назвать высокий износ основных фондов теплоснабжающих предприятий и их низкую инвестиционную привлекательность. В среднем по Российской Федерации в полной замене нуждается 28,8 % всех теплопроводов, из них ветхие — 21,5 %¹. Преодоление названных эндогенных проблем требует осуществления вложений в модернизацию основных фондов,

¹ Доклад о состоянии сферы теплоэнергетики и теплоснабжения в Российской Федерации. — URL: <https://minenergo.gov.ru/node/10850>.

наращивания ресурсосберегающих технологий и техники. Учитывая, что в принятых в большинстве крупных городов программах модернизации ЖКХ (в том числе и теплоснабжения) основная доля предполагаемых расходов относится к собственным средствам теплоснабжающих предприятий, в кратко и среднесрочной перспективе оправданными для них можно считать решения по внедрению ресурсосберегающих технологий, позволяющих повысить объемы передачи тепла потребителям с меньшими капиталовложениями. Так, например, в Екатеринбурге внедряется практика замены трубопроводов, отработавших нормативный срок службы (25 лет), трубами с пенополиуретановой изоляцией (ППУ). ППУ по сравнению с традиционно применяемой минеральной ватой выигрывает по коэффициенту теплопроводности. ППУ превосходит минеральную вату по срокам эксплуатации более чем в два раза и является более экологичной. Кроме того, ППУ позволяет использовать систему оперативного дистанционного контроля. Такая система позволяет узнать, на каком участке трубопровода возникло намокание изоляции (намокания происходит из-за порыва трубы), и быстро устранить протечку.

В целях преодоления проблемы привлечения инвестиций в сферу теплоснабжения, широко применяется практика использования механизмов государственно-частного партнерства. В настоящее время наибольшее распространение получило государственно-частное партнерство в форме концессии.

В непосредственной связи с обозначенными экономическими проблемами обеспечения безопасности теплоснабжения крупнейших городов находятся правовые проблемы. Анализ источников права, обеспечивающих экономическую безопасность в сфере теплоснабжения, позволяет выделить три блока проблем.

1. В основных нормативно-правовых актах отсутствует конкретизация понятия «экономическая безопасность предприятия, работающего в сфере теплоснабжения». Не понимая сути объекта регулирования, невозможно предложить адекватных мер для решения стоящих перед ним задач. Следовательно, первое направление развития источников права в сфере теплоснабжения должно быть связано с проработкой сути понятия и условий обеспечения экономической безопасности предприятия, работающего в сфере теплоснабжения.

2. В соответствии с изменениями и дополнениями, внесенными в Федеральный закон № 190-ФЗ от 27 июля 2010 г «О теплоснабжении» (внесены Федеральным законом № 417-ФЗ от 7 декабря 2011 г.) с 1 января 2022 г. открытые системы теплоснабжения должны прекратить свое существование. Однако механизмы обязательного перехода к закрытой системе ГВС в нормативно-правовых актах не проработаны. Учитывая, что большинство теплоснабжающих компаний не видят инструментов и источников финансирования этого процесса, названный недостаток в скором времени может повлечь незлоумышленные нарушения ими требований законодательства. Следовательно, вторым направлением развития источников права в сфере теплоснабжения должна стать детальная проработка инструментов, сроков, источников финансирования, ответственных лиц и систем мониторинга, способных обеспечить переход к закрытой системе ГВС.

3. Неспособность существующих правовых норм регулировать весь спектр вопросов, которые возникают в реализации правоотношений в сфере теплоснабжения. Так, например, на момент заключения договора с теплоснабжающей организацией ряд абонентов не в состоянии обеспечить учет теплотребления. Общее количество энергии, потребленное за расчетный период всеми абонентами без приборов учета, определяется из балансов системы энергоснабжения, а отдельным потребителям — пропорционально его расчетным часовым нагрузкам, указанным в договоре, с учетом раз-

личия в характере потребления. Данный порядок является сложным, малоэффективным и, как правило, порождает множество разногласий между сторонами [4]. Следовательно, третье направление развития источников права в сфере теплоснабжения связывается с необходимостью более четкого определения в нормативно-правовых актах прав и обязанностей каждого субъекта правоотношений в сфере теплоснабжения.

Таким образом, обеспечение экономико-правовой безопасности в сфере теплоснабжения крупнейшего города — это продукт длительного компромиссного взаимодействия различных экономических агентов, развивающегося на фоне многих экзогенных и эндогенных проблем, итогом которого должна стать энергетическая стабильность, экономическая устойчивость, экологическая защищенность теплоснабжающего предприятия и потребителей его продукции.

Библиографический список

1. *Абылгазиева И. И., Ильина И. В., Служи Н. А.* Город в контексте глобальных процессов. — М.: Изд-во МГУ, 2011. — 448 с.
2. *Аметистов Е. В., Бурман А. П., Строев В. А.* Основы современной энергетики: в 2 т. — М.: Изд. дом МЭИ, 2003. — Т. 2. — 454 с.
3. *Батухтин А. Г., Калугин А. В.* Моделирование современных систем централизованного теплоснабжения // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2011. — Т. 55, № 8. — С. 84–91.
4. *Залавская О. М.* Гражданско-правовое регулирование теплоснабжения в сфере жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации: теоретические и практические аспекты: монография. — Оренбург: ИПК «Университет», 2013 — 149 с.

Е. С. Куликова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Кадровая политика как элемент экономической безопасности региона

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы кадровой безопасности как основополагающего фактора экономической безопасности. Автором доказывается, что кадры являются платформой, обеспечивающей устойчивое социально-экономическое развитие и успешное функционирование региона в стратегической перспективе.

Ключевые слова: кадровая безопасность; экономическая безопасность; социально-экономическое развитие; цифровые технологии; муниципальное образование; стратегия развития; система.

Современная региональная политика РФ нацелена на повышение благосостояния граждан и осуществляется мерами по стимулированию или сдерживанию различных общественных процессов в зависимости от того, какие из них сочтены полезными для общества, а какие — нежелательными. При этом основной целью является поддержание и утверждение социальной справедливости и решение чисто экономических региональных проблем через рынок. Однако развитием конкретных процессов на любой территории занимаются люди, их компетентность, опыт в данной сфере определяют очень многое в социально-экономических преобразованиях, если не все.

Таким образом, совершенствование процесса разработки и реализации программ социально-экономического развития регионов приобретает особую актуальность в контексте кадровой обеспеченности и частично кадровой безопасности, что и предопределило выбор темы проведенного исследования.

В условиях глобализации мировых хозяйственных процессов и международных политических, экономических отношений, Россия переходит к новой государственной политике обеспечения устойчивого развития страны на дальнейшую перспективу и без кадровой обеспеченности обеспечить это процесс невозможно. Кадровая обеспеченность определяет требования по уровню компетенций, практическим навыкам, профессиональной грамотности, что обеспечивает сбалансированное развитие любого региона и соответственно приравнивается нами к экономической безопасности региона и кадровой безопасности, как фундаменту обеспечения сбалансированного развития региона.

Следует заметить, что большая часть регионов подготовила стратегии социально-экономического развития и необходимы команды специалистов для успешной реализации. Многие стратегии охватывают период от 8 до 12 лет, но при этом некоторые из них рассчитаны на более длительный период — до 20–25 лет. Контролировать эти процессы, отслеживать целесообразность выделения ресурсов, становится возможным только в процессе реализации цифрового контроля, т. е. обязательного присутствия цифровых технологий как инструмента управления и контроля на современном этапе. В основе применения и грамотного использования также стоят конкретные специалисты, от компетенций которых зависит правильность, своевременность и эффективность принимаемых решений [5].

Таким образом, стратегическим управлением социально-экономического развития региона является целенаправленная деятельность органов государственной власти по обеспечению устойчивого социально-экономического развития и успешного функционирования региона на более долгий срок согласно принятой доктрины и концепции долгосрочного социально-экономического развития страны, но платформой, обеспечивающей этот процесс являются кадры.

Механизм реализации стратегии развития — это неотъемлемая часть системы стратегического управления развитием региона, из чего следует, что система государственного управления должна быть адаптирована и приведена в соответствие со стратегическим курсом и ориентирована на реализацию стратегических целей и задач.

Однако, теоретические вопросы в сфере формирования механизма реализации стратегии развития на региональном уровне в настоящее время проработаны недостаточно по причине относительно недавнего распространения стратегического управления в практике управления российской экономикой.

Анализируя исследования в данной области, можно выделить мнение О. В. Коломийченко и В. Е. Рохчина по их трактованию понятия «механизм реализации стратегии развития региона», а именно по их мнению, механизм реализации стратегии развития региона определяется как совокупность принципов, форм и методов, а также инструментов управленческого влияния на процесс социально-экономического развития региона в целях реализации стратегического выбора [1].

Однако, в этом определении не четко обозначен субъект реализации совокупности элементов управленческого воздействия. Субъектом реализации стратегии социально-экономического развития региона являются органы государственной власти, что осуществляют целенаправленное комплексное воздействие на все субъекты хозяйствования, которые расположены на территории региона в целях обеспечения реализации стратегических направлений развития. Учитывая данный факт, механизмом реализации стратегии развития региона является совокупность принципов, функций, методов, а также инструментов управленческого влияния на процесс социально-экономического развития региона, которые применяются региональными органами власти для достижения стратегических целей и обеспечения приоритетов развития ре-

гионов. Управленческое влияние, на наш взгляд, обеспечивается и подкрепляется кадровой безопасностью любой конкретной территории.

Региональная политика является многоаспектной по причине того, что управление регионом охватывает различные области жизнедеятельности общества. Прежде всего, следует отметить существование признака уникальности субфедеральной социально-экономической политики для российских регионов вследствие их особенных природных, экономических, социальных условий. Это зависит от следующих составляющих единой субфедеральной социально-экономической политики, а именно: социальной, инвестиционной, финансово-кредитной, внешнеэкономической, производственной, налоговой, бюджетной и т. д. Таким образом, сбалансированность указанных составляющих является обязательным условием комплексного социально-экономического развития региона и кадровая обеспеченность в управлении данными сферами определяет равномерность их развития и развития региона в целом.

Стоит отметить, что региональная социально-экономическая система, которая обладает признаками целостности и устойчивости внутренних связей, а также способности к воспроизводству, всегда подвержена влиянию со стороны соответствующих субфедеральных органов власти, которые проводят региональную политику.

Итак, социально-экономическое развитие региона, как правило, выражается в воспроизводстве совокупного общественного продукта, услуг, информации, населения, а также социально-экономических отношений. Учитывая, что любое развитие имеет направленность, что определяется целью либо системой целей, развитие региона должно идти в направлении общественного прогресса, проявляющегося в увеличении общественного богатства, т. е. всей совокупности объективных и субъективных условий жизнеобеспечения и жизнедеятельности человека, гармоничном развитии самого человека на данной основе, а также природы, общества, производства и государства в целом.

Следовательно, социально-экономическое развитие регионов можно определить как объективный процесс, что происходит не только в самих регионах, но и в стране в целом под влиянием исторических, географических, ресурсных и демографических факторов. При этом, развитие регионов представляет собой субъективный процесс, происходящий под влиянием управленческих мер, а также органов управления муниципальных образований. Опять мы упираемся в вопрос обеспечения конкретными кадрами, которые достаточно компетентны, чтобы обеспечивать управленческое воздействие и определяют экономическую безопасность региона.

Эффективное функционирование механизма реализации определяют наличием соответствующего организационно-правового и ресурсного обеспечения процесса реализации стратегии развития региона.

Организационно-правовое обеспечение, как правило, заключается в принятии нормативно-правовых актов, которые должны регулировать процессы реализации стратегии, а также в формировании и обеспечении деятельности всех составляющих организационной структуры реализации стратегии развития, в основе снова лежат кадры.

Ресурсным обеспечением является совокупность уже имеющихся и потенциальных возможностей и средств региона, которые непосредственно используются в процессе стратегии социально-экономического развития региона. Сюда можно отнести финансовые, информационные и кадровые ресурсы, что мы определяем как основу экономической безопасности региона.

Вместе со структурными составляющими механизма реализации стратегии следует рассматривать функции управления. Для успешного достижения поставленных стратегических целей в современных условиях хозяйствования к стратегическому управлению регионом применяют следующие функции:

- планирование;
- исполнение (реализация);
- контроль;
- мониторинг.

Следует отметить, что в условиях постоянного изменения внешней среды и периодического переориентирования целей процесс планирования является всегда непрерывным и обеспечивается людьми. Контроль основан на мониторинге и оценке программ и способствует созданию обратной связи между процессом планирования и результатами управленческих решений по его осуществлению, что также обеспечивается компетентными специалистами.

Также следует отметить состав структуры методов управленческого воздействия на процесс реализации стратегии, а именно программно-целевые, экономические, организационно-распорядительные и социально-психологические методы. Необходимо отметить, что реализация перечисленных методов в современных условиях хозяйствования предусматривает смещение акцента преимущественно в сторону цифровых экономических и социально-психологических, однако не следует исключать организационно-распорядительные (административные) методы, где главным выступает человеческий ресурс. Среди кадровых преимуществ любой конкретной территории следует выделить целенаправленное и оперативное решение более острых противоречий в социально-экономической области, а также обеспечение приоритетности в направлении реализации стратегии развития региона.

Таким образом, формированию эффективной системы стратегического управления развитием региона в целях достижения поставленных стратегических целей и приоритетов регионального развития будет способствовать комплексное кадровое наполнение механизма реализации стратегии перечисленными функциональными структурными элементами.

Управление социально-экономическим развитием региона является важным элементом системы государственного регулирования экономики. При этом, следует отметить, наличие множества цифровых подходов к определению управления экономикой региона, но объединяющим их фактором является рассмотрение процесса управления как целенаправленное влияние субъекта управления, которым являются органы государственной власти, на объект управления, который представлен социально-экономическим развитием, используя при этом разнообразные принципы, методы и функции.

Часть исследователей считают управление социально-экономическим развитием региона созданием, законодательным закреплением, а также поддержкой и гарантией практической реализации определенных условий для высокоэффективного ведения различных видов деятельности человека [2].

При этом, некоторые отечественные и зарубежные авторы определяют управление социально-экономическим развитием региона как процесс разработки всевозможных сценариев развития региона в определенный период с целью повышения возможного положительного эффекта и минимизации отрицательного влияния [3].

Таким образом, на основе вышеописанных определений, существуют различные методологические подходы к управлению социально-экономическим развитием региона. Но в основе любого из указанных подходов лежит кадровый вопрос [4].

Многочисленные исследования процессов регионального управления в субъектах Российской Федерации показали, что принципиально важным при распределении полномочий управления между территориями различных рангов (республика, область, город, район) является положение о том, что совокупность региональных воспроиз-

водственных циклов, пространственно локализованных на территории конкретного ранга, должна определять круг функций и полномочий того или иного уровня специалистов и их наличия, которые могут вовремя отслеживать, регулировать и оптимизировать желаемые процессы. Наличие таких специалистов определяет кадровую безопасность региона, что обеспечивает экономическую безопасность региона и его социально-экономического развития.

Библиографический список

1. *Альтудов Ю. К., Кетова Н. П., Овчинников В. Н.* Механизм посткризисного развития экономики регионов России. — Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. — 320 с.
2. *Бабков А. Г.* Индикативное управление воспроизводственным развитием региональных экономических систем. — Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. — 228 с.
3. *Безруков В., Новосельский В.* Оценка инвестиционной деятельности в федеральных округах // *Инвестиции в России*. — 2002. — № 12(95). — С. 17–20.
4. *Белокрылова О. С., Гильяно А. А.* Инвестиционный климат региона: критерии рациональности и институциональная структура. — Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2003. — 144 с.
5. *Коломийченко О. В., Рохчин В. Е.* Стратегическое планирование развития регионов России: методология, организация: монография. — СПб.: Наука, 2003. — 235 с.

А. Ю. Логиновских

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Развитие социальной инфраструктуры муниципальных образований в системе факторов экономической безопасности региона

Аннотация. Рассматривается влияние показателя комфортной социальной среды на экономическую безопасность региона. Подчеркивается, что снижение качества и доступности образования, медицинской помощи и, как следствие, снижение человеческого потенциала могут представлять угрозу экономической безопасности территории.

Ключевые слова: экономическая безопасность; качество жизни; социальная инфраструктура; человеческий капитал; стратегия.

Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г. одними из направлений государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности является повышение уровня и улучшения качества жизни населения, развитие человеческого потенциала¹.

Качество жизни населения — это интегральное понятие, всесторонне характеризующее степень комфортности общественной и природной среды, жизни и деятельности человека, уровень благосостояния и социального, духовного и физического здоровья человека [2].

Снижение качества и доступности образования, медицинской помощи, и как следствие, снижение человеческого потенциала могут представлять угрозу экономической безопасности страны. Проблема удержания населения на территории является наиболее острой для большинства муниципальных образований регионов (исключая региональные столицы) [4].

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208.

Об этом свидетельствует динамика численности населения в ряде муниципальных образований Свердловской области.

Анализ муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, показывает, что наиболее ярко выраженная тенденция по приросту численности населения наблюдается в городах, расположенных вблизи к административному центру — Муниципальное образование «город Екатеринбург»: Березовский, Верхняя Пышма, Арамилы, Среднеуральск. Численность населения растет в результате роста рождаемости и миграционного притока населения.

Таблица 1

**Динамика численности населения муниципальных образований
Свердловской области*, чел.**

Муниципальное образование	На 1 января 2012 г.	На 1 января 2016 г.	На 1 января 2018 г.	Прирост по сравнению с 2011 г., %
Екатеринбург — административный центр	1 411 137	1 477 737	1 501 652	6,03
Асбест	70 482	67 620	66 339	-6,25
Арамилы	17 525	18 220	18 523	5,39
Белоярский ГО	34 132	34 378	35 073	2,68
Березовский	71023	74 109	74754	4,99
Богданович	46572	45 989	45879	-1,51
Верхняя Пышма	73 854	81 530	84 103	12,19
Верхняя Салда	48 811	46 305	45 118	-8,19
Горноуральский городской округ	35 207	34 145	32 895	-7,03
Ирбит	38025	37 444	37 280	-2,00
Каменск-Уральский	174 998	172 040	170 782	-2,47
Качканар	43 270	41 978	41 197	-5,03
Невьянск	42689	41830	41 171	-3,69
Нижний Тагил	362 489	359450	356 844	-1,58
Первоуральск	149 761	148 450	146 511	-2,22
Ревда	63 317	64 026	64 340	1,59
Серов	108 028	106 572	105 691	-2,21
Среднеуральск	21 069	23 087	24 011	12,25
Сысерть	60 633	62 519	62 095	2,35
Тавдинский городской округ	41 624	39 841	39 042	-6,61

Примечание. Данные Управления федеральной службы государственной статистики по Свердловской и Курганской области. Муниципальные образования. 2012, 2016, 2018 гг.

* В табл. 1 приведены 20 из 94 муниципальных образований Свердловской области.

В городах, относящихся к крупным промышленным центрам в том числе, Нижний Тагил, Каменск-Уральский, Верхняя Салда, Серов, Первоуральск — отмечается снижение численности жителей, снижение рождаемости и отток населения, несмотря на наличие стабильно работающих градообразующих предприятий.

Одна из причин оттока граждан в отдаленных территориях связана, в том числе с недостаточным развитием социальной инфраструктуры, и, как следствие, с более низким качеством жизни населения муниципальных образований по сравнению с региональным центром. О важности и значимости качества жизни как фактора формирования социэкономике в целом и человеческого капитала в частности свидетельствуют исследования уральских ученых [1; 2].

Для решения данной проблемы, в том числе, в Свердловской области разработана и утверждена межведомственная Концепция формирования комфортной социальной среды до 2035 г., целью которой является создание условий для социально-

экономического развития региона, устойчивого воспроизводства населения, достойной жизни человека и развития института семьи¹.

По мнению исследователей, социальная инфраструктура имеет и такие функции как формирование человеческого капитала, обеспечение качества подготовки конкурентоспособных специалистов, обеспечение региона кадрами, закрепление кадров в регионе, формирование вектора экономического развития региона, что является ключевыми задачами государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности [3].

Для повышения эффективности качества социальной среды, составляющими которой являются качественное и доступное здравоохранение, современное и инновационное образование, гарантированное социальное обслуживание, востребованные услуги в сфере культуры, доступность массового и детского спорта, в регионах проводится независимая оценка качества социальных услуг.

По итогам 2018 г. Свердловской области впервые представлен Обязательный публичный отчет Губернатора Свердловской области о результатах независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания, которые расположены на территории Свердловской области (Организации) с 1 января 2018 г. по 31 декабря 2018 г.²

Т а б л и ц а 2

Результаты независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания, которые расположены на территории Свердловской области с 1 января 2018 г. по 31 декабря 2018 г.

Сфера	Результат независимой оценки качества	Охват организаций, прошедших независимую оценку
Социальное обслуживание граждан	92,89 (от 99,97 до 87,8)	22 (13,6 %) / 2 749
Охрана здоровья	89,76 (от 86 до 97)	21 (12,5 % — участвуют в программе ТФОМС и 9,7 % — подлежат проведению независимой оценке) / 4623
Культура	84,50 (от 98,9 до 48,6)	280 (91,5 %) / 356030
Образование	99,00 (от 141,74 до 37,06)	1143942,19% / 350950

В числе критериев единой независимой оценки использовались: открытость и доступность информации об организации социальной сферы, комфортность условий предоставления услуг, в том числе время ожидания предоставления услуг, доступность услуг для инвалидов, удовлетворенность условиями оказания услуг.

Для независимой оценки использовался дистанционный мониторинг (экспертная оценка; анализ документации организации; анализ официальных сайтов), анкетирование (онлайн-опрос, телефонный опрос, личный опрос), структурированное наблюдение (обследование условий оказания услуг организациями социальной сферы).

¹ Об утверждении Концепции формирования комфортной социальной среды в Свердловской области до 2035 г.: приказ Правительства Свердловской области от 20 октября 2018 г. № 409.

² Независимая оценка качества условий оказания услуг / Министерство культуры Свердловской области. — URL: <http://www.mkso.ru/nsok/public-report>.

По итогам рассмотрения отчета Губернатора Законодательным Собранием Свердловской области в адрес государственных органов исполнительной власти даны рекомендации¹:

— о принятии мер по улучшению качества условий оказания услуг организациями;

— о продолжении работы по привлечению населения Свердловской области к участию в проведении независимой оценки качества условий оказания услуг организациями;

— о принятии мер по повышению уровня доступности услуг, оказываемых организациями, для лиц с ограниченными возможностями здоровья и по привлечению указанной категории граждан к участию в проведении независимой оценки качества условий оказания услуг такими организациями;

— о принятии мер, направленных на укрепление здоровья детей, проживающих в Свердловской области, и на внедрение здоровьесберегающих технологий в образовательных организациях, расположенных на территории Свердловской области.

Показатели независимой оценки говорят о необходимости повышения качества социальных услуг с учетом мнения жителей, а также совершенствования методики, в том числе, в разрезе каждого муниципального образования.

Можно сделать следующие выводы:

1) качество жизни населения, развитие социальной инфраструктуры, развитие человеческого потенциала являются одними из ключевых направлений в сфере обеспечения экономической безопасности;

2) проблема удержания населения на территории является наиболее острой для большинства отдаленных от административного центра региона муниципальных образований;

3) развитие социальной инфраструктуры, повышение качества услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания, будут способствовать удержанию населения в территориях, миграционному приросту.

Библиографический список

1. Анимица, Е. Г., Власова Н. Ю. Человеческий фактор в развитии крупнейших городов // Управленец. — 2010. — №. 7–8. — С. 13–16.

2. Анимица Е. Г., Новикова Н. В., Сухих В. А. Качество жизни как комплексный показатель социального развития региона // Журнал экономической теории. — 2009. — № 1. — С. 14–35.

3. Бойко Н. В. Модернизация социальной инфраструктуры региона как условие его функционирования и экономического развития (на материалах Кемеровской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. — Барнаул, 2015. — 26 с.

4. Власова Н. Ю. Развитие человеческого капитала путем реализации межмуниципальных стратегических проектов // Новая индустриализация России: экономика — наука — человек — природопользование: сб. науч. тр. VI Уральского научных чтений профессоров и докторантов (Екатеринбург, 5–6 февраля 2019 г.). — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2019. — С. 103–109

Научный руководитель: Н. Ю. Власова,
доктор экономических наук, профессор

¹ Об обязательном публичном отчете Губернатора Свердловской области Евгения Владимировича Куйвашева о результатах независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания, которые расположены на территории Свердловской области, с 1 января 2018 г. по 31 декабря 2018 г.: постановление Законодательного собрания Свердловской области от 19 ноября 2021/29 г. № 2117-ПЗС.

Л. В. Мартянова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Риски и угрозы развития системы среднего профессионального образования на уровне субъекта Российской Федерации

Аннотация. Экономические угрозы, возникающие в Российской Федерации и регионах страны, на предприятиях и в организациях, в первую очередь подрывают устойчивость социально-экономической системы государства, наносят урон инвестиционной привлекательности региона, приводят к банкротству предприятий. Анализируются проблемы среднего профессионального образования, которые, в свою очередь, могут усилить угрозы для развития экономики региона и страны в целом.

Ключевые слова: экономическая угроза; экономическая безопасность; система среднего профессионального образования; регион.

Главной задачей экономической безопасности является обеспечение положительного воздействия всех экономических факторов в жизни общества и государства, чтобы достичь баланса и противостоять современным вызовам как внешних, так и внутренних угроз.

На данном этапе экономического развития, российская экономика находится в состоянии стагнации, что связано в первую очередь с введением международных санкций, отсутствием возможности конкурировать с ведущими мировыми корпорациями, острая, а где-то и бессмысленная зависимость от некоторых товаров и услуг, которые напрямую оказывают негативные воздействия и на социальную сферу, уровень и качество жизни российских граждан.

В концепции национальной безопасности Российской Федерации рассмотрен широкий перечень внутренних и внешних угроз национальной безопасности страны, при этом объясняется, что причины их существования следует искать в состоянии экономики страны, несовершенстве системы организации государственной власти и гражданского общества, в его социально-политической поляризации и криминализации общественных отношений, росте организованной преступности и коррупции, увеличении масштабов терроризма, обострении межнациональных и осложнении международных отношений.

Угроза национальной безопасности государства — это возможность причинения вреда территориальной целостности и суверенитета страны, ее внешней и внутренней безопасности, конституционным правам и свободам граждан.

Угроза экономической безопасности государства — это возможность причинения вреда народному хозяйству, как в целом, так и всем отраслям, большой риск разрушения социально-экономической стабильности в обществе [1].

Согласно стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.», основными и стратегическими целями государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности являются:

- 1) укрепление экономического суверенитета Российской Федерации;
- 2) повышение устойчивости экономики к воздействию внешних и внутренних вызовов и угроз;
- 3) обеспечение экономического роста;
- 4) поддержание научно-технического потенциала (НТП) развития экономики на мировом уровне и повышение ее конкурентоспособности;

5) поддержание потенциала отечественного оборонно-промышленного комплекса на уровне, необходимом для решения задач военно-экономического обеспечения обороны страны;

6) повышение уровня и улучшение качества жизни населения.

Из всех выше перечисленных целей необходимо подробно остановиться и уделить особое внимание поддержанию научно-технического потенциала в нашей стране так как реализовать данную цель при современных стратегиях к образованию будет, не то что не просто, а практически невозможно. Без качественной подготовки будущих инженеров, специалистов среднего звена в технических сферах деятельности говоря о поддержании НТП на мировом уровне, а тем более конкурировать с ведущими мировыми державами будет почти нереально. Проблема берет начало еще со времен перестройки, когда систему высшего образования сделали более доступной, но менее качественной, большинству молодежи стало очень модно и главное проще закончить вуз, чем идти в техникум или профессионально-техническое училище получать специальность и рабочую профессию, которые в 1990-е годы перестали быть востребованными из-за простоя большинства предприятий. В результате экономика страны получила значительное количество юристов, экономистов, бухгалтеров, а количество выпускников с техническим образованием существенно сократилось [2].

Актуальность выбранной темы заключается в том, что экономика страны на современном этапе остро нуждается в высококвалифицированных кадрах. Так, по данным Департамента по труду и занятости населения Свердловской области дефицит рабочих кадров на 1 февраля 2020 г. составляет 33 975 чел., из них доля вакансий по рабочим профессиям — 49,5 %¹.

По итогам социологического опроса по изучению общественного мнения предприятий и организаций о социально-экономической ситуации и деятельности Регионального объединения работодателей «Свердловский областной Союз промышленников и предпринимателей» в 2018 г. кадровое обеспечение предприятий сталкивается с рядом сложностей:

1) дефицит кадров, ставший следствием демографических проблем, которые глава государства назвал одним из ключевых вызовов, стоящих перед российской экономикой;

2) система образования при подготовке кадров не учитывает глобальные технологические перемены, выпускники не соответствуют мировым и профессиональным стандартам, требованиям предприятий;

3) предприятиям требуется инженер, человек с инженерными знаниями как минимум, с инженерной квалификацией, способный управлять сложными техническими устройствами, обладающий компетенциями, в том числе в таких сложнейших отраслях, как цифровая экономика².

Дефицит квалифицированных кадров испытывают и предприятия оборонно-промышленного комплекса Свердловской области, так как создаваемые современные рабочие места требуют от работников обязательного профессионального образования. В то же время на существующем рынке труда 80 % претендентов на рабочие места обладают низким уровнем квалификации, 7 % — не имеют никакой квалификации, а 39 % не получили профессионального образования. Профессиональные образовательные учреждения, занимающиеся подготовкой специалистов среднего звена

¹ *Занятость и безработица в Свердловской области: экспресс-информация.* — Екатеринбург, 2020. № 1. — 9 с.

² *Дуаль для центениала. Кадры для индустриальной экономики.* — URL: <http://www.acexpert.ru/archive/nomer-11-760/dual-dlya-centeniala.html>.

и высококвалифицированных рабочих, практически не занимаются повышением квалификации рабочих кадров на уровень 4–5 разряда в силу недостаточного материального и кадрового обеспечения. Для машиностроения также характерным является значительный возрастной разрыв в составе конструкторских, технологических и рабочих кадров, возникший за счет резкого сокращения специалистов в период экономического спада 1990-х годов. В результате, сегодня в кадровом составе машиностроительной отрасли недостаточный творческий и производительный слой специалистов средней возрастной группы¹.

На данный момент ситуация подготовки выпускников с техническим образованием в ВУЗах и среднепрофессиональных учебных заведениях почти не изменилась, поэтому ждать от «недоспециалистов» технологического прорыва в науке и технике на краткосрочную перспективу не стоит, также не надо надеется и naивно полагать, что экономика страны сама по себе начнет развиваться и достигать небывалых подъемов и высот. При этом недооценивать современную молодежь, у которой заложен огромный потенциал нельзя, тут проблема не в самой молодежи, во все времена она была одинаковой: романтичной, легкомысленной, самоуверенной, отвергающей опыт старших поколений, находящейся в поиске своего жизненного пути. Проблема в проводимых реформах, которые государство создает для видимости и чаще всего ради галочки в отчетах, которые докладываются министрами с такой гордостью и собственной важностью на заседаниях президенту.

Для системы среднего профессионального образования характерны следующие проблемы, которые, в свою очередь, могут приводить к возникновению экономических угроз.

1. Преподавательский состав согласно данным отдела кадров на 70 % состоит из сотрудников пенсионного возраста, при этом возраст некоторых педагогов достигает 75 лет, в таком возрасте наблюдается профессиональная деформация, да и сам человеческий потенциал снижен.

2. Должностной оклад в размере 11 000–13 000 р. не позволяет в полной мере привлечь молодых педагогов и обновить кадровый состав, так как те узнав о таких «баснословных» зарплатах буквально сбегают из учебных заведений, а те сотрудники, что работают, вынуждены брать большую нагрузку и различные функциональные обязанности за доплату, что не дает качественно работать со студентами.

3. Выделяемое финансирование в рамках государственного задания хватает на зарплаты сотрудникам и коммунальные платежи. Развитие материально-технической и научной базы ложится на внебюджетные статьи доходов.

4. 50 % абитуриентов поступают в учебное заведение, не имея никакого представления о выбранной специальности, профессии или специализации, поэтому в течение первого года происходит самый большой отсев студентов.

5. 40 % рабочего времени преподаватель вынужден работать с бумагами и документацией, меньше уделяя времени студентам на консультации и подготовку.

6. Наблюдается снижение технического мышления у студентов, нежелание и неумение работать с технической литературой и справочниками. Лишь 10 % читают на переменах литературу, остальные играют в игры на своих гаджетах. Только 20 % согласно данным библиотеки берут литературу, которую им рекомендуют на занятиях преподаватели.

¹ *Стратегия развития машиностроительного и оборонно-промышленного комплекса Свердловской области на период до 2020 г.* — URL: http://economy.midural.ru/sites/default/files/files/documents/strategiya_2020_mash.pdf.

7. Подготовка студентов осуществляется с элементами или в соответствии с требованиями стандартов WorldSkills, которые с 2020 г. являются обязательными при проведении процедуры Государственной итоговой аттестации выпускников, напомним, что они повышают престиж рабочих профессий, но не способствуют появлению в науке изобретателей, академиков, инженеров.

Вот так переходя от решения общих, глобальных проблем и угроз экономического сегмента к более узким и частным вопросам системы образования Российской Федерации можно подвести следующие итоги.

Геополитическая обстановка, сложившаяся в Российской Федерации на данном этапе развития, таит в себе угрозы всем сферам национальной безопасности, и от адекватного ответа на эти угрозы зависит место и роль нашего государства как внутри интеграционных объединений, так и на международной арене.

Таким образом, решая частный вопрос повышения уровня образования и реформирования системы образования в целом, будет способствовать повышению темпов экономического роста, увеличит потенциал рынка труда высококвалифицированными кадрами, а соответственно будет положительно влиять на развитие промышленности, что благоприятно скажется на экономическом подъеме Российской Федерации.

В настоящее время Свердловским областным Союзом промышленников и предпринимателей инициирована работа по выявлению потребностей в рабочих кадрах со стороны промышленных предприятий и разработка мер поддержки существующих учебных заведений, которые бы стимулировали их готовить качественные и необходимые региону кадры.

Библиографический список

1. *Базиев А. Х.* Угрозы экономической безопасности России и предложения по их минимизации // Молодой ученый. — 2017. — № 48(182). — С. 227–229.
2. *Лыткина В. С.* Проблемы среднего профессионального образования в современных условиях // Концепт. — 2017. — Т. 25. — URL: <http://e-koncept.ru/2017/770493.htm>.

Научный руководитель: *Н. Ю. Власова*,
доктор экономических наук, профессор

И. В. Овчинникова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Кадровая безопасность в системе обеспечения экономической безопасности налоговых органов

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с обеспечением кадровой безопасности как элемента экономической безопасности налоговых органов. Проанализирована специфика кадровой безопасности в налоговых органах как органах исполнительной власти, обозначены проблемные места. Предложены мероприятия по совершенствованию кадровой безопасности в системе обеспечения экономической безопасности налогового органа.

Ключевые слова: экономическая безопасность; управление персоналом; кадровая безопасность; орган исполнительной власти; государственная гражданская служба; персонал.

На сегодняшний день в современных, постоянно меняющихся условиях, обеспечение экономической безопасности является одним из главных стратегических направлений в деятельности как отдельно взятого предприятия, так и государства в целом.

В Стратегии экономической безопасности на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 дано понятие «экономической безопасности», как «состояния защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации».

Определение «экономическая безопасность организации (предприятия, учреждения, фирмы)» по мнению Е. Б. Дворядкиной и Н. В. Новиковой — это состояние наиболее эффективного использования ресурсов для предотвращения угроз и обеспечения стабильного ее функционирования [2].

Можно сделать вывод, что кадровая безопасность представляет собой меры по предупреждению негативных влияний со стороны персонала, которые могут напрямую повлиять на деятельность государственного органа. Поэтому одной из задач эффективного руководства является выявление и предотвращение всех потенциальных и реальных угроз.

Принимая во внимание, что Федеральная налоговая служба является органом исполнительной власти, осуществляющим контрольно-надзорные функции, проблема кадровой безопасности здесь наиболее остра и актуальна, а последствия негативного воздействия угроз кадровой безопасности наиболее заметны и значимы.

Согласно статистическим данным Российской Федерации, 80 % ущерба организации причиняется именно ее персоналом.

Различают внутренние и внешние угрозы кадровой безопасности. Первые представляют собой действия работников, которые приносят организации ущерб [1]. Внешние негативные угрозы — это действия, процессы, явления, зависящие не от сотрудников предприятия, а от внешней стороны, приводящие к ущербу, предотвратить который сотрудники не могут. Рассмотрим их примеры.

Ключевым элементом в формировании безопасности организации можно считать укомплектование службы управления персоналом высококвалифицированными, компетентными специалистами. Пренебрежение этим элементом может привести к рискованным ситуациям, и, как следствие, ошибкам при найме персонала, грамотной расстановке кадров, мотивации и стимулировании, контроле, а также увольнении сотрудников [6]

С точки зрения службы управления персоналом, все кандидаты на вакантные должности, а также действующие сотрудники должны рассматриваться как потенциальная угроза кадровой безопасности.

Одним из основных направлений обеспечения кадровой безопасности является ограждение от проникновения в организацию нежелательных лиц на стадии отбора кандидатов на работу [3].

На данном этапе кадровой службой, совместно со службой безопасности, проводятся проверочные мероприятия, в рамках действующего законодательства Российской Федерации, способные выявить и отсеять лиц, способных негативно повлиять на деятельность государственного органа и (или) на его репутацию. Проверяется информация:

— о наличии гражданства другого государства (в рамках ограничений, связанных с государственной службой);

— о подлинности представленных документов (в том числе проверка по базам недействительных паспортов, проверка подлинности дипломов о профессиональном образовании и пр.);

— о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера кандидата и его супруга (супруги) и несовершеннолетних детей, при поступлении на гражданскую службу на предмет представления заведомо ложных сведений;

— о фактах уклонения от военной службы по призыву, не имея на то законных оснований, в соответствии с заключением призывной комиссии;

— об участии в управлении коммерческими или некоммерческими организациями.

Также подлежат анализу:

— ранее взятые финансовые обязательства;

— материальное положение, в том числе жизнь «не по средствам» и наличие значительных финансовых накоплений неясного происхождения;

— характеризующая информация сослуживцев и руководителей о его профессиональных и моральных качествах;

— наличие и характер связей в бизнес среде, в том числе наличие родственников в коммерческих организациях, во избежание возникновения конфликта интересов;

— преступления и административные проступки, совершенные в прошлом;

— судебные процессы по гражданским делам, в которых кандидат выступал в качестве истца или ответчика;

— информация, размещенная в сети Интернет на персональных страницах сайтов, в соцсетях, в блогах, микроблогах.

При отборе кандидатов также необходимы такие направления диагностики, как диагностика личностных и поведенческих характеристик; возможного раннего увольнения на этапе отбора кандидата; благонадежности, профессиональной этики и лояльности; успешного прохождения испытательного срока; инновационности.

На этапе прохождения службы в налоговом органе рассматриваются следующие угрозы, которые могут быть связаны с личностью работника:

— создание угрозы жизни и здоровью других сотрудников;

— создание конфликтных ситуаций;

— провокация увольнения ключевых работников;

— разглашение конфиденциальных сведений;

— коррупционные риски;

— хищения;

— дискредитация управленческой системы;

— вред репутации государственного органа.

Направления деятельности по устранению внутренних угроз кадровой безопасности текущей деятельности в налоговых органах включают:

— разработку и внедрение системы адаптации работника в коллективе. На основе Методических рекомендаций по адаптации государственных гражданских служащих ФНС России осуществляется работа по адаптации назначенных на должности государственной гражданской службы впервые;

— возрождение института наставничества (с разработкой системы материальной и нематериальной мотивации наставников). До 100 % вновь назначаемых или назначаемых в порядке должностного роста сотрудников закреплены за наставником из числа квалифицированных и опытных работников;

— четкое определения должностных обязанностей, закрепленных в должностных регламентах, а также соответствие обязанностей функциям и задачам, закрепленным в положениях об отделах и инспекции, своевременная актуализация должностных регламентов;

— в соответствии со Стратегической картой ФНС России были внедрены комплексная и всесторонняя оценки персонала, идет разработка и внедрение критериев результативности;

— идет совершенствование системы профессионального развития государственных гражданских служащих ФНС России и системы подготовки кадров для налоговых органов в учебных центрах ФНС России, а также с привлечением учебных заведений через систему государственного заказа. Существенно увеличено число ежегодно обучаемых сотрудников с использованием дистанционных методов, а также путем самоподготовки, в том числе с помощью Интранет портала ФНС России;

— внедряется система Мотивации государственных гражданских служащих и работников ФНС России, Данное направление имеет наибольшее значение в условиях экономической нестабильности. До 2019 г. должны быть завершены мероприятия по совершенствованию системы материального стимулирования госслужащих, а также структуры их денежного содержания, В настоящее время разработаны критерии нематериальной мотивации;

— важным шагом в повышении объективности и прозрачности процедуры проведения конкурсов на замещение вакантных должностей является изменение Методики проведения конкурсов. В результате были улучшены результаты тестирования на базовые и специальные знания, пройти систему отбора низкоквалифицированному специалисту стало сложнее;

— отработана и широко внедрена работа с кадровым резервом государственной гражданской службы, что позволяет с одной стороны повысить мотивацию гражданских служащих, с другой стороны, оперативно решать возникшие кадровые проблемы;

— внедрение ЕИСУКС — Единой информационной системы управления кадровым составом государственной гражданской службы. Система позволяет сделать эффективнее процедуру контроля правильности наполнения информационных ресурсов, как со стороны непосредственно конкретного государственного служащего, так и со стороны вышестоящего органа;

— выявление так называемых «групп риска», разработка и внедрение мер по нейтрализации негативно настроенных сотрудников;

— повышение престижа государственной службы. В Указе Президента РФ от 11 августа 2016 г. № 403 «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации» повышение престижа службы, совершенствование антикоррупционных механизмов, системы управления кадровым составом определены, как приоритетные направления деятельности ФНС России.

В соответствии со Стратегической картой ФНС России на период 2020–2024 г., одной из ключевых целей является укрепление и совершенствование кадрового потенциала налоговых органов. Для повышения внутренней эффективности деятельности ФНС России поставлены следующие цели: повышение профессиональных и коммуникативных компетенций сотрудников налоговых органов; развитие внутрикорпоративной культуры;

— риск прямых злоупотреблений работника или причинение вреда предприятию, а также коррупционные риски и утечка информации имеют наиболее тяжелые последствия для безопасности государственного органа. Для своевременного выявления и предотвращения разработан ряд мер. К ним относятся: оснащение системой видеонаблюдения и аудиозаписи операционных залов и мест взаимодействия с клиентами, жесткая пропускная система с фиксацией всех проходящих людей и выносимых грузов, данные меры позволили также защитить и самих государственных служащих.

Для недопущения разглашения конфиденциальной информации закрыт доступ внешних источников записи информации, рабочие станции имеют многоступенчатую защиту и оснащены системой «Блок-Хост», также осуществляется системный контроль доступа посторонних источников, и порядка хранения информации ограниченного доступа.

«Основными задачами по реализации направления, касающегося обеспечения безопасности экономической деятельности, является создание условий, исключающих возможность сращивания интересов должностных лиц бизнес-структур и представителей государственных органов, профилактика и предупреждение формирования коррупционных схем их взаимодействия, в том числе с участием в этих схемах представителей бизнеса иностранных государств» — так прописано в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации одно из важнейших направлений — антикоррупционная политика государства. Выявление случаев возникновения конфликта интересов и иных коррупционных проявлений — одна из важнейших задач службы безопасности налоговых органов.

Для соблюдения требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулирования конфликтов интересов в налоговых органах образованы комиссии по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов, которые рассматривают как заявления государственных служащих, так и информацию, полученную из внешних источников.

Также службами безопасности используется информация, полученная по «телефону доверия».

Риски и угрозы кадровой безопасности при увольнении из организации касаются, прежде всего, финансовых претензий, снижения репутационного индекса и формирования негативного имиджа налогового органа, как работодателя, через распространение негативной информации, разглашение конфиденциальных сведений.

Законодательством о государственной гражданской службе предусмотрен запрет в течение двух лет после увольнения с гражданской службы, без согласия комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов, замещать на условиях трудового договора должности в организации и (или) выполнять в данной организации работу (оказывать данной организации услуги) на условиях гражданско-правового договора (гражданско-правовых договоров) в случаях, предусмотренных федеральными законами, если отдельные функции государственного управления данной организацией входили в должностные (служебные) обязанности гражданского служащего. Таким образом, минимизируются риски использования полученной во время прохождения государственной службы конфиденциальной информации, информации связанной с налоговой тайной, в коммерческих целях. Имеется практика отказов в замещении должностей бывшим государственным служащим. Кадровыми службами, совместно с органами прокуратуры, проводится контрольная работа по данному направлению.

Также кадровая безопасность может быть реализована и на этапе увольнения в виде:

- мер по выявлению желаний сотрудников уйти с работы;
- мер по созданию благоприятной атмосферы для предупреждения увольнений;
- использования аутплейсмента. Под данным термином понимается комплекс мероприятий, связанных с предоставлением информационной, психологической и правовой помощи увольняемому сотруднику, а также содействие в его последующем трудоустройстве. Обычно к нему прибегают при реорганизации или ликвидации организации [5].

Существенное влияние на кадровую безопасность оказывают внешние риски и угрозы кадровой безопасности, непосредственным образом не связанные с предпрятием. К ним относят лучшие условия труда и мотивации у конкурентов, их готовность на переманивание перспективных работников, а также внешнее давление на сотрудников, втягивание их в разные виды зависимости.

Такие риски нейтрализуются организацией работы по повышению престижа, которые формируют благоприятную модель организационного поведения [4].

При исследовании механизма обеспечения кадровой безопасности важным этапом является оценка его уровня. На сегодняшний день нет общепринятых методик оценки уровня кадровой безопасности в налоговых органах, но при этом можно использовать кадровую отчетность, материалы аттестаций и конкурсов. Кадровая служба занимает главенствующее положение по отношению к другим элементам системы безопасности налогового органа, так как именно она непосредственно «работает» с кадрами. Служба персонала должна иметь эффективные рычаги воздействия для обеспечения осуществления своих функций.

Кадровая безопасность — важнейшее направление кадровой работы, направленное на сохранение, развитие, укрепление кадрового потенциала, создание ответственного высокопроизводительного коллектива, способного своевременно реагировать на постоянно меняющиеся условия с учетом стратегии развития организации. В связи с этим кадровая безопасность в системе обеспечения экономической безопасности организации занимает главенствующее место.

Библиографический список

1. *Архипова Н. И., Назайкинский С. В., Седова О. Л.* Проблемы обеспечения кадровой безопасности организации // Проблемы управления безопасностью сложных систем: труды XXII Междунар. науч. конф. — М.: РГГУ, 2014. — С. 203–206.
2. *Дворядкина Е. Б., Силин Я. П., Новикова Н. В.* Экономическая безопасность: учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. — 194 с.
3. *Жижина М. В.* Обеспечение кадровой безопасности и почерковедческая диагностика // Безопасность бизнеса. — 2008. — № 1. — С. 43–46.
4. *Моргунов Е. Б.* Управление персоналом: исследование, оценка, обучение: учебник для бакалавров. — М.: Юрайт, 2015. — 561 с.
5. *Ольшевский А. В., Заяев Е. Д.* Аутплейсмент в кадровой работе МВД России // Административное право и процесс. — 2018. — № 11. — С. 38–41.
6. *Цветкова И. И., Сводцева И. А.* Основные принципы и подходы к формированию кадровой безопасности в системе экономической безопасности предприятия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. — 2016. — № 1. — С. 273–279.

Научный руководитель: *Е. С. Куликова*,
кандидат экономических наук

Л. В. Олейник

Рудненский индустриальный институт, г. Рудный, Республика Казахстан

Сопряжение экономической безопасности Республики Казахстан с развитием экономики в условиях глобализации

Аннотация. Рассматриваются проблемы определения приоритетных задач в сфере обеспечения экономической безопасности Республики Казахстан в условиях глобализации. На основе экспресс-оценки индикаторов экономической безопасности страны предложены меры по предупреждению возникновения отдельных угроз экономической безопасности и их нейтрализации.

Ключевые слова: экономическая безопасность; угрозы; стабильность; индикатор; пороговое значение.

Рыночная экономика не обеспечивает полноценную экономическую безопасность государства. В условиях глобализации мировой экономики гарантом независимости страны выступает фактор экономической безопасности. Именно данная сфера чревата возникновением и проявлением угроз национальной безопасности, что требует принятия адекватных мер для их предупреждения и нейтрализации.

Вопросы экономической безопасности будут актуальны всегда, поскольку связаны с надеждами граждан любой страны на благополучие и уверенность в жизненной судьбе, на представлении о действиях правительства по противодействию угрозам национальной экономической безопасности. Целями обеспечения экономической безопасности должны стать: устойчивое развитие, а не сдерживание экономики от падения; содействие укреплению экономического развития, а не противодействие ослаблению экономики; стремление к обеспечению стабильности и способности удовлетворять потребности общества, государства, отдельного индивида.

Экономическая безопасность представляет собой совокупность внутренних и внешних условий состояния национальной экономики, благоприятствующих ее эффективному динамичному росту и способности обеспечивать их жизненно важные интересы государства и его граждан [1].

Отметим приоритетные задачи обеспечения экономической безопасности Республики Казахстан: недопущение экономической изоляции Казахстана от международной экономической системы; уменьшение степени уязвимости экономики страны от воздействия отрицательных факторов геополитического окружения; недопущение превышения уровня дефицита государственного бюджета его предельного значения; препятствие и пресечение нецелевого использования государственных ресурсов и бюджетных средств; предотвращение критического состояния дисбаланса в социально-экономическом положении регионов.

Складывающиеся тенденции изменения показателей экономической безопасности, их влияние на обеспечение социально-экономической стабильности государства характеризуют индикаторы экономической безопасности, которые количественно отражают угрозы экономической безопасности, а при изменении макроэкономической ситуации подают сигналы участникам рынка о возникающих опасностях и комплексно оценивают имеющуюся ситуацию данного периода развития. Именно комплексная характеристика служит основой для выработки мер по предупреждению и противодействию нарастающим угрозам экономической безопасности.

Параметры, отвечающие требованиям экономической безопасности, группируются по следующим направлениям: характеризующие способность экономики к устойчивому развитию; характеризующие устойчивость финансовой системы; характеризующие социальную сферу; характеризующие внешнеэкономическую деятельность

[1]. Пороговые значения вышеназванных индикаторов должны рассматриваться как на уровне страны, так и на уровне регионов, характеризую национальные экономические интересы государства и, позволяя количественно оценивать угрозы экономической безопасности.

Если рассматривать предложенные В. Сенчаговым и С. Глазьевым пороговые значения показателей экономической безопасности, то в случае расхождения пороговых уровней показателей экономической безопасности, целесообразно использовать более жесткое значение индикатора [2; 3].

Экспресс-оценка индикаторов экономической безопасности Казахстана, выполненная по методике, предложенной Центром финансово-банковских исследований Института экономики РАН, позволяет охарактеризовать принципиальные черты национальных интересов страны.

Так, сопоставление фактических индикаторов экономической безопасности Казахстана на соответствие пороговых значений по итогу 2019 г. показало следующее: в Казахстане официальный уровень безработицы в 2019 г. составил 4,8 % (пороговое значение — 5 %); уровень инфляции составил 6 % (пороговое значение — 120 %); уровень продовольственной зависимости — 50 %, пороговое значение 30–35 %; удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции составил 3 % (пороговое значение — 15 %); соотношение среднедушевых доходов населения к прожиточному минимуму составило 4,6 раз (пороговое значение — 3,5 раз); соотношение минимальной и средней заработной платы составило 1: 9,4, а пороговое значение 1:10; доля населения, живущего на пороге бедности — 40 %, пороговое значение — 10 %; соотношение доходов 10 % наиболее обеспеченного и 10 % наименее обеспеченного населения составило 14,5 раз (пороговое значение — 8 раз); индекс делового доверия равен 7, а пороговое значение не менее 20; государственный долг на конец года, в процентах к ВВП составил 21,9 % (пороговое значение — 30); дефицит государственного бюджета, в процентах к ВВП составил 1,4 % (пороговое значение — 3 %); темпы роста ВВП составили 4,1 % против 5 %; текущий и торговый баланс к ВВП имеют отрицательные значения¹.

Анализируя приведенные данные, видим, что экономическая сфера оказалась в опасности по следующим показателям: резкая дифференциация населения по доходам; расширение зоны бедности в результате абсолютного увеличения числа людей, доходы которых ниже прожиточного минимума; высокая продовольственная зависимость; низкая доля удельного веса отгруженной инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции; отрицательное сальдо торгового баланса, подрывающая стабильность финансовой системы; отрицательное сальдо текущего баланса, отрицательно влияющее на возможности экономического роста; низкое значение делового доверия и тенденция его снижения сужающее возможности развития делового климата страны.

Ранжирование элементов системы экономической безопасности Казахстана определило следующие приоритеты: на первом месте — факторы, определяющие возникновение угроз экономической безопасности; на втором месте — количественные и качественные параметры критериев экономической безопасности; третье место отводится стратегии и системе мер обеспечения экономической безопасности.

Поскольку экономическая безопасность, влияя на другие виды национальной безопасности, проникая в них и взаимодействуя с ними, то она сосредоточивает в себе их воздействие, оставаясь фундаментом национальной безопасности. Для выведения

¹ *Daly J. C. K. Why Kazakhstan is Key to China's Central Asia Strategy.* — URL: <http://www.silkroadreporters.com/2015/07/14/why-kazakhstan-is-key-to-chinas-central-asia-strategy>.

экономики из опасной зоны и преодоления негативных последствий выхода за пороговые значения необходимы мероприятия, решающие данную проблему. Отметим, что грань между внешней и внутренней экономической безопасностью достаточно условна, и подобное различие необходимо только для выработки мер противодействия, которые должны носить упреждающий характер, а не быть постфактум. Такими мерами для Казахстана стало его активное участие в международных проектах, союзах, соглашениях.

Инновационная перестройка национальной экономики Казахстана сопровождается активным подключением к процессам интеграции и глобализации. Иностранные инвестиции при этом рассматриваются как движущая сила экономического развития и страны и ее регионов, поскольку дают возможность доступа к современным технологиям и значительным финансовым ресурсам. Однако, зарубежный инвестор, оказавшись на казахстанском рынке, старается заработать высокую прибыль с минимальными затратами и не торопится усовершенствовать производства с внедрением новых технологий.

Так, анализируя влияние участия Казахстана в китайском проекте «Один пояс - один путь» (экономический пояс Шелковый путь) на экономическую безопасность страны, можно отметить следующее:

— участие в строительстве транспортной инфраструктуры обеспечивает работой в первую очередь китайские компании и китайских рабочих, что отрицательно сказывается на уровне безработицы, особенно в южных регионах;

— высока доля вероятности размещения китайских производств, отрицательно влияющих на экологию (уже сегодня имеются активные возражения населения, проживающего на задействованных территориях);

— также возникает проблема конкуренции в связи с участием в ЕАЭС и в проекте Шелковый путь (например, проблема с техническими регламентами);

— по условию проекта кредитоваться китайские и казахстанские компании должны только у китайских банков, что затягивает отечественные компании в большие долги (Индия, как один из участников проекта, уже высказала свое недовольство подобной ситуацией)¹;

— китайские инвестиционные проекты сориентированы на добычу нефти и газа, что сохраняет за Казахстаном роль поставщика дешевого сырья;

— условие китайского содержания в работах и услугах при реализации проекта Шелковый путь, усилит торгово-экономическую и миграционную экспансию Китая на рынки Казахстана;

— китайский производитель займет лидерство и в инновационном бизнесе страны;

— предполагаемого углубления сотрудничества в науке и высоких технологиях до сих пор не сложилось (нет пример подобного взаимодействия);

— расширяется зона оборота юаня и увеличивается экспорт китайских товаров.

Как видим, от участия в экономическом поясе Шелковый путь явственно обозначились угрозы экономической безопасности Казахстана. Те возможности и преимущества, на которые рассчитывает государство, призваны не только нейтрализовать выявленные угрозы, но и обеспечивать развитие экономики. Пока что это не так. По мере реализации вышеназванного проекта у Казахстана сохраняется роль поставщика минерального сырья, доля китайского капитала на финансовом рынке зна-

¹ *Daly J. C. K. Why Kazakhstan is Key to China's Central Asia Strategy.* — URL: <http://www.silkroad-reporters.com/2015/07/14/why-kazakhstan-is-key-to-chinas-central-asia-strategy>.

чительно увеличилась, усилился демпинг со стороны китайских предприятий, а смена приоритетов при выборе маршрута транспортировки углеводородов из Центральной Азии в Китай уже отсекала Казахстан от реализации двух направлений и ожидаемая выгода не сложилась.

Усилия Казахстана по формированию несырьевой модели экономики на основе инновационной модернизации и цифровизации (Индустрия 4.0) с активным участием в международных проектах, союзах и соглашениях должны коррелироваться со стратегическими целями развития национальной экономики. Необходимо не просто рассматривать потенциальные экономические выгоды от международного сотрудничества, а выполнять оценку степени сопряжения как самих проектов между собой, так и со стратегией социально-экономической модернизации страны.

Существующее мнение экспертов Казахстана, что экономические инициативы и проекты не конкурируют между собой, а дополняют друг друга, не вполне отражает действительность. Каждая инициатива имеет собственную цель, не связанную по обязательствам развития участников проекта. Следовательно, ожидания Казахстана по созданию совместных с Китаем производств с использованием последних достижений НТР, транспортно-логистической инфраструктуры на уровне Индустрия 4.0 можно признать не вполне реалистичными.

Для укрепления экономической безопасности Казахстана необходимо: сместить акцент с внешних факторов на активное развитие внутренних возможностей; определить «зоны ответственности» государства в области обеспечения экономической безопасности страны; с учетом экономических, климатических, этнонациональных факторов, сформировать геофинансовые зоны влияния; проводить идентификацию угроз финансово-экономической безопасности страны и выявлять их носителей, с адекватной организацией финансового контроля со стороны государства; на постоянной основе проводить исследования по выявлению тенденций развития угроз экономической безопасности; осуществлять мониторинг различных форм участия иностранных инвесторов в экономике страны с анализом их влияния не только на экономическую эффективность, но и на экономическую безопасность государства; разработать механизм по нейтрализации воздействия негативных факторов.

В складывающихся реалиях, реализация предложенных мер позволит повысить уровень экономической безопасности Казахстана.

Библиографический список

1. *Арбузов С. Г.* Особенности методологического и методического обеспечения экономической безопасности государства на современном этапе: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. — СПб., 2016. — 360 с.
2. *Глазьев С. Ю.* Геноцид. Россия и новый мировой порядок. Стратегия экономического роста на пороге XXI века. — М.: Терра, 1997. — 187 с.
3. *Сенчагов В. К.* Как обеспечить экономическую безопасность России // Российская Федерация сегодня. — 2007. — № 6. — 36–37.

О. Г. Поздеева, М. А. Саморукова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Потенциальные угрозы экономической безопасности Свердловской области и направления их нейтрализации

Аннотация. В статье приведены теоретические основы определения угроз экономической безопасности региона, дано понятие угрозы экономической безопасности, а также представлены направления нейтрализации потенциальных угроз.

Ключевые слова: регион; Свердловская область; угроза экономической безопасности; направление нейтрализации угроз.

Свердловская область является регионом с уникальным геоэкономическим положением, который является результатом самостоятельного развития региона. Уральский регион имеет ценное «наполнение», имеет свои разнообразные ресурсы, а также достаточно сложную внутреннюю хозяйственную структуру со множеством взаимодействующих между собой компонентов, которые в итоге сформировали впоследствии особое геоэкономическое положение региона.

Впервые Урал был обозначен стратегическим регионом еще в XVIII веке, в период создания и развития мощной горно-металлургической промышленности, базирующейся на собственной топливной и сырьевой базе. В данный исторический период Уральское плавление чугуна значительно превышало аналогичное производство в Англии, Урал являлся самым крупным мировым районом в области металлургии и экспортировал металл по всей Европе [2].

Урал можно с уверенностью называть исторически сложившимся старопромышленным районом страны, который характеризовался высочайшим уровнем концентрации территории производства и населения, занятого в хозяйственном обороте и освоении природных ресурсов, районом с высоким уровнем развития социально-экономических ресурсов [2].

Своевременное выявление и разработка мер по нейтрализации угроз экономики региона находится в тесной взаимосвязи с обеспечением уровня экономической безопасности.

В современной научно-исследовательской базе отсутствует четкое определение понятия «угроза экономической безопасности региона». Касаемо национальной экономической безопасности дается определение, которое закреплено в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.: «...угроза экономической безопасности — совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере...». Учеными-исследователями вопросов экономической безопасности региона Я. П. Силиным, Е. Б. Дворянкиной и Н. В. Новиковой приводится определение: «угрозы региональной социально-экономической безопасности — это явления и процессы, оказывающие негативное воздействие на региональную социально-экономическую систему, ущемляющие экономические интересы личности, общества и государства» [1].

Проведя анализ общедоступных статистических данных, на сегодняшний день наиболее выраженными являются следующие угрозы Свердловской области:

- 1) чрезвычайно изношенные основные производственные фонды стратегических предприятий промышленности;
- 2) недостаточно высокая рентабельность промышленных предприятий;

3) недостаточная бюджетная поддержка социально-экономического развития региона.

Следовательно, первая проблема проявляется в создании низкого уровня конкурентоспособности на федеральном и межрегиональном уровнях, который делает невозможной конъюнктурную диверсификацию производства оборудования, обуславливает высокую стоимость произведенной продукции.

Вторая угроза влечет за собой принудительное сокращение производства, которое порой ведет к полной ликвидации или реорганизации предприятия, ускоряет рост уровня социальной напряженности, разрушает элементы базы системы экономики страны в целом.

Проблема низкой бюджетной поддержки выливается в отсутствии возможностей для реализации потенциальных проектов расширения и развития производства и региональной инфраструктуры, а также увеличивает коррупционные действия, которые чрезвычайно негативно сказываются на развитии страны и региона.

К внешним угрозам, сложившимся на территории Свердловской области следует отнести следующие:

1) растущая зависимость региональных экономических систем от иностранного капитала и импорта продукции;

2) снижение уровня регионального производства, вследствие нерентабельности и отсутствия конкуренции на рынке товаров;

3) постепенное развитие регионального социально-политического и экономического сепаратизма.

Проявление действий данных угроз будет выражаться в следующих негативных тенденциях: сокращении объемов производства в регионе, гипертрофированном росте сферы услуг, в особенности сферы развлечений, которая наиболее подвержена влиянию «теневой» экономике и способствующей формированию криминального актива вокруг нее, нанесение вреда здоровью населения вследствие употребления низкокачественной пищевой продукции, рост безработицы и снижение уровня благосостояния населения, увеличение социальной напряженности и другие, не менее деструктивные влияния на экономику России в целом [1].

Таким образом, угрозы состоянию экономической безопасности выявлены в следующих сферах: социальной, производственной, инновационной, инвестиционной и финансовой.

Величина ВРП зависит от инвестиций, а поток инвестиций, как было обнаружено, имеет тенденцию к снижению, что и создает угрозу экономической безопасности.

В свою очередь, сокращение объема инвестиций влечет за собой снижение обновления основных фондов предприятий, и, как следствие — сокращение расширения промышленности.

Также инвестиционной составляющей в инновационной сфере и серьезной проблемой является недостаточное финансирование НИОКР, что замедляет внедрение современных технологий, не способствует созданию новейших разработок, что влияет на снижение конкурентоспособности региона.

Прослеживается стремительное снижение удельного веса региональных кредитных организаций, что способствует усилению состояния зависимости (а именно — финансовой зависимости) от иногородних структур, потере финансовой самостоятельности и независимости региона.

Негативной тенденцией в регионе является достаточно высокий рост убыточных организаций, что влечет за собой неизбежное снижение налоговых поступлений в бюджет, уменьшение количества рабочих мест и невозможность достижения глав-

ной цели любого коммерческого предприятия — извлечения прибыли. Также данная угроза способствует разрастанию «теневого» сектора экономики.

В социальном секторе главной угрозой является рост численности населения с уровнем дохода, ниже прожиточного минимума и в целом высокая дифференциация доходов населения региона. Данная угроза опасна своей прямой взаимосвязью с увеличением числа уголовных преступлений, а также повышением социальной напряженности среди населения, проживающего на территории Свердловской области. Прослеживается на данный момент нежелание работоспособных граждан работать на вакансиях, с предлагаемым в среднем невысоким уровнем заработной платы — есть угроза роста безработицы в регионе вследствие недовольства большей частью трудоспособного населения условиями, предоставляемыми работодателями [1].

Стоит отметить, что дополнительной проблемой мониторинга уровня экономической безопасности региона является неполнота и несвоевременность необходимых данных, также негативно сказывается отсутствие спецификации критериев оценки уровня экономической безопасности для отдельных регионов.

Крайне необходимым становится осуществление паритетного взаимодействия бюджетных систем на уровне региона и государства, разделение налоговых и иных функций, создание климата, который будет благоприятствовать развитию экономики Свердловской области, а также выбор обоснованной экономической стратегии во взаимоотношениях с другими территориями страны.

Основными рекомендациями по укреплению экономической безопасности будут решения по каждой из сфер экономики Свердловской области.

В сфере инвестиций: активная политика привлечения инвесторов, как внутренних, так и внешних, возможно частное спонсирование, повышение уровня инвестиционной привлекательности промышленных производств, а также производств-экспортеров, развитие инфраструктуры региона.

Инвестиции выступают одним, из наиболее важнейших факторов имеющих прямое воздействие на рост и развитие экономики региона.

На увеличение доли инвестиций в ВРП существенно может повлиять создание и развитие территорий опережающего социально-экономического развития.

Другими не менее эффективными способами поддержки реализации инвестиционных проектов могут стать имущественная поддержка (инфраструктура технопарков, статус масштабного или приоритетного проекта и т. п.), а также предоставление региональных налоговых льгот.

Проблемой финансовой сферы является сокращение числа региональных кредитных организаций.

Потенциальным вариантом решения может стать активное сотрудничество и взаимодействие региональных банков с региональными органами власти. Данные отношения позволят предоставлять определенные гарантии, субсидированные ставки и т. д.

Закреплению региональных кредитных организаций будут способствовать следующие меры: выстраивание перспективных стратегий и направлений, поиск и усовершенствование преимуществ конкуренции, разработка мероприятий, повышающих качество корпоративного управления, грамотная оценка всевозможных кредитных рисков и т. п.

Для решения проблемы социального расслоения и устранению дифференциации доходов населения следует более существенно поддерживать население, имеющее доход ниже величины прожиточного минимума. Данное решение позволит сложившейся ситуации не усугубляться далее и послужит фактором, снижающим социальное напряжение в обществе.

Для улучшения показателя степени износа основных фондов рекомендуется проведение обновлений посредством ввода новых трудовых средств за счет нового строительства, технического перевооружения и реконструкции, выделению специальных государственных субсидий и льгот для создания возможностей выделения более крупных сумм, которые пойдут на обновление износившихся фондов, также стоит ужесточить правила и нормы эксплуатации средств на уровне законодательной власти, а также ввести запрет на использования устаревшего, завершившего свой физический срок службы оборудования.

Регулятивными мерами воздействия на состояние экономики региона выступают: меры, направленные на устранение кризисных тенденций в регионе, а также совершенствование нормативной правовой базы и институциональные преобразования в законодательной и исполнительной ветвях власти субъекта.

Результатом применения на практике предложенных рекомендаций станет постепенная выработка стандартов и методов антикризисного управления экономикой Свердловской области.

Библиографический список

1. Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Тенденции развития экономического пространства Уральского макрорегиона // Управленец. — 2017. — № 2. — С. 2–11.
2. Структурная трансформация экономики городов старопромышленного региона / Е. Г. Анимица, Н. Ю. Власова, Е. Б. Дворянкина, Н. М. Сурнина. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2001. — 140 с.

И. И. Рахмеева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Региональные объединения предпринимателей как институциональное средство повышения экономической безопасности

Аннотация. В статье в рамках институциональной и региональной экономики установлено, что в инклюзивных институциональных средах региональные объединения предпринимателей способствуют уменьшению транзакционных издержек и снижению асимметрии информации, формированию качественной регуляторной среды и баланса интересов, повышению уровня доверия. Они выступают средством повышения экономической безопасности предприятий, секторов экономики и всей социально-экономической системы территории.

Ключевые слова: объединение предпринимателей; региональный институт; транзакционные издержки; асимметрия информации; доверие; экстрактивные и инклюзивные среды; регуляторная среда.

Институт — система норм (законов, правил, ценностей, практик поведения), обеспеченных механизмом принуждения (специализированным или неспециализированным). Институт рассматривается в отношении как минимум двух взаимодействующих акторов (например, предприниматель — орган власти или предприниматель — предприниматель [8]), выступая регулятором их контакта путем установления рамок и ожиданий поведения контрагента.

Региональные объединения предпринимателей консолидируют бизнес-сообщество для взаимодействия с локальными органами власти, таким образом, выступая институциональным средством (способом действий для достижения цели, согласно сло-

варю Ушакова) создания благоприятных условий для ведения хозяйственной деятельности.

Рассмотрим подробнее результаты деятельности территориальных объединений предпринимателей с точки зрения институциональной и региональной экономики и их влияние на экономическую безопасность, под которой будем понимать «состояние социально-экономической системы субъекта Российской Федерации, при котором обеспечивается ее защита от влияния негативных факторов и воздействий» [11, с. 33].

Во-первых, региональные объединения предпринимателей снижают трансакционные издержки взаимодействия с органами власти.

Согласно теории Р. Коуза [19] и теории общественного выбора, в системе с большим числом экономических агентов трансакционные издержки переговоров слишком высоки и достижение договоренностей об эффективном распределении и использовании ресурсов маловероятно. Современные российские институционалисты в развитие данных постулатов указывают на большую эффективность скоординированных по сравнению с суммой индивидуальных действий акторов для обеспечения устойчивого роста региона, при этом «чем выше степень координации, ... тем более ярко может быть выражен синергетический эффект» [15, с. 106].

Представители региональных объединений предпринимателей, выражая их консолидированную позицию, могут участвовать в переговорах, совещаниях с органами власти, принимать участие в оценке регулирующего воздействия. При этом такие представители, как правило, обладают необходимыми профессиональными качествами и компетенциями [6]. Их трудозатраты существенно ниже, а результативность выше, чем разрозненные попытки отдельных предпринимателей уследить за изменениями в законодательстве и оказать воздействие на принимаемые управленческие решения в регионе. О. С. Сухарев отмечает особую важность объединения усилий именно для небольших фирм [14, с. 80], имеющих низкие возможности для продвижения и защиты своих интересов по отдельности.

Во-вторых, региональные объединения предпринимателей уменьшают асимметрию информации и обеспечивают повышение эффективности распределения и использования ресурсов.

Асимметрия информации (неоднородное распределение информации между экономическими акторами) не позволяет принимать оптимальные управленческие решения, вынуждает нести высокие трансакционные издержки на ее уменьшение, ставит взаимодействующие стороны в неравные условия.

Среди различных видов асимметрии информации в рамках данного исследования особую роль уделим властной асимметрии, связанной с такой неравномерной дистрибуцией информации, за счет которой одни экономические агенты «обладают настолько сильным влиянием, ... что могут устанавливать условия институциональных соглашений» [13].

Автор согласен с мнением Р. С. Гринберга, что «в России большие проблемы с более или менее консолидированной влиятельной силой, способной выявлять и реализовывать интересы общества как такового» [5, с. 293].

Региональные объединения предпринимателей позволяют частично решать указанную проблему. Они, с одной стороны, интегрируют данные и мнения разрозненных бизнес-единиц, доводя их до властных лиц, принимающих решения, с другой стороны, они являются проводниками внешней информации (например, планирующиеся изменения в законодательстве, появившиеся возможности получения субсидий или государственных услуг) внутрь бизнес-сообщества.

Снижение асимметрии информации позволяет органам власти принимать более оптимальные управленческие решения с общественной точки зрения, что сопряжено с

повышение эффективности распределения и использования ресурсов (в частности, направление бюджетных средств на востребованные направления и создание оптимальных условий для реализации инвестиций и развитие перспективных отраслей регионального хозяйства [18]).

Ряд экономистов придерживаются противоположной точки зрения. Так, М. Олсон указывает на отрицательную связь экономического роста с влиянием распределительных коалиций и организацией групп, объясняя данный феномен тем, что рост числа объединений увеличивает склонность к перераспределению вместо производства [12, с. 101–103]. Его позицию разделяет российский институционалист О. С. Сухарев, полагая, что возникновение групп особых интересов (преимущественно из числа «богатых индивидов или крупных фирм») ведет к росту конфликтности и снижению производительности [14, с. 80].

Автор данного исследования не считает количество объединений фактором понижения эффективности экономики и сдерживания промышленного развития. Глубинная причина подобных явлений кроется в качестве институциональной среды — ее склонности к экстрактивному или инклюзивному характеру [1]. В случае экстрактивной институциональной среды, ограничивающей доступ к ресурсам и власти, действительно будет происходить перераспределение финансовых потоков в пользу крупных игроков и коррумпированных чиновников. Для инклюзивной институциональной среды будут характерны свободный доступ к созданию объединений, их участию в процессах принятия решений. Поэтому инклюзивная среда должна характеризоваться большим числом разнообразных бизнес-объединений и формами их взаимодействия с органами власти.

В-третьих, региональные объединения предпринимателей обеспечивают достижение баланса интересов при принятии управленческих решений и формирование качественной регуляторной среды.

Снижая асимметрию информации, бизнес-объединения региона обеспечивают учет интересов предпринимателей при принятии управленческих решений, что делает их более сбалансированными по потребностям различных экономических групп. Эффективными инструментами здесь выступают оценка регулирующего воздействия [9], участие в заседаниях координационных органов (например, в Свердловской области представители ключевых объединений входят в состав Инвестиционного совета и принимают участие в заседаниях Правительства региона). Данная функция является ключевой для региональных отделений «Большой четверки» и отраслевых объединений (см. рисунок).

Автор разделяет мнение С. Ю. Глазьева, что «опережающее реформирование системы хозяйственного права сможет конструктивно разрешать экономические противоречия и предупреждать обострение социально-политические конфликты. Для этого, однако, нужен широкий общественный консенсус и эффективные процедуры делегирования полномочий институтам, призванным гармонизировать социально-экономические отношения в правовых нормах» [4, с. 33–34]. Эксперты отмечают, что сегодня достаточно гибко регулируются «вопросы участия общественности и предпринимательских объединений в разработке и принятии новых нормативных правовых актов» [7, с. 9]. Таким образом, адресаты регулирования имеют возможность лоббировать, изменять действующие и создавать новые институты [14, с. 15].

В-четвертых, региональные объединения предпринимателей способствуют повышению уровня доверия в бизнес-среде.

Доверие в экономической системе между акторами (власть-предприниматель-потребитель) является важным механизмом снижения транзакционных издержек

и экономистами доказана положительная корреляция между уровнями доверия и экономического развития [2; 17].

Тип объединения	Региональные отделения «Большой четверки»	Отраслевые или структурные региональные объединения	Региональные саморегулируемые организации
Основная функция	Представление и защита интересов крупных/средних/малых предприятий	Представление и защита интересов отрасли или узких бизнес-групп	Установление внутриотраслевого делового кодекса
Примеры региональных объединений в Свердловской области	Свердловский областной союз промышленников и предпринимателей, Уральская торгово-промышленная палата, Свердловское отделение «Опоры России», Свердловское отделение «Деловой России»	Союз предприятий оборонных отраслей промышленности Свердловской области, Союз предприятий и организаций химической промышленности Свердловской области, Уральский Союз лесопромышленников и др.	Ассоциация строителей Урала, Союз стройиндустрии Свердловской области, Свердловская областная гильдия адвокатов и др.

Структура региональных объединений предпринимателей в Свердловской области

Я. Корнаи отмечал «важную роль в укреплении доверия добровольных объединений граждан» [10, с. 15]. Р. Патнэм на примере регионов Италии установил тесную взаимосвязь между числом и активностью объединений и доверием, которое создает «социальный капитал». Вместе с тем сам Р. Патнэм обнаружил, что ряд организаций создаются при скрытом или явном участии политических сил, что в купе с этническим или религиозным расслоением в обществе может приводить к обратной ситуации — росту недоверия [20, с. 19]. Последнее обстоятельство также соответствует вышеизложенной идеи автора о превалирующей значимости экстрактивного или инклюзивного характера институциональной среды, поскольку формирование объединений не на добровольной основе и отсутствие их равного доступа к системе принятия управленческих решений и является имманентной чертой экстрактивной институциональной среды.

Региональные объединения предпринимателей, вырабатывая внутренние правила честного поведения (данная функция является первоочередной для саморегулируемых организаций, см. рисунок) и выступая общественным гарантом их исполнения, усиливают эффективность регуляторной среды, выступающей синергией формальных и неформальных институциональных условий.

Бизнес-объединения способствуют росту доверия органам власти и хозяйствующим субъектам, развитию кооперационных связей [3; 16] внутри предпринимательской среды.

Благодаря перечисленным выше механизмам региональные объединения предпринимателей выступают средством повышения экономической безопасности как отдельных предприятий, так и отдельных секторов экономики и всей социально-экономической системы территории. Однако в экстрактивной институциональной среде это средство может оказаться неэффективным или даже давать обратный эффект. Это обстоятельство определяет актуальность дальнейших прикладных исследований конкретных институциональных сред.

Библиографический список

1. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. — М.: АСТ, 2015. — 692 с.
2. *Ахмадуллин И. Р.* Социальная ответственность как потенциал конкурентоспособности малых предприятий // Казанский педагогический журнал. — 2016. — № 6(119). — С. 209–212.
3. *Буньковский Д. В.* Границы интересов крупного и малого предпринимательства в нефтехимической промышленности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2017. — Т. 13, № 7(352). — С. 1306–1319.
4. *Глазьев С. Ю.* О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. — 2016. — № 56. — С. 3–39.
5. *Гринберг Р. С.* Россия вновь между отчаянием и надеждой, или Мировоззренческие тупики экономической политики // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2015. — Т. 195, № 6. — С. 291–310.
6. *Давыдова С. Г., Питула О. Д.* Факторы и условия обеспечения качества проведения процедуры оценки регулирующего воздействия регионального законодательства на развитие предпринимательской деятельности // Среднерусский вестник общественных наук. — 2017. — Т. 12, № 3. — С. 198–208.
7. *Дидикин А. Б.* Мониторинг фактического воздействия в системе правовых средств регуляторной политики // Регуляторная политика в России: проблемы теории и практики. — М.: Проспект, 2019. — С. 5–17.
8. *Дмитриев Н. Д.* Возникновение агентских конфликтов в процессе принятия управленческих решений по инвестиционным проектам // Экономика и управление: сб. науч. тр. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2018. — С. 30–36.
9. *Капогузов Е. А., Богданова А. С.* Оценка регулирующего воздействия как институт социального контроля // Управленец. — 2017. — № 3(67). — С. 2–7.
10. *Корнаи Я.* Честность и доверие в переходной экономике // Вопросы экономики. — 2003. — № 9. — С. 4–17.
11. *Лысенко А. Н.* Система социально-экономической безопасности региона: сущность, структура, угрозы, механизм управления // Управление устойчивым развитием. — 2019. — № 2(21). — С. 32–39.
12. *Олсон М.* Возвышение и упадок народов: экономический рост, стагфляция и бюрократизация / пер. с англ. В. Бусыгина. — М.: Новое издательство, 2013. — 322 с.
13. *Орехова С. В., Кислицын Е. В.* Эмпирическое исследование властной асимметрии товарного рынка природного газа // Управленец. — 2017. — № 2(66). — С. 28–35.
14. *Сухарев О. С.* Экономический рост, институты и технологии. — М.: Финансы и статистика, 2014. — 458 с.
15. *Тамбовцев В. Л.* Устойчивое региональное развитие: актуальные направления институционального анализа // Journal of institutional studies. — 2019. — Т. 11, № 3. — С. 104–118.
16. *Тополева Т. Н.* Экономическая интеграция в промышленности: теоретико-методологический аспект // Вестник Нижегородский государственный инженерно-экономический университет. — 2019. — № 1. — С. 138–148.
17. *Algan Y., Cahuc P.* Trust, growth and well-being: new evidence and policy implications // Handbook of economic growth. — 2013. — No. 2. — P. 49–120.
18. *Antipin I. A.* Implementation mechanisms of strategies of socio-economic territorial development: methodological approach // R-Economy. — 2019. — Vol. 5, no. 3. — P. 115–122.
19. *Coase R. H.* The problem of social cost // Journal of law and economics. — 1960. — Vol. 3. — P. 1–44.
20. *Putnam R.* Bowling alone: The collapse and revival of American community. — New York: Simon and Schuster, 2000. — 541 p.

И. В. Савенкова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблемы обеспечения экономической безопасности муниципального образования Красноуфимский округ

Аннотация. В статье представлено обоснование экономической безопасности муниципального образования, а также проведен анализ социально-экономического развития города Красноуфимска с целью определения уровня экономического образования этого субъекта РФ. На основании проведенных аналитико-статистических исследований выявлены проблемы социально-экономического развития Красноуфимска и сформулированы перспективные направления по обеспечению экономической безопасности города.

Ключевые слова: муниципальное образование; экономическая безопасность; экономическая безопасность муниципального образования; субъект РФ; местное самоуправление; государственное пространство.

Обеспечение экономической безопасности выступает одной из главных функций государства. Экономическая безопасность представляет важнейшую составляющую часть структуры национальной безопасности страны, так как при отсутствии необходимого экономического обеспечения проблематично говорить о национальной безопасности в целом. Без ее обеспечения не может быть решена практически ни одна из поставленных задач перед государством, как во внутригосударственном, так и в международном аспектах.

Экономическая безопасность — это основа жизнедеятельности общества, его национально-этнической и социально-политической устойчивости, многоаспектный, сложный социально-экономический феномен, который представляет полный комплекс динамических факторов и условий материального производства [8].

Исследование экономической безопасности на уровне государства в целом не позволяет построить картину ее тенденций и состояния изменений. Муниципальные образования являются неотъемлемой частью общего государственного пространства, и в связи с этим понимаются через субъекты экономики¹, на которые как и на любые другие хозяйственные субъекты, воздействуют внешние и внутригосударственные угрозы [9]. Поэтому вопрос обеспечения экономической безопасности муниципального образования представляет важное значение с точки зрения страны, так как, по сути, его решение представляет собой реализации государственной политики экономической безопасности на конкретной территории [4].

К ключевым объектам системы экономической безопасности необходимо отнести: государство, регионы, муниципальные образования и хозяйствующие субъекты [2]. Важно отметить, что эти самостоятельные объекты имеют сложное взаимодействие, не позволяющее рассматривать экономическую безопасность каждого уровня системы как совокупность состояний объектов более низкого уровня. Кроме этого, изучение различных объектов экономической безопасности определяет потребность в описании методологических подходов [6].

Важно отметить, что экономическая безопасность может быть реализована как на региональном, так и на общегосударственном уровне, а также на уровне муниципальных образований и на уровне отдельных хозяйствующих субъектов [7].

¹ *Об общих* принципах организации местного самоуправления в РФ: федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ.

Поэтому экономическая безопасность муниципального образования рассматривается как составная часть государственной безопасности, так как в значительной мере экономические процессы взаимосвязаны, поэтому, как правило, не являются замкнутыми системами, которые функционируют исключительно на территории муниципального образования [5].

Экономическая безопасность муниципальной территории — это совокупность факторов и условий, которые характеризуют текущее состояние предприятий и экономики, от которых, в конечном итоге, зависит уровень жизни населения на конкретной территории [3].

Угроза экономической безопасности муниципального образования раскрывается через совокупность деструктивных (негативных) процессов, которые протекают в экономической сфере на федеральном и региональном уровнях, на территориях сопредельных муниципальных образований, а также на территории самого муниципального образования, потенциальным результатом действий которых может являться нанесение ущерба экономическим интересам местному самоуправлению, населению и хозяйствующим субъектам определенной территории [9].

Экономическая безопасность муниципального образования дает представление о состоянии защищенности от внутренних и внешних угроз, которая обеспечивает прогрессивное развитие муниципальной территории, а вместе с ним государства, общества и личности [1].

Темпы экономического роста хозяйствующих субъектов МО Красноуфимский округ отразились на финансовом состоянии муниципалитета. За 2019 г. организациями МО Красноуфимский округ, представляющими в органы государственной статистики сведения о финансовом состоянии, сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) в действующих ценах составил — 16,8 млн р. прибыли (за соответствующий период составил 0,02 млн р. прибыли).

Доля убыточных организаций от общего числа отчитывающихся — 50,0%, соответственно сумма полученного ими убытка составила 37,2 млн. руб. Прибыль прибыльных организаций по итогам 2019 г. составила 54,0 млн. руб., в 2020-2022 годы прогнозируется не выше 48,0 млн р.

Большая часть налоговых перечислений в местный бюджет по итогам 2018 г. обеспечена за счет налога на доходы физических лиц, земельного налога, налога на имущество физических лиц, единого налога на вмененный доход, доля которых в налоговых и неналоговых доходах местного бюджета составляет 76,5 (2019 г. — 75,4 %).

Основным источником налоговых поступлений является налог на доходы с физических лиц, исполнение составило в сумме 149,1 млн р. (2019 г. — 124,7 млн р.)

В 2019 г. к уровню 2018 г. произошло значительное увеличение поступления по земельному налогу увеличились на 18,3 % и составили 11,0 млн р. Объем поступлений ЕНВД в 2018 г. составил 3,5 млн р. (2019 г. — 3,6 млн р.).

Налог на имущество физических лиц в 2019 г. увеличился на 1,2 млн р. по сравнению с 2018 г. и составил 5,0 млн р.

Увеличились поступления по прочим налогам и сборам с 16,9 млн р. по итогам 2018 г. до 26,7 млн р. по итогам 2019 г. Прочие налоги и сборы включают в себя поступления налога на имущество организаций, транспортного налога, налога на совокупный доход, налогов, сборов и регулярных платежей за пользование водными ресурсами, государственных пошлин, поступления в счет погашения задолженности и по перерасчетам по отмененным налогам, сборам и иным налоговым платежам, зачисляемым в доходы местного бюджета.

В целом доходы муниципального образования по итогам 2018 г. составили 1 021,43 млн р. и уменьшились по сравнению с 2017 г. на 95,65 млн р. за счет снижения объема средств, получаемых от вышестоящих уровней власти, прибыли прибыльных организаций (2019 г. — 250,0 млн р.). По итогам 2019 г. прогнозируется рост доходов до 242,6 млн р., к 2020 г. — до 256,0 млн р.

Объем средств, получаемых от вышестоящих уровней власти, представляющих собой сумму средств, получаемых муниципальным образованием, из областного бюджета в виде дотаций, субвенций, субсидий, межбюджетных трансфертов по итогам 2018 г. составил 801,0 млн р. и уменьшился по сравнению с 2017 г. на 128,5 млн р. (2019 г. — 929,5 млн р.).

Финансирование муниципальных программ (расходы местного бюджета) в 2018 г. составило 517,3 млн р. (в 2019 г. — 586,96 млн р.).

В 2019 г. основные макроэкономические показатели в целом отражали стабильную ситуацию в экономике округа.

По оценке, оборот организаций по видам экономической деятельности (отчитывающиеся организации) составил 1 152,7 млн р. — 93,0 % к 2019 г.; оборот организаций в расчете на душу населения составил 44,4 тыс. р. на 1 чел. (93,1 %).

Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг крупных и средних предприятий за 2019 г. составил 153,2 % к аналогичному периоду прошлого года.

Положительная динамика роста оборота наблюдалась по производству и распределению электроэнергии, газа и воды — 168,3 %, в оптовой и розничной торговле — 104,9%, по обрабатывающему производству — 100,7 %.

В других отраслях экономики наблюдалось снижение экономических показателей:

— объем работ, выполненных собственными силами по виду деятельности «Строительство» составил 65,9 % к соответствующему периоду прошлого года;

— оборот организаций сельского хозяйства — 62,6 %.

Общая экономическая ситуация, складывающаяся в Российской Федерации, нашла свое отражение и на состоянии экономики МО Красноуфимский округ. Учитывая, что с начала 2018 г. наблюдалось замедление темпов экономического роста, на 2019 г. прогнозировался оборот организаций в реальном секторе экономики (по полному кругу) в объеме 1 930,8 млн р., или 103,0 % к фактическому уровню 2018 г. В 2019 г. оборот организаций составил 2 316,9 млн р. или 123,4 % к фактическому уровню 2018 г., в том числе в сельском и лесном хозяйстве — 896,3 млн р. при прогнозируемом объеме 794 млн р., в оптовой и розничной торговле — 1 018,4 млн р. при прогнозируемом объеме в 856,8 млн р.; в производстве и распределении газа и воды — 133,5 млн р. при прогнозируемом объеме в 133,1 млн р.; в обрабатывающем производстве — 33,4 млн р. при прогнозируемом объеме в 16,7 млн р.

По прогнозным оценкам организаций, в среднесрочной перспективе прогнозируется рост объемов производства: в 2020 г. до 2 456,5 млн р., в 2021 г. — до 2 654,1 млн р., в 2019 г. — до 2 557,2 млн р. (снижение связано с уменьшением объемов по ОКВЭД «Строительство»), к 2022 г. предполагается довести его до 2 751,8 млн р.

Одним из приоритетных направлений деятельности муниципального образования было и остается привлечение инвестиций в экономику округа, создание благоприятных условий для бизнеса и снижение административных барьеров.

Объем инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования в 2018 г. составил 380,3 млн р. при прогнозируемом объеме в 460,0 млн р., что на

48,5 % меньше, чем в 2017 г. (2019 г. — 738,1 млн р.). Снижение объясняется тем, что в рассматриваемых периодах выполнялось больше работ, финансируемых из федерального и областного бюджета.

Приоритетным направлением инвестиционной деятельности на территории района было и остается строительство объектов социально-культурной сферы и жилья, газификация населенных пунктов, а также техническое перевооружение в сферах аграрно-промышленного комплекса и жилищно-коммунального хозяйства.

По итогам 2020 г. прогнозируется освоение инвестиций в объеме 468,5 млн р.: на частные инвестиции будет приходиться не более 30 %, из них основная доля в сфере аграрно-промышленного комплекса. В плановом периоде 2020–2022 гг. не прогнозируется высокий рост объема инвестиций и показатель составит: в 2020 г. — 597,6 млн р., в 2021 г. — 409,6 млн р., в 2021 г. — 555,2 млн р.

Качество жизни населения определяется уровнем его доходов, которые последние годы практически не увеличивались, реальные располагаемые доходы продолжают падение.

В 2018 г. номинальные денежные доходы граждан составили 3 231,0 млн р. (в 2019 г. — 3 247,0 млн р.). В 2020 г. доходы граждан прогнозируются на уровне 3 465,0 млн р., к 2021 г. — рост до 3 692,0 млн р.

Соотношение среднедушевого денежного дохода граждан (10 278 р.) и средней величины прожиточного минимума (10 230 р.) составило всего 1,01 раз, 2018 г. — 1,11 раз, 2019 г. — 1,07 раз. В структуре денежных доходов населения 55,6 % занимают социальные выплаты (1 795,0 млн р.), оплата труда — 35,5 % (1 148,0 млн р.), доходы от предпринимательской деятельности — 8,9 % (288,0 млн р.).

По МО Красноуфимский округ за 2019 г. расходы по ГУПФ РФ в городе Красноуфимске и Красноуфимском районе составили 1 491,2 млн р., расходы на выплату пособий и других расходов за счет средств Фонда социального страхования РФ — 29,6 млн р., выплаты на компенсацию оплаты жилья и коммунальных услуг составили 79,0 млн р., доходы от частных домохозяйств — около 55 млн р.

Средний размер назначенной пенсии по итогам 2019 г. составил 12 322,0 р. Среднемесячная номинальная заработная плата одного работника в МО Красноуфимский округ в 2019 г. составила 19 222,1 р. (103,0 % к прошлому году). По итогам отчетного периода в числе лидеров по темпам роста заработной платы находятся такие виды деятельности как культура (110,0 %); в не бюджетной сфере — производство и распределение электроэнергии, газа и воды (115,0 %), обрабатывающие производства (113,3 %).

Положительная динамика заработной платы в «бюджетных» отраслях обеспечивается в ходе выполнения Правительством Свердловской области социальных обязательств, установленных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

Уровень оплаты труда в МО Красноуфимский округ значительно отстает от среднего областного показателя, влияет на низкий уровень заработной платы в сфере малого бизнеса. В рейтинге муниципальных образований Свердловской области по уровню среднемесячной начисленной заработной платы по итогам 2019 г. округ занимал последнее 69-е место.

По итогам 2019 г. доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума от общей численности населения оставила не менее 23 %. Рынок труда не обеспечивает достаточно вакансий с более высокой зарплатой для увеличения дохода. Динамика снижения показателя к 2021 г. не прогнозируется.

В прогнозируемом периоде структура доходов населения не претерпит существенных изменений. Социальные трансферты и заработная плата и продолжают оставаться основным источником доходов населения (соответственно около 55 % и 35 % в структуре денежных доходов). Увеличение социальных выплат и компенсаций спрогнозировано на уровне 1,1 % ежегодно. Основным фактором роста заработной платы в прогнозируемом периоде станет рост заработной платы в бюджетном секторе в связи с реализацией указов Президента Российской Федерации (в части отдельных категорий граждан).

Численность постоянно проживающего населения на территории округа по состоянию на 1 января 2018 г. составила 26 001 чел., снижение численности населения за год составило 388 чел. (в 2019 г. — 244 чел.). Несмотря на динамику снижения общей численности населения, сохраняется тенденция увеличения численности детей дошкольного возраста (от 3 до 7 лет) и школьного возраста (от 8 до 17 лет).

Как и для соседних территорий характерно увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население, сокращение численности женщин фертильного возраста, рост численности населения старше трудоспособного возраста.

При ежегодном снижении численности занятых в экономике структура занятых в экономике не претерпит существенных изменений. Актуальным для населения остается трудовая миграция.

На основе анализа социально-экономического развития МО Красноуфимский округ можно выделить ряд проблем:

- 1) низкий уровень собственных доходов бюджета;
- 2) неконкурентоспособность предприятий и экономики города в целом;
- 3) развитие малого бизнеса преимущественно в сфере торговли;
- 4) отсутствие свободных средств на покрытие муниципального долга;
- 5) закрытие муниципальных предприятий, продажа муниципального имущества.

Среди перспективных направлений повышения обеспечения экономической безопасности МО Красноуфимский округ можно выделить следующие:

- 1) поддержка малого предпринимательства в новых, инновативных сферах;
- 2) привлечение инвесторов для развития новых отраслей (туризм, спорт, оздоровление);
- 3) поддержка существующих отраслей производства, помощь в развитии;
- 4) совместное сотрудничество с Красноуфимским районом в развитии сельского хозяйства, выход на новые рынки. Все это приведет к увеличению налога на прибыль и, как следствие, улучшению экономики города в целом.

В целом, система экономической безопасности муниципального уровня призвана обеспечить защиту интересов всех компонентов (рынка, социума, экономики, власти) муниципального образования. Без обеспечения экономической безопасности муниципального образования практически невозможно решить ни одну из проблем, стоящих перед органами местного самоуправления, перед органами власти субъектов Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт: научное обозрение преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов российских вузов.* — М.: Оптимус, 2016. — 111 с.
2. *Актуальные тенденции развития и совершенствования местного самоуправления на современном этапе «Город — территория безопасности»: кол. моногр. / В. А. Авдеев, О. А. Авдеева, Н. Ю. Акинина и др.* — Ханты-Мансийск: Югорский гос. ун-т, 2018. — 291 с.

3. Батова В. Н., Павлов А. Ю., Колесников А. В. Правовое регулирование экономической безопасности муниципальных образований как субъектов права: монография. — Пенза: ПензГТУ, 2017. — 101 с.

4. Каранина Е. В., Палкина М. В. Экономическая безопасность территории: критерии и индикаторы: монография. — Киров: Вятский гос. ун-т, 2016. — 255 с.

5. Нечаев Д. Н. Региональный экономический рост и пространственное развитие территорий как условия обеспечения экономической безопасности субъектов РФ (на примере областей ЦФО): монография / под общ. ред. А. М. Сысоева. — Воронеж: Науч. кн., 2016. — 104 с.

6. *Современные* проблемы государственного и муниципального контроля и аудита: метод. пособие / сост. Е. Н. Гладковская. — Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2017. — 35 с.

7. *Теория* государственного и муниципального контроля и аудита: метод. указ. / сост. Е. Н. Гладковская. — Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2018. — 16 с.

8. *Экономическая* безопасность регионов: учебное пособие / Е. А. Стрябкова, Я. Ю. Бондарева, Т. Н. Добродомова и др. — Белгород: БелГУ, 2019. — 99 с.

9. Яковлев В. М., Никишина С. Н. Риски и экономическая безопасность муниципальных образований (экономический и социальный аспекты). — М.: Русайнс, 2017. — 103 с.

О. И. Санжанов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург;

М. А. Санжанова

ООО «Центр расчетов», г. Екатеринбург

Основные угрозы экономической безопасности муниципальных образований в сфере жилищно-коммунального хозяйства

Аннотация. В статье проведен краткий анализ современных угроз экономической безопасности муниципальных образований в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Подчеркивается высокая социальная значимость этой сферы городского хозяйства как базового элемента муниципальной экономики, производящего основные материальные блага, необходимые для жизнеобеспечения населения.

Ключевые слова: муниципальное образование; угроза экономической безопасности; жилищно-коммунальный сектор; городское хозяйство.

В профессиональной аудиторрии нет необходимости останавливаться на доказательстве того, насколько важное место занимает состояние региональной экономики в стратегиях национальной, экономической и энергетической безопасности России.

В последние годы выходит достаточно много публикаций об экономической безопасности регионов с анализом ее составляющих, принципов, целей и задач [3; 4; 5; 6; 7; 9; 10; 11]. Органами государственной власти разработаны и внедрены постоянно действующие системы определения и сбора показателей, характеризующих уровень экономической безопасности регионов. Есть надежда, что собираемые данные подвергаются качественному и своевременному анализу, результаты которого находят свое применение в текущей деятельности региональных властей.

Гораздо менее основательно, на наш взгляд, разрабатывается научное направление муниципальной экономики, в том числе, в аспекте экономической безопасности муниципального образования как наиболее приближенного к уровню отдельного индивида элемента общей национальной безопасности.

Задача данной статьи — в очередной раз привлечь внимание ученых и практиков к некоторым существенным моментам обеспечения безопасной жизнедеятельности людей в их территориальных сообществах. В частности, все большую актуальность

приобретает состояние отдельных отраслей муниципального (городского) хозяйства, обеспечивающих функционирование всей муниципальной экономики и, одновременно, создающих практически безальтернативно безопасные условия жизни населения. Речь идет не только о создании условий для экономической деятельности жителей муниципального образования, но также о производстве и потреблении ресурсов и услуг, без которых невозможно само физическое существование человека.

Современная организация муниципального (городского) хозяйства не оставляет отдельному человеку, индивиду, почти никаких возможностей для самостоятельного удовлетворения основных естественных физических потребностей. В российских поселениях все в большей степени коллективным (во многих случаях уместно говорить «централизованным») становится обеспечение содержания жилища, предоставление воды и тепла для повседневных нужд. Эксплуатация жилых помещений, оказание коммунальных услуг водоснабжения и водоотведения, отопления и электроснабжения повсеместно организуется на базе многоквартирных домов и централизованных транспортно-сетевых хозяйств. В жилищном строительстве все заметнее становится тенденция укрупнения жилых зданий, превращения их в крупнейшие жилые комплексы с тысячами жилых помещений, по количеству проживающих и объему потребления коммунальных ресурсов равноценные крупным населенным пунктам. Увеличение этажности (в Екатеринбурге строительство домов выше 20 этажей давно стало массовым) и усложнение инженерного оборудования, входящего в состав общего имущества многоквартирных домов, усиливает отчуждение собственников отдельных квартир от прямого участия в управлении процессами эксплуатации зданий и их инженерных систем, т. е. процессами своего жизнеобеспечения.

Вместе с усложнением инженерно-технического хозяйства многоквартирных домов возрастают требования к производственной квалификации и ответственности обслуживающего это хозяйство персонала. Увеличение численности проживающих в домах, превращение их в своеобразные территориальные микросообщества, объединенные общей долевой собственностью на имущество, непосредственно обеспечивающее первоочередные жизненные потребности членов сообщества, предъявляет особые требования к деятельности по управлению общим имуществом домов, преобразует ее из организации технической эксплуатации зданий и сооружений в особый вид социального управления, выходящий за рамки даже вполне современных общих представлений о клиентском сервисе.

Невозможно не видеть параллельно углубляющуюся тенденцию обветшания, морального и физического износа огромного количества многоквартирных домов массового серийного строительства послевоенного периода. Их санация или отселение не ослабляют, а только укрепляют коллективно-централизованный характер потребления услуг жилищно-коммунального сектора городского хозяйства.

В этом секторе в настоящее время действует относительно небольшое количество организаций, в той или иной степени занимающих монопольное положение на рынке соответствующих видов услуг, товаров (ресурсов) и работ, что придает процессам их предоставления еще более централизованный характер. Самыми монополизированными видами услуг являются водоснабжение и водоотведение. Энергоснабжение жилых и нежилых объектов занимает промежуточное положение по степени монополизации рынка производства и сбыта тепловой и электрической энергии. Более или менее свободный выбор возможен только среди исполнителей услуг по управлению многоквартирными домами, содержанию и ремонту общего имущества этих домов. Однако и здесь существует современная специфика экономических и социальных отношений, сужающая выбор.

В конечном счете все признают, что именно жилищно-коммунальный сектор городского хозяйства производит львиную долю материальных благ, обеспечивающих полноценную жизнедеятельность людей и организаций на территории муниципального образования [1; 2; 8]. Помимо прочего, этот факт определяет решающее значение состояния данного сектора для экономической безопасности муниципального образования в целом.

По нашему мнению, при оценке состояния жилищно-коммунального хозяйства современного муниципального образования нужно выделять следующие его важнейшие аспекты и соответствующие этим аспектам угрозы экономической безопасности данного муниципального образования:

1) технический (основные угрозы: отставание профессиональной подготовки персонала исполнителей жилищно-коммунальных услуг от усложнения технологии эксплуатации зданий и сооружений, особенно в сфере учета потребления и экономии энергоресурсов; износ инженерных сетей и оборудования);

2) финансовый (основные угрозы: плохо контролируемый рост задолженности потребителей услуг; отсутствие механизма определения экономически обоснованных цен на услуги и ресурсы);

3) социокультурный (основные угрозы: узаконенная безответственность собственников жилья по отношению к состоянию многоквартирных домов; криминальный передел рынка жилищно-коммунальных услуг).

Библиографический список

1. *Бабун Р. В., Муллагалева З. З.* Вопросы муниципальной экономики: учеб. пособие. — М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. — 143 с.
2. *Воронин А. Г., Лапин В. А., Широков А. Н.* Основы управления муниципальным хозяйством. — М.: Дело, 1998. — 128 с.
3. *Глазьев С. Ю.* Основы обеспечения экономической безопасности страны // Российский экономический журнал. — 2013. — № 1. — С. 12–18.
4. *Гордиенко Д. В.* Основы экономической безопасности государства: курс лекций. — М.: Финансы и статистика, 2009. — 224 с.
5. *Жанузакова С. К., Миллер А. Е.* Экономическая безопасность региона. — Омск: Изд-во ОмГТУ, 2015. — 260 с.
6. *Зименкова Е. Н.* Специфические особенности региона как потенциальный источник возникновения угроз региональной экономической безопасности // Высшая школа. — 2016. — № 15. — С. 17–19.
7. *Каранина Е. В., Евстратова А. В.* Определение пороговых значений индикаторов экономической безопасности региона в рамках разработки региональной стратегии экономической безопасности // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2016. — Т. 2, № 8. — С. 169–177.
8. *Николаев К. А.* Муниципальное хозяйство и муниципальное управление // Актуальные проблемы современности: наука и общество. — 2016. — № 2. — С. 15–21.
9. *Новикова И. В., Краников Н. И.* Индикаторы экономической безопасности региона // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 330. — С. 132–138.
10. *Разумовский В. А., Андреев Д. А.* Экономическая безопасность региона. — М., 2015. — 210 с.
11. *Хадисов, М.-Р. Б.* Индекс качества жизни населения — индикатор экономической безопасности региона // Экономическая безопасность. — 2015. — № 5. — С. 47–52.

А. А. Растрепенин, А. В. Сурков

Администрация Невьянского городского округа, г. Невьянск

Проблемы оценки экономической безопасности муниципального образования

Аннотация. Рассматриваются проблемы оценки экономической безопасности муниципального образования Свердловской области на примере Невьянского городского округа. Анализируется экономическая безопасность Невьянского городского округа по выбранной системе показателей.

Ключевые слова: муниципальное образование; социально-экономическая составляющая; финансовая составляющая; положительная динамика.

Экономическая безопасность муниципального образования является актуальной темой для изучения так как необходимы условия для создания и поддержания субъекта от внутренних и внешних угроз.

Муниципальное образование — это административно-территориальная единица, управляемая органами местного самоуправления и самостоятельно удовлетворяющая большую часть жизненно важных потребностей населения в труде и социальных благах на основе использования местных ресурсов [1, с. 218].

Отсутствие какой-либо методики оценки экономической безопасности муниципального образования говорит о том, что выбранные показатели могут дать не совсем объективное понимание, но тем не менее попробуем применить систему показателей оценки экономической безопасности, предложенную Н. В. Новиковой и Ю. В. Алексеевой в статье «Экономическая безопасность городского муниципального образования: подходы к исследованию и оценке» [2] (табл. 1).

Таблица 1

Система показателей оценки экономической безопасности муниципального образования

Показатель	Уровень экономической безопасности		
	Низкий	Средний	Высокий
Социально-экономическая составляющая			
Естественный прирост (убыль) населения в расчете на 1 000 чел	Ниже -7	От -7 до 0	Свыше 0
Соотношение средней заработной платы и прожиточного минимума	Ниже 1,8	От 1,8 до 3	Свыше 3
Общий объем отгруженной продукции, выполненных работ и услуг предприятиями к уровню предыдущего года	Ниже 10	От 10 до 20	Свыше 20
Прибыль работы предприятий к уровню предыдущего года	Ниже 10	От 10 до 20	Свыше 20
Уровень безработицы по методологии МОТ	Выше 7	От 4 до 7	Ниже 4
Уровень инфляции	Выше 30	От 10 до 30	Ниже 30
Финансовая составляющая			
Величина доходной части бюджета, к предыдущему году в сопоставимых ценах	Ниже 90	От 90 до 105	Свыше 105
Доля собственных доходов	Ниже 40	От 40 до 80	Свыше 80
Дефицит бюджета, от доходной части	Более 5	От 5 до 3	Менее 3
Экологическая составляющая			
Предотвращенный ущерб, к затратам на предотвращение ущерба	Менее 50	От 50 до 70	От 70 до 100
Отходоёмкость производства, к предыдущему году	Ниже 90	От 90 до 105	Свыше 105

Использование предложенной системы показателей приведем на примере оценки экономической безопасности муниципального образования «Невьянского городского округа».

Невьянский городской округ занимает площадь 195 794 га. Численность населения НГО на 1 января 2019 г., по данным статистики, составляет 40 601 чел., в том числе 22 958 чел. проживает в городе Невьянске и 17 643 чел. проживает в сельской местности. На территории Невьянский городской округ расположены один городской населенный пункт и 36 сельских населенных пунктов.

В табл. 2 приведены социально-экономические показатели Невьянского городского округа за 2016–2019 гг.

Т а б л и ц а 2

Социально-экономические показатели Невьянского городского округа за 2016–2019 гг.

Показатель	2016	2017	2018	2019
Социально-экономическая составляющая				
Число родившихся на 1 000 населения	12,8	11,8	11,2	9,1
Число умерших на 1 000 населения	16,5	16,0	15,5	15,1
Естественный прирост (убыль) населения в расчете на 1 000 чел.	-3,7	-4,2	-4,3	-6,0

Примечание. Доклад Главы Невьянского городского округа о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городского округа Невьянск за отчетный период 2017–2019 гг. (проект доклада, дата выхода апрель 2020 г.)

Из табл. 2 видно, что прирост населения остается отрицательным, а смертность показывает положительную динамику в сторону уменьшения, но тем не менее превышает рождаемость. Естественная убыль населения Невьянского городского округа:

— в 2017 г. составило 12 % к уровню 2016 г., что является низким показателем экономической безопасности;

— в 2018 г. составило 2 % к уровню 2017 г., что является средним показателем экономической безопасности;

— в 2019 г. составило 28 % к уровню 2018 г., что является низким показателем экономической безопасности.

Полученные данные занесем в общую табл. б.

Перейдем к одной из экономической составляющей в части соотношения средней заработной платы и прожиточного минимума Невьянского городского округа, занесем данные в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Соотношение средней заработной платы по Невьянскому городскому округу и прожиточного минимума в Свердловской области в 2017–2019 гг.

Показатель	2016	2017	2018	2019
Социально-экономическая составляющая				
Средняя заработная плата по Невьянскому городскому округу, р.	29 720,60	30 968,50	35 666,40	38 715,50
Прожиточный минимум по Свердловской области	10 230,00	10 031,00	10 217,00	10 186,00
Соотношение средней заработной платы и прожиточного минимума	2,9	3,1	3,5	3,8

По данным табл. 3 наблюдаем положительную динамику соотношения заработной платы и прожиточного минимума. Если в 2016 г. этот показатель составлял 2,9, то в 2019 г. он уже составляет 3,8.

Теперь высчитаем уровень экономической безопасности Невьянского городского округа к уровню последующего периода по возрастающей с 2017 г. по 2019 г.:

— в 2017 г. соотношение составило 3,1 раза, что является высоким показателем экономической безопасности;

— в 2018 г. соотношение составило 3,5 раза, что является высоким показателем экономической безопасности;

— в 2019 г. соотношение составило 3,8 раза, что является высоким показателем экономической безопасности.

Полученные данные занесем в табл. 6.

Исследуем следующие показатели:

— общий объем отгруженной продукции, выполненных работ и услуг предприятиями к уровню предыдущего года.

— прибыль работы предприятий к уровню предыдущего года;

— уровень безработицы по методологии МОТ.

Вышеуказанные данные занесем в табл. 4.

Таблица 4

Показатели Невьянского городского округа за 2017–2019 гг.

Показатель	2017	2018	Темп роста, % (2018 к 2017)	2019	Темп роста, % (2019 к 2018)
Общий объем отгруженной продукции, выполненных работ и услуг предприятиями к уровню предыдущего года	12 865,5	14 182,1	110,2	22 490,4	158,6
Прибыль работы предприятий к уровню предыдущего года	661,1	1318,6	49,9	1594,5	27,3
Уровень безработицы по методологии МОТ	5,1	5,1	0	5,1	0,0

Уровень экономической безопасности в части:

— общего объема отгруженной продукции, выполненных работ и услуг предприятиями за весь исследуемый период показывает положительную динамику и оценивается в 2018 г. как низкий, а в 2019 г. высокий;

— прибыль работы предприятий за весь исследуемый период показывает положительную динамику и оценивается в 2018 г. как высокий, а в 2019 г. высокий, но темп роста уменьшился;

— уровень безработицы за исследуемый период остается неизменный на всем протяжении, что указывает на средний уровень экономической безопасности Невьянского городского округа.

Полученные данные занесем в общую табл. 6.

По данным отдела экономики администрации Невьянского городского округа, уровень инфляции в изучаемый период не отличается от общей по Российской Федерации. Данные значения занесем в табл. 5.

Уровень экономической безопасности инфляции за исследуемый период можно принять как высокий.

По представленным данным финансового управления Невьянского городского округа изучим параметры финансовой составляющей бюджета Невьянского городского округа. Представленные данные занесем в табл. 6.

При изучении величины доходной части бюджета в исследуемом периоде показала положительную динамику, за 2017 г. — 104 % (среднее значение), за 2018 г. — 105,4 % (высокое значение) и 2019 г. — 136,7 % (высокое значение).

Показатели Невьянского городского округа за 2017–2019 гг.

Показатель	2016	2017	2018	2019
Уровень инфляции	5,38	2,52	4,27	3,05

Таблица 6

Показатели финансовой составляющей бюджета Невьянского городского округа за 2017–2019 гг.

Показатель	2016	2017	Изменения, % к предыдущему году сопоставимых ценах	2018	Изменения, % к предыдущему году сопоставимых ценах	2019
Доходы, млн р.	1 363,58	1 417,46	104,0	1 494,22	105,4	2 043,14
в том числе собственные доходы	595,29	447,99	75,3	521,29	116,3	607,74
дотации, субвенции и субсидии	768,29	969,47	126,2	972,93	100,4	1 435,40
Расходы, млн р.	1 294,45	1 395,96	107,8	1 462,72	104,8	2 031,59
Дефицит, млн р.	+69,13	+21,50		+31,50		+11,55

На долю собственных доходов приходится: в 2016 г. — 43,7 %; в 2017 г. — 31,6 %; в 2018 г. — 34,9 %; в 2019 г. — 29,7 %.

Исходя из вышеизложенного, уровень экономической безопасности Невьянского городского округа по показателю доли собственных доходов можно оценить как низкий.

По такому показателю как дефицит бюджета при сопоставлении полученных данных с данными табл. 6 уровень экономической безопасности Невьянского городского округа оценивается как высокий.

Таблица 6

Результаты оценки уровня экономической безопасности Невьянского городского округа

Показатели	Уровень экономической безопасности		
	2017	2018	2019
Социально-экономическая составляющая			
Естественный прирост (убыль) населения в расчете на 1000 чел	Низкий	Средний	Низкий
Соотношение средней заработной платы и прожиточного минимума	Высокий	Высокий	Высокий
Общий объем отгруженной продукции, выполненных работ и услуг предприятиями к уровню предыдущего года	Средний	Низкий	Высокий
Прибыль работы предприятий к уровню предыдущего года	Низкий	Высокий	Высокий
Уровень безработицы по методологии МОТ	Средний	Средний	Средний
Уровень инфляции	Высокий	Высокий	Высокий
Финансовая составляющая			
Величина доходной части бюджета, к предыдущему году в сопоставимых ценах	Средний	Высокий	Высокий
Доля собственных доходов	Низкий	Низкий	Низкий
Дефицит бюджета, от доходной части	Высокий	Высокий	Высокий
Экологическая составляющая			
Предотвращенный ущерб, к затратам на предотвращение ущерба	—	—	—
Отходоёмкость производства, к предыдущему году	—	—	—

Для оценки экологической безопасности Невьянского городского округа в части экологической составляющей, данные для исследования отсутствуют в администрации Невьянского городского округа. Данные показатели в исследовательской работе не рассматривались.

По результатам рассмотрения экономической безопасности Невьянского городского округа мы наблюдаем повышение в части соотношения заработной платы и прожиточного минимума, общий объем отгруженной продукции, рост прибыли предприятий, увеличение доходной части бюджета, но в то же время низкий рост собственных доходов. Одной из негативных тенденций является естественная убыль населения, что может привести к нехватке рабочей силы и замедление повышения собственных доходов.

Библиографический список

1. *Ведута Е. Н.* Экономическая безопасность РФ. — М.: Гос. Дума, 2007. — 415 с.
2. *Новиковой Н. В., Алексеева Ю. В.* Экономическая безопасность городского муниципального образования: подходы к исследованию и оценке // Модернизационно-инновационные процессы в социально-экономическом развитии регионов и городов. Книга 1: кол. моногр., приуроченная к 20-летию кафедры региональной и муниципальной экономики. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2013. — С. 383–397.

Ю. А. Филиппова

Центр стратегических исследований при Главе Республики Саха (Якутия), г. Якутск

Вопросы типологизации населенных пунктов в системе обеспечения экономической безопасности региона

Аннотация. В статье предложены варианты комплексной оценки развития населенных пунктов Республики Саха (Якутия), основанные на методах оценки экономической безопасности территорий. Представлены основные подходы к оценке экономического потенциала сельских поселений Якутии с учетом их потенциала, степени развития основной экономической специализации и построения прогнозной модели экономического развития поселения до 2025 г. Определены базовые типы поселений и осуществлено распределение их экономического потенциала по экономическим зонам Республики. Сформулированы предложения по адаптации данных подходов применительно к населенным пунктам в условиях отсутствия широкого спектра статистических данных.

Ключевые слова: населенный пункт; комплексная оценка развития; потенциал; прогноз.

Изучение дифференциации развития территорий является одним из вопросов региональной экономики, а типология территорий, построенная на анализе ее экономической безопасности, позволяет спланировать вектор развития территории с учетом обеспеченности ресурсами, качества человеческого капитала и удаленности от крупных экономических центров.

Факторы территориальной дифференциации экономических и социальных условий, выявленные с использованием широкого ряда методов анализа экономической безопасности, используются для построения типологии населенных пунктов, которая в дальнейшем позволяет выстроить эффективную региональную политику.

Выделяют две основные разновидности типологий регионов, которые можно экстраполировать на населенные пункты: комплексная — построение системы оценки социально-экономического положения и (или) динамики развития на основании

набора критериев и специализированная — узконаправленная, разработанная на базе одного основного критерия.

К первой группе можно отнести типологию регионов Института экономики переходного периода (2002 г.), фонда «ИНДЕМ» (2004 г.), Независимого института социальной политики (2010 г.), а также подходы, отраженные в Концепции стратегии социально-экономического развития регионов, разработанной Министерством регионального развития РФ (2005 г.).

Ко второй группе можно отнести хорошо известное ранжирование регионов по уровню инвестиционной привлекательности, ежегодно осуществляемое РА «Эксперт».

Институт экономики переходного периода на основе оценки уровня жизни населения, инвестиционной активности и экономического потенциала выделяет семь групп регионов, распределенных с учетом уровня жизни населения, степени инвестиционной активности и наличия экономической базы и потенциала для развития:

— «производители-потребители» характеризуются относительно высоким уровнем жизни населения, но низкой инвестиционной активностью. Для этих регионов также характерна низкая доля топливно-энергетического комплекса.

— «нефтяники-потребители» характеризуются преобладающей долей топливной промышленности в объеме промышленного производства, высоким уровнем жизни и низкой инвестиционной активностью.

— «бедные потребители» характеризуется низким уровнем жизни населения и низкой инвестиционной активностью.

— «богатые инвесторы» включает самодостаточные регионы с сильной экономической базой, высоким уровнем жизни и потенциалом для развития.

— «бедные инвесторы» характеризуется самыми высокими показателями инвестиционной активности среди всех групп, что подчеркивает высокий экономический потенциал.

— «шатающиеся» включает в себя регионы, в которых отсутствует устойчивая динамика, как в экономической, так и социальной сфере. Социально-экономическая динамика в этих регионах, во многом, связана с работой крупных предприятий и изменениями конъюнктуры.

— «депрессивные» включает регионы с устойчиво низким уровнем жизни населения и отсутствием ясных перспектив к улучшению ситуации.

Фондом «ИНДЕМ» выбран набор индикаторов из статистических показателей и синтетических индикаторов, объединяющих группу показателей; часть индикаторов представляли собой расчетные индексы. В результате оценки ресурсов, качества жизни, экономики, финансов были выделены девять типов регионов:

1) крупные регионы с развитой промышленностью, сельским хозяйством и сферой услуг;

2) крупные регионы с экономикой, базирующейся на добыче и переработке природных ресурсов. Относительно слабо развитое сельское хозяйство, невысокое качество инфраструктуры, проблемы в социальной сфере;

3) крупные регионы с хорошими природно-климатическими условиями, развитым сельским хозяйством и промышленностью;

4) дальняя сырьевая периферия страны с богатыми природными ресурсами, но слабо освоенная и изолированная от основной части страны. Низкое качество инфраструктуры, отрицательная миграция;

5) самые бедствующие регионы. Низкий уровень социально-экономического развития, узкая специализация экономики;

б) небольшие регионы (по численности населения), находящиеся в сложных климатических условиях, с мощной индустриальной базой. Социальная сфера находится в запущенном состоянии. Моноотраслевая структура экономика, неразвитое сельское хозяйство;

7) регионы средней полосы с хорошими агротехническими условиями, высокой плотностью населения, хорошей освоенностью, в том числе инфраструктурной. Невысокий уровень доходов, малоэффективное сельское хозяйство, нехватка крупных городов, высокий уровень оттока населения;

8) регионы средней полосы, более развитые по сравнению с предыдущим типом. Наличие крупных предприятий-локомотивов, более высокий уровень доходов, более крупные города. Уровень развития не соответствует потенциальным возможностям;

9) национальные республики со слабой индустриальной базой, неразвитой инфраструктурой, малым и средним предпринимательством, низкий уровень инвестиций, высокая безработица. Мощное сельское хозяйство, высокие темпы роста населения, патриархальный уклад. Закрытые регионы с полунатуральной экономикой.

Типология Института независимой социальной политики предусматривает выделение двух дифференцирующих компонентов:

Уровень экономического развития региона и экономическое положение домохозяйств. Этот компонент включает в себя такие показатели, как валовый региональный продукт в расчете на душу населения, отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму и уровень бедности. Данные показатели характеризуют уровень производства добавленного продукта и его распределение.

Освоенность территории. В числе показателей, входящих в данный компонент, находятся плотность населения, степень благоприятности климата, тип хозяйственного использования, обеспеченность инфраструктурой.

В результате анализа выделены четыре группы регионов: высокоразвитые, относительно развитые, середина, слаборазвитые

В целом все методики предполагают оценку уровня экономического развития и уровня жизни населения регионов. Важным фактором являются природно-климатические условия, географическая удаленность, инфраструктурная обеспеченность.

Министерством регионального развития Российской Федерации в 2005 г. также была проведена работа по типологии регионов в документе «Концепция стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации», которая классифицировала регионы по следующим основным группам:

- сырьевые зоны;
- зоны безопасности (приграничные территории, ЗАТО, зоны с потенциалом этно-конфессиональных конфликтов, кризисные территории, ситуация в которых создает угрозу для единства и стабильности Российской Федерации);
- зоны технологического трансферта;
- зоны инновационного развития;
- мировые города;
- старопромышленные регионы;
- территории, прошедшие первичную индустриализацию.

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. типологизация населенных пунктов и муниципальных образований зависит от численности населения, вклада в экономической рост РФ или наличия развитого научно-образовательного центра как трансферта инноваций (см. таблицу).

**Распределение населенных пунктов по группам
согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г.**

Номер группы	Количество городов в группе	Вклад в экономический рост РФ	Численность населения
1	22 города, в том числе Московская и Санкт-Петербургская агломерации	Более 1 %	1 млн и более
2	28 городов	От 0,2 % до 1 %	Более 500 тыс.
3	26 городов	От 0,2 % до 1 %	Менее 500 тыс.
4	31 город	До 0,2 %	Менее 500 тыс.
5	Муниципальные образования 12 субъектов РФ	Минерально-сырьевые центры, более 0,2 %	Не определена
6	Муниципальные образования 15 субъектов РФ	Агропромышленные центры, более 0,2 %	Не определена
7	20 городов, в том числе Московская агломерация и Санкт-Петербург с г. Гатчина	Научно-образовательные центры мирового уровня	Не определена

Регионами Российской Федерации также применяют методы типологизации применительно к муниципальным образованиям.

В работе «Пространственные аспекты стратегического планирования развития муниципалитетов (на примере Пермского муниципального района)» все данные по Пермскому муниципальному району были сгруппированы по блокам, отражающим основные сферы деятельности и ее результаты: человеческий потенциал, инфраструктурная сфера, экономическая сфера, социальная сфера, муниципальное управление.

На основании анализа динамики показателей социально-экономического развития Пермского муниципального района в целях определения перспективных точек территориального развития была разработана типология муниципальных образований и населенных пунктов, входящих в их состав.

Классификация сельских поселений Пермского муниципального района была осуществлена по возможностям транспортных коммуникаций и степени деловой активности:

1) «пригородные» сельские поселения — среднее время доезда от которых до города Перми менее 60 мин, в том числе с учетом расстояния до 30 км и близости к федеральным и (или) региональным дорогам;

2) «удаленные» сельские поселения с учетом среднего времени доезда до города Перми;

3) «территории экономического роста» — зоны деловой активности с имеющейся экономической деятельностью или потенциалом экономического роста, в том числе по новым видам деятельности;

4) «селитебные территории» — зоны жилищной застройки многоквартирными и (или) индивидуальными жилыми домами, предполагающие прирост местного населения за счет миграционных потоков;

5) «природно-рекреационные территории» — зоны природных ландшафтов и рекреации, объекты культуры и туризма, сезонного дачного и круглогодичного организованного детского и семейного отдыха при наличии водных акваторий и природно-экологического потенциала;

6) «депрессивные территории» — территории, не имеющие соответствующих потенциалов роста.

В Республике Мордовия тип сельской местности рассматривается как сложная интегральная система, основанная на сочетании степени освоения земельных ресурсов, развития сельского, лесного хозяйства и отраслей переработки местной промыш-

ленности, системы расселения и обслуживания населения, экологических факторов. Из пяти типов один тип представляет индустриализованный тип сельской местности, остальные отражают степень развития сельского хозяйства.

В Республике Саха (Якутия), где количество городов ограничено, важна типология именно сельских населенных пунктов, в которых проживает около 30 % населения. Соответственно типология территорий в основном охватывает муниципальные образования — сельские поселения и основана на расчете субиндексов, отражающих оценку численности населения, финансовых ресурсов, социальной инфраструктуры, экономической активности и транспортной доступности. Отобранные показатели были приведены в нормированный вид с использованием таких методов статистического анализа, как нормирование и ранжирование.

В 2014 г. в критерии типологии муниципальных образований Центра стратегических исследований РС(Я) были включены определение экономической специализации муниципального образования и оценка потенциала на среднесрочный период. Потенциал оценивался с использованием регрессионного анализа, за потенциальный прирост принимался исторический максимум по отрасли за последние 10 лет. В результате была получена оценка развития имеющегося потенциала как для республики в целом, так и для самого поселения. Учитывая наличие природных ископаемых, промышленный потенциал определялся от наличия неразработанных месторождений полезных ископаемых вблизи поселения, размера месторождений, непосредственно вида полезных ископаемых, а также прогноза динамики цены на данный ресурс. В результате группировка муниципальных образований осуществлена по степени потенциала развития (сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность, добыча полезных ископаемых).

Заключение. Типология населенных пунктов в РС(Я), как и в других регионах, осложнена отсутствием подробной статистической информации. Выходом из ситуации по мнению автора является:

1) применение подхода «центр-периферия» к тем результатам оценки, которые могут быть сделаны на уровне поселения. При этом, центру — административному центру муниципального образования присваивается наивысшая оценка по всем возможным критериям самого муниципального образования, а остальные населенные пункты должны иметь понижающий коэффициент по критериям.

2) для определения понижающих коэффициентов экспертная оценка степени периферийности населенных пунктов может быть основана на результатах социологических опросов самого населения муниципальных образований. Таким образом, будут учтены особенности расселения населения и субъективный взгляд местных жителей на самоопределение транспортной доступности.

3) на социологических опросах может быть основано и определение долей субиндексов в общей интегральной оценке населенных пунктов при их типологии.

Информационная безопасность — важный аспект экономической безопасности

Аннотация. В статье показано, что в условиях формирования цифровой экономики информационная безопасность является одной из важных составных частей экономической безопасности. Отмечено, что при эффективной организации информационной безопасности большое значение в современный период имеют программные комплексы, способствующие оптимизации функционирования информационных систем экономических субъектов на экономическом рынке.

Ключевые слова: информационная безопасность; цифровая экономика; угроза безопасности; эффективность; информационный обмен.

Современный период развития мировой экономической системы характеризуется массовыми угрозами экономической безопасности.

Исследования ученых показывают, что экономическая безопасность представляет собой комплексное понятие, которое включает в себя политическую безопасность, финансовую, социальную, инновационную и в том числе информационную.

Одним из основных компонентов экономической безопасности в условиях формирования цифровой экономики является информационная безопасность.

Как показывает современная действительность, при функционировании современных информационных систем с целью защиты информации используются правовые, организационные и технические меры, которые направлены на обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации, соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа, реализацию права на доступ к информации [1].

Выбор способов и средств защиты зависит от поставленных задач по обеспечению безопасности:

- ограничение доступа;
- разграничение полномочий;
- обеспечение доверия;
- защита содержания.

Самый распространенный способ ограничения доступа к ресурсам — это создание учетных записей с помощью встроенных средств информационной системы. Отличаются только протоколы, применяемые при передаче данных идентификации пользователя, начиная от кодирования и вплоть до использования значений хеш-функций и шифрования, выбор протокола определяет уровень безопасности доступа. Независимо от протокола учетные записи могут обеспечить лишь грубое деление пользователей на доверенных и недостоверных, если же мы хотим предоставлять пользователям разные полномочия, то для этого нужны другие решения.

Обычно в организациях используются общие электронные документы, подготовленные в головном подразделении, которые обычно содержат таблицы с данными, используемыми сотрудниками подчиненных подразделений. Искажение данных может привести к нарушению сводной отчетности организации. Для разграничения полномочий по работе с данными в электронных документах задействованы встроенные возможности редакторов, определив группы пользователей, которым будет предоставлено право на чтение или на внесение изменений в электронный документ или только в определенные листы и области. Такой способ разграничения полномочий

предоставляет больше возможностей, чем простое «пустить — не пустить», но в целом возможности редакторов ограничены и помимо ограничения редактирования других задач решать они не могут [2].

Намного большими возможностями по разграничению полномочий пользователей при работе с электронными документами обладают специализированные программные средства, например такие, как служба управления правами Active Directory. С ее помощью можно разграничить права на чтение, редактирование, копирование, печать и пересылку электронных документов. С помощью этой службы можно применять единую корпоративную политику по использованию и распространению конфиденциальных сведений. Заданная для электронного документа политика остается с ним независимо от его перемещения, отправки или пересылки. Для защиты содержания электронных документов и заданных политик используется шифрование с помощью встроенных средств операционной системы Microsoft.

Существующие способы разграничения доступа позволяют защитить электронные документы от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, копирования и распространения в рамках одной системы, но не могут обеспечить решение вопроса доверия при электронном взаимодействии пользователей разных систем. Использование полноценного электронного документооборота предполагает обеспечение доверия к самим электронным документам независимо от того, где и кем они созданы.

Наиболее успешно вопрос доверия решается с помощью так называемой электронной подписи. Простая электронная подпись позволяет определить создателя подписи путем добавления к электронному документу подтверждающего значения, такого как код, строка, личная подпись или отпечаток пальца, полученные с помощью считывателя. Такие способы широко распространены, не требуют больших затрат, просты в использовании, чем, собственно, и привлекательны для пользователей.

Уровень безопасности, который обеспечивает простая электронная подпись, невысок, но может быть вполне достаточен, например, для обеспечения доверия во внутреннем документообороте. Многие платежные системы для обеспечения доверия при электронном взаимодействии с клиентами используют простую электронную подпись [3].

Более высокий уровень безопасности обеспечивает усиленная электронная подпись, которая представляет собой набор данных вместе с зашифрованной частью, позволяющей однозначно установить создателя электронной подписи и проверить целостность электронного документа. Шифрование выполняется с использованием личного ключа пользователя и предполагает применение средств криптографической защиты информации, что требует определенных затрат на их приобретение, установку и настройку, а также на предварительное обучение пользователей работе с такими средствами.

Существуют и простые решения, когда средства криптографической защиты информации устанавливаются на удаленном сервере и туда предоставляется доступ доверенным пользователям. При проверке электронной подписи выполняется расшифровывание зашифрованной части подписи с помощью известного открытого ключа пользователя, который хранится вместе с учетной записью пользователя. Если же пользователи взаимодействуют, не используя общее хранилище учетных данных, то для обеспечения доверия к открытому ключу применяется документ, подтверждающий владение пользователем открытым ключом, который носит название сертификата открытого ключа или ключа проверки электронной подписи. Создают сертификаты удостоверяющие центры, которым должны доверять все участвующие в электронном

взаимодействии пользователи. Доверие к сертификату обеспечивает электронная подпись, созданная удостоверяющим центром [4].

Очень важная задача при электронном взаимодействии — это соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа с помощью защиты содержания электронных документов. Есть разные решения этой задачи, выбор зависит от способа взаимодействия пользователей [5].

При сетевом взаимодействии пользователей можно ограничить доступ к передаваемым данным, используя набор протоколов IPSecurity. Для защиты данных и ограничения доступа используется шифрование на общем ключе, при этом могут применяться разные криптографические алгоритмы и программные средства.

Если пользователи взаимодействуют посредством почтовых сообщений, то для их защиты создан стандарт протоколов S/MIME. Защита передаваемых почтовых сообщений обеспечивается в этом случае совместным использованием электронной подписи и шифрования. Здесь все участники взаимодействия должны получить свой сертификат в удостоверяющем центре с необходимыми указаниями о назначении ключей [7].

Существующие информационные и платежные системы используют совокупность решений для защиты передаваемых электронных данных и обеспечения доверия к ним, но есть и немало схем, где используется только одно из вышеперечисленных решений.

При удаленном взаимодействии пользователей разных систем наиболее эффективными являются решения с использованием сертификатов, обеспечивающие доверие ко всем взаимодействующим сторонам и позволяющие удаленно согласовать ключи шифрования для защиты передаваемых электронных данных, а также использовать в рамках электронного документооборота усиленную электронную подпись. Этим достигается наиболее высокий уровень защищенности передаваемых электронных документов и степени доверия к ним.

На сегодняшний день для эффективной организации информационной безопасности в информационных системах внедряется комплексная система безопасности на основе программного продукта SECURE TOWER, который позволяет обеспечить:

- защиту от преднамеренного хищения или случайной утечки данных;
- управление операционными, репутационными и правовыми рисками;
- ведение архива бизнес-коммуникаций организации;
- расследование инцидентов в ретроспективе.

Совмещение разных способов контроля информации (лингвистического, статистического, атрибутивного, цифровых отпечатков и т. д.) и возможность создания многокомпонентных политик безопасности позволяет повысить эффективность работы службы информационной безопасности [6].

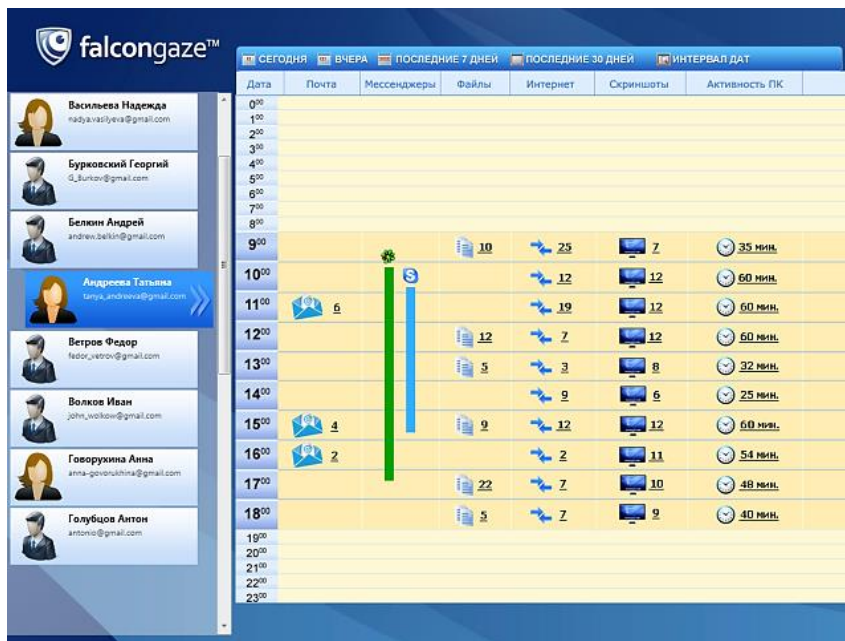
Как показывает практика, недостаточно только обнаружить инцидент, важно оперативно на него отреагировать. В случае обнаружения инцидента, ответственному сотруднику службы информационной безопасности будет незамедлительно электронное письмо с уведомлением об инциденте и его описании.

Управление операционными рисками с помощью Secure Tower осуществляется путем выявления случаев нецелевого использования персоналом рабочего времени и корпоративных ресурсов¹.

¹ Компания «АБТ» — электронная отчетность через интернет — сдача в налоговую, отправка электронной отчетности в Екатеринбург. — URL: <https://burg.abt.ru>.

Благодаря своему инструментарию Secure Tower дает возможность минимизировать вероятность возникновения операционных рисков и позволяет оптимизировать бизнес-процессы компании.

На рисунке представлен экран работы программы Secure Tower, разработанной компанией Falconze.

Экран работы программы Secure Tower, разработанной компанией Falconze

Как видно из рисунка, весь перехваченный Secure Tower трафик анализируется и сохраняется в базе данных.

Программа создает своеобразный архив для ведения «истории» внутрикорпоративных бизнес-процессов и событий.

Это позволяет расследовать любой случай утечки конфиденциальной информации в ретроспективе. Обратившись к определенному сообщению, можно посмотреть всю историю коммуникации абонентов¹.

Secure Tower обеспечивает полный контроль мобильных рабочих станций и переносных компьютеров, покидающих пределы сети компании.

Еще одной опцией программного продукта является возможность централизованной настройки и управления системой в территориально распределенных офисах.

Secure Tower централизованно устанавливается и настраивается из одной консоли и не требует изменения инфраструктуры сети или покупки дополнительного дорогостоящего оборудования.

Таким образом, можно сделать вывод, что информационная безопасность является важным компонентом экономической безопасности и фактором оптимизации деятельности предприятия в условиях комплексного информационного обмена.

¹ Информационно-коммуникационные технологии Узбекистана. — URL: <http://infocom.uz>.

Библиографический список

1. *Барт А. А., Барт Л. В.* Подходы к обеспечению экономической безопасности России в долгосрочной перспективе // *Современные процессы в развивающейся экономике: сб. науч. тр.* — Ульяновск: УлГТУ, 2011. — С. 20–25.
2. *Бегалов Б. А., Жуковская И. Е.* Методические основы влияния информационно-коммуникационных технологий на развитие национальной экономики: монография. — Ташкент: Иктисодиёт, 2018. — 178 с.
3. *Горбашко Е. А.* Влияние цифровизации на качество жизни с позиций устойчивого экономического развития // *Современный менеджмент: проблемы и перспективы: сб. ст. по итогам XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 25–26 апреля 2019 г.).* — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. — С. 29–33.
4. *Жуковская И. Е.* Совершенствование методологии применения информационно-коммуникационных технологий в статистической деятельности в условиях формирования цифровой экономики: монография. — Ташкент: Инновацион ривожланиш нашриет-матбаа уйи, 2020, 160 с.
5. *Прохорова М. П.* Теория принятия решений в менеджменте: учеб. пособие. — Н. Новгород: ВГИПУ, 2017, — 71 с.
6. *Халин В. Г., Чернова Г. В., Юрков А. В.* Укрупненная классификация систем поддержки принятия решений (часть 2) // *Прикладная информатика.* — 2016. — № 3(63). — С. 53–62.
7. *Хашимходжаев Ш. И.* Влияние цифровой трансформации на экономические процессы в Республике Узбекистан // *Современный менеджмент: проблемы и перспективы: сб. ст. по итогам XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 25–26 апреля 2019 г.).* — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. — С. 505–509.

Н. А. Шарапов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Повышение безопасности воздушных перевозок в сфере гражданской авиации Российской Федерации

Аннотация. В статье рассмотрены основные проблемы обеспечения безопасности полетов гражданской авиации в Российской Федерации. Сформулированы рекомендации организационно-управленческого и нормативного правового характера, способствующие обеспечению безопасности полетов гражданской авиации и налаживанию механизмов взаимодействия между федеральными органами исполнительной власти, профессиональным сообществом и авиакомпаниями в вопросах обеспечения безопасности воздушных перевозок в сфере гражданской авиации.

Ключевые слова: безопасность; государственное регулирование; гражданская авиация; воздушные перевозки; воздушный транспорт.

Постоянное повышение уровня безопасности полетов в мировом масштабе имеет основополагающее значение для обеспечения того, чтобы воздушный транспорт и впредь играл важную роль одного из двигателей устойчивого экономического и социального развития во всем мире. В отрасли, которая прямо или косвенно обеспечивает работой 56,6 млн чел., генерирует вклад 2 трлн долл. в глобальный валовый внутренний продукт и ежегодно осуществляет перевозку более 2,5 млрд пассажиров и грузов общей стоимостью 5,3 трлн долл., обеспечение безопасности полетов должно быть приоритетной и первостепенной задачей¹.

¹ *Глобальный план обеспечения безопасности полетов ИКАО — 2013.* — URL: http://www.sibfana.ru/files/8_%20Globalnyj_plan_obespechenija_BP_ICAO.pdf

Отстраненность государства к этой важнейшей социально-экономической проблеме проявляется, прежде всего, в отсутствии четко сформулированной государственной политики управления безопасностью воздушных перевозок, которая, опираясь на совершенную нормативно-правовую базу, должна обеспечить принятие и реализацию государственной политики в области безопасности полетов воздушных судов.

Настоящее положение дел отражает крайне пассивную роль государственных структур. Объектом их регулирования выступают в первую очередь меры по устранению последствий транспортных происшествий, отнесенных, в соответствии с классификацией, к категории чрезвычайных событий наравне, к примеру, со стихийными бедствиями.

Экономический рост Российской Федерации сдерживается отсутствием в сфере пассажирского транспорта возможностей обеспечения необходимой подвижности населения и мобильности трудовых ресурсов. Так, система магистральных пассажирских перевозок воздушным транспортом не обеспечивает для большинства россиян доступных возможностей перемещения внутри страны. Несмотря на то, что объемы перевозок гражданской авиации в России в последние годы растут темпами, более чем в два раза превышающими среднемировые, ее развитие по-прежнему не соответствует ни масштабам территории страны, ни потребностям населения в авиационных перевозках. Из-за стагнации местных и внутри региональных авиаперевозок, отсутствия эффективного взаимодействия региональных и магистральных авиакомпаний, неразвитости технологий, основанных на использовании узловых аэропортов, сложилась искаженная сеть авиамаршрутов — две трети всех внутрироссийских авиаперелетов пассажиров осуществляются через Москву, что снижает эффективность и качество обслуживания граждан¹.

Коммерческая авиация претерпела значительные улучшения в области безопасности полетов с момента ее создания. Эти результаты заслуживают внимания, учитывая резкий рост числа полетов во всем мире, стимулируемый новыми технологиями, либерализацией, приватизацией и глобальным экономическим развитием. Также, достижение таких показателей способствовали совместные и согласованные усилия, предпринимаемые в течение многих лет заинтересованными сторонами в авиационной отрасли: от производителей самолетов и двигателей, до правительств и международных организаций. Задача поддержания этих показателей на низком уровне является постоянной и сложной. Большинство значительных улучшений в области безопасности произошли благодаря совместным усилиям по решению конкретных проблем, которые привели к решениям на основе современных технологий.

Основная идея заключается в том, что дальнейшие улучшения в области безопасности будут все больше исходить от проактивных подходов, которые выявляют и смягчают риски до того, как произойдут инциденты или катастрофы. Государственные регулирующие органы должны будут оценивать и контролировать существующие программы и системы, а также проводить более традиционные специальные инспекционные и исследовательские мероприятия. По сути, комбинация принципов качества и аудита применяется в надежде, что управление безопасностью станет более прогнозирующим, когда речь заходит о рисках безопасности.

Поскольку самолеты стали более надежными, а навигация, посадочные средства и прогноз погоды улучшились, все больше авиационных происшествий и инцидентов, по-видимому, вызваны человеческими факторами. Исследования авиационных

¹ Львова М. И., Борисенко А. В. Государственное регулирование как инструмент повышения безопасности на воздушном транспорте // Управленец. — 2016. — № 1(59). — С. 66–75.

происшествий и инцидентов показывают, что, если хотя бы часть проблем человеческого фактора, которые приводят к этим ошибкам, могут быть решены, может быть достигнуто существенное снижение риска авиационных происшествий. По мере совершенствования авиационной техники изменились некоторые правила и требования для летных экипажей, которые ввели новые факторы риска. Появились новые опасения того, что увеличение автоматизации кабины приведет к снижению летных навыков экипажей, поэтому пилоты не готовы должным образом реагировать в случае отказа или изменений автоматизированных систем. Другие примеры включают проблемы координации экипажа и управления ресурсами, проблемы с интерфейсом машины, такие как отсутствие стандартизации кабины и основные проблемы взаимодействия в кабине внутри экипажа и между авиадиспетчерами. Кроме того, внедряются основные изменения в технологии управления воздушным движением, что ставит новые вопросы о том, как справляться со сбоями, как на земле, так и в кабине. Исследование человеческих факторов сосредоточено на двух основных областях: когнитивные и физические возможности, а также взаимодействие человека и технологий. В отличие от других аспектов безопасности полетов, анализ человеческого фактора не всегда поддается последовательным и точным измерениям и обычно требует больше времени, чем другие виды исследований в области безопасности полетов.

С развитием современных технологий возникают и новые внешние угрозы, влияющие на безопасность воздушных перевозок гражданской авиации. В число таких угроз входят:

1) литиево-ионные батареи. Эта угроза включает в себя проблемы, связанные с безопасной перевозкой литиевых батарей в качестве груза на пассажирских и грузовых воздушных судах, внутри зарегистрированного багажа пассажиров, а также в ручной клади пассажиров;

2) дистанционно пилотируемые авиационные системы — эта угроза включает в себя проблемы, сопровождающие безопасную интеграцию в гражданское воздушное пространство беспилотных авиационных систем, а также беспилотных летательных аппаратов и дистанционно пилотируемых авиационных систем;

3) инфраструктура и пропускная способность. Рост авиации, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе, во многом опережает способность регулирующих органов поддерживать эффективный надзор. Рост также влияет на наличие квалифицированной рабочей силы;

4) лазеры. Лазерные удары вызывают озабоченность во всем мире и представляют особую угрозу для пилотов и самолетов, производящие полеты на малых высотах;

5) кибербезопасность — эта проблема вызывает растущую обеспокоенность по поводу безопасной взаимосвязи бортовых и наземных систем.

Относительно предоставления предложений о совершенствовании системы государственного регулирования воздушного транспорта, направленные на повышение уровня безопасности полетов.

Во-первых, необходимо актуализировать государственную программу обеспечения безопасности полетов Российской Федерации. Привести Программу в соответствии с международными требованиями, выполнить обязательства, предусмотренные Конвенцией о международной гражданской авиации; определить целевой и приемлемый уровни безопасности полетов; назначить ответственное лицо за реализацию Программы. В таблице представлена методика определения базовых показателей оценки эффективности безопасности полетов в Российской Федерации.

Для того, чтобы определить, достигаем ли мы эффективного внедрения управления безопасностью полетов, необходимо сосредоточиться на деятельности, про-

цессах и инструментах, связанных с управлением показателями безопасности полетов, а также на оценке Государственной программы безопасности полетов и системы управления безопасностью полетов.

Определение базовых показателей эффективности безопасности полетов

Показатель безопасности полетов	Критерий приемлемого уровня	Критерий целевого уровня
Месячная/квартальная агрегированная по всем эксплуатантам ВС частота авиационных происшествий на 1 000 часов полета	Среднее значение частоты происшествий + 1/2/3 SD*	Уменьшение средней годовой частоты происшествий на 5 % по сравнению с предыдущим годом

Примечание. Составлено автором по: *Глобальный план обеспечения безопасности полетов ИКАО* — 2013. — URL: http://www.sibfana.ru/files/8_%20Globalnyj_plan_obespechenija_BP_ICAO.pdf.

Функция MS Excel Standard deviation (СТАНДОТКЛОН.В) — оценивает стандартное отклонение по выборке. Стандартное отклонение — это мера того, насколько широко разбросаны точки данных относительно их среднего.

Эти инструменты должны измерять достигаются ли цели безопасности на уровне поставщика услуг, на региональном и мировом уровнях.

Во-вторых, на государственном уровне разработать и внедрить федеральные целевые программы с точки зрения действия человеческого фактора на безопасность полетов. Последняя ФЦП «Обеспечение безопасности полетов воздушных судов государственной авиации РФ» завершила свое действие в 2015 г.

В-третьих, на уровне эксплуатанта и государственном уровне разработать и внедрить систему добровольных сообщений и способствовать на нормативном уровне обеспечению вне дисциплинарного применения данной системы.

В-четвертых, разработать и ввести квалификационных требования в области знаний английского языка для членов летных экипажей воздушных судов, имеющих полетную и техническую документацию на английском языке, а также технического и инженерного персонала, выполняющих техническое обслуживание данных воздушных судов.

В-пятых, исключить ограничения и запреты как главные инструменты системы функционирования авиационной отрасли (ежегодные изменения сертификационных требований по парку воздушных судов, нормам регистрации воздушных судов, а также заявления о ликвидации небольших авиакомпаний. Направить работу государственных органов, прежде всего, на внедрение системы управления безопасностью полетов.

В-шестых, ввести в практику методы объединения усилий эксплуатантов, органов государственного регулирования и научных организаций отрасли в выработке планов управленческих решений по вопросам безопасности полетов.

В-седьмых, разработать и ввести стандарты в отношении оборудования видеорегистраторами кабину летного экипажа воздушного судна. Новый стандарт будет распространяться прежде всего на самолеты, осуществляющие международные полеты. Бортовые регистраторы визуальной обстановки будут фиксировать действия пилотов, отображаемые на приборах данные, положение пультов управления и даже условия видимости за окном.

В-восьмых, разработать и принять новую редакцию Правил расследования авиационных происшествий и инцидентов с гражданскими воздушными судами в Российской Федерации с учетом специфики эксплуатации воздушных судов иностранного производства, которые не актуализировались с 7 декабря 2011 г.

Полагаем, что мероприятия организационно-управленческого и нормативного правового характера способствуют обеспечению безопасности полетов гражданской авиации и способствуют налаживанию механизма взаимодействия между федеральными органами исполнительной власти, профессиональным сообществом и авиакомпаниями в вопросах обеспечения транспортной безопасности в гражданской авиации.

В. В. Шведов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Государственное регулирование и саморегулирование аудиторской деятельности в системе обеспечения экономической безопасности

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей аудиторской деятельности в Российской Федерации и развитию рынка аудиторских услуг. Особое внимание уделяется отечественной модели методического обеспечения аудиторской деятельности, подразумевающей совместное применение принципов государственного и общественного регулирования аудита.

Ключевые слова: экономическая безопасность; экономический контроль; аудиторская деятельность; государственное регулирование; саморегулируемая организация; финансовая отчетность; Совет по аудиторской деятельности.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в современной теории государственного управления остается проблема определения границ и степени воздействия государства на различные сферы общественных отношений. Так, формирование условий для стабильного развития экономики включает в себя меры по государственному регулированию деятельности хозяйствующих субъектов, в том числе в рамках реализации контрольно-надзорных функций государства.

Развитие рыночной экономики в начале 1990-х годов базировалось на мнении экономистов, что рынок — достаточно эффективная экономическая система и может сам себя регулировать. Вмешательство государства в виде надзора и контроля считалось излишним и препятствующим свободному развитию рынка.

Последующее развитие российской экономики несколько изменило представление об участии государства в управлении экономическими процессами и позволило скорректировать основные научно-методологические подходы по рассматриваемой проблеме [5].

В настоящее время возможность государственного регулирования рыночных отношений никем не отрицается. Эта тенденция наблюдается не только в России, но и в большинстве экономически развитых стран мира.

В свете изменения подходов к вопросам роли государства в развитии экономики, государственные структуры наделяются большими полномочиями в рассматриваемой сфере.

С другой стороны, Президент России В. В. Путин неоднократно поднимал вопрос об изъятии из обязательных требований, предъявляемых к процессам организации и проведения контрольных процедур в отношении субъектов экономической деятельности, положений, которые уже морально устарели и препятствуют дальнейшему развитию предприятий.

Зачастую, дополнительные проверки затрудняют деятельность организаций и учреждений, отвлекают значительное внимание на подбор и неоднократное представление надзорным инстанциям одних и тех же данных.

Постоянные проверки бизнеса — это и дополнительные расходы бюджетных средств, в том числе и на оплату командировочных расходов привлекаемых специалистов и экспертов.

В целях сокращения контрольного бремени для бизнеса и оптимизации расходования бюджетных средств, предлагается, в том числе, использование современных информационных технологий, развитие механизмов открытости деятельности органов государственной власти, оптимизация функций надзорных органов.

Особое внимание при этом стало уделяться аудиторской деятельности как форме экономического контроля по регулированию денежных потоков, проверки финансовой (бухгалтерской) отчетности организации.

Достаточно длительное время аудиторская деятельность была скорее дополнительной к другим государственным задачам. Государственное регулирование России было максимально жестким и «вставало» на сторону аудиторских организаций, при этом не была определена система защиты аудиторов от воздействия извне.

После 1990-х годов Россия полноценно вошла в единую мировую экономику. Это потребовало приведение всей экономической системы, включая контроль за движением денежных потоков, к мировым стандартам. На развитие системы аудита в России значительное влияние оказала практика деятельности зарубежных аудиторских компаний. Это также было обусловлено изменением экономической системы России, появлением многочисленных инвестиционных и совместных компаний [1; 2].

Принятый в 2008 г. Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» позволил изменить структуру системы государственного регулирования аудита в России, определил федеральные стандарты аудиторской деятельности. Министерство финансов Российской Федерации в этом законе обозначено федеральным органом исполнительной власти, регулирующим аудиторскую деятельность. При Министерстве финансов Российской Федерации действует Совет по аудиторской деятельности, который, в том числе, ведет учет мнения профессиональных участников рынка аудиторской деятельности.

Перед уполномоченным органом ставятся следующие задачи:

- составление государственной политики, которая раскрывает сферу аудиторской деятельности;
- регулирование на основе законодательства;
- составление государственного реестра саморегулируемых организаций аудиторов;
- изучение и оценка состояния дел, происходящих на рынке аудиторских услуг Российской Федерации.

В последующем, нормативно-правовая база аудиторской деятельности была расширена с учетом интересов общества, государства и каждого субъекта экономической деятельности.

Особое внимание в рамках правового регулирования аудиторской деятельности уделяется определению компетенций и сфер деятельности аудиторов, а также пределов возможных форм воздействия государства на различные сферы экономических отношений.

Государственная система регулирования аудиторской деятельности подразумевает обязательное следование установленным государственным стандартам всеми участниками аудиторской деятельности. В этом случае действует обязанность выполнения на всей территории государства законов резидентами и нерезидентами государства при осуществлении своей деятельности на территории данного государства.

По мере развития института аудиторской деятельности был решен вопрос разработки системы саморегулирования аудиторов. Государственное регулирование ауди-

торской деятельности было дополнено деятельностью аккредитованных профессиональных аудиторских объединений. Сегодня существуют саморегулируемые организации аудиторов (СРО). Эта система уже продемонстрировала свою эффективность.

В настоящее время услугами аудиторских фирм пользуются повсеместно. Стороны аудита в правовом положении уравновешены, аудиторы имеют законодательно определенные права и обязанности. Аудиторские фирмы вправе объединяться в профессиональные структуры, что позволяет применять конкурентный отбор на рынке аудиторских услуг.

Вступление в СРО не является обязательным, однако позволяет иметь более выигрышную конкурентную позицию, так как членство в СРО обязывают членов выполнять требования СРО в части требований к аудиторской деятельности. На общественные объединения аудиторов также возлагается обязанность следования требованиям, определенным законом.

С целью регулирования деятельности СРО был принят Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях». Принятие этого закона позволяет распространить конкретику на отдельные специфические вопросы, включая ведение реестра аудиторов, организационные вопросы аудиторской деятельности.

Данный закон представляет норматив, отражающий требования, предъявляемые к аудиторской деятельности, отнесенным к аудиторской деятельности услугам, понятия аудитора, аудиторской фирмы, СРО и другие.

Введение СРО позволило привести бухгалтерскую деятельность России в соответствие с международными стандартами финансовой отчетности [3]. Саморегулируемые объединения в развитых странах успешно используются в качестве инструмента обеспечения чистоты деятельности и конкурентоспособности аудиторов [4].

В настоящее время в России успешно действуют две саморегулируемые организации аудиторов:

— «Российский Союз аудиторов» (Ассоциация) созданная в 1992 г. и действующая по настоящее время;

— Ассоциация «Содружество» (ААС) созданная в 2009 г. по инициативе Международной общественной организации «Ассоциация бухгалтеров и аудиторов «Содружество» (АБиАС).

Государство оставляет за собой функции по контролю за аттестацией, выдачей лицензий, оценки качества проведенного аудита. Аудиторы в настоящее время претендуют на расширение перечня оказываемых ими услуг. Перед ними все чаще ставятся задачи по оценке бизнеса в целом и разработке конкретных рекомендаций для организаций, направленных на получение последними максимальной прибыли.

Несмотря на то, что система регулирования аудиторской деятельности на территории Российской Федерации сформирована, создана нормативно-правовая и методическая базы деятельности аудиторов, в рассматриваемой сфере существует ряд проблемных вопросов.

Достаточно часто аудиторы сталкиваются с негативной реакцией со стороны проверяемых субъектов предпринимательской деятельности. Это может быть уклонение от проверок, предоставление недостоверных сведений, препятствование в ходе проведения проверок. Эти негативные явления могут быть результатом недостаточно разработанной системы санкций в отношении нарушителей финансовой дисциплины.

Отдельно необходимо отметить, что нагрузка, лежащая на аудиторах, и риски их деятельности не всегда в полной мере компенсируются материально. В практике внутреннего аудита существует ряд недостатков. В настоящее время проводится ком-

плекс мер по внедрению международных стандартов в практику деятельности отечественных аудиторских организаций. Правительством РФ предлагаются меры по изменению существующей структуры системы регулирования аудиторской деятельности.

Таким образом, в России используется смешанная модель методического обеспечения аудиторской деятельности. Она предусматривает совместное применение принципов государственного и общественного регулирования аудита.

В частности, государство формирует правовые основы функционирования и развития аудиторской деятельности, механизмы контроля за деятельностью профессиональных субъектов аудита. В то же время в регулировании аудиторской деятельности могут принимать участие не только уполномоченные государством органы, но и общественные объединения, заинтересованные в поддержании профессионального имиджа.

Такой подход положительно влияет на качество предоставляемых аудиторских услуг. Внедряя в практику уже имеющиеся стандарты аудиторской деятельности, саморегулируемые аудиторские объединения могут повысить качество услуг в рассматриваемой сфере.

Вышеуказанные методические подходы могут использоваться и комплексно, что и происходит в России. Смешанная модель предусматривает сращивание принципов государственного и общественного регулирования аудита.

Признаками такой модели аудита является:

— разграничение полномочий государства и общественных объединений, поддержания иерархии власти и первоочередной роли закона;

— создание совместных органов регулирования аудиторской деятельности;

— соотношение нормативно-правовой базы, регламентирующей аудиторскую деятельность и нормы, стандарты, разработанные саморегулируемыми организациями.

Поддержание данной модели аудита может осуществляться Советами по аудиторской деятельности. Оценку такого органа давать сложно, т.к. не наработаны данные по проведению анализа, однако перспектива использования Совета аудиторской деятельности как совместно образованного органа регулирования аудиторской деятельности имеет положительную тенденцию.

Библиографический список

1. Бездольная Т. Ю., Вовченко Е. В. Роль контроля качества аудиторских услуг в России // Прогнозирование инновационного развития национальной экономики: сб. науч. тр. по материалам XII Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. — Ставрополь: Ин-т дружбы народов Кавказа, 2016. — С. 19–24.

2. Зизекалова Е. А. Современные тенденции регулирования аудиторской деятельности в России // Государственное управление. — 2019. — № 76. — URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2019/vipusk__76._oktjabr_2019_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/zizekalo_va.pdf.

3. Стороженко А. А. Необходимость применения международных стандартов аудита в России территории новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2018. — № 2(41). — С. 206–215

4. Филипповская О. В. Основные показатели рынка аудиторских услуг в России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2018. — № 6(32). — С. 216–223.

5. Эдаси М. А., Вдовенко Е. О. Государственное регулирование предпринимательской деятельности // Успехи в химии и химической технологии. — 2016. Т. XXX, № 8. — С. 103–106.

Е. А. Шишкина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Устойчивое развитие пространственных инфраструктурных систем как условие обеспечения экономической безопасности региона

Аннотация. Рассматриваются взаимосвязи устойчивого развития пространственных инфраструктурных систем региона и его экономической безопасности. Определены направления влияния пространственных инфраструктурных систем на региональное развитие, устойчивость и экономическую безопасность. Проанализирована сопряженность целей устойчивого развития пространственных инфраструктурных систем в аспекте обеспечения экономической безопасности.

Ключевые слова: регион; устойчивое развитие; пространственная инфраструктурная система; экономическая безопасность.

Наличие, состояние, доступность объектов инфраструктуры оказывают влияние на социально-экономические показатели регионов, их экономической безопасности, возможности решения задач регионального развития. В настоящее время усиление взаимосвязи процессов функционирования пространственных инфраструктурных систем и экономической безопасности обусловлено следующими обстоятельствами:

1) несмотря на явную взаимосвязь устойчивого развития пространственных инфраструктурных систем региона и его экономической безопасности, а также наличие практических примеров, подтверждающих их взаимозависимости, теоретическая проработка и комплексный анализ взаимодействия весьма незначительны;

2) современные задачи цифровизации, новой индустриализации требуют усиления внимания к их инфраструктурному обеспечению, оценке влияния пространственных инфраструктурных систем на процессы регионального, пространственного развития, возможных негативных воздействий на устойчивость в целом;

3) необходимостью системного исследования развития инфраструктуры как пространственной определенной взаимной системы обслуживающих взаимосвязанных, взаимодействующих между собой и внешней средой элементов, структур или объектов, деятельность которых направлена на обеспечение устойчивого развития территорий в целях решения стратегических задач [4; 8].

Целью данной работы является изучение взаимосвязей устойчивого развития пространственных инфраструктурных систем региона и его экономической безопасности.

Понятие экономической безопасности получило распространение в научной литературе как фактор, условие, элемент устойчивого развития, обеспечивающий независимость национальной экономики [1; 2]. Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.¹ экономическая безопасность представляет «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов РФ». К одним из основных вызовов и угроз экономической безопасности относятся низкие темпы экономического роста, обусловленные внутренними причинами, в том числе ограниченностью доступа к долгосрочным финансовым ресурсам, недостаточным развитием транспортной и энергетической инфраструктуры. Уровень развития пространственных инфраструктурных систем определяется как сдерживающий фактор, угроза экономической безопасности территории.

¹ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утв. указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208.

Влияние инфраструктуры на развитие территорий исследовано в работах А. И. Татаркина, Е. Г. Анимиды, Е. Б. Дворяжкиной, Ю. Г. Лавриковой, С. И. Яковлевой и др. Анализ, систематизация работ указанных авторов, а также собственные научные наработки позволяют выделить следующие направления влияния пространственных инфраструктурных систем на региональное развитие, его устойчивость и экономическую безопасность:

— связывание пространства, обеспечение межрегиональной связанности на инфраструктурной основе;

— формирование условий размещения (локализации) производств, социальных объектов, жилья, территориальных систем и комплексов;

— усиление или сглаживание регионального неравенства;

— изменение пространственной позиции: географическое положение, координаты, периферийность и центральность и т. д.;

— трансформация пространственных связей, конфигурации объектов.

Обеспечение устойчивого развития и экономической безопасности во многом связано с функционированием пространственных инфраструктурных систем региона, их состоянием. В ряде современных исследований понятия «экономическая безопасность» и «устойчивое развитие» часто используются как определяющие друг друга, при этом выделяются различные формы зависимости между ними, соподчиненности, соотношения с позиции включенности одного в другое [6]. В общем смысле устойчивость представляет способность системы сохранять текущее состояние при наличии внешних воздействий [3; 6; 7]. Наиболее соответствующим цели исследования является подход, определяющий экономическую безопасность как элемент устойчивого развития.

В настоящее время достижение целей устойчивого развития как стратегического универсального направления развития стран и регионов получило институциональное оформление и количественное измерение в связи с принятием 25 сентября 2015 г. Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (Генеральная Ассамблея ООН, 2015). Основу новой повестки составляют три взаимосвязанных элемента устойчивого развития — экономический рост, социальная интеграция и охрана окружающей среды. Документ содержит 17 взаимосвязанных и неразделимых целей и задач в области устойчивого развития (ЦУР), среди которых такие цели как «недорогостоящая и чистая энергия, уменьшение неравенства, индустриализация, инновации и инфраструктура, устойчивые города и населенные пункты, достойная работа и экономический рост» имеют комплексный, многоаспектный характер и могут рассматриваться через призму развития инфраструктурных систем региона. Всего между целями устойчивого развития ученые выделяют около 300 взаимосвязей [5]. Несмотря на глобальный характер ЦУР, их реализация является важной для территорий различного иерархического уровня.

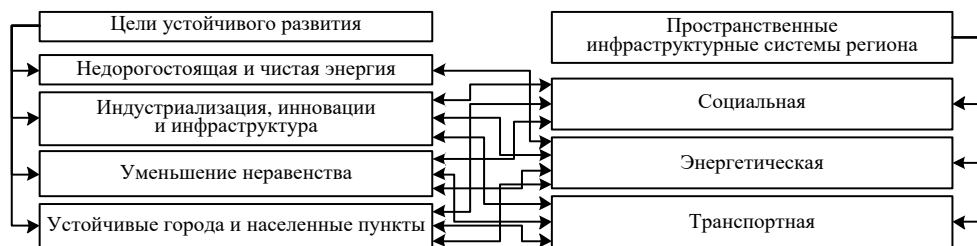
В аспекте рассматриваемой проблематики интерес представляет классификация функций пространственных инфраструктурных систем, которые основываются на базовых положениях теории устойчивого развития [9]:

— экономические функции (обеспечение непрерывности производства, размещения объектов, условий для экономического роста);

— социальные функции (обеспечение условий для развития социальной сферы, доступности социальных услуг и т. д.);

— экологические функции (обеспечение экологической безопасности, природоохранная деятельность).

Проанализируем взаимосвязь целей устойчивого развития и пространственных инфраструктурных систем региона (см. рисунок).

Взаимосвязь целей устойчивого развития
и пространственных инфраструктурных систем региона

На представленном рисунке указаны только те цели устойчивого развития, которые наиболее связаны с функционированием пространственных инфраструктурных систем. Такой подход соответствует проблематике работы и позволяет проследить системность целей для регионального развития и обеспечения экономической безопасности, обратимся к их описанию.

1. Недорогостоящая и чистая энергия. Устойчивая энергетика необходима для укрепления экономики, защиты экосистем и достижения справедливости. Очевидна взаимосвязь данной цели и развитием энергетической инфраструктуры. В качестве важнейшего индикатора устанавливаются показатели доступности к источникам энергии и энергоэффективности. Энергетическая инфраструктура, таким образом, может рассматриваться как фактор устойчивого развития территорий, влияет на размещение объектов хозяйства, распределение населения, в этом проявляется ее обеспечивающая функция. Особенностью энергетической инфраструктуры в данном аспекте является сетевой, пространственный характер, т. е. ее состояние, уровень в одном субъекте РФ может сдерживать или стимулировать развитие соседних.

2. Индустриализация, инновации и инфраструктура. В рамках этой цели особое значение придается энергетической и транспортной инфраструктуре, их пространствотформирующей, обеспечивающей функциям. Устойчивое развитие инфраструктуры рассматривается как способность эффективно противодействовать изменению климата, а инвестиции в инфраструктуру как условие обеспечения роста производительности, достижения социальной стабильности, сглаживания неравномерности освоения территорий вследствие различной степени распределения деятельности, населения, инфраструктурных объектов на экономических пространствах.

3. Уменьшение неравенства. Проблема неравенства рассматривается в аспекте доступности медицинских, образовательных услуг, производственных активов и т. п. Особое значение придается проблеме неравенства внутри стран, при этом отмечается, что для сокращения неравенства необходимо, чтобы экономический рост основывался на всех трех составляющих устойчивого развития: экономической, социальной и экологической. В условиях достижения данной цели роль инфраструктуры заключается в усилении или сглаживании территориальных различий и диспропорций, формирование условий размещения (локализации) предприятий, организаций, таким образом, стимулирование экономического роста.

4. Устойчивые города и населенные пункты. Города являются центрами притяжения интеллектуальной деятельности, науки, культуры, торговли, труда и др. В тоже

время активное развитие городов увеличивает нагрузку на инфраструктурные системы и делает необходимым повышение надежности, доступности базовых инфраструктур в части энергоснабжения, транспорта, социальной сферы. Поэтому состояние, качество пространственных инфраструктурных систем является важным фактором, обеспечивающим устойчивое развитие и экономическую безопасность территорий разного уровня.

Описанные взаимосвязи ЦУР и пространственных инфраструктурных систем не являются единственными и исчерпывающими, например, с развитием социальной инфраструктуры сопряжены такие цели как «хорошее здоровье и благополучие, качественное образование», а также многие другие. Достижение устойчивого развития является системным процессом и должно быть основано на комплексном подходе. В тоже время проведенный анализ показывает, во-первых, значимость инфраструктурных систем для реализации принципов устойчивого развития, во-вторых, необходимость устойчивости самой инфраструктуры в данном процессе.

Таким образом, в современный период формирования новой индустриализации, становления постиндустриального экономического уклада, цифровой экономики требуется практическая взаимоувязка и согласование развития пространственных инфраструктурных систем региона и реализации целей устойчивого развития, экономической безопасности. Необходимым условием является взаимосвязанность системы показателей и сопряженность целей, поскольку недоучет значимости экономической безопасности в процессах функционирования пространственных инфраструктурных систем может привести к нарушению устойчивости социально-экономической системы в целом.

Библиографический список

1. *Абалкин Л. И.* Экономическая безопасность России. Угрозы и их отражение // Вопросы экономики. — 1994. — № 12. — С. 4–16.
2. *Афонцев С. А.* Национальная экономическая безопасность. На пути к теоретическому консенсусу // Мировая экономика и международные отношения. — 2002. — № 10. — С. 30–39.
3. *Бородин А. И., Киселева Н. Н.* Региональные экономические системы и их устойчивость // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. — 2011. — № 4. — С. 67–73.
4. *Клейнер Г. Б., Рыбачук М. А.* Системная сбалансированность экономики: монография. — М.: Научная библиотека. 2017. — 320 с.
5. *Кузнецов Л. М., Янковская А. А.* Цели устойчивого развития и экологическая составляющая их взаимосвязей // Реализация целей устойчивого развития: европейский и российский опыт: сб. науч. ст. по материалам конф. (Санкт-Петербург, 26–27 февраля 2019 г.) / под ред. Е. В. Викторовой. — СПб.: С.-Петербург. гос. экон. ун-т, 2019. — С. 57–70.
6. *Мингалева Ж. А., Гершанок Г. А.* Устойчивое развитие региона: инновации, экономическая безопасность, конкурентоспособность // Экономика региона. — 2012. — № 3(31). — С. 68–77.
7. *Преснякова Д. В.* О дефинициях «устойчивость» и «устойчивое развитие» в экономической науке // Социально-экономические явления и процессы. — 2011. — № 8(30). — С. 129–132.
8. *Сурнина Н. М., Шишкина Е. А., Дьячков А. Г.* Сбалансированность стратегического планирования пространственных инфраструктурных систем // Journal of new economy. — 2019. — Т. 20, № 5. — С. 75–91.
9. *Яковлева С. И.* Инфраструктурное обеспечение регионального развития: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. — СПб., 2005. — 34 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие3

Приветственные слова6

Секция 1

Направления укрепления экономической безопасности в условиях развертывания четвертой промышленной революции

Бухвальд Е. М. Институциональные и правовые аспекты реализации политики экономической безопасности Российской Федерации.....	8
Куклин А. А. Экономические парадоксы и совершенствование методологии и методического инструментария диагностики экономической безопасности.....	13
Кривенко Н. В., Епанешникова Д. С. Импортозамещение как одно из направлений укрепления экономической безопасности региона.....	19
Рой О. М. Государственный патернализм как фактор региональных диспропорций.....	23
Романова О. А., Пономарева А. О. Экономическая безопасность в условиях цифровой трансформации экономики промышленных регионов.....	28
Дворядкина Е. Б., Джалилов Э. В. Экономическая безопасность традиционно-промышленного региона.....	33
Охрименко И. В. Противодействие социальным рискам национальной экономической безопасности в Турции.....	36
Ильяшенко В. В. Уровень жизни населения как фактор экономической безопасности России.....	40
Новикова Н. В., Леонтьев А. И. Обеспечение экономической безопасности региона посредством экономического роста.....	44
Глоба С. Б., Рахимов И. И., Шаймарданов Ш. Р. Бедность как фактор экономической безопасности.....	47
Шелестова Д. А., Чайникова Е. А. Укрепление экономической безопасности России на основе развития государственно-частного партнерства.....	50
Бадыкова И. Р. Социальное предпринимательство как составной элемент системы экономической безопасности современной России.....	53
Дзюба А. П. Снижение затрат на закупку электроэнергии как фактор укрепления экономической безопасности промышленности Дальневосточного макрорегиона.....	57
Шеваль Ю. В. Консолидация электросетевого комплекса как механизм обеспечения экономической безопасности государства.....	62
Anisimov A. L., Polyakova E. S. Influence of global corporations on the economic security of the region's real economy.....	68
Ставрова Т. А. Развитие и роль аналитической деятельности органов Федерального казначейства, направленной на внешнюю среду.....	73
Латыпов Р. Т., Ручкин А. В., Юрченко Н. А. Молодежная политика как элемент экономической безопасности Свердловской области.....	78
Пестряков А. Н., Тележук Л. В. Оценка экономической безопасности региона в разрезе таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности.....	83

Ефимова Е. Г. Развитие системы профессионального образования в сфере укрепления экономической безопасности страны и региона.....	88
Сбродова Н. В., Албычева М. Д. Организационно-правовые несовершенства регулирования машиностроительной деятельности в контексте обеспечения экономической безопасности региона.....	93
Курдюмов А. В., Комбаров М. А. Выравнивание пространственного развития Российской Федерации как один из инструментов укрепления ее экономической безопасности.....	97
Федотов М. Н., Федотова Г. В. Цифровые решения минимизации киберугроз кредитных организаций.....	102
Грищенко Е. С., Димитриева Е. Н. Экономическая безопасность организации и ее финансовая составляющая.....	106
Устюжанцева А. Н. Инструменты анализа и обеспечения экономической безопасности предприятий топливно-энергетического комплекса северного ресурсодобывающего региона в аспекте сетевого взаимодействия.....	110
Кудрявцев Н. С., Шеина Е. Г. Финансовые инвестиции в человеческий капитал в условиях совершенствования экономической безопасности организаций системы здравоохранения.....	115
Орлова Т. С., Тимошин А. А. Рискоустойчивость как критерий экономической безопасности предприятия.....	119
Оболенская А. Г. Социально-экономическая безопасность территории. Выявление триггеров неблагоприятных явлений.....	122
Комарова О. В. Международный трансфер технологий в контексте экономической безопасности.....	126
Строгонова Е. В., Здорнов В. А. Риски и угрозы экономической безопасности страны в условиях цифровизации.....	131
Дианова Л. С. Экономическая безопасность хозяйствующих субъектов локального потребительского рынка в условиях цифровизации.....	134

Секция 2

Правовые проблемы обеспечения экономической безопасности

Анисимов А. Л. Организационные проблемы реализации Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.	142
Бахтеева Е. И., Жилева Н. А. Уголовно-правовая защита персональных данных.....	146
Бельдина О. Г. Механизм блокчейн-регистрации: новый сценарий безопасного хранения прав.....	148
Бондарь Е. О., Бобылева М. Н. Противодействие незаконному использованию товарного знака в рамках Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.	151
Галицков В. А. Экстренное нормо- и правотворчество, а также правоприменение в особых условиях как мера обеспечения экономической и иных видов безопасности в Российской Федерации.....	154
Головизнин А. В. Проблемы квалификации предпринимательской деятельности в контексте экономической безопасности.....	158
Елфимова Е. В. Некоторые вопросы цифровизации трудового права в современный период.....	162
Зайкова С. Н. Административное ценообразование: формы и методы управления.....	166
Истомин В. Г. Антиконтурные согласованные действия как разновидность монополистической деятельности: юридическая сущность и особенности докзывания.....	170

Литвинов О. В. Внедрение IT-технологий при проведении мероприятий налогового контроля. Дистанционный допрос в налоговом контроле.....	174
Малкеров В. Б. Проблемы применения полиграфа для обеспечения экономической безопасности организации.....	177
Мальгина Ю. Н. Российское правосудие в условиях формирования национальной цифровой экономики.....	182
Мансуров Г. З. Международные договоры в системе регуляторов обеспечения экономической безопасности.....	185
Мартыненко И. Э. Противодействие контрабанде культурных ценностей как мера обеспечения экономической безопасности: опыт государств — членов ЕАЭС.....	188
Миннегалиева Л. И. Способы минимизации экономических угроз для прав работников.....	192
Остапович И. Ю., Караев А. А. Конституционная безопасность как условие обеспечения и защиты экономических интересов: на примере России и Казахстана.....	195
Свалова Н. А. Гражданско-правовой институт действий в чужом интересе без поручения как правовое средство обеспечения экономической безопасности.....	200
Чельшева Н. Ю. Гарантии экономической безопасности в механизме правового регулирования прослеживаемости товаров.....	203
Чудиновских М. В. Механизмы противодействия уклонению от уплаты налогов в условиях цифровой экономики: мифы и реальность.....	208

Секция 3

Проблемы и перспективы экономической безопасности регионов и муниципалитетов

Антипин И. А. Стратегическое управление экономической безопасностью крупнейшего города.....	212
Ахмеджанов К. Б. Современные тенденции обеспечения экономической безопасности национальной экономики Республики Узбекистан.....	216
Божко Л. Л., Сапанова Р. К. Подготовка высококвалифицированных кадров как основа экономической безопасности региона.....	219
Власова Н. Ю., Аванесян Э. А. Уровень экономической безопасности региона как фактор развития малого и среднего бизнеса.....	224
Жуковская И. Е. Информационная безопасность — важный аспект экономической безопасности в условиях формирования цифровой экономики.....	229
Иванова О. Ю. Экономико-правовые проблемы обеспечения безопасности теплоснабжения крупнейшего города (на примере г. Екатеринбурга).....	232
Куликова Е. С. Кадровая политика как элемент экономической безопасности региона.....	235
Логиновских А. Ю. Развитие социальной инфраструктуры муниципальных образований в системе факторов экономической безопасности региона.....	239
Мартьянова Л. В. Риски и угрозы развития системы среднего профессионального образования на уровне субъекта Российской Федерации.....	243
Овчинникова И. В. Кадровая безопасность в системе обеспечения экономической безопасности налоговых органов.....	246
Олейник Л. В. Сопряжение экономической безопасности Республики Казахстан с развитием экономики в условиях глобализации.....	252
Поздеева О. Г., Саморукова М. А. Потенциальные угрозы экономической безопасности Свердловской области и направления их нейтрализации.....	256
Рахмеева И. И. Региональные объединения предпринимателей как институциональное средство повышения экономической безопасности.....	259

Савенкова И. В. Проблемы обеспечения экономической безопасности муниципального образования Красноуфимский округ.....	264
Санжанов О. И., Санжанова М. А. Основные угрозы экономической безопасности муниципальных образований в сфере жилищно-коммунального хозяйства.....	269
Растрепенин А. А., Сурков А. В. Проблемы оценки экономической безопасности муниципального образования.....	272
Филиппова Ю. А. Вопросы типологизации населенных пунктов в системе обеспечения экономической безопасности региона.....	276
Хашимходжаев Ш. И. Информационная безопасность — важный аспект экономической безопасности.....	281
Шарапов Н. А. Повышение безопасности воздушных перевозок в сфере гражданской авиации Российской Федерации.....	285
Шведов В. В. Государственное регулирование и саморегулирование аудиторской деятельности в системе обеспечения экономической безопасности.....	289
Шишкина Е. А. Устойчивое развитие пространственных инфраструктурных систем как условие обеспечения экономической безопасности региона.....	293

Научное издание

**ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Материалы
III Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 19 марта 2020 г.)

Печатается в авторской редакции и без издательской корректуры

Компьютерная верстка *Н. И. Якимовой*

Поз. 20. Подписано в печать 26.10.2020.

Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать плоская.
Уч.-изд. л. 23,5. Усл. печ. л. 24,5. Печ. л. 19,0. Заказ 403. Тираж 20 экз.
Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета

УРАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

